

Учебник

Мировое комплексное регионоведение

Под редакцией профессора
А. Д. Воскресенского

магистр

Допущено Учебно-методическим
• объединением вузов России •

Допущено Учебно-методическим объединением вузов Российской Федерации по образованию в области международных отношений в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»

Мировое комплексное регионоведение

Учебник

Под редакцией

доктора политических наук,
профессора *А. Д. Воскресенского*

Москва
**МАГИСТР
ИНФРА-М**

2014

УДК 327
ББК 66.4
М64

Рецензенты:

д-р истор. наук, заслуженный деятель науки РФ *Е. П. Бажанов*;
д-р истор. наук, академик РАН *В. Г. Барановский*;
д-р полит. наук, чрезвычайный и полномочный посол РФ *А. Н. Панов*

Авторский коллектив:

А. Д. Воскресенский — введение, гл. 1, 2 (совместно с *Е. В. Колдуновой* и *А. А. Киреевой*), гл. 3 (совместно с *Е. В. Колдуновой* и *А. А. Киреевой*), гл. 4, 5 (совместно с *Е. В. Колдуновой* и *С. И. Луневым*), гл. 6, 7, 8, 9, 10, заключение, приложение;
А. А. Киреева — гл. 2 (совместно с *А. Д. Воскресенским* и *Е. В. Колдуновой*), гл. 3 (при участии *А. Д. Воскресенского* и *Е. В. Колдуновой*); *Е. В. Колдунова* — гл. 2 (совместно с *А. Д. Воскресенским* и *А. А. Киреевой*), гл. 5 (совместно с *А. Д. Воскресенским* и *С. И. Луневым*); *С. И. Лунев* — гл. 5 (совместно с *А. Д. Воскресенским* и *Е. В. Колдуновой*)

Руководитель авторского коллектива и автор концепции
проф. *А. Д. Воскресенский*

Мировое комплексное регионоведение : учебник / под ред.
М64 проф. *А. Д. Воскресенского*. — М. : Магистр : ИНФРА-М,
2014. — 416 с.

ISBN 978-5-9776-0309-6 (в пер.).

ISBN 978-5-16-009618-6

Агентство СІР РГБ.

Изложены теоретические основы регионализации современных международных отношений, раскрыты методы структурирования регионального пространства, характер преломления глобальных политических и экономических закономерностей в региональных сегментах мира — макрорегионах и глобальных регионах, являющихся основой анализа в мировом комплексном / зарубежном регионоведении. Показаны причины востокцентричного и западоцентричного видения мирового развития, влияние внутренних структурно-временных факторов национального и регионального развития на мировую политику и международные отношения.

Для магистрантов, обучающихся по направлениям подготовки «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Политология», «Журналистика», «Востоковедение», аспирантов по направлению «Политические науки и регионоведение».

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9776-0309-6
ISBN 978-5-16-009618-6

© Авторский коллектив, 2014
© Издательство «Магистр», 2014

Оглавление

Введение 9

РАЗДЕЛ I Научный дискурс

ГЛАВА

1

**Становление концептуального поля мирового комплексного /
зарубежного регионоведения и мировой политики 42**

1.1. Эволюция европейских, американских и востоковедных
исследований 42

1.2. Эволюция международных отношений и мировой политики.
Формирование предметного поля мирового комплексного
регионоведения 59

ГЛАВА

2

**Структурирование регионального пространства,
его основные акторы. Регионализация и трансрегиональное
сотрудничество 80**

2.1. Эволюция концептуальных представлений 80

2.2. Структурирование регионального пространства 95

2.3. Основные акторы макрорегионального пространства:
великие и региональные державы 99

2.4. Эволюция концепции «великой державы» в литературе
о международных отношениях 101

2.5. Эволюция концепции региональной державы 104

2.6. Макрорегионализация и трансрегиональное сотрудничество . . 106

ГЛАВА

3

**«Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм.
Региональные комплексы безопасности 109**

3.1. Регионализация и регионализм. «Открытый» и «закрытый»,
«старый» и «новый» регионализм 109

3.2. Основные концепции взаимодействия держав в макрорегионах	111
Заключение к разделу I	125
<i>Вопросы для повторения</i>	131
<i>Литература к разделу I</i>	131

РАЗДЕЛ II

Теоретико-методологические основы
кроссрегионального политического анализа
в науке о международных отношениях

ГЛАВА

4

**Категория пространства—времени и тренд
макрорегионализации. Глобализация и регионализация,
регионализм и региональная интеграция** 135

4.1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения . . . 135

4.2. «Многослойность» пространства—времени в современных
международных отношениях 146

ГЛАВА

5

**Макрорегионализация и региональные комплексы.
Виды регионов. Региональные подсистемы
и региональный порядок** 176

5.1. Регионы, международно-политические регионы, глобальные
регионы 176

5.2. Связь между теоретическими и практическими аспектами
региональных трансформаций 187

5.3. Региональные комплексы, региональные подсистемы
и региональный порядок 192

ГЛАВА

6

**Синтетические социально-экономические, социально-политические
и геопространственные дифференциации. Видовая основа
регионализации. Типы регионализации** 201

6.1. Дифференциации по типу и уровню социально-экономического
развития 201

6.2. Дифференциации по параметрам политического устройства . . 205

6.3. Структурно-географические дифференциации 207

6.4. Мирополитические дифференциации	211
6.5. Дифференциация по типу порядка социально-политического доступа	221
6.6. Геопространственные дифференциации	233
6.7. Дифференциация и фрагментация. Видовая основа регионализации и ее типы	239

ГЛАВА

7

Структурная дифференциация в мирополитическом устройстве и специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке	248
7.1. Принципы сравнительно-политического анализа и их практическое применение	248
7.2. Специфика незападного политического процесса	257
7.3. Специфика западных и восточных обществ	260
7.4. Дихотомия Восток—Запад	267
Заключение к разделу II	271
<i>Вопросы для повторения</i>	<i>274</i>
<i>Литература к разделу II</i>	<i>274</i>

РАЗДЕЛ **III**

Формирование интегративных подходов для создания модели мира

ГЛАВА

8

Дифференциация объяснений и методологический синтез в международных отношениях и мировой политике	278
8.1. Методология исторических подходов	278
8.2. Методология системно-структурных и структурно-политологических подходов	285
8.3. Дифференциация объяснений у реалистов и идеалистов	297

ГЛАВА

9

Взаимозависимость и культура как основы формирования интегративных подходов	333
9.1. Проблема взаимозависимости и соотношение между безопасностью и экономикой	333

9.2. Культурологические / цивилизационные аспекты дискуссии . . .	339
9.3. Формирование интегративных подходов	352

ГЛАВА

10

Место мирового комплексного / зарубежного регионоведения на «карте наук». Развитие мирополитических теорий и «проверка» теорий	368
10.1. Понятия междисциплинарности, мультидисциплинарности и постдисциплинарности	368
10.2. Основные направления развития мирополитических теорий	376
10.3. «Проверка» теории: метод сфокусированного структурированного сравнения	383
Заключение к разделу III	390
<i>Вопросы для повторения</i>	<i>390</i>
<i>Литература к разделу III</i>	<i>391</i>
Заключение	393

Приложение

Программа курса «Мировое комплексное регионоведение» . . .	399
--	-----

Введение

Современная теория международного развития называет четыре главные структурные причины усиления неравномерной значимости национальных государств и национальных сообществ в системе мировых отношений: **глобализация; модернизация; интеграция; регионализация**. Неоднородность мирового политико-экономического пространства приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, имеющих собственные формы эволюционирующей внутренней организации, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания и, соответственно, по-разному влияет на региональную структуру, определяя своеобразие региональных подсистем международных отношений в рамках единой международной системы. Умение использовать преимущества региональной интеграции и приспособиться к глобальным процессам и определяет выбор моделей развития тех или иных наций-государств в современных условиях мировой взаимосвязанности, способствуя или препятствуя их подъему либо упадку и, в итоге, обуславливая характер мировой системы отношений, сопряженность ее частей и направление развития, влияя на процессы формирования мирового сообщества. Но умение использовать преимущества предполагает знание теории и практики формирования взаимозависимых мирополитических пространств и понимание направления их эволюции.

Появление обозначенной проблематики в общественных науках позволяет ставить вопросы о роли глобальных регионов мира в сравнительно-временной перспективе, в зависимости от их внутреннего устройства и характера организации внутренних взаимосвязей составных элементов, а также об их влиянии на пространственные факторы мирополитического устройства, скорость и направление мирового развития. Возникает необходимость концептуализации этих процессов в рамках новых междисциплинарных направлений, в частности мирового / зарубежного комплексного регионоведения, сравнительной мировой политики, сравнительной макроисторической социологии мирового развития и международной сравнительно-исторической политэкономии, основанных на методах компаративного политико-экономического анализа.

Сегодняшняя мировая дискуссия о связи экономической и политической модернизации и об их влиянии на мировое развитие и мировую политику вращается вокруг трех стержневых гипотез.

В соответствии с первой экономической рост сопровождается, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых демократических форм модернизированной политической системы (С. Липсет). Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единством модернизирующихся политических систем. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая контроль над наиболее значимыми параметрами, а не абсолютно всеми экономическими, политическими и социокультурными практиками. Национальные государства и мир становятся все более открытыми, на чем и основывается их поступательное развитие. Данная гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х. А. Чейбуб, Д. Асемоглу, Д. Робинсон и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.).

В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем в разное время политиками, экономистами и политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Мельвиль), существует обратная причинная связь — для ряда трансформирующихся сообществ «политика может предшествовать экономике». То есть сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, не взирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие¹. В соответствии с этим предположением «демократия ... может начинаться в экономически слабых обществах»². Но укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понима-

¹ См., например: Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М. : Московский общественный научный фонд, 1999 (серия «Научные доклады». № 78).

² Там же. С. 35.

нии характера и направления мировых политических процессов, неизбежно приведет и к экономическому расцвету, снижению национальной конкуренции, что и гармонизирует, в конечном счете, трансформируемые национальные суверенитеты. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения (опыт некоторых «малых стран» Африки и Восточной Европы). В то же время она интенсивно дискутируется и оспаривается, например, в России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли фактора региональной специфики в «больших странах», в частности, в связи с обсуждением проблем трансформации суверенитета¹, пока отброшенного как малозначащая тема. Соответственно центральной становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной, модели экономического и политического устройства, включая приближение существующих моделей к идеальной и степень допустимости региональной / страновой вариативности ключевых параметров. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановых трансформаций («подталкивание» против «стабилизации») и их влияние на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию.

Однако существует и третья гипотеза: можно распространить на других (насиленно или на базе «культурного гегемонизма») собственное, имманентно присущее или сконструированное, видение мира (включая и научное — в виде дискурса в области общественных и гуманитарных наук) и сформатировать мирополитическую реальность для себя и других. Эта гипотеза опирается на циклическую картину исторического развития прошлого, когда возникшие исторически первыми цивилизации Востока формировали восточноцентричное видение мира, которое затем было вытеснено более конкурентной, основанной на промышленной революции и интенсивном инновационном научном развитии Запада западочцентричной картиной мира. Поэтому данная гипотеза в нынешних условиях ориентирует мир либо на геополитическое или военное противостояние, подобное «холодной войне» недавнего прошлого или сотням кровопролитных конфликтов и войн более отдаленных периодов жизни человечества, либо на дискуссии по политическим и внешнеполитическим вопросам, ориентированные все же на

¹ См., например: *Зиглер Ч.* Различия в восприятии суверенитета США, Китая и Россией // *Сравнительная политика*. 2012. № 1. С. 3—14.

компромиссное решение наиболее сложных и острых проблем человечества.

Следует отметить, что эти темы не являются специальным предметом исследования ни в традиционных международных отношениях, ни в традиционной мировой политике, поскольку изучение современных международных отношений базируется на плоскостной развертке международных связей основных акторов, прежде всего государств, хотя и с использованием факторного анализа, а мировую политику (за исключением сравнительной мировой политики) интересуют структурообразующие факторы, включая внутривнутриполитические, и опоясывающие связи (термин проф. А. Д. Богатурова), т.е. для этих дисциплин факторы экономического и внутривнутриполитического развития стран, а потому ход и результаты важнейшей дискуссии о соотношении общего и специфического, внешних и внутренних факторов отражаются косвенно и в форме нормативных утверждений субъективного характера. В политической же науке (в том числе в таких ее разделах, как политическая география либо сравнительная политология) до этого специально не исследовалось влияние фактора внутривнутриполитического развития на внешнюю политику, что затрудняет выработку на базе методов политического анализа рекомендаций практического характера в области внешней политики.

Российская обществоведческая школа (зарубежное регионоведение, сравнительная политология и востоковедение) — одна из первых национальных социально-гуманитарных научных школ, которая не только осознала, но и стала целенаправленно изучать новую мировую тенденцию повышения роли стран Востока в глобальных процессах, соединив в объяснении этого процесса мировые теории международных отношений и автохтонную страноведческую традицию изучения в рамках общественных наук, изначально основанную на ньютоново-декартовом научном видении мира, но в целом академически незашоренную регионально-страновыми предубеждениями в силу особой исторической судьбы нашей страны, находящейся географически, исторически, демографически, экономически и политически между Востоком и Западом.

Особую роль в этом процессе сыграло наличие собственной, мирового уровня, востоковедческой традиции, очень рано обратившей внимание на роль структурных факторов, объясняющих отличия во внутренней организации Запада и Востока — двух крупнейших макрорегионов мира, состоящих из структурно однород-

ных и структурно различных национальных государств с порядками социально-политического доступа разного типа. Внешнеполитические последствия этого осмысливались в основном в рамках парадигм геополитических противостояний прошлого, а реальное практическое осмысление данных феноменов шло в русле политико-экономической дискуссии о восточном феодализме и азиатском способе производства, сначала в рамках марксизма, но к концу XX в. переросшей рамки одной обществоведческой концепции.

Однако в целом структурные исследования в международной сфере зарубежного регионоведения, сравнительного политического востоковедения и сравнительной мировой политики, получившие дополнительный внутренний импульс к развитию в России после распада СССР, достаточно долгое время в самой России, как и в странах Запада, считались локальной экзотикой, которой в глобальном анализе можно было пренебречь, поскольку судьба мира, как считалось, решается на Западе, а созданные там теории наиболее адекватно объясняют международные отношения и международную политико-экономическую реальность. Такой взгляд на мировое развитие либо стопроцентно поддерживался, либо так же стопроцентно оспаривался, а оспаривание рассматривалось прежде всего как признак ретроградности. Это привело к ситуации, когда предлагалось слепо копировать сначала западную, а затем, когда это встретило экономические и внутривнутриполитические затруднения, точно так же слепо копировать восточную модель развития без учета последствий их применения к российской специфике. Эта специфика либо полностью отрицалась, либо чрезмерно выпячивалась, в зависимости от чего авторский анализ интерпретировался как прогрессивистский либо как традиционалистский. Связь данной специфики с мирополитическим поведением государств вообще не рассматривалась либо априори отрицалась, а международные исследования концентрировались на исторической динамике или описании современного протекания международной жизни.

Однако в начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, а на первый план вышли проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых существование человечества становится проблематичным. В связи с этим западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять тенденцию

повышения роли стран Востока в мировой политике, пытаюсь предложить целостное объяснение специфики процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри взаимосвязанных частей западного, открытого для обсуждения новых тенденций, и наиболее открытой и продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообществ (Э. Саид, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, Р. Капур, М. Махатхир, К. Махбубани, М. Хатами, Н. Фергюссон, Р. Нейсбит и др.) о роли общих законов и национальной специфике, т.е. о региональных факторах в экономико-политическом развитии мира, хотя сами термины «региональный фактор» и «мирополитическое взаимодействие», по крайней мере на начальной стадии дискуссии, не употреблялись. Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из дотоле казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападоцентричным, объективистским объяснениям мировых и национальных политических и экономических процессов¹, пока все еще не представленным в виде целостных логически непротиворечивых объяснений.

В соответствии с этой новой тенденцией, объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста², существует три типа порядков социально-политического доступа: 1) примитивный; 2) естественный (в другой терминологии — ограниченный); 3) открытый. Примитивный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира. Естественный / ограниченный социальный порядок (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных структурно-временных дифференцированных этапов) проходит определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурно-эволюционные подтипы естественного социального порядка, по-ви-

¹ *Pomeranz K. The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2000.*

² *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества : пер. с англ. М. : Из-во Института Гайдара, 2011.*

димому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный и традиционалистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Эти подтипы соответствуют разным временным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает значительное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ, отражающейся в конечном счете на их мирополитическом поведении. По-видимому, есть и разные подтипы государств открытого социального доступа, во всяком случае, можно говорить о европейской и американской моделях, но этот вопрос по практическим причинам разного рода (необходимость консолидации стран открытого социального доступа) в политической теории подробно не рассматривался, просто потому, что переход к новой, более продвинутой и совершенной социальной модели был важнее фиксации различий внутри модели, а взаимосвязь между внутренними и внешними факторами в этом процессе либо отрицалась, либо обосновывалась причинами нормативного характера.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться не в опоре преимущественно на силовые методы, ограниченные оружием массового уничтожения всего человечества как биологического вида, а в умении договариваться с другими¹, т.е. во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы и кровопролитные войны становятся неизбежными, и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт. Хотя такая точка зрения сегодня также существует, она связана все же в основном с недостатками при передаче исто-

¹ Существуют и другие точки зрения: *homo sapiens* не имеет биологических конкурентов, поэтому различные государства и народы конкурируют за доступ к ресурсам путем взаимного уничтожения; пока *homo sapiens* уничтожают друг друга, его биологический конкурент — микробы уничтожают человеческий вид не заметным для него образом через не поддающиеся либо плохо поддающиеся лечению заболевания и пандемии. См., в частности: Даймонд Дж. Ружья, микробы, сталь : пер. с англ. М. : Corpus, 2012.

рического опыта через системы образования и науки, т. е. с малой конкурентностью ненаследственных систем продуцирования и передачи знания.

Таким образом, в процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль играют не только естественно существующие уровни экономического, политического, социального и правового развития конкретного общества, но и процессы экономической и социальной инженерии, т.е. сформированные или формируемые факторы: определенный уровень экономики, понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социального порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов. Все вместе и позволяет формировать современные устойчивые политические и социальные институты, без которых невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, а следовательно, и создать сильное, благополучное и свободное государство, опирающееся на коалицию дружественных государств и играющее конструктивно-положительную роль в мировой политике.

Подобный комплексный подход позволяет понять внутреннюю связь между формами порядков социально-политического доступа и политическими системами, роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового пространства и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений, закономерности мировой политики и процесс мирового развития, анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере. Это позволяет концентрироваться на деятельностном внешнеполитическом анализе стандартного или девиантного мирополитического поведения государств в контексте сегодняшней политической реальности мирового взаимодействия. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западоцентричных и незападоцентричных подходов к международным отношениям и мировой политике. Одновременно такая постановка проблемы требует применения комплексных, ин-

тегральных сравнительно-политических подходов к анализу мировой и региональной реальности, что в российской национальной научной традиции возможно в рамках самостоятельного междисциплинарного научного направления, получившего название «Мировое комплексное регионоведение» или «Зарубежное регионоведение», по названию его главной составной научно-образовательной части, а также в новой, нарождающейся подотрасли мировой политики — сравнительной мировой политике.

Постепенно, по крайней мере, части наиболее продвинутых и незашоренных исследователей стало ясно, что **рост межгосударственного взаимодействия** на региональном и макрорегиональном уровнях в качестве значимой тенденции мирового развития, **экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация** и появление феномена **макрорегионального и трансрегионального сотрудничества (трансрегионализма)** — а именно с этими новыми глобальными тенденциями и связано так же, как и в случае стран Запада на другом временном отрезке его развития, действительное повышение роли стран Востока в мировых процессах — определяют не только экономические, но также политические, социально-культурные и цивилизационные факторы, поскольку в каждом из региональных сегментов существует свой уникальный состав национальных государств с разными типами порядка социально-политического доступа. В связи с этим действительно на конкретном историческом этапе развития вероятен переход мировой системы к реальной полицентричной структуре со сложной конфигурацией взаимодействия Запад—Восток / Север—Юг. Она основывается на усилении политико-экономической интеграции внутри регионов и приводит к образованию новых активных внутренних элементов мирополитической системы и, соответственно, мировой политики — глобальных регионов мира, а также сопровождается возникновением противоречий, связанных с необходимостью для государств с разными типами социально-политического порядка конкурировать и сотрудничать на пространственно сопредельных региональных сегментах и полях трансрегионального взаимодействия, и одновременно развивать трансрегиональное сотрудничество. Трансрегиональное сотрудничество, так же как и формирование наднационального политического пространства, приобретающего подлинно глобальный характер, но разной степени глубины, становится в новых условиях специфической формой глобализации.

Этот процесс определяет формирование мировых центров — глобальных регионов мира (включая новые) разной степени экономической, политической, военной конкурентоспособности и социально-культурной целостности, и, одновременно, отражает культурные, экономические, политические и иные противоречия между ними. В ходе разрешения этих противоречий на основе конкурентного развития и социальной инженерии, а также при наличии умелой системы глобального управления происходит дальнейшее развитие единого и взаимосвязанного глобального пространства мировой системы в рамках эволюции и трансформации мировых порядков вплоть до перехода международной системы в новое над- и транснациональное качество, которое, в свою очередь, трансформирует в новое качество и составные элементы транснационального мирового пространства.

Такая постановка вопроса подразумевает переосмысление проблемы мирового лидерства и эволюцию и/или трансформацию его характера от военно-экономического к структурно-политическому, включая вариант коллективного трансрегионального лидерства и консенсусного мирового регулирования (G-20)¹, аналогичного, но не конгруэнтного ни по форме, ни по содержанию «концерту великих держав» XIX в., поскольку оно основано преимущественно на усилении новой тенденции наднационального и транснационального кооперативного взаимодействия в рамках формирующегося глобального пространственно-временного поля взаимосвязанности, а не на военном балансировании различных государств и национальных сообществ и неформальных консультациях «центров силы», как это происходило во времена Венского конгресса. То есть развивающийся полицентризм мира приводит к изменению концептуального аппарата его осмысления, включая постепенное отмирание понятий прошлого «супердержава», «международный гегемон», «великая держава» и т.д. и/или их трансформацию в новое качество, включая и трансформацию понятия «мировое лидерство». Эти новые процессы структурного мирополитического взаимодействия приводят к трансформации традиционного концептуального поля дисциплины мировой политики начала 1990-х гг.², существенному углублению структурной пробле-

¹ Ли Син. Усиление роли G-20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 23—26.

² Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2003 и другие издания.

матики мирополитического взаимодействия¹ и формированию как новых субдисциплин внутри традиционной мировой политики (например, сравнительной мировой политики), так и одновременному расширению и углублению понимания мирополитической проблематики, выражающейся в формировании новых междисциплинарных направлений, из которых наиболее продвинутым концептуально, методологически и практически стало мировое комплексное регионоведение, сформировавшееся в отдельную образовательную дисциплину под национальным названием «Зарубежное регионоведение».

Современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов — министерств иностранных дел, признают необходимость сотрудничества, поскольку в противном случае целесообразность их существования / финансирования подверглась бы сомнению и они были бы включены в военные министерства. Однако они осознают эти процессы пока в основном только в рамках переосмысленного реализма и неореализма (министерство есть ипостась государства, а именно реализм в международных отношениях оперирует этой категорией без учета временных и структурных процессов его трансформации) и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа, требующего выработки новых способов и методов защиты своих национально-государственных интересов, с внешними и внутренними аспектами проблематики экономической и политической модернизации и появлением разных новых акторов международных отношений, не обязательно государств и, возможно, по преимуществу не государств. Реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию на разных уровнях, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, превращается в превалирующую тенденцию начала XXI в., которую мировые террористические акты не только не подорвали, а еще более укрепили.

Связано это может быть с тем, что у государств, находящихся на разных временных этапах эволюции, охранительные тенденции и

¹ Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16–33. См. также: Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009.

необходимость развития могут вступать в противоречие, поскольку на мнимые или реальные провалы в области национальной безопасности легко указать, а потом и наказать, а упущенные возможности, которые в конечном счете приводят к провалам в области национальной безопасности, еще нужно сформулировать, а потом и объяснить их последствия. Очень часто это можно сделать спустя десятилетия и лишь при наличии специалистов более высокой квалификации, причем нередко процесс переосмысления происходит у другого поколения, когда можно безбоязненно указать на исторические ошибки, но поправить что-либо чрезвычайно трудно, так как время безвозвратно упущено. Понимание и прогнозирование упущенных возможностей требует нового уровня образования и интеллекта, которые нельзя поддерживать в закрытом обществе, структурируемом на основе силового или идеологического принуждения, что, в свою очередь, подтверждается как биологическими закономерностями вырождения закрытых популяций, так и простой логикой научно-технологического развития: в современных обществах бессмысленно приказывать совершить научное открытие, так же как нельзя «назначить» лауреата Нобелевской премии. Однако, создавая, поддерживая и развивая открытую конкурентную научную среду, можно «вырастить» кандидата, в частности, и на Нобелевскую премию. В современном обществе, принадлежа по рождению какому-либо этносу, этот кандидат скорее всего, как показывает практика, будет «продуктом» формирования нескольких национальных образовательных систем и научных школ, через которые он пройдет в ходе достаточно долгого (в зависимости от своего изначального интеллектуального потенциала) пути индивидуальной интеллектуальной эволюции.

Если мы исходим из того, что научные открытия и инновации продуцируются спонтанным озарением, то мы отрицаем необходимость научной базы и высокопрофессионального знания (и кухарка может управлять государством, и дворник может совершать научные открытия в сфере ядерной физики), необходимые для получения открытия и продуцирования инноваций¹. Тогда мы сакрализируем процесс открытия и можем посчитать, что для обеспечения его гуманитарно-обществоведческой составляющей достаточ-

¹ О проблеме «инструментализации» религии и обращении к религиозности при кризисе легитимности политической власти см.: *Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 180, 181, 244—245 и др.

но теологического знания. Если мы исходим из того, что открытия есть полученные логико-интуитивным путем и подтвержденные экспериментом (при всем своеобразии его в некоторых областях науки) новые знания в конкретной области науки, то мы утверждаем необходимость получения базовых и продвинутых естественно-научных и социально-гуманитарных знаний международного уровня (не исключających, в частности, и теологию, поскольку в ней есть социально-гуманитарная составляющая) путем научения и исследовательской деятельности. Это происходит сначала под руководством наставника-профессора, который подтвердил наличие международно признанного уровня знаний в конкретной области в ходе своего профессионального становления в течение всего жизненного пути (профессиональным образованием, написанными научными статьями и книгами — специальными научными исследованиями), а затем самостоятельно. При этом, как будет показано в данной книге и ее продолжении «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики», открытие может приводить, а может и не приводить к получению инновации в зависимости от созданного технологического уровня и уровня социально-политических инноваций в конкретной стране. «Освоением» знания может быть только международно признанный результат научных исследований, например, в виде специализированных научных монографий, получивших широкое признание в научном и профессиональном мировом сообществах.

Таким образом, тип социально-политического доступа и исторический этап его развития влияют на стратегии, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, определяют процессы формирования пространства мировой политики. Характер и степень дифференциации (однородности / разнородности) пространства мировой политики, управление пространством и временем путем социальной инженерии влияют на скорость эволюции систем социально-политического доступа в конкретных государствах. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социального доступа и общественно-политического устройства в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики. Как мы уже отмечали, эти проблемы анализируются и изучаются не в традиционных международных отношениях, а в таких сферах междисциплинарного исследования, как мировое комплексное / зарубежное регионоведение и

сравнительная мировая политика. То есть одна из важнейших прикладных исследовательских задач нормативного характера в рамках этого направления — объяснить формирование национального и международного консенсусов конструктивного и прогрессивистского типа, снимающих противоречия и позволяющих совместно развиваться дальше и сообща решать возникающие перед человечеством как биологическим видом проблемы, не забывая, конечно же, и о национальной безопасности.

Появление реальной полицентричности и усиление регионализации на конкретном историческом этапе могут как бы притормозить глобализацию. Это не обязательно означает усиление противоречий и военно-политического балансирования внутри мировой системы, чреватых войной, как считают представители теорий реализма, а наоборот, может свидетельствовать об ускорении процесса взаимозависимости и гомогенизации национальных государств внутри макрорегиональных комплексов. За этим последует новый виток трансрегионального сотрудничества и совершенствования системы глобального управления уже на основе сформированных макрорегиональных и трансрегиональных объединений — глобальных регионов — разной степени конкурентоспособности и разной степени приспособляемости к мировым реалиям, если специально не подталкивать мир к военному противостоянию и научно формулировать национальные стратегии развития в максимальном соответствии с конструктивными трендами мировой политики. Фактически сегодня мы видим процесс трансформации макрорегионов в региональные комплексы и региональные подсистемы и формирование глобальных регионов мира — новых интегрированных акторов мировой политики. Не понимающие этих мировых тенденций национальные сообщества с их политическими элитами «выпадают» из основного потока мирового развития и вытесняются на периферию в соответствии с грамшианской концепцией «культурного гегемонизма». Они подчиняют свое существование совершенным, более универсальным заимствованным концепциям мирового развития или же вынуждены тратить все большие и большие (но все же ограниченные, а не беспредельные) национальные ресурсы, чтобы «поспеть за ходом истории», провести «модернизацию догоняющего типа», не «скатиться на обочину» всемирного исторического процесса. В рамках концептуального научного, а не нормативно-идеологического объяснения макрорегиональные комплексы (НАФТА и Транстихоокеанское

партнерство, ЕС, ВАС, АСЕАН, СНГ и др.) могут выступать в качестве прообразов новых центров полицентричной мировой системы, основанной на глобально координирующихся кооперативистских тенденциях. Трансрегиональные образования (БРИКС) будут способствовать подъему новых мировых центров в рамках новых межрегиональных связей, т.е. выравнивать дифференцированное мировое пространство путем трансрегиональной кооперации, а теории регионального уровня, разрабатываемые в разных региональных сегментах мира, — существенно дополнять, а возможно, и восполнить существующие сегодня теории международных отношений и мировой политики. Теории регионального уровня станут мотивирующей основой, формирующей резоны для укрепления системы консенсусного глобального управления членами мирового сообщества, которые форматируют и приспособляют ее к своим региональным и национальным нуждам путем международного консенсуса. Альтернативный (или параллельный) путь мирового развития связан не только и не столько с развитием торговых блоков, региональных объединений или сформированных на их основе макрорегиональных комплексов, сколько с пространственно растущей сетевой концентрацией специфической и / или новой экономической деятельности, осуществляемой посредством усиления национальных и / или транснациональных связей городских агломераций¹. Следует отметить, что этой возможности, хотя она и исследуется отечественными аналитиками, в России политиками уделяется меньше внимания, чем трансрегиональным и межрегиональным связям.

Необходимость увязки международной проблематики и пространственно-временных аспектов с вопросами региональной и национальной экономической и политической модернизации, в частности, в России сформировалась в рамках междисциплинарного учебного и научного направления «Зарубежное регионоведение», оформившегося в 1990-х гг. в учебное и научное направление, изучающее методами кроссрегионального политического и политико-экономического анализа пространственно-временную проекцию международных отношений и развития мирового сообщества в эволюционирующих региональных сегментах мира на основе синтеза сравнительной мировой политики, сравнительной

¹ *Sassen S. Cities in a World Economy. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington: Sage, 2012.*

политологии, сравнительного страноведения, сравнительно-исторической политэкономии, культурной антропологии и сравнительно-исторической макросоциологии.

Если фонтанирующие в 1980-х гг. и все еще распространенные к концу 1990-х гг. теории развития (*Development Studies*) объясняли, как нужно развиваться на основе опыта западных стран, то специфика мирового комплексного регионоведения (зарубежного регионоведения, и сопредельных дисциплин) заключается в том, что в этом междисциплинарном и интегральном направлении *пространственные, временные и структурные подходы синтезируются в комплексное многомерное понимание обобщенной и одновременно географически сегментированной региональной специфики мирового сообщества, позволяющей искать наиболее благоприятные пути развития на основе сочетания императивов глобальных и региональных, внешних и внутренних закономерностей.*

Таким образом, стержневыми вопросами мирового / зарубежного комплексного регионоведения как научно-образовательного направления «внутри» науки о международных отношениях становятся вопросы методологии, характера, способов и методик организации выравнивания и/или дифференциации сегментированного регионами и временными этапами развития мирового политического, экономического, социального и культурно-цивилизационного пространства, а также выявление и прогнозирование перспектив этих процессов в ходе дихотомичного единства регионализации — глобализации в мировом развитии. На основе взаимосвязей регионализации и глобализации можно проводить сравнительные исследования деятельностных аспектов мировой политики и форматировать мирополитическое взаимодействие в направлении кооперативистских взаимодействий, а не бесплодных идеологических и / или кровопролитных военных противостояний в русле традиционной геополитики. Такой анализ связан с перераспределением влияния в мире, подъемом и упадком государств. Он опирается на методы политического и политико-экономического анализа в сфере мирополитического взаимодействия. Таким образом снимается возможное противоречие методологий дисциплинарных подходов, плохо разрешаемое в силу субъективных причин на конкретных этапах национального развития отдельных стран.

Как мы видим, экономический кризис встряхнул мир, но не породил угрозу нового общемирового военного конфликта и слом

существующей версии мирового порядка, а дал импульс к укреплению международного сотрудничества по преодолению кризисных моментов в экономике и эволюционному совершенствованию правил функционирования мировой системы. Одновременно, перейдя из экономической в социально-политическую фазу, мировой кризис подтолкнул к поиску новых объяснений неравномерности развития глобализирующегося мира, преодолению этой тенденции и появлению незападноцентричных экономических теорий, объясняющих, подобно книге Эрика Райнерта¹, причины мирового подъема и длительного стабильного развития стран Запада на конкретном историческом этапе его развития. Это понимание было синтезировано профессором Хэ Чуаньци в теорию двух фаз процесса всемирной модернизации², которая объяснила «технологию» специфики процессов успешной китайской модернизации, «вписанную» в параметры глобального развития.

Следует констатировать, что существующая модификация мирового порядка, более современного по своей структуре и типу по сравнению с предшествовавшими ему в XIX и XX вв. Вестфальским, Венским, Версальским и ранним Ялтинско-Потсдамским, породившими в XX в. две мировые войны и распад системы стран Варшавского договора и СССР, оказалась достаточно эластичной. Несмотря на целую серию военно-политических и финансово-экономических кризисов и потрясений, последняя модификация мирового порядка устояла. Одновременно он продолжил свою трансформацию эволюционным путем, в частности путем политико-экономической модернизации государств, разновекторной и разноскоростной макрорегиональной и трансрегиональной интеграции, включая новые формы «мягкой интеграции» и формирования наднационального политического пространства, регионализации, перераспределения влияния между макрорегионами, поиска новых политико-экономических моделей развития с целью основанного не на военном насилии, а на понимании политико-экономических закономерностей и социокультурной специфики преодоления экономической неоднородности мира. Эта неоднородность мира и вызвала в конечном счете мировой финансово-

¹ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными? М. : Высшая школа экономики, 2011.

² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010). М. : Весь мир, 2011.

экономический кризис. Такой путь, при правильном понимании закономерностей мирового развития, позволяет максимально использовать преимущества взаимосвязанности, т.е. вписанности в мир, извлекать из этого максимум положительного для своей страны, влиять и переформатировать мировую систему неконфронтационным образом на основе формирования мирового консенсуса и одновременно интенсифицировать развитие национального государства. Один из самых ярких примеров этой модели — развитие Китая на протяжении последних 40 лет в соответствии с курсом Дэн Сяопина и характеристикой современной эпохи как «эпохи мира и развития», продолжение которой зафиксировано и в докладе уходящего с политической арены генерального секретаря КПК и Председателя КНР Ху Цзинтао на XVIII съезде КПК¹. Китаю такая политика принесла максимум выгод, и пока нет никакого основания считать, что насильственный слом существующего мирового порядка², а не его эволюционная трансформация в новое более справедливое качество, уменьшающее социально-экономическую дифференциацию, принесет Китаю, России и другим национальным сообществам больше самостоятельности и выгод, чем бедствий, сложностей в развитии, возможных военных столкновений и деградации страны на фоне усложняющихся демографических проблем.

В данном контексте особую актуальность приобретают следующие вопросы:

- какие политико-экономические принципы определяют на современном этапе функционирование незападных / восточных обществ в отдельности и восточных регионов как единого целого, что может стоять в современных условиях за этой целостностью и как ее формировать и моделировать;
- как эти общества реагируют на глобальные политические процессы и трансформацию мирополитического устройства;
- какие факторы в конечном счете определяют тенденции экономической и политической модернизации в странах Азии и Африки;
- как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую

¹ XVIII съезд Коммунистической партии Китая. М. : ИДВ РАН, 2012.

² Дискуссию см.: Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010.

США в период президентства Дж. Буша-мл. и существенно переосмысленную и модифицированную Б. Обамой в ходе адаптации США к новой экономической и политической реальности, а также разные версии жестко-консервативного либерализма и либеральной демократии в интерпретации других политиков США (к примеру, М. Ромни) или политику Евросоюза;

• какие альтернативные модели политического и экономического развития (форм демократии и интеграции, цивилизационного или этнического национализма), и в частности модели незападной демократии, нелиберальной демократии и гибридных режимов, формируются на Востоке, который также, несомненно, пытается модернизироваться и интегрироваться, и как это влияет на формирование внешнеполитических коалиций, союзов, партнерств, противостояний?

Таким образом, речь идет о мирополитических закономерностях и внутривнутриполитических процессах формирования глобальных регионов мира, о влиянии пространственного и временного факторов на глобальные регионы мира как активные и внутренне интегрированные элементы мировой политики, о влиянии этих новых элементов на мировую систему отношений. На новом этапе глобализации именно от этого в конечном счете и будет зависеть направление мирового развития и эволюции мирового сообщества, поскольку одни только западные страны, задавая общий вектор мирового движения, уже не смогут определять судьбу всей планеты, даже если они выйдут на новый уровень инновационного и технологического развития, а традиционные международные отношения методологически не позволяют отвечать на комплексные вопросы такого рода сложности, хотя и позволяют описывать разные аспекты межгосударственного взаимодействия, включая современные.

В одной из последних книг гарвардского профессора британца Н. Фергюссона «Цивилизация: Запад и другие»¹ показано, что начиная с XV в. Запад сумел вырваться в своем развитии вперед, поскольку предложил шесть инновационных концептов, которых не было у других цивилизаций: конкуренцию; современную науку; правопорядок; современную медицину; экономическое потребление; трудовую этику. Сегодня не освоившие эффективно эти концепты обречены на неизбежное отставание. Все успешные цивилизации освоили их, начав соревнование на пути построения социально-

¹ Fergusson N. Civilization: The West and the Rest. N. Y.: Penguin Press, 2011.

политического порядка открытого доступа, путей его совершенствования и, возможно, создания национальных версий, на основе которых произошло конкурентное продвижение к следующему, более высокому и совершенному технологическому и социальному укладу. Завершение эпохи базового освоения этих социальных инноваций всеми социальными обществами, адаптировавшимися в различной степени к современным условиям, и конкуренция на пути построения более совершенных версий социально-политического порядка открытого доступа вызвали дискуссию о характере и формах мирового лидерства.

Мировое лидерство обеспечивается не только сегодняшним уровнем экономического, технологического и политического развития, но и способностью продуцировать социальные инновации. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу требует производства социальных, экономических и политических инноваций, которые являются базой для инноваций технологических. Сумевшие обеспечить продуцирование технологических и социальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами.

В свое время новая советская политическая элита посчитала, что страна сможет вырваться в лидеры потому, что раньше других «угадала» тренд будущего мира — императив построения единого коммунистического общества и обобществления производства. Политики решили, а часть научного сообщества сразу же подтвердила возможность «подстегнуть» развитие одной, даже не самой передовой страны, чтобы обогнать другие страны путем национализации и силового искоренения альтернативных путей развития. Это стало «новой религией», поскольку научный анализ мирополитической реальности был просто «подверстан» под «социальный заказ» неожиданной оказавшейся у кормила власти в результате исторических потрясений и «сконструированной» путем социальной инженерии политической элиты. Были вложены колоссальные национальные ресурсы и на алтарь этой «новой религии» были брошены миллионы жизней. В конце концов оказалось, что был допущен грубый просчет в политико-экономическом анализе. В ходе коррекции курса развития часть политической элиты «приняла решение» «закрыться» от внешнего мира, а несогласных с такой постановкой вопроса власть репрессировала, т.е. физически уничтожила или отправила в лагеря. Но такой путь обеспечил рывок на

очень коротком историческом этапе, причем с колоссальными издержками, и в конечном счете привел к распаду государства. Сегодня цена таких «просчетов» общеизвестна.

Лидерство в продуцировании технологических и социальных инноваций или даже просто интенсификация этого процесса вряд ли достижимы «через» попытку возглавить государства естественного (т.е. закрытого или полужакрытого) социального доступа в их возможном, но исторически проигранном противостоянии государствам открытого социального доступа. Даже если предложить другим государствам взять за основу новую «синтетическую», основанную на спонтанных озарениях, но не подкрепленную научными инновациями, иерархически сегментированную картину мира, другие государства и народы могут не принять ее хотя бы потому, что будут как не желающие присоединиться к такой коалиции, так и самостоятельно или с внешней помощью успешно осуществляющие переход от системы естественного социального доступа к системе открытого доступа. Причем количество государств в системе открытого социально-политического доступа будет увеличиваться в силу факта большей открытости и справедливости этой системы, а значит, ее большей универсальности, если мировое устройство не архаизируется из-за какой-либо мировой или космической катастрофы, которую человечество не сумеет предвидеть или предотвратить. Однако в этом случае вопрос будет стоять «просто» о биологическом выживании человечества на фоне примитивизации всех форм социальной деятельности. В то же время «силовое насаждение» или «прямой импорт» социальных инноваций нередко приводят к прямо противоположным результатам — отторжению даже рациональных предложений, усилению конфликтности и противостоянию разных точек зрения на мировое развитие без перспективы поступательного гармоничного движения.

Так происходит постепенное «устаревание» традиционных международных отношений и господствовавшего в 1990-х гг. видения традиционного предметного поля мировой политики¹, «расширение» и «интернационализация» этого поля, повышение интеллектуального уровня аргументации и инкорпорирование проблематики, связанной с появлением региональных подсистем

¹ См.: *Лебедева М. М.* Мировая политика. М., 2003; *Она же.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // *Международные процессы.* Т. 2. № 2(5). Май—август 2004.

международных отношений¹, новой региональной реальности². Это требует применения кроссрегиональных сравнительных подходов. Если говорить о России, то только таким путем полного освоения номенклатуры мирового знания, а не его выборочных сегментов может произойти становление собственной, отечественной школы, позволяющей конструировать практикоориентированное предметное поле и реалистичные мирополитические и внешнеполитические концепции компаративистского характера, востребованные в среде практиков. Традиционные международные отношения не продуцируют концепции такого рода, а возможно, никогда и не смогут спродуцировать в силу методологической ограниченности своего предметного поля, концентрирующегося «вокруг» межгосударственных отношений и знания фактов из истории международных отношений без глубокого комплексного осмысления причин тех или иных событий. При этом, конечно же, никто не оспаривает необходимость знать проблемы и факты истории межгосударственных отношений и умение их интерпретировать.

Кроме того, возникает и целая серия абсолютно новых вопросов сравнительно-политического характера, связанных с трансформацией и переформатированием мирового политического пространства:

- насколько новые формы восточной демократии и интеграции альтернативны существующим, какова их экономическая и политическая перспектива;
- могут ли они каким-то образом повлиять или скорректировать вектор мирового развития и тренды мировой политики?

Эти вопросы связаны с предметным полем сравнительной политологии, но не являются стержневыми для данной дисциплины. Не ставятся методологически корректно эти вопросы и в традиционных международных отношениях, т.е. современность в международных отношениях и мировой политике отдается на откуп идеологии и не становится областью глубокого и разностороннего научного осмысления и прогнозирования.

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа по вэберовскому допущению монопольно контролируют легитимное

¹ Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклейной и А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013.

² Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Т. 2. № 1. С. 16—33. См. также: Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2009.

применение насилия путем подчинения военных сил политической системе, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке обезличенных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе¹. Для физической защиты своего населения экономически высокоразвитые государства открытого социально-политического доступа создали самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого блока «политически» подкрепляет поддержку распространения системы обезличенных отношений и одновременно гарантирует защиту системы открытого социально-политического доступа. Распространение обезличенных отношений и обезличенных международных институтов кооперационного развития в целом способствует уменьшению опасностей столкновения прежде всего между государствами с порядком открытого социально-политического доступа («демократии не воюют»), но и одновременно в том числе при ряде условий и государств с разными системами социального доступа². Практика мирового политического взаимодействия показала, что военные противостояния на сегодняшнем этапе мирового развития уже не позволяют конструктивно отвечать на вызовы безопасности. Какой толк от устаревающих и начинающих ржаветь баллистических ракет, направленных на вашего «вероятного противника», может ли существовать надежда, что «спонтанные озарения» приведут к спасению страны и всего человечества, если страна не развивается, а население деградирует? Это способствует формированию внешнеполитических партнерств конструктивного типа, формированию «обезличенных» деятельностных внешнеполитических концепций, максимально «абстрагируясь» от идеологического фактора в мировой политике³ и ориентируясь прежде всего на кооперационное взаимодействие с государствами, внешняя политика которых является максимально предсказуемой, а высокий уровень инноваций позволяет модернизироваться и другим государствам.

¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 71–72.

² См., например: Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011. Гл. 5, 7, 8, 9.

³ Кондратов А. И. Модель внешнеполитической деятельности государства. М. : Изд-во РАГС, 2010.

Договоренности и взаимопонимание между государствами с открытым типом социально-политического доступа и между государствами с открытым и естественным (ограниченным) типом социально-политического доступа, особенно в период мировых кризисов и социально-экономической турбулентности, достигаются значительно сложнее, требуют больших усилий и являются менее прочными в силу того, что процесс принятия политических решений в государствах с естественным типом социально-политического доступа не является полностью транспарентным и предсказуемым. Могут существовать и разного рода внутривнутриполитические со-бразны корпоративного характера, направленные на подрыв такого рода партнерств.

Кроме того, в последние десятилетия возникла дискуссия о путях построения порядков открытого социально-политического доступа в разной региональной реальности и при разной степени влияния национально-исторической специфики (дискуссия о демократии в России и Китае). Необходимость монополярной консолидации определений вариативности параметров и характеристик тех или иных политических режимов как успешно построивших порядок открытого социально-политического доступа связана и с относительно небольшим количеством государств зрелой степени открытости социального доступа, и с наличием между ними тесных военно-политических отношений в рамках военно-политического блока НАТО и ряда двусторонних военно-политических союзов. Необходимость интеллектуальной демонополизации процесса построения порядков открытого доступа и обоснование вариативности этого процесса связаны с переходом мировой системы в состояние полицентричности. В то же время логика перехода от униполярности, требовавшей от лидера мировой системы неременного ослабления всех других конкурирующих центров силы и влияния, к многополярности, сместившей акцент в сторону необходимости для лидера построения системы максимально дружественных отношений с другими центрами силы и влияния в мировой системе, ставит вопрос о возможности конкуренции региональных вариантов порядка открытого социально-политического доступа при сохранении общего понимания его базисных характеристик без неременного усиления военно-политического противостояния глобальных регионов и центров силы или ослабления самой системы открытого социально-политического доступа.

Такой подход ориентирует на комплексное понимание современной мировой политики исходя из глобальных закономерностей, в равной степени присущих как западному, так и восточному макрорегиональным сегментам мира. Переход международной системы в стадию полицентричности требует переосмысления внешнеполитических приоритетов и перемещения акцента с противостояния на «втягивание» в коалиции консенсусного типа, в том числе с участием всех и сегодняшних лидеров в мировой системе. Методологические инструменты, практический анализ мирополитических процессов в разных, наиболее важных региональных сегментах мира и процесс формирования и форматирования мирополитического пространства, а также методики воспроизведения этого анализа в учебном процессе являются основным предметом изучения в данной книге и ее продолжении — «Практике зарубежного регионоведения и мировой политики».

Для стран Востока политический и экономический векторы модернизации сегодня связаны прежде всего с поиском адекватного мировым закономерностям импортированного либо автохтонного социально-экономического и политического развития, модернизирующего их социально-политические порядки и проходящего этапы, в целом схожие по структурным параметрам, но одновременно различные по временной последовательности и конкретному наполнению по сравнению со странами Запада. Некоторые национальные сообщества в странах Востока к тому же активно экспериментируют на пути трансформации социального и политического порядков. Все они заняты поиском пути развития, повышающего уровень безопасности, политической стабильности и благосостояния своих национальных сообществ, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией в глобализирующемся мире, повышением авторитета и, соответственно, места в сохраняющейся неформальной иерархизированной структуре мировой системы де-юре равных суверенных государств, совершенствованием своего внутреннего социального порядка и мирового порядка, их эволюционной трансформацией, а не желанием кардинально переустроить мир на основе новых, но пока не доказавших свою универсальность мировоззрений, или подорвать мировую систему. Некоторые радикалистские движения и даже отдельные страны (страны с архаизированными социальными порядками или радикалистски настроенными элитами — в силу этих причин их иногда и называют «странами-изгоями», англоязычный

термин *rogue state* гораздо более жесткий) все же пытаются, хотя и безуспешно, предпринять такие попытки.

Создав и начав распространять систему институтов социально-политического порядка открытого доступа, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных, региональных версий такого порядка в рамках единого тесно переплетенного, взаимосвязанного и взаимоперекрываемого пространства политики, экономики, безопасности. Построение этой системы обособленно, т.е. вне единого и тесно сплетенного пространства политики, экономики, правовых норм и безопасности, маловероятно. Путь опоры только на собственные силы априори экономически более затратен, чем социальная инженерия внутренних трансформаций на основе укрепления и расширения пространства коллективной безопасности, международного права, единых прогрессивных политических и экономических представлений. Отказываться даже обсуждать, не то что исследовать или анализировать эту проблематику, — заранее обрекать себя на отставание и, в конечном счете, поражение в мировом соревновании конкурентных моделей развития.

Построение национальной версии порядка открытого социально-политического доступа в России даст возможность решать вопросы национального развития и модернизации, строительства внешнеполитических партнерств конструктивного типа, не тратя излишне бюджетные средства на вооружения, но и не забывая о своей обороноспособности. Такой путь дает возможность использовать наднациональные/транснациональные источники для инвестиций, технологической и институциональной модернизации своего национального государства, повышая уровень и качество жизни населения на территории своей страны, а не выталкивая наиболее способных и активных во внутреннюю или внешнюю эмиграцию и стимулируя отток капитала из страны. Он ориентирует страну на будущее, а не на настоящее или тем более прошлое.

Сравнительный анализ внешней политики и политических систем мира, адекватное понимание типов социально-политического доступа создает условия для реального практического установления взаимовыгодных отношений с государствами разных типов, позволяет им и нам найти свое адекватное место в мировой системе, повысить уровень общей вовлеченности в мировую поли-

тику, самооценки и дружественного восприятия, одновременно не теряя мировых перспектив общего направления политико-экономического развития.

В этом заключается практическая значимость книги для будущих политиков, политических управленцев, дипломатов, политических и внешнеполитических экспертов, задача которых — уметь адекватно и непредвзято объяснить и спрогнозировать форму протекания мировых, региональных и национальных процессов в государствах различного типа и процесс взаимоотношений с государствами различного типа, вовремя скорректировать опасные проявления, найти для своей страны международные ниши наиболее благоприятного развития, а не способствовать подрыву, невольно или нарочно, существующих моделей мировой и региональной стабильности, усиливая конфронтацию и противостояния.

Конфронтации и противостояния, как показал исторический опыт XX в., приводят к бедствиям, трагедиям, политическим и экономическим катастрофам, войнам и невероятному демографическому перенапряжению национальных сообществ. Практическая же задача политиков и политологов в этой связи — объяснить, почему одним национальным сообществам удалось обеспечить стабильное экономическое и политическое развитие, а другие не могут выйти из постоянно повторяющихся циклов тупикового военного балансирования и воспроизводства уже существующих, неизменных или мало поддающихся изменению политических и экономических институтов, которые гарантируют периодические потрясения катастрофического типа (системные кризисы) и отставание от равномерно и поступательно развивающихся государств.

Такие потрясения регулярно ставят перед политиками и дипломатами практическую задачу восстановления, повторных нормализаций, периодических перезагрузок отношений, которые могут быть более или менее удачными, а могут и не осуществиться вообще либо ухудшить отношения с конкретными странами, что прямым образом влияет на экономические связи и экономические партнерства.

В случае системного внутривнутриполитического кризиса они также чреваты в некоторых государствах в зависимости от типа социально-политического доступа на конкретных этапах их исторического развития политической «чисткой» внешнеполитического аппарата и опасностью малопродуманных внешнеполитических переориентаций, которые в долгосрочной перспективе могут привести к пе-

ренапряжению сил, демографическим потерям, ослаблению, а то и распаду своего национального государства.

С этой точки зрения политолог или международник, освоивший основные положения комплексной кроссрегиональной сравнительно-политической методологии, может представить уникальный интеллектуальный продукт, синтезирующий знание мировых закономерностей (мировая политика и глобальные процессы), региональных закономерностей и региональной проблематики (кроссрегиональный политический анализ регионов мира) и глубокое понимание страновых и локальных особенностей (компаративный страновой анализ).

Настоящая книга нацелена на подготовку такого рода специалистов и, одновременно, на выработку нового уровня понимания комплексности и сравнительно-политического характера этой проблематики. То есть главной задачей курсов, основанных на методологии и практике кроссрегионального и сравнительного мирополитического анализа, является выработка объективного видения современных мировых, региональных и национальных процессов с акцентом на деятельностных аспектах, отражающих последние тенденции мировой политико-экономической мысли. Этот новый уровень понимания предполагает:

- существование на конкретных исторических этапах развития государства разных типов порядка социально-политического доступа: примитивного, естественного, открытого социального порядка и соответствующих им типов обществ: примитивных, архаичных, традиционных, анклавных, конгломеративных, анклавно-конгломеративных, гибридных, переходных и гомогенизированных/плюралистических, транскультурных и синтетических;

- понимание того факта, что характер внутреннего развития государств связан с типом порядка социально-политического доступа, взаимодействия государств с одинаковыми или разными типами порядка социально-политического доступа друг с другом в различной макрорегиональной реальности формирует единые общемировые тенденции, модифицированные применительно к конкретной временной (исторической) и пространственной (регионально-географической) реальности в связи со своеобразием внутрирегиональных факторов;

- наличие культурно-временной и социально-психологической специфики (т.е. обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии, национального ха-

рактера, своеобразия национальной экономики и менеджмента), связанной с особой ролью трансформирующихся, но полностью не исчезающих временных и пространственных факторов, которые не отменяют/отрицают общемировые закономерности и тенденции, но, как правило, определяют характер, последовательность, скорость, временную протяженность, своеобразие этапов протекания общемировых процессов на региональных и национально-исторических этапах модернизации и развития;

- разные архетипы модернизации, соотнесенные с разными подтипами обществ, временными этапами их развития и национальной спецификой;

- разные виды, модели, закономерности экономического и политического развития, которые обусловлены различиями экономических и социально-политических структур в конкретных странах, и одновременно «вписаны» в глобальные политико-экономические закономерности развития мира;

- многомерное комплексное влияние типа социально-политического доступа и исторического этапа его развития на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, определяют процессы формирования пространства мировой политики, позволяют прогнозировать и форматировать эти процессы. Характер и степень дифференциации (однородности / разнородности) пространства мировой политики, в свою очередь, влияют на скорость эволюции систем социального доступа в конкретных государствах или группах государств, способствуют либо препятствуют этим процессам. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социально-политического доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространственных конфигураций мировой политики, объяснять и прогнозировать появление разного рода aberrаций в деятельностном аспекте конкретной внешней политики конкретных государств.

Компаративистский анализ общих проблем мировой политики и международных отношений в настоящей книге органично сочетается с комплексным регионоведным видением мира. Методологической базой при анализе исторических и политических процессов являются принципы кроссрегионального политического анализа, опирающиеся на методологию и методику выработки структурных научных теорий компаративистского типа в области

общественных наук. Эти положения основаны на том, что в последнее десятилетие в мировой политической науке происходит слияние классического страноведения (*Area Studies*) и дисциплинарных (прежде всего сравнительно-политических и политико-экономических) исследований (сравнительная мировая политика, сравнительная политология, экономическая политология, международная политическая экономия, политическая география и др.), с опорой на методологическую базу политической науки. В основе этого научного синтеза лежат принципы структурно-пространственного и временного (темпорального) кроссрегионального политического анализа¹.

За последние несколько лет российскими политологами были не только разработаны методологические принципы, но и подготовлена целая серия изданий на эту тему². Научно-методические комплексы «Восток / Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений», «Конфликты на Востоке», «Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы» и «Восток в мировой политике» объяснили импульсы политико-экономических процессов в Восточном полушарии и степень их влияния как на Западное полушарие, так и на весь мир в целом. Это позволяет сократить путь там, где его можно сократить на основе научно корректного теоретического понимания глобальных процессов и накопленного мирового опыта, не усиливая и демографически ослабляя население своей страны, если мо-

¹ Воскресенский А. Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494—500; *Он же*. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002. С. 3—14; *Он же*. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток—Запад—Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141—144.

² Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002; Китай в мировой политике / отв. ред. А. В. Торкунов, вступит. слово А. В. Торкунова, отв. сост. А. Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2001; Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского, отв. сост. и научн. ред. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М. : РОССПЭН, 2004; Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008; Восток в мировой политике. Сравнительный анализ мировых процессов // Сравнительная политика. 2010. № 2 (спец. выпуск под ред. А. Д. Воскресенского и Д. В. Стрельцова); Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы: Научно-метод. комплекс / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011.

дель чередования этапов мобилизации / стабилизации, политико-экономического подмораживания / размораживания полностью исчерпала свой потенциал, одновременно понимая историческую неизбежность прохождения фаз развития, уже пройденных другими государствами и неизбежных для прохождения остальными, если их политические элиты не хотят исчезновения с мирового горизонта развития. Влияние внутренних политико-экономических процессов на характер, интенсивность и направление мирополитических взаимодействий составляет основу такого понимания.

Освоив содержание данной книги, вы узнаете:

- каковы основные тенденции современных исследований роли макрорегионов / глобальных регионов в мировых процессах, в чем их значение и важность для осмысления проблем мирового развития;

- как формировалась и в чем заключается логика комплексного сравнительно-политического анализа региональной проблематики;

- в чем состоит принципиальное различие между обществами западного и восточного типов и как эта несхожесть связана с присутствующими им на конкретных исторических этапах развития подтипами порядка социально-политического доступа, как происходит выявление специфики социально-политических процессов на Западе и на Востоке, в чем значение и каковы практические последствия такого рода анализа для понимания закономерностей мирополитического взаимодействия; как происходит синтез разных культурных традиций, обеспечивающий культурно-цивилизационное разнообразие и транскультурализм как основу многомерно-поступательного социального развития мирового сообщества;

- в чем заключается феномен макрорегионализма и трансрегионализма / трансрегионального сотрудничества и каким образом адекватное понимание характера этих процессов позволило конкретным странам удержать свое лидерство, другим — сократить разрыв между ними и лидерами, а некоторым — присоединиться к группе лидеров, скорректировав пути мирового развития;

- почему глобальные регионы мира и региональные подсистемы становятся новыми активными интегрированными элементами мировой политики.

Научный дискурс

Прочитав данный раздел, вы узнаете:

- по каким направлениям развивались отечественные и зарубежные исследования регионов мира в XX в. и какие этапы они прошли;
- каковы основные тенденции современных исследований роли макрорегионов мира в мировой политике;
- как эти исследования повлияли на понимание мирополитического взаимодействия в сравнительной мировой политике и зарубежном регионоведении;
- каковы основные направления дискуссий о путях выявления специфики социально-политических процессов на Востоке как историческом прототипе современных восточных макрорегионов и его роли в мировой политике;
- какие методы используют историки и политологи для кросс-регионального исследования современных политических процессов, в чем их сходство и различие, каковы критерии применимости этих методов для анализа мировой реальности и их практическое значение;
- что такое открытый / закрытый, старый / новый регионализм;
- каковы основные акторы регионального пространства мира и какую роль среди этих акторов играют глобальные регионы / макрорегионы;
- какие существуют исследовательские подходы к понятиям «великая» и «региональная» держава в зарубежном регионоведении и сравнительной мировой политике;
- каковы основные исследовательские концепции взаимодействия держав в макрорегионах / глобальных регионах мира, какова их логика и значение в практике регионального политического анализа;
- в чем заключаются новые тенденции современных исследований роли Востока в глобальных процессах и мировой политике и почему этой проблематике в последнее время уделяется такое пристальное внимание.

1

Становление концептуального поля мирового комплексного / зарубежного регионоведения и мировой политики

1.1. Эволюция европейских, американских и востоковедных исследований / 1.2. Эволюция международных отношений и мировой политики. Формирование предметного поля мирового комплексного регионоведения

1.1. Эволюция европейских, американских и востоковедных исследований

В Европе, развивающейся экономически и политически поступательно на протяжении последних 200 лет, модернизация и интеграция были и являются важнейшими факторами и стимулами внутренней эволюции. Ни на одном континенте мира интеграционные процессы не идут с такой скоростью, не достигают подобных объемов и глубины. Даже мировой финансово-экономический кризис не смог затормозить эти процессы, а лишь ускорил проработку моделей дальнейшей «гибкой» и «разноскоростной» интеграции «ядра» ЕС на основе единой бюджетной политики и его трансформации из монетарного союза в фискальный, включая или исключая Грецию либо какие-то еще нестабильные элементы из этих процессов. Несомненно, что процессы, происходящие в Европе и в Северной Америке, взаимно влияют друг на друга. США с начала XX в. постепенно выдвигались из группы лидеров в безусловного лидера мирового экономического развития, предлагавшего в течение долгого времени эталон для решения экономических и политических проблем. Образование ЕС стимулировало появление в Северной Америке конкурентных интеграционных моделей по типу НАФТА, а затем Транстихоокеанского партнерства, предлагающих более транспарентные и конкурентные условия сотрудничества, чем даже в рамках ВТО с ее 50-летними переходными периодами для ряда государств, позволившими им получать все преимущества от сотрудничества в

рамках ВТО, не открывая при этом свою экономику в равной степени для других участников организации.

Регионализация, в свою очередь, приводит к снижению региональных дифференциаций, сближению темпов и уровня развития регионов, созданию предпосылок для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов, в частности, путем расширения трансграничных «треугольников роста» и трансграничного сотрудничества, давая национальным сообществам в лице наций-государств дополнительные стимулы для развития как на национальной, так и на региональной и межрегиональной основе.

Эта проблематика применительно к двум макрорегионам Запада — Европе и Северной Америке — находится в центре единого комплекса исследовательских направлений и учебных дисциплин, получивших название европейских (*European Studies*) и американских исследований (*American Studies*), предметным полем которых фактически является комплексный политико-экономический анализ региональных моделей развития двух крупнейших и теснейшим образом связанных геопространственных сегментов единого западного мира и их влияния на остальной мир.

Сегодня США и Европа становятся фактически единым макрорегиональным комплексом — глобальным регионом, связанным экономическими, политическими, военными, ценностными и культурно-историческими связями. Анализ структурных процессов эволюции этого макрорегионального комплекса в максимально возможной обобщенной форме получил отражение в исследовании глобальных трансформаций с точки зрения максимально объективного западноцентричного анализа мировых процессов¹.

До конца XX в. преобладающей в политической науке, хотя и активно дискутируемой, являлась точка зрения, в соответствии с которой анализ процессов, происходящих в западном мире, и влияние этих процессов на глобальные трансформации представляют собой основной предмет политологии и мировой политики. Это определяло характер изучения периферийной части мира, к которой относили Восток, как традиционалистских немодернизированных обществ, прежде всего с точки зрения понимания их этнографических особенностей и специфики «востокоцентричного» взгляда на мир в научной и образовательной дисциплине «востоковедение».

¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура : пер. с англ. М. : Праксис, 2004.

Во второй половине XX в. в тематику изучения Востока была включена экономическая, а потом политическая проблематика (экономическое и политическое развитие и модернизация). «Востоковедение» (*Oriental Studies*), коннотированное с идеологическими инструментами колониального господства в ходе колониального периода, было трансформировано в «страноведение», а затем де-факто без изменения англоязычного названия дисциплины в «страноведное регионоведение» (*Area Studies*). В некоторых национальных дисциплинарных сегментах (например, в международной политэкономии и экономике в США) произошло дальнейшее осознание необходимости осовременивания проблематики и содержательной трансформации страноведения в дисциплину под названием региональная наука (*Regional Studies*).

Начиная с XXI в. акцент политических исследований изменился, теперь стержневым для следующих десятилетий мирового политико-экономического развития и мировой политики становятся вопросы, связанные с социальной инженерией: смогут ли региональные сегменты незападного мира построить свои демократические системы открытого социально-политического доступа на основе моделей саморегулирующейся и/или регулируемой рыночной экономики нового типа, кто конкретно сможет это сделать, какие из крупных западных стран смогут монополизировать пути перехода к такой системе, впервые открытые в современном нам мире странами Запада, и предложить свои национальные варианты этой системы, а какие будут обречены на повторение циклов мобилизаций-стабилизаций, подмораживаний-размораживаний, периодические системные политические кризисы и развитие по кругу, без выхода на новый социально-политический и технологический уровень конкурентного развития. Объяснение характера влияния внутренних процессов на формирование пространства мировой политики и характер внешней политики государств — важнейшая исследовательская и политическая задача настоящего времени.

В центре направления европейских исследований, как правило, находятся процессы европейской интеграции и ее внутренних и внешних, экономических и политических последствий для составляющих ЕС наций-государств, а в центре американских исследований — комплексная роль США в формировании различных поясов и сфер мировой и региональной политики преференциального типа, центрированных вокруг этого мирового и регионального ли-

дера. Объединенная макрорегиональным трансатлантическим единством ценностей и мировосприятия проблематика этих двух глобальных регионов отражает характер макрорегиональных процессов, выдвинувшихся вперед на определенном историческом этапе мирового развития и, соответственно, западоцентричный взгляд на мир.

Поскольку все эти процессы связаны с распределением и перераспределением влияния в мировой системе и структурах международного управления, геополитическим, политическим и экономическим подъемом и упадком национальных государств, спецификой национальных методов управления мировыми процессами, то по своему типу исследование процессов такого рода относится к области международного политического и политико-экономического анализа. Он обладает своей спецификой методологии постановки и решения проблем и спецификой предмета исследования: явлениями анархического (т.е. происходящего в отсутствие мирового суверена), но определенным образом упорядоченного и трансформирующегося пространственно-временного взаимодействия суверенных национальных государств и других акторов мировой политики в форме международной жизни, «привязанной» к региональному пространству¹.

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в такой этап своей эволюции, когда не только западные страны, как это происходило в XIX и XX вв., стали определять и сами параметры этой эволюции, и научные рамки ее осмысления. Достаточно ли этого, чтобы продвигать незападоцентричный, или востокоцентричный, взгляд на мир как единственно верный для всех и насколько вообще правомерна постановка вопроса таким образом? Является ли факт вступления в новый этап мирового политико-экономического развития достаточным основанием для того, чтобы глобальные макрорегионы мира стали самодостаточным объектом исследования? Как и в каких дисциплинарных рамках исследовать глобальные регионы мира? Актуальность этих во-

¹ О роли анархического взаимодействия суверенных государств и формах обеспечения порядка в международных отношениях см. классическое основополагающее исследование: Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. N. Y.: Columbia University Press, 1977; трансформация Вестфальского порядка рассмотрена в заключении к книге: Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгеру Э., Пerratон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура. С. 488—537.

просов в настоящее время общеизвестна. Но научного ответа на эти вопросы пока не последовало.

Существовавший до последней четверти XX в. разрыв между мировой политикой глобального уровня и внешними политиками национальных государств стал заполняться быстро расширяющимся пространством регионального и макрорегионального / трансрегионального политического взаимодействия, которое постепенно изменило сложившиеся параметры глобального взаимодействия сначала для западных стран, а затем и для восточных. Естественно, что эти новые явления получают отражение как на уровне теоретического осмысления, так и в практике мировой политики и внешнеполитического взаимодействия.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы: национальных государств — членов международного сообщества. Но сравнительное осмысление характера этих процессов и их влияния на внешнеполитическое поле мирового взаимодействия пока продвинулось не слишком далеко.

Такой взгляд на мир констатирует факт, что внешняя и внутренняя организация жизни в других макрорегиональных комплексах и их составных частях — макрорегионах и национальных государствах — может осуществляться по-другому, а это влияет, в частности, не только на качество жизни населения, но и на специфику их мирополитической активности.

Повышение экономической роли макрорегионов мира приводит к усилению их политической роли и влияет на возможности достижения консенсуса по наиболее важным вопросам мирового развития, что становится значимым предметом анализа мирополитических процессов в целом. В то же время характер процессов, происходящих в незападных макрорегиональных сегментах мира, в целостном виде практически не представлен в мировом научно-образовательном пространстве, так как долгое время считался второстепенным.

Незапад как философское и политическое понятие сложнее и шире, чем Восток, и не ограничивается Востоком, корни изучения которого в мировой науке, включая оригинальную востоковедческую исследовательскую традицию в России, исторически очень глубоки. К Западу относятся не только собственно страны мак-

рорегиона, традиционно обозначавшегося как Восток с точки зрения географии, но и с точки зрения организации «по-другому» всех сфер жизни — экономической, социальной, политической и культурно-цивилизационной, а также все другие страны, сохраняющие по каким-либо причинам (историческим, культурным, социально-политическим и др.) отличную от Запада специфику организации каких-либо сфер своей жизни.

Проблема несводимости Незапада к Востоку принципиально меняет методологию решения многих практических вопросов мирополитического устройства и мировой политики. Пока остается открытым вопрос о том, в какой научной дисциплине должна быть оформлена данная проблематика. В России она исследуется в основном в рамках зарубежного регионоведения и сравнительной мировой политики, а в Европе и Америке — в рамках мировой политической географии, критической геополитики, сравнительной политологии и мировой политики. Эта проблема связана с более широкой проблематикой, чем простая дисциплинарная организация современных общественных наук, а именно с понятиями междисциплинарности и постдисциплинарности в современной науке.

На протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов в сравнительно-политической перспективе (а тем более сравнительного анализа внешних политик государств регионов мира) заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире, а ролью Востока в мировой политике пренебрегали либо она практически не учитывалась, считаясь второстепенной, прежде всего с точки зрения влияния на мировую политику, творившуюся великими колониальными, а затем великими ядерными державами.

Ядерным оружием в то время на Востоке обладала только КНР, демографически огромное, но до 1990-х гг. экономически слабо воздействующее на мировую систему государство. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных экономических реалиях, логике биполярного противостояния великих ядерных держав, а затем односторонней логике «победителей в холодной войне», автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара в полной мере, без их модификации либо с незначительными, малозначимыми изменениями.

«Победители в холодной войне» сознательно или невольно — это еще предстоит установить истории — пренебрегли фактом добровольного демонтажа неконкурентоспособной и основанной на

физическом и/или идеологическом насилии в отношении многонационального советского народа политико-экономической системы СССР. Это на какой-то, очень короткий с точки зрения истории срок дало им значительные политические, экономические и финансовые преимущества, которыми они воспользовались для укрепления национальных сообществ прежде всего, по-видимому, с целью избежать возникновения каких-либо потенциальных военных и экономических угроз в будущем. Этот период в России характеризовался стремительным наступлением западоцентричных концепций, поскольку все альтернативные концепции в той или иной степени апеллировали к советскому прошлому, в основном к его отрицательным характеристикам, либо были маргинальными в мировых общественных науках.

Однако одномоментный с точки зрения истории переход огромной по размерам и населению страны в другую реальность был невозможен по объективным причинам. Политика форсированных преобразований изменила страну, но часть политической элиты и населения не приняла этих изменений. Такая ситуация в конечном итоге затормозила эволюцию системы социально-политического доступа в России и некоторых других незападных странах, схожих с ней по историческому развитию, и стала вызывать рост национализма разного рода (этнического, конфессионального и др.), как конструктивного, так и деконструктивного, агрессивно-го, в незападных сегментах мира.

Параллельно на Западе возникли существенные искажения в понимании характера политических процессов в незападных регионах мира, включая восточные, как отсталых и обреченных вечно стремиться вдогонку за лидерами, следовать внешнему влиянию и слепо копировать политико-экономическое устройство мировых лидеров, что породило соответствующее психологическое и вполне материальное (программы военной модернизации) противодействие.

Искажения на уровне понимания вели не просто к западоцентризму / европоцентризму, востокоцентризму / китаецентризму, западному снобизму или антизападному радикализму, а к крупным просчетам во взаимовосприятии и проблемам на уровне практики международного взаимодействия, включая: латентное неослабевающее, но в целом в современных условиях исторически абсолютно бессмысленное противостояние России и НАТО, связанное с расширением НАТО на восток и разработкой систем ПРО ТВД; террористические акты «9/11»; проблемы торговых и финансово-

экономических дисбалансов, связанных с ростом Китая и Азии; сложности в Ираке и Афганистане; различные оценки внутри мирового сообщества последствий вмешательства в ливийские и сирийские события. Привело это и к проблемам и в самих странах Запада (реакция на события «9/11», террористические акты, война с Аль-Каидой, волнения в Париже и Лондоне, «исламизация» и «азиатизация» Европы, появление партий «истинных европейцев» в Европе, дело А. Брейвика и т.д.).

Значение исторического опыта СССР и России конца XX — начала XXI в., судя по всему, и заключалось в том, что Россия с ее многонациональным населением, ориентированная на не подкрепленную научным анализом попытку открыть новые (коммунизм) и не всегда возможные реализоваться на практике в достаточно бедной в целом, хотя и бурно развивавшейся в течение короткого периода конца XIX — начала XX в. стране исторические горизонты жизни для всего мирового сообщества, могла существенно повлиять на ход мировой истории. При этом в одиночку ни интеллектуально, ни экономически, политически и демографически она не имела никакой возможности изменить этот ход. Кроме того, в формулировании горизонтов мирового развития (неизбежность победы мирового коммунизма через осуществление мировой революции) из-за остроты внутривнутриполитического противостояния в России и отрицания альтернативной аргументации путем физического уничтожения оппонентов был допущен явный научный просчет.

Существенное же влияние на ход мировой истории, основываясь на концепции «осажденной крепости», «теоретической неизбежности мировой революции», «цивилизационном / моноконфессиональном национализме» в их различных исторических формах, т.е. вне адекватного понимания базовых политико-экономических тенденций мирового развития и вне опоры на экономическую регионализацию открытого типа, а также попытки коррекции хода и направления развития мирового сообщества, не подкрепленные признанным концептуальным и достаточным материальным уровнем, а потому осуществляемые за счет своего населения в условиях в лучшем случае скепсиса, а в худшем — прямого противодействия мирового сообщества, вызывали внешнеполитическое противостояние с наиболее продвинутыми экономически, технологически и политически мировыми регионами. Это приводило к национальному перенапряжению сил, пренебрежению качеством жизни своего населения, невозможным демографическим издержкам и в конечном счете только к ослаблению самой России.

Это предопределяет *практическую значимость предметного поля мирового комплексного регионоведения и мирополитической проблематики в двух плоскостях: 1) что можно использовать из опыта развития других стран для обеспечения своего развития; 2) как строить, развивать и прогнозировать благоприятные отношения с другими странами.*

Интерес к Западу в России понятен и общеизвестен, но интерес к Востоку в отечественной науке всегда был не менее глубок и постоянен. В нашей стране внимание, традиционно уделяемое афроазиатским странам, объясняется особым цивилизационным положением России как политического образования, возникшего на стыке культур Запада и Востока. Изучение Запада в целом было всеохватным с точки зрения предметных полей: история, политика, экономика, духовная жизнь, культура и литература. Однако проблема несводимости Незапада к Востоку и необходимости изучения проблематики развития Незапада была сформулирована в литературе только в конце 2000-х гг.¹

□ ...Готовая и благодарная почва для совместного, рука об руку, движения вперед с Западной Европой у России существовала. Вот почему в течение всей своей тысячелетней истории русский народ постоянно стремился жить в общении со своими собратьями, понимая, в чем именно таится залог его дальнейшего преуспеяния на пути духовного развития.

Но сила вещей неумолимо тянула его в другую сторону, в сторону Азии, отвлекая от общего очага цивилизации и принуждая двойтаться. В результате история России — это равнодействующая, образованная двумя силами, из которых каждая лишь противодействовала одна другой. На протяжении всего своего тысячелетия Россия, точно двуликий Янус, обращала взоры и в сторону Запада, и в сторону Востока, к Европе и к Азии. Общие основы культурно втягивали в родственный круговорот европейской жизни, а Восток азиатский — кочевой ли, оседлый ли, но одинаково враждебный по самим принципам своей жизни, неумолимо засасывал русского человека и втягивал его в свою орбиту.

Шмурло Е. Россия в Азии и в Европе. Прага: Я. Отто, 1926; Eurasian Review. V. 5. 2012. P. 78.

Изучение Востока началось в Российской империи, а затем в России при разных политических режимах трансформировалось **особую научную дисциплину, точнее, предметно-дисциплинар-**

¹ Современная мировая политика / под ред. А. Д. Богатунова. М.: Аспект Пресс, 2009.

ный, по преимуществу историко-филологический, а затем и экономико-политический комплекс, основанный на западной ньютоно-декартовой научной системе построения доказательств и под ее идейным и философско-политическим воздействием, но со значительной национальной спецификой в трудах Г. Ф. Миллера, Н. Я. Бичурина, В. Р. Розена, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского, В. П. Васильева, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Н. И. Конрада, Н. Я. Марра, Н. А. Невского, И. А. Орбели, В. М. Алексеева, Б. Я. Владимирцова, И. М. Майского, М. Н. Боголюбова, И. Н. Стеблин-Каменского, С. Л. Тихвинского, Н. А. Симиони, В. С. Мясникова, Б. Л. Рифтина и многих других ученых. Важно отметить, что в этих исследованиях понятие «Незапад» существовало в латентной форме и было слито с традиционным и давно укорененным в российской традиции понятием Востока, экономической составляющей которого уделялось не слишком большое внимание в силу незначительности влияния экономик стран Востока на мировую систему, формируемую в основном за счет сверхбыстрого развития стран Запада. «Слитность» понятий Востока и Незапада была закреплена концепциями ориентализма и оксидентализма, т.е. посредством фиксирования своеобразия восприятия Востока на Западе и Запада на Востоке.

□ Востоковедческая школа Розена представляет прекрасную возможность для проверки аргументации постколониальной критики европейского востоковедения, возникшей под влиянием трудов Эдварда Саида, Бернарда Клона и Бенедикта Андерсона.

...

В последнее время современные исследователи России стали спорить об актуальности выводов Саида о дискурсе ориентализма для понимания истории российского востоковедения. Отношения между востоковедением и имперской властью являются ключевым вопросом постколониальных работ по истории европейского востоковедения. Имперские ученые ... также подробно обсуждали природу связи между знанием и властью. Многие современные исследователи уверены, что европейские ученые прошлого рассматривали европейскую науку как нечто, не имеющее прямого отношения к политической ситуации общества, в котором живет ученый. На самом деле это было далеко не так.

...

В XIX веке имперские ученые были убеждены, что основная власть Европы над Востоком заключена именно в обладании

научным знанием, и часто повторяли выражение: «Знание — сила».

Тольц В. Собственный Восток России. Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 35.

В советское время отечественное востоковедение трансформировалось из преимущественно историко-филологического (классического), каким оно было в Российской империи, в историко-экономический и социально-политический комплекс идеологизированного социального знания в связи с выдвинутой идеей о возможности для отдельных стран Востока «перепрыгнуть» некоторые стадии развития и войти, подобно Монголии, минуя стадии промежуточного развития, из феодализма в развитый социализм. На постсоветском этапе развития России, когда были сняты идеологические шоры, произошло возрождение интереса в равной степени как к культурно-цивилизационной проблематике классического востоковедения, так и к геоэкономическому и геополитическому спектру структурных вопросов, что вновь поставило вопрос о необходимости генерирования комплексного понимания мирового развития в рамках дискурса Восток—Запад / Запад—Восток. Возникла и необходимость нового осмысления проблемы понимания Востоком Запада и Запада Востоком (оксидентализм versus ориентализм) из которого вытекала необходимость осознания и научного анализа «незападной реальности», неравнозначной Востоку. Корни такого понимания начали формироваться в последние годы существования СССР, но после его распада в последующие десять лет этот процесс был нарушен в связи со сложным положением науки в России в 1990-е гг.

- Одной из магистральных тем международных политических конференций и разнообразных научных мероприятий по связям с общественностью на протяжении многих лет является тема «межкультурной коммуникации». При этом вы не найдете ни одного учебника, где бы регионоведческие, филологические знания, дипломатические компетенции и собственно коммуникативистика были бы слиты воедино. Парадоксально, но бизнес полагает, что такие предметы и учебники есть...

В целом нужно понять, что современные компетенции для работы в международной среде далеко выходят за рамки представлений, устоявшихся в прошлом или позапрошлом десятилетии.

Торкунов А. В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2(29). С. 9.

В последнее десятилетие тенденция к комплексному политико-экономическому анализу феномена личности Востока, соответствующего повышению его роли в мировой политике, получила новый импульс. Политико-экономический кроссрегиональный анализ, развернутый в дисциплинарных рамках зарубежного регионоведения, позволяет методологически корректно воссоединить классическую дисциплинарную методологию (сравнительная политология и кроссрегиональный политический анализ, международная политическая экономия, зарубежное регионоведение, культурология, сравнительно-историческая макросоциология) и регионально-страновые методики исторического, историко-экономического и экономического анализа макрорегионов мира и отечественную традицию незападоцентричного и невостокоцентричного, объективизированного теоретического и практического кроссрегионального анализа. К теориям и концепциям, так же как к политико-экономическим системам, применимы критерии большей или меньшей универсальности, т.е. в конечном счете большей или меньшей конкурентоспособности (в соответствующем разделе эти понятия будут также рассмотрены в методологическом плане применительно к попперовскому и лакатошианскому путям проверки гипотез), что, однако, не отрицает их конкретного исторического значения для выработки рациональных комплексных подходов синтетического типа на конкретном историческом этапе развития науки.

□ Греческий термин «теория» родственен словам «театр» и «теология». Все эти понятия имеют отношение к созерцанию чудес и таинств, являющихся из недостижимых далей и даже, как божество, из потустороннего мира. А теористами в Древней Греции называли тех, кто отправлялся на разведку в дальние страны и оттуда, из чужого далека, сообщал о том, что там увидел. Путешествие должно быть посвящением в тайны бытия. А увиденное воочию — это только отблески и блески мирового марева, и они тем ярче и волшебнее, чем покойнее и прозрачнее духовный луч, выхвативший их из мрака мировой бездны.

Малявин В. Цветы в тумане. Вглядываясь в Азию. М. : Ласточкин А. В., 2012. С. 9.

В основу ньютоно-декартовых общественно-философских знаний еще на самом раннем этапе были заложены базовые представления о цивилизациях Запада и Востока, прежде всего китайской, индийской, ближневосточной, и о макрорегиональной дихотомии

Восток—Запад, хотя, естественно, сам термин «макрорегиональная дихотомия» в то время не употреблялся. В современной литературе значительное влияние оказывают исследователи, которые с разных методологических позиций обсуждают вопросы особенности Востока и его восприятия на Западе: Э. Саид, А. Айзенштадт, Д. Барнетт, Дж. Нидэм, Л. Пай, Дж. Фэрбэнк, Р. Нейсбит в западной традиции и В. С. Мясников, М. Л. Титаренко, Л. С. Васильев, Л. Б. Алаев, О. Е. Непомнин, М. В. Крюков, Тань Аошуан, А. М. Карапетянц, А. И. Кобзев, В. М. Крюков и др. — в российской традиции.

□ То, каким образом российские востоковеды пытались определить свою страну как империю и нацию, вполне предсказуемо навело их на более тщательную проработку значения таких понятий, как Европа, Азия, Восток и Запад, которые являлись элементами российского «другого» и одновременно неотъемлемой частью российского «своего»....

Для Бартольда, как и для других учеников Розена, понятия Востока и Запада, Европы и Азии были далеко не «самоочевидными категориями». Эти ученые хорошо понимали, что это были географические, культурные и политические конструкции, чьи границы исторически изменялись и определение которых часто зависело от аргументов, которые люди, использовавшие эти категории, старались развивать.

Тольц В. Собственный Восток России. Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 87, 93.

Особое значение в современной мировой дискуссии по проблемам дихотомии Восток—Запад занимают концепции «третьей демократической волны» и «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона, который оценивает современную мировую политику с позиции вынужденной в условиях усиления мировой конкуренции политической «трансформации Востока» и последовавшего за этим «столкновения цивилизаций». С. Хантингтон выделил набирающие силу «восточные» территориально-цивилизационные комплексы. Одновременно возникли интеллектуально противопоставленные этой теории концепции «диалога цивилизаций», «срединного пути» (М. Хатами, Далай-лама, Р. Турман и др.), «партнерства цивилизаций», ориентирующие на достижение взаимоприемлемых компромиссов в мировой политике, невзирая на возможные конфессиональные и этнокультурные различия.

Общественным наукам еще предстоит проанализировать, какую роль сыграло формулирование концепции «столкновения цивилизаций» одним из влиятельнейших профессоров (С. Хантингтон занимал пост председателя американской Ассоциации политических исследований) страны — лидера западной системы с точки зрения институционального оформления тенденции макрорегионального цивилизационного противостояния в качестве основного тренда первого десятилетия XXI в. во взаимоотношениях стран консолидированного Западного глобального региона (стран с системой открытого социально-политического доступа) и остальных стран мира, прежде всего исламских.

Консолидация мира с целью преодоления разлома между архаизированными и современными обществами с естественным и открытым типами порядка социально-политического доступа, т.е. между традиционалистскими обществами, если они не проходят процесса модернизационной трансформации, и в целом современными, но не успевающими по разным причинам за процессами глобализации и модернизации, которые в силу этого архаизируются, привела не ко всеобщей демократизации («третья волна демократизации»), как предсказывалось в более ранней работе С. Хантингтона¹, а к кажущейся невозможности сохранения мирного баланса между государствами с открытым и естественным социально-политическим доступом (конфликт цивилизаций). Произошла трансформация «мирного соревнования» и конкуренции государств с разными типами социально-политического доступа в серию военных столкновений (неоконсервативная политика США периода президентства Дж. Буша-младшего и международный терроризм Аль-Каиды), что привело к появлению новых «центров силы и влияния» (Китай, страны БРИКС) и ускоренной, но, к счастью, пока в целом мирной эволюции Ялтинско-Потсдамского международного порядка в новое качество². Соответственно, в мировой литературе о международных отношениях последнего десятилетия (Б. Бузан, О. Уэвер, О. Йеда и целый ряд отечественных исследователей) проявляются тенденции к конструктивистскому теоретизированию

¹ *Huntington S. P. The Third Way. Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman: U. of Oklahoma Press, 1991.

² О политическом использовании религиозности и дискуссиях по этому вопросу при выработке концепций «конфликта цивилизаций» и «диалога цивилизаций» см.: *Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI в. Геополитика и кризис постмодерна.* М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 180—219.

нию на региональном уровне (концепции региональных комплексов, мезорегионов, макрорегионов, глобальных регионов, трансрегиональных пространств), что является важным вкладом в понимание нового этапа мирового развития и его дальнейшую научную концептуализацию через идею партнерского взаимосвязанного взаимодействия глобальных регионов мира как активных интегрированных элементов мировой политики и конкретного решения насущных проблем в рамках конструктивистских подходов.

□ *...Архаизация представляется прежде всего значительным социальным процессом, который может сопровождать социальную трансформацию... Если собственно идея социальной трансформации подразумевает собой общий процесс структурных изменений, в понятии архаизации подчеркивается реакционное противодействие, но не самим структурным изменениям, а той ситуации кризиса, которая сопровождает трансформацию. Причем реакционность эта неосознанная, эмоциональная и потому не рационально направленная к наиболее оптимальным социальным стратегиям, а именно, бессознательно обращающаяся к культурным архетипам. Чем резче происходит реформирование и социальная трансформация, тем большим кризисом это сопровождается и тем сильнее проявляется архаизация. Чем сильнее проявляется архаизация, тем более драматично разворачивается социальная трансформация. Архаизация — показатель кризисности социальной трансформации традиционного общества...*

Разумеется, обращение социума к архаике в период социальной нестабильности, радикальных реформ свидетельствует о том, что общество находит наиболее простой (более того — упрощенный) ответ на вызов. С одной стороны, архаизация сдерживает вводимые в обществе обновления, массы отторгают изменения, противятся им, восстают, что дает основания рассматривать архаизацию как деструктивный процесс, но, с другой стороны, архаизация обладает и конструктивным потенциалом...

Процесс архаизации можно назвать механизмом социальной эволюции с двойственной природой: он защищает общество в сложный период социальных трансформаций и он же грозит разрушить социум.

Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Либроком, 2013. С. 52, 53.

Одной из пионерских книг, в которой было предложено пересмотреть западоцентричный подход к мировым процессам и международной политической экономии, стало исследование А. Г. Фран-

ка¹, открывшее путь трем крайне важным и интересным прикладным теоретическим научно-исследовательским работам: Б. Бузана и О. Уэвера², П. Катценштейна³, А. Ачарии и Б. Бузана⁴, упрочившим в англоязычной литературе по международной проблематике понимание необходимости выработки новых исследовательских интерпретаций мировых и региональных процессов. В последнем исследовании также была проанализирована и оценена вероятность появления незападных теорий международных отношений в странах Восточной Азии, в целом интегрирующихся экономически и модернизирующихся политически значительно быстрее других незападных регионов мира (Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг) либо переходящих от естественного социально-политического порядка зрелого типа (гибридный или переходный) к открытому (Индия, Шри-Ланка, Турция, Малайзия).

В России все эти новые тенденции в общественных науках прошли в значительной степени мимо научно-образовательного сообщества, которое вроде бы освоило мировые теории международных отношений и мирового развития, но, как оказалось, в действительности весьма поверхностно и в значительной степени на уровне терминологического аппарата, хотя такой критический взгляд и может показаться обидным для национальных общественных наук.

□ Удобные (и кажущиеся фундаментальными) таксоны вроде «Восток» и «Запад», рассматриваемые с разных точек полицентричного мира, оказываются культурно детерминированными, подвижными и относительными концептами. Что может быть стопроцентно восточным и стопроцентно западным? Какую оптику и какой язык описания должен использовать исследователь, чтобы быть максимально адекватным исследуемому инокультурному объекту?

Важно отметить, что задачей ... является не только и не столько дихотомия «Восток—Запад», а именно концепции ориентализма и оксидентализма, ибо во главе угла лежала задача подчеркнуть пути и способы восприятия Востока Западом, и наоборот.

Штейнер Е. Восток, Запад и ориентализм: место востоковедения в глобализирующемся мире. Ориентализм / Оксидентализм. Языки культур и языки их описания. М. : Совпадение, 2012. С. 15.

¹ *Frank A. G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.

² *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

³ *Katzenstein P.* A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

⁴ *Acharya A., Buzan B.* (ed.). Non-Western International Relations Theory. N.Y. : Routledge, 2010.

Следует отметить, что осознание необходимости собственной теоретизированной рефлексии в области влияния типа порядка социально-политического доступа на характер внешнеполитического взаимодействия и, соответственно, международного развития, а впоследствии и обобщение этой тенденции на основе кроссрегионального анализа невозможно в немодернизированных обществах, не освоивших мировую политическую теорию международных отношений и экономическую политологию в их современных формах. Осознание этого факта может сопровождать¹, но не способно предшествовать модернизации². Появление такого рода исследований ознаменовало одновременное наступление этапа более глубокого и непредвзятого научного осмысления проблематики в англоязычной исследовательской традиции, хотя в ряде работ (например, у А. Франка) явственно ощущается и их полемическая направленность с классическими западоцентричными исследователями (У. МакНил, Д. Лэндс³). А. Ачария и Б. Бузан, несмотря на заострение проблемы появления незападных теорий международных отношений, в целом достаточно сдержанны в оценках перспектив построения таких теорий⁴.

В 2010 г. западная и восточная интерпретации мировой истории, синтетическая политическая экономия которой с точки зрения возникновения мировых центр-периферических отношений вскрыты К. Померанцем⁵ и П. Партасарати⁶, были суммированы в исследовании Я. Морриса⁷. Он показал историческую ограниченность западо-

¹ См., например, некоторые национальные версии: Современная мировая политика / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2009; *Афонцев С. А.* Политические рынки и экономическая политика. М. : КомКнига, 2010; Экономическая политология / под ред. А. Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2012 и др.

² *Chan S.* Beyond the North-West: Africa and the East / Groom A. J. R. & Margot Light (ed.) Contemporary International Relations: A Guide to Theory. L. & N. Y.: Pinter Publishers. P. 248.

³ *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. М. : Территория будущего, 2008; *Ландес Д.* The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some Are So Poor. N. Y.: Norton, 1998.

⁴ *Acharya A., Buzan B.* (eds.) Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia. London & N. Y.: Routledge, 2010.

⁵ *Pomeranz K.* The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2000.

⁶ *Parthasarathi P.* Why Europe Grew Rich and Asia Did Not. Global Economic Divergence, 1600-1850. N. Y.: Cambridge University Press, 2011.

⁷ *Morris I.* Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010.

центричного и восточоцентричного политико-экономического видения истории с точки зрения прогнозирования тенденций будущей синтетической парадигмы развития человечества, основные контуры которой только начинают вырисовываться.

В то же время такая постановка проблемы не отменила необходимости анализа дихотомии глобальных макрорегионов (в частности, проблематики дихотомии в рамках дискурса Восток/Запад) с точки зрения понимания специфики протекания социально-политических процессов и конфигурации порядка социально-политического доступа на конкретных этапах развития международной истории человечества в макрорегиональных сегментах мира. Возникла потребность в изучении влияния этих процессов на мирополитическую проблематику и процессы формирования пространства мировой политики, несмотря на понимание того факта, что дихотомические противопоставления априори предполагают методологическую редукцию.

1.2. Эволюция международных отношений и мировой политики. Формирование предметного поля мирового комплексного регионоведения

Конструктивистское теоретизирование на региональном уровне позволяет осознанно или неосознанно, но практически решать вопросы гармонизации отношений государств с разными порядками социально-политического доступа или же находящихся на различных этапах развития определенного типа такого порядка. Это требует усиленного внимания к структурным подходам и методологиям, позволяющим синтезировать анализ внешних и внутренних факторов в комплексном понимании региональной проблематики. Именно эти задачи и становятся основными в ходе преодоления мирового финансово-экономического кризиса и трансформации мирополитического устройства. Сегодня они постепенно формируют основную повестку дня мировой политики.

История развития общественных наук показывает, что в трудах раннего периода по истории международных отношений анализ сводился главным образом к описанию официального взаимодействия между правительствами государств и в страноведческих / востоковедческих исследованиях применялся едва ли не единственный метод — традиционное историческое описание. Он представляет собой метод анализа, основанный на понимании уникаль-

ности каждого события в истории человечества, в силу чего большинство существующих исторических работ в области международных отношений и внешней политики в классическом страноведении являлось по сути описательными дипломатическими историями (рассказами) ретроспективного характера, отличающимися друг от друга только «страной описания» и исторической школой, в рамках которой это описание и было выполнено, т.е. при создании таких трудов применялись методы и подходы интерпретационных описаний. Вопрос несоответствия исторических объяснений в различных культурных комплексах не решался (хотя и ставился) в этой традиции из-за того, что принятая методология сводилась к обобщениям на основе конкретных уникальных событий.

Авторы, проводившие исследования в рамках этой традиции, пытались разработать особый вид обобщений, нацеленных на предсказание дальнейшего хода истории, опираясь на ограниченное число современных (либо исторических) событий или факторов, методологически провоцируя появление западоцентричного или востоцентричного крена. Таким образом, тенденция ретроспективного анализа проецировалась на будущее в целях прогнозистических обобщений на базе исторической интуиции субъективистского типа и оценки большего либо меньшего значения каждого фактора в международном взаимодействии, набор которых менялся в зависимости от того, насколько исследователи в своих интерпретациях международной действительности могли обобщить ее основную тенденцию, представляемую ими посредством своего субъективного мировосприятия.

Вообще говоря, историко-интерпретационный подход изначально методологически тяготеет к изучению эмпирических свидетельств без формулирования общей теории, но с явно или подспудно выраженными обобщениями интуитивного типа. Тем не менее любая общая или структуралистская школа видит свою цель не просто в историческом объяснении, а в том, чтобы установить научные закономерности, с помощью которых можно не только рационализировать произошедшее в прошлом, но и структурно интерпретировать то, что происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Именно в этом заключается практическая ценность такого рода подходов. Но эта практическая ценность без знания фактов, исторических моделей и интерпретаций, на которые она должна опираться, также становится ограниченной.

Как представляется, существующие в традиционной литературе по истории международных отношений (включая литературу страноведческого профиля) различные объяснения и интерпретации фактов неявно предполагают необходимость применения комплексных, системно-структурных подходов, что требует нового и более рафинированного научного обобщения фактов и данных, с одной стороны, и более высокого уровня концептуального анализа — с другой.

Малая саморефлексия (с точки зрения конструктивистского анализа отечественных социальных наук, особенно востоковедения советского и раннего постсоветского периодов) по отношению к проблематике мировых дебатов о методологических основах гуманитарных и общественных наук и ведение исследований, как правило, в рамках традиционного и обновленного марксизма, а позднее дискуссионное локальное соединение религиозных идей и теорий радикалистского типа привело к недостаточному учету (если не к пренебрежению) научных структурных концепций и подходов, предлагаемых политической наукой и теорией международных отношений.

Политическая наука и теория международных отношений, официально разрешенные в России только после 1990-х гг. и неспособные по причине короткой истории неидеологизированного объективистского развития одновременно освоить весь международный опыт, адаптировать его к условиям России и одновременно выйти на этап самостоятельного теоретического осмысления незападной и российской проблематики, были обвинены в западоцентризме. Но самостоятельные и крупные научные обобщения требуют времени, огромных интеллектуальных усилий и не допускают никаких политически форсированных интеллектуальных рывков.

Соответственно, когда западоцентричные теории, подкрепленные огромным массивом высококласной научной литературы на иностранных языках, объясняющих мировую реальность с точки зрения западных теорий развития, были к концу 2000-х гг. отвергнуты как непригодные к объяснению феномена России, никаких других теорий, равнозначных и научно корректных с точки зрения методологии и зрелости понимания мировой действительности просто не возникло. Значительная часть среднего и старшего поколений российского научно-образовательного сообщества международную реальность, отделенную в СССР «железным занавесом», просто не знала, осмысляла по книгам, а в 1990-х гг. — в рамках

краткосрочных научных программ «научного туризма» и «краткосрочного повышения квалификации». Таким образом, национальные модели образования и осмысления реальности как на самом Западе, так и в незападных регионах мира оказались методологически ограниченными опытом осмысления своих региональных сегментов мирового пространства только на основе своей «правильной» методологии.

Такая ситуация привела к искусственному противопоставлению примитивизированных интерпретационных и факторных подходов, граничащих с популяризаторским изложением исторических фактов и факторов международного взаимодействия, вырванных из контекста целостной мировой истории, и упрощенно обобщающих псевдоструктурных моделей, плохо объясняющих реальную историю. В российском научном сообществе это псевдопротивопоставление трансформировалось в малопродуктивную вялотекущую дискуссию о том, какой метод лучше — исторический или политологический, по типу средневековых схоластических дискуссий о том, «кто сильнее — кит или слон». Возникло фактическое противопоставление востокоцентричных и западоцентричных концепций.

- Эти результаты исторического развития предельно асимметричны: история не сложилась так, что американская, австралийская и африканская территория была на 5% покорена европейцами, а 49% европейской территории были покорены коренными американцами, австралийскими аборигенами или африканцами. Конфигурация всего современного мира есть следствие перекоса исторического развития, поэтому его неравнозначные результаты должны иметь неоспоримое объяснение, более фундаментальное, нежели детальный рассказ о том, как однажды, несколько тысяч лет тому назад, кому-то посчастливилось победить в каком-то сражении или изобрести какое-либо приспособление.

Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М. : Corpus. С. 40.

В структурных теориях каждый участник, будь то нация и государство, правительство, международная или национальная организация, группы давления или индивидум (дипломат, политик), представляет собой «единицу» (объект или субъект) взаимодействия и одновременно составную часть системы как целого. Соответственно, система по сути рассматривается как нечто, существенно

отличающееся от своих составляющих, и изучается прежде всего именно в этом своем качестве на основе формально-логических методов и приемов. При таком подходе не акцентируется внимание на ценностных и психологических факторах, но эти факторы, составляющие наряду с другими стержень национальной специфики, должны также анализироваться или в сравнении с другими составляющими системы, или в целом в сравнительно-структурной перспективе¹.

□ Проблема традиционного регионоведения / страноведения (*Area Studies*) заключается в том, что, хотя оно и может являться удачным полем для подсистемного теоретизирования, основанного на уникальности событий, в самом регионоведении доминируют научные дисциплины с низким интересом к теоретизированию, эффективно используя концепцию уникальности как повод к тому, чтобы не теоретизировать.

Предисловие к кн.: *Acharya A., Buzan B. (ed.). Non-Western International Relations Theory*. N. Y. : Routledge, 2010.

Приступая к изучению объекта, исследователь должен прежде всего провести разграничение между аспектами, присущими конкретной сфере научного поиска, и аспектами, общими для всех исследований. Кроме того, необходимо определить, в какой степени объект исследований позволяет оперировать четкими эмпирическими данными, анализ которых ведется посредством методов, применяемых именно в рассматриваемой области науки. По этому вопросу сегодня идут острые дебаты в международных отношениях, сравнительной политологии и зарубежном регионоведении.

В общественных науках есть множество сфер исследований, которые, как принято считать, носят междисциплинарный характер. Однако есть сферы исследования, которые могут быть не только междисциплинарными, но и комплексными или интегральными, т.е. находятся на стадии формирования собственных комплексных или интегральных методологических подходов синтетического типа². Как становится ясно при изучении регионоведческих и региональных проблем, многие из используемых в мировом комплексном / зарубежном регионоведении методов, как и в науке о международных отношениях, не являются частью

¹ *Кокошин А. А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М. : Ленанд, 2008.

² Там же. С. 8.

самой дисциплины. Следовательно, придется признать заимствование теорий и методологических подходов, изначально разработанных для решения общих либо специфических проблем в естественных науках, социологии, антропологии, экономике, политологии, истории, философии и даже лингвистике и текстологии. Это ставит сегодня на повестку дня вопрос о модернизированном понимании страноведения и востоковедения, развитии внутри страноведения и востоковедения направлений, основанных на дисциплинарных подходах, т.е. таких предметных полей, как политическое востоковедение или политология Востока, макросоциология Востока, экономика Востока и др. Возможно, впоследствии по мере развития отечественных общественных наук эти предметные поля встанут на свое законное место как составная часть соответствующих научных дисциплин: политологии, социологии, экономики и др.

Таким образом, речь идет о необходимости методологического синтеза нового типа, соединяющего классические дисциплинарные (прежде всего политологические: сравнительная политология и кроссрегиональный политический анализ, социологические и экономические методы) и регионально-страновые подходы, а следовательно, о сохранении существующих научных школ и одновременно о качественном повышении методологического уровня исследований, носящих по преимуществу страноведческий характер, и выведении их таким путем на передовые международные рубежи. Возникает задача инкорпорирования конструктивистски интерпретированной проблематики дискурса Востока—Запада и Запада—Востока в концепции объективистского всеобъемлющего теоретического понимания макросоциальной истории международных отношений и мирополитического взаимодействия. Именно этой проблематикой и занимается мировое комплексное / зарубежное регионоведение (*World Regional Studies / Comprehensive Regional Studies*). По мере развития науки эта дисциплина или примкнет к уже существующим в мировой традиции (например, к мировой политике и политической географии), или же окончательно сформируется в самостоятельное научно-образовательное направление со своей синтетической, хотя бы и конгломеративной, как у мировой политики или международных отношений, методологии, пусть даже и отражающей организационно-содержательное своеобразие российской научной школы.

- Когда будет признано, что нет никакого смысла полагаться исключительно на современную европейскую историю как основу свидетельств всеобъемлющего теоретического понимания международных отношений, тогда не только станет очевидной необходимость призвать незападных теоретиков помочь в развитии теории международных отношений, но также станет ясно, что эти теоретики в целом будут иметь сравнительное преимущество, когда дело дойдет до формулирования и применения теории, которая относится к их собственным регионам мира.

Acharya A., Buzan B. (ed.). Non-Western International Relations Theory. N. Y. : Routledge, 2010.

Практическое применение этого заключения приводит к целому ряду немаловажных выводов, имеющих прикладное значение и для самого российского общества. Использование результатов традиционных методов и постановок проблем в мировом комплексном / зарубежном регионоведении применительно к реалиям сегодняшнего дня остро поставило вопрос о соотношении западной (европейской или американской) и восточноазиатской моделей развития¹. В российском обществе в последние 10—15 лет идет активная дискуссия на эту тему. Одно из мнений, которое родилось и укрепилось в ходе дискуссии, заключается в противопоставлении данных моделей. Однако успех реформирования традиционных обществ в новых индустриальных странах, а потом его повторение и развитие в ходе реформирования японского, сингапурского, тайваньского, малайзийского, шриланкийского и китайского обществ ставит методологический вопрос о соотношении анализа и синтеза при разработке рекомендаций по реформированию традиционных или переходных обществ с акцентом на объяснениях синтетического мирополитического характера.

В последние докризисные годы темпы роста мировой экономики составляли 2—3% в год, России — 6—7% в год, а Китая — 10—11% в год. Первоначально считалось, что текущие экономические тенденции в целом сохранятся и после выхода мира из кризиса, и тогда через 10—15 лет, например, одна какая-нибудь крупная провинция Китая сможет производить товаров и услуг больше, чем Франция или Российская Федерация, что имело бы гораздо меньшие политико-экономические последствия для Франции, входя-

¹ Подробно рассматривается в книге «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики» (М. : Магистр, 2014).

щей в ЕС, или огромных национальных рынков типа США, соединенных трансрегиональными соглашениями о свободной торговле с Мексикой, Канадой, Японией и Южной Кореей, чем для России. Но корректен ли такой анализ, каковы объективные пределы роста китайской экономики, будет ли этот рост включать инновационное развитие и будет ли китайская экономика развиваться только по восходящей?

Традиционные подходы не давали ответа на вопрос, как применить восточноазиатскую модель к российскому обществу, по ряду структурных параметров кардинально отличному от новых индустриальных стран и Китая, а по другому ряду параметров схожему с ними. Тем более такие подходы не позволяли проследить взаимосвязь этой проблематики с внешнеполитическими аспектами.

Применение западной модели в чистом виде в 1990-е гг. дало лишь частичный и неоднозначный эффект, более заметный в политической сфере, особенно в сравнении с командно-бюрократической закрытой политической системой предшествующего периода, фактически не позволявшей обществу влиять на государство, но противоречивый в экономической сфере, поскольку вызвал на начальном этапе проведения реформ падение жизненного уровня и уродливую дифференциацию доходов, обусловленную якобы «политической задачей» форсированного «накопления первоначального капитала». Такой результат постепенно привел к внешнеполитической переориентации России с Запада на Восток и инициировал дискуссии о действительном характере достижений в политической области, как только государство достигло относительной экономической стабильности. Этот взгляд был основан на иллюзорном понимании западного общества как имманентно конфликтного и социально стратифицированного в противовес гармоничному бесконфликтному развитию эгалитаристской восточоцентричной модели.

К этому моменту на авансцену стало выходить поколение, не видевшее воочию условий жизни советского общества. В такой ситуации дальнейшее использование западного опыта не только вызывало культурно-цивилизационное отторжение у одних, а слепое использование восточного опыта — культурно-цивилизационное отторжение у других, но и создавало опасность изменения конституционного строя России, раскола в политической элите и начала новой гражданской войны, т.е. утери Россией традиционной европейской идентичности без приобретения азиатской. Возникла

опасность повторения истории и возвращения на уже пройденный этап политического развития без гарантирования при этом успешного укоренения восточных политико-экономических моделей на российской почве. Понимание закономерностей функционирования этих моделей в мировых общественных науках в самой России было достаточно ограниченным, если не примитивизированным. Это инициировало дискуссию о российской и русской идентичности, цивилизационном / конфессиональном национализме и этнонационализме и частично прояснило вопрос, в каких сферах развития современного российского общества можно и нужно активнее использовать опыт стран Востока, а в каких — Запада.

Применение комплексных регионоведческих и кроссрегиональных политологических подходов, в частности, позволяет вновь поставить вопрос об аналитическом разделении модели развития на две параллельные составляющие — политическую и экономическую, подобно тому, как в свое время это предложил Дэн Сяопин для китайского общества. Российское общество XX в., прошедшее гражданскую войну, нэп и этап мобилизационного развития раньше, чем китайское, не сумело, в отличие от Китая, сформировать устойчивый политический консенсус по вопросу модернизации при сохранении стабильности и ее поддержании в условиях открытости.

В Советской России нэп был свернут, в частности, и путем последующего физического уничтожения значительной части политической элиты. Позже хозяйственные реформы А. Косыгина не смогли переломить общий «застой» брежневского периода «стабильности» закрытого советского общества, а эволюционные реформы М. Горбачева были прерваны августовским путчем той части политической элиты, которая не желала никаких перемен и не видела в них никакой необходимости.

В практике китайского развития после «культурной революции» и короткого периода правления «банды четырех» (ближайшие сподвижники Мао Цзэдуна во главе с его женой Цзян Цин) в конечном счете в теории и на практике победил Дэн Сяопин со своим знаменитым высказыванием — «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей». Сущность этой концепции отразилась в похожем по смыслу афоризме, сформулированном в позднегорбачевском СССР реформаторски настроенной частью КПСС: «Сначала построим экономически благополучное и ком-

фортное для человека общество, а потом будем решать, как его назвать».

Использование дэнсяопиновской концепции в Китае позволило стране пойти по пути свернутых в СССР реформ в то время, как в СССР в условиях очевидного застоя рассуждали, до какой степени Дэн Сяопин и его сподвижники отошли в своем ревизионизме от истинно верной советской версии марксизма-ленинизма.

Но в отличие от Китая, который стал стремительно развиваться на основе дэнсяопиновской концепции, в России у народа и подавляющей части политической элиты сформировалось к 1990-м гг. представление о необходимости открытой политической конкуренции и демократической процедуры выборности властей, без которых невозможно дальнейшее политическое и экономическое развитие страны.

Становление этой модели, дающей гражданину свободу, а обществу — возможность структурно модифицироваться и интенсивно развиваться, избегая системных кризисов, в России к концу XX в. было выстрадано всей историей развития страны, прошедшей в том числе две мировые войны, гражданскую войну и три революции. К концу 1990-х гг. стало ясно, что построение такой модели не может происходить стихийно вместе со спонтанным «возвращением» рыночных отношений в экономику и политику, как считалось раньше, т.е. такая модель и ее институциональные составляющие нуждаются в адаптации и социальной инженерии как в силу того, что представления о рыночной экономике в реальности оказались крайне примитивными, так и в силу необходимости приспособления ее к реалиям российской политической культуры и российской исторической специфики, точно так же как любая идеальная модель трансформируется применительно к другим обществам западного или незападного типа. Кроме того, проблематика конкретных путей перехода от естественного (ограниченного) социально-политического доступа к открытому была мало проработана в мировой обществоведческой литературе, а предложенные иностранными учеными и практиками пути перехода (Дж. Сакс и гарвардские профессора-экономисты), предусматривающие только импорт политических и экономических институтов, оказались просто несостоятельными в силу временных и пространственных ограничений, которыми в то время превалирующие на Западе версии экономической науки считали возможным пренебрегать в силу, как тогда считалось, незначительности их влияния.)

В то же время в экономических сегментах при построении среднесрочных экономических и социально-экономических стратегий был и остается выбор между американской, европейской, восточноазиатской, латиноамериканской и африканской моделями развития, различающимися, главным образом, временной стадией развития и типологическими особенностями общества, ролью стихийного и целенаправленного факторов, государства и общества в экономической и социально-политической жизни, характером экономической политики и ее внешнеполитическим обеспечением и, соответственно, различными последствиями для экономической, а в конечном счете и политической сфер жизни¹.

В экономической области возможно комбинирование различных стратегий экономического развития и их внешнеполитического обеспечения в зависимости от конкретных условий той или иной страны и их объединение в собственную стратегию «национальной мечты» и «национального чуда»². Значительную часть опыта, накопленного при реформировании традиционных обществ в Японии, Южной Корее, Сингапуре, Тайване, Китае, Гонконге, Индии и Малайзии, вполне можно рекомендовать к дозированному использованию в определенных сегментах российской экономической жизни, а опыт Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, Индии — и в экономической, и в политической. При этом все вышеуказанные успешные страны в свое время использовали, трансформировав и применив к своим конкретным условиям, западную (американскую и/или европейскую) модель политико-экономической модернизации, на которой, собственно, и основаны базисные принципы, ценности и идеалы современной целостной стратегии поступательного, прогрессивного стабильного мирового развития. Никакой другой целостной альтернативной реальной модели пока в реальности просто не существует, а все предложенные альтернативные модели показали свою несостоятельность или неполную адекватность современным конкурентным условиям в ходе их практического осуществления.

Проблема адекватной адаптации этого опыта непосредственным образом связана с методологическими дебатами в классическом

¹ В обобщенной и сжатой форме см.: *Кудров В. М.* Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М. : Юстицинформ, 2011. С. 214—271.

² *Субботин А. К.* Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. М. : Либроком, 2012.

страноведении, которое сегодня превратилось в базовую составляющую *мирового комплексного / зарубежного регионоведения* — интегральной политико-экономической и социальной дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической и социально-политической систем регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, культурно-антропологических, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Такое понимание позволяет, с одной стороны, сохранить все богатство отечественного классического страноведения, но понимать его в русле современного модернизированного контекста мировой обществоведческой мысли. С другой — выделить внутренние составные части *мирового комплексного регионоведения* (т.е. охватывающего комплексным анализом все регионы мира, в другой терминологии — *комплексный анализ глобальных регионов мира: World Regional Studies, Global Regional Studies, International Area Studies, Comprehensive Regional Studies* или *Interdisciplinary International Studies* в англоязычном мире. Наиболее употребительным сегодня признается термин *World Regional Studies, шичзе цююйчжуэи яньцзю* — в китайскоязычном¹).

Мировое комплексное регионоведение состоит из *зарубежного регионоведения*², анализирующего глобальные / международные / транснациональные / трансграничные регионы (*global regions / world regions / international regions*), и входящих в него составной частью конгломерата дисциплин внутреннего или классического регионоведения, анализирующих регионы внутри национальных государств и на стыке двух-трех национальных государств (трансграничные регионы, «треугольники роста» и др.).

Внутреннее регионоведение в национальных традициях развивалось и развивается в составе разных традиционных учебных дисциплин и/или междисциплинарных научных направлений: зарубежного регионоведения, макроисторической социологии, гуманитарной истории, экономической географии, региональной

¹ Ван Идань, Юань Чжэньцин (ред.) Чжунго гоцзи гуаньси яньцзю. (Изучение международных отношений в Китае) 1995—2005. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. Гл. 12. С. 370—371.

² Иногда используется его более точный, но по каким-то причинам менее употребительный научный аналог — международное регионоведение. См., например: Барыгин И. Н. Международное регионоведение. СПб.: Питер, 2009.

науки, пространственной экономики (*International Studies, Regional Studies, Economic Geography, Regional Science, Spatial Economy*), гуманитарной географии (*Human Geography*), геоэкономики, международной политической экономии (*International Political Economy*), политической географии (*Political Geography*), региональной политологии, политической регионалистики и т.д., в зависимости от того, каким из аспектов изучения региона как объекта исследования уделяется большее внимание и какова специфика национальных научных школ (примерное «распределение» проблематики и традиционное дисциплинарное наполнение в России и странах Запада приведено в табл. 1.1).

Таблица 1.1. Мировое комплексное регионоведение

Зарубежное регионоведение	Классическое или «внутреннее» регионоведение
Комплексный анализ регионов мира и трансграничных регионов	Комплексный анализ регионов внутри национального государства и на стыке двух-трех национальных государств, включая так называемые «треугольники роста»
<p><i>Традиционные дисциплины:</i> международные отношения, мировая экономика, мировая политика, международная политическая экономия, теории модернизации и развития, геоэкономика, сравнительная политология, всемирная история, экономическая политология, макроисторическая социология и др.</p>	<p><i>Традиционные дисциплины:</i> экономическая география, пространственная экономика, гуманитарная география, политическая география, политическая регионалистика, региональная политология, сравнительная политология, экономическая регионалистика, экономическая политология, экономическая социология, теории регионального воспроизводства, региональной инфраструктуры и др.</p>
<p><i>World Studies, International Studies, World Economy, World History, International Political Economy, Development Studies, Comparative Political Science, Political Geography etc.</i></p>	<p><i>Regional Science, Economic Geography, Spatial Economy, Human Geography, Comparative Political Science, Comparative Politics etc.</i></p>

До середины XIX в. комплексность формировалась в русле традиционного страноведения синтетического типа, недифференцированного по отраслям дисциплинарного знания (история,

экономика, политика, военная геополитика). К концу XIX — началу XX в. сформировалось несколько крупных национальных страноведческих традиций, отличающихся значительным своеобразием¹.

В **европейской школе** мировой политической географии и страноведении можно выделить несколько мощных и достаточно своеобразных национальных школ: немецкую, французскую, английскую и шведскую.

В **немецкой школе** традиционно были сильны «классификаторские» тенденции и опора на статистические данные. Немецкая школа сформировала идею единства и целостности человечества при всем богатстве и разнообразии национальных культур, а в первой половине XX в. породила две оригинальные теории: геополитического развития и трансформаций (теория влияния географического фактора на внешнюю политику, включая псевдонаучную концепцию «жизненного пространства» — *lebensraum* и антинаучную концепцию расового превосходства) и пространственной экономики, впоследствии получившей «второе дыхание» в США в XX в. Наиболее яркими представителями немецкой школы стали: Ф. Ратцель, И. Гердер, И. Фихте, В. фон Гумбольдт, К. Риттер, К. Хаусхофер, основатели школы этнопсихологии М. Лацарус, Х. Штайнталь, В. Вундт, историки Л. Ранке, И. Дройзен, Г. Бругш, Т. Моммзен, философы О. Шпенглер, О. Шпан и др. В первой половине XX в. немецкая школа сумела создать оригинальное и перспективное направление пространственной экономики, но из-за своего внутривосточного развития — национал-социализма и последующей геополитической и идейной катастрофы конца первой половины XX в. — это направление получило свое дальнейшее развитие уже в США во второй половине XX в.

Французская школа сформулировала понятия «география человека» и «региональные характеристики», но концентрировала свое внимание в основном на природной среде без учета явлений социально-экономического характера. В XX в. эта описательность была преодолена в двух оригинальных комплексных направлениях — военной геополитике (И. Лакост, Ж. Готтман, Ф. Энсель) и комплексном картографическом регионоведении,

¹ Более подробно история комплексных регионоведческих школ раскрыта в учебниках по страноведению и регионоведению, см., например: *Мироненко Н. С.* Страноведение. Теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2001; *Иванова М. В.* Введение в регионоведение. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008 и др.

составляющих своеобразие французской школы вплоть до настоящего времени¹.

В *английской школе* известность получили идеи Ф. Колумба, Х. Маккиндера и др., а в *шведской* — Р. Челлена. И та, и другая школа удачно развивали исследования в этой области в сфере мировой политической географии, создав, наряду с американской школой, предпосылки для комплексного рассмотрения региональных мирополитических проблем.

В последнее время очень динамично развивается и молодая **австралийская школа**, концентрируясь, в частности, на проблемах международной политической экономии и экономического регионализма как источнике технологического и интеллектуального развития для государства, основное благополучие которого все еще в большой степени зависит от экспорта ресурсов и сельскохозяйственной продукции, а не от интеллектуального и технологического потенциала экономики знаний².

Американская школа получила мощный интеллектуальный импульс в конце XIX в. (А. Мэхэн), финансовый и интеллектуальный толчки во второй половине XX в., когда были опубликованы крупные работы геополитического характера в основном в области международных отношений и мировой политики (Н. Спайкмэн, Х. Вайджерт, Э. Хантингтон, О. Хантингтон и др.), получили развитие политическая география, пространственная экономика, политическая и электоральная география во внутреннем регионоведении, сформировав направление международного уровня трудами Р. Харшторна, С. Джонса, М. Готмана и др. Для собственно американской школы комплексных макрорегиональных исследований характерна опора на количественные методы, необходимость которых не оспаривается и в исследованиях, преимущественно основанных на качественных методах. В американской традиции мировое комплексное регионоведение в целом, так же как и в Европе, развивается в рамках мировой политической географии, мировой

¹ Яркий пример — многочисленные и прекрасно изданные атласы научно-издательского комплекса газеты *Le Monde Diplomatique*: Атлас / пер. с франц. под ред. В. Л. Иноземцева и Е. С. Кузнецовой, со вступит. статьей д. э. н. А. Ю. Мочанова. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2011; более ранние переводные и оригинальные издания атласов.

² См., также: *Gernaut P., Drysdale P. Asia Pacific Regionalism. Readings in International Economic Relations*. Pymble, Australia: Harper Educational Publishers for Australian National University, 1994; *Eastern Asia. An Introductory History*. Ed. By C. MacKerras. French Forrest, Australia: Longman — Pearson Education Australia, 2000.

политики и сравнительной политологии, а внутреннее регионоведение, носящее сугубо прикладной «экономизированный» характер, сформировалось в дисциплинарно обособившуюся науку — *Regional Science*. В последнее время американская школа производит очень интересные исследования прогностического характера (корпорация *Rand*, Национальный совет по разведке, неправительственные фонды и организации)¹.

Одна из самых молодых среди современных мировых школ — **китайская школа** международно-региональных исследований, хотя и ввела в номенклатуру исследований международного профиля понятие регионоведения (*цююйсюэ*), в целом развивает его пока в классическом русле исследований международно-региональной или экономической проблематики стран Европы и Азии². Китайские ученые ввели в оборот понятие международной архитектоники (*шицзе гэцзюй*), понимая под ней мировую структуру, в рамках которой крупные государства или группы стран, объединенные в коалиции или на основе интеграции в новые мировые общности — макрорегионы, исходя из интересов стратегической безопасности и экономической выгоды, формируют относительно стабильное соотношение сил в мире и поддерживают взаимные отношения³.

Китайская школа понимает мировой порядок как отражение соотношения сил в мировой архитектонике, т.е. в исторически сложившейся на данный момент мировой структуре, внутри которой конкурируют и сотрудничают государства разных классов (сверхдержавы, центры силы, ведущие государства, крупные и средние государства). Это отражение соотношения сил может иметь место в различных конкретных моделях: глобализации, конкуренции и сотрудничества без противостояния, взаимозависимости без подчинения, двусторонней дипломатии, многосторонней дипломатии, многополярности в условиях лидерства од-

¹ См., например: Глобальные тенденции до 2025 года. Преображение мира. М.: Фонд «Политика», 2009.

² См., например: *Ван Идань, Юань Чжэньцин* (ред.). Чжунго Гоцзи гуаньси яньцзю. (Изучение международных отношений в Китае.) 1995—2005. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006; *Ши Иньхун*. Эрши шицзици шицзе чжэнчжиды цзибэнь синчжи хэ Чжунгоды инью чжаньлюэ (Основной характер мировой политики в 21 веке и императивная стратегия Китая). Пекин: Чжунго жэньминь чубаньшэ, 2006; Чжунго сюэчжэ кань шицзе (Китайские ученые смотрят на мир) / под ред. Ван Цзисы. Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2007.

³ См., например: *Ли Юйтань* (отв. ред.). Дунбэйъя цююй цзинцзи гайлунь (Экономика регионов Северо-Восточной Азии). Чанчунь: Цзилинь чубаньшэ, 2001.

ной державы, равновесия и скоординированности, конкуренции и хаоса, совместного развития, гармоничного мира и др. в зависимости от точки зрения конкретных исследователей и/или политиков (Ху Цзинтао, Ли Юйтань, Е Цзычэн, Ван Ичжоу, Цюй Личжу, Цзи Чжиъе и др.)¹.

Китайская школа занимается как традиционной проблематикой геополитических взаимосвязей², так и совершенно новой группой мирополитических проблем. В этой связи китайской школой, так же как и европейской и американской, в последнее время разработана теория и практика влияния внутривнутриполитических процессов на международные отношения и в целом на мирополитическую сферу³. Эта сфера в китайской школе международно-региональных исследований рассматривается как инновационная.

Особенно динамично китайская школа развивается в последние 20 лет. Переведя всю основную научную литературу по теории международных отношений, изданную в США и Европе, — примерно 120—150 наименований книг, китайские издательства также переводят на китайский язык и издают всю мировую литературу по международным отношениям с лагом всего в три месяца относительно их первого издания в США или Европе. Китайские издательства даже заказывают наиболее уважаемым европейским и американским авторам создание такой литературы без ее издания в США или странах Европы, т.е. написанные тексты сразу же переводятся и издаются в КНР⁴. Таким образом, китайские университеты и научно-исследовательские институты освоили базовый международный уровень и на этой основе начали разработку теоретических и практических проблем, актуальных в первую очередь для своей страны, именно это и является стержнем концепции «науч-

¹ См., например: *Ли Юйтань* (отв. ред.). Дунбэйтя шююй цзинци гайлунь (Экономика регионов Северо-Восточной Азии). Чанчунь: Цзилинь чубаньшэ, 2001; *Ван Ичжоу* (отв. ред.). Цюаньцю чжэнчжи юй Чжунго вайцзяо: таньсюнь синьдэ шицзяо юй цзеши (Мировая политика и китайская дипломатия: поиск нового понимания и объяснений). Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003.

² *Вэй Лихуа*. Нэнюань бои дачжань. Иньсян жэньлэй минюньды цзуйда тяочжань (Противостояние и борьба за ресурсы. Самый важный вызов, влияющий на судьбу человечества). Пекин: Синьхуа шуцзюй, 2008.

³ *Ли Син, Лю Цзюнь*. Чжун-Мэй бои ды гонэйчжэнчжи фэнси (Анализ влияния внутренней политики на российско-американское противостояние). Пекин: Шиши чубаньшэ, 2011.

⁴ *Qin Yaqing*. Why is There no Chinese International Relations Theory? // *Acharya A., Buzan B.* (eds.). *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia*. London & N. Y.: Routledge, 2010. P. 26—50.

ного развития», зафиксированной в материалах XVII и XVIII съездов КПК. Поставленные задачи привели к появлению комплексных прогнозов мирового развития в государственных (например, прогнозы Китайской академии современных международных отношений и др.), негосударственных (университеты и институты системы Академии социальных наук) учреждениях, а также авторские прогнозы выдающихся китайских исследователей и аналитиков мирового уровня.

В настоящее время перед китайской школой также стоит задача выявления собственно китайских представлений о мире и взаимоотношениях между государствами до периода централизованной империи Цинь, т.е. до того, как возобладала легистская (*фацзя*) теория поглощения общества государством, и полном и всеобъемлющем подчинении общества государству, а также о принципах взаимоотношений с другими странами зрелого периода развития императорского Китая (до периода маньчжурского завоевания в 1644 г. и проникновения стран Запада в Китай) в отличие от китаецентричных концепций периода централизованного государства и маньчжуро-китайских концепций периода династии Цинь, которые привели Китай к краху под напором внешнего влияния западных государств и царской России¹.

Российская школа также обладает своеобразием. Изначально она была основана на крупных географических исследованиях огромной территории России и прилегающих к ней стран (В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, В. А. Обручев, И. М. Майский и др.), хотя существовала и традиция географических описаний более отдаленных стран и народов (А. Никитин, Н. Н. Миклухо-Маклай) и др. Комплексность в российской школе начала формироваться примерно одновременно с формированием этой тенденции в европейской традиции. Во второй половине XIX в. сформировались концепции экономического районирования. Комплексность всегда составляла характерную черту и сильную сторону российской школы, отражая, по-видимому, какую-то часть национальной психологии и национального характера, связанных с необходимостью освоения огромных географических территорий самой России.

¹ Чжунго сяньцин гоцзяцзянь чжэнчжи сысян сюаньду (Политическая мысль Китая доиньского периода о взаимоотношениях между государствами. Избранное) / Под ред. Янь Сюэтуна и Сюй Цзиня. Шанхай: Фудань дасюэ, 2008.

Школа комплексного «экономизированного» страноведческого анализа как направления в экономической географии развивалась в России достаточно обособленно, но очень мощно с 1920-х гг. Н. Н. Баранским, И. А. Витвером, И. М. Майергойзом, потом В. П. Максаковским, В. А. Колосовым, С. Б. Лавровым, Я. Г. Машбицем, Ю. Д. Дмитриевским, В. В. Вольским, И. А. Родионовой, Т. А. Бунаковой, Н. С. Мироненко, Л. В. Смирнягиным, Р. Ф. Туровским и многими другими исследователями в МГУ им. М. В. Ломоносова, МГПУ, в последние годы в Высшей школе экономики, а также в институтах системы РАН (ИМЭМО). Затем она постепенно стала трансформироваться в научно-синтетическое и учебное направление (т.е. со своей комплексной методологией и методикой изучения регионов с упором на методологию сравнительного анализа) более или менее целостного вида в учебной литературе следующих авторов: В. Г. Игнатов, В. И. Бутов, Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев, В. А. Дергачев, Л. Б. Вардомский, И. Н. Барыгин, М. В. Иванова и др.¹ Как относительно самостоятельное научно-синтетическое направление с акцентом на современном комплексном изучении прежде всего международно-политических регионов мира (зарубежное регионоведение как часть мирового комплексного регионоведения и сравнительной мировой политики) она сформировалась в конце 1990-х гг. на основе сравнительного анализа мировой политики, экономического, социологического и политического кластеров сравнительного страноведения в МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, МГИМО-Университете и Дипломатической академии МИД РФ, МГЛУ, РГУ, ДВГУ, ТГУ и Томском политехе, а также в системе страноведчески ориентированных исследовательских институтов системы РАН (Институт США и Канады, Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения, Институт Латинской Америки, Институт Африки)², в рабо-

¹ Баранский Н. Н. Избранные труды. М. : Мысль, 1980; Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 1998; Игнатов В. Г., Бутов В. И. Регионоведение (методология, политика, экономика, право). Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2001; Максаковский В. П. Географическая картина мира. М. : Дрофа. Т. 1. 2008; Т. 2. 2009; Мироненко Н. С. Страноведение. М. : Аспект Пресс, 2001; Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М. : Гардарики, 2002; Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. М. : ЮНИТИ, 2004; Барыгин И. Н. (ред.) Регионоведение. М. : Гардарики, 2007; Иванова М. В. Введение в регионоведение. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008.

² Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011; Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011; Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е. Многополюсный мир. М. : Вос-

тах А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой, В. С. Мясникова, М. Л. Титаренко, Е. П. Бажанова, К. Н. Кулматова, А. В. Митрофановой и многих других ученых.

Название дисциплины «Мировое комплексное регионоведение» и ее основное содержание впервые в России были зафиксированы в пятитомном учебно-методическом комплексе МГИМО-Университета¹. Одновременно в МГИМО-Университете впервые на бывшем постсоветском пространстве была создана магистерская программа по зарубежному регионоведению, центрированная вокруг его стержневой дисциплины — мирового комплексного регионоведения и создан образовательный стандарт третьего поколения. Далее довольно быстро была сделана попытка еще одного обобщения². Интересно при этом, что проблематика дискурса Запада и Незапада и их структурной дифференциации как глобальных регионов мира со своим видением мирополитического взаимодействия и, соответственно, влияния внутривосточной проблематики на принципы мирополитического устройства получила отражение только в учебнике современной мировой политики под редакцией профессора А. Д. Богатурова³. Такая постановка вопроса сближает российскую школу с китайской⁴.

В настоящее время это направление интенсивно развивается как в упомянутых учреждениях, так и в МГИМО-Университете⁵,

току—Запад, 2012; Кулматов К. Н., Митрофанова А. В. Региональные аспекты международных отношений. М. : Восток—Запад / Дипломатическая академия МИД России, 2010.

¹ *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: Общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Восток—Запад, 2006. С. 5—32; Мировое комплексное регионоведение и международные отношения: в 4 ч., 5 кн. / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : МГИМО, 2002—2004.

² *Барыгин И. Н.* Международное регионоведение. СПб. : Питер, 2009.

³ *Богатуров А. Д.* (ред.). Современная мировая политика. М. : Аспект Пресс, 2009.

⁴ *Ли Син, Лю Цзюнь.* Чжун-Мэй бои ды гонэйчжэнчи фэнси. (Анализ влияния внутренней политики на российско-американское противостояние). Пекин : Шиши чубаньшэ, 2011.

⁵ *Воскресенский А. Д.* Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А. В. Торкунов. М. : Просвещение, 2004. С. 494—500; *Воскресенский А. Д.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) // Восток—Запад—Россия. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 141—144; Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2002.

хотя в рамках отдельных учебно-синтетических дисциплин существует как в России (регионоведение, политическая регионалистика, региональная политология, политическая география, экономическая география, экономическая регионалистика, экономическая социология, геоэкономика, теория ререгионального воспроизводства, региональная политика) в разных университетах и научных центрах, так и в США и Европе (*Regional Science, Economic Geography, Political Geography, Human Geography, Development Studies*), а также в Японии, Китае, Республике Корея и других странах¹. Сходные тенденции осознания необходимости комплексных обобщений возникли также в рамках системного подхода в истории международных отношений и макроисторической социологии². Тенденции к комплексности, и одновременно возвращение к дискуссионным основам и традициям русской политической жизни в переплетении трех политических тенденций западничества, державности и «третьемировства» стали определять самые последние веяния российской науки о мирополитических основах международных отношений.

¹ *Krugman P. Geography and Trade. Leuven & London: Leuven University Press & MIT University Press; Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy. London: The MIT Press, 2001; Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F. Economic Geography. Integration Regions and Nations. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2008; Walter I., Azis I. J., Drennan M. P., Miller R. E., Saltzman S., Thorbecke E. Methods of International and Regional Analysis. Aldershot, Brookfield, USA, Singapore, Sidney: Ashgate, 1998; Agnew J. (ed.). Political Geography. L.; N. Y.; Sydney; Aukland: Arnold, 1997.*

² Системная история международных отношений: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2006 / <http://www.obraforum.ru>; *Розов И. С. Колея или перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М. : РОССПЭН, 2011.*

2

Структурирование регионального пространства. Регионализация и трансрегиональное сотрудничество

2.1. Эволюция концептуальных представлений / 2.2. Структурирование регионального пространства / 2.3. Основные акторы макрорегионального пространства: великие и региональные державы / 2.4. Эволюция концепции «великой державы» в литературе о международных отношениях / 2.5. Эволюция концепции региональной державы / 2.6. Макрорегионализация и трансрегиональное сотрудничество

2.1. Эволюция концептуальных представлений

Как уже было отмечено ранее, исторически сложилось так, что в теоретических и практических исследованиях мирового политического развития научная мысль Запада, заложив основы данного направления и дисциплинарно оформив его в рамках политической географии, долгое время удерживала ведущие позиции, рассматривая другие страны и регионы мира в качестве объекта своих концептуальных построений. Истоком такого подхода послужил период колониального развития в мировой истории. Примеры подобного подхода подробно проанализированы и наглядно проиллюстрированы в известном исследовании Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978 г.), рассматривавшего понятие «Восток» как идеологическую конструкцию, созданный западной политической, академической и культурологической мыслью, в том числе с целью достижения собственных политических целей в рамках «культурного гегемонизма» как продолжения колониальной политики. Это исследование послужило отправной точкой переосмысления европоцентризма в общественных науках Запада и одновременно заложило объективные ограничения для распространения востокоцентричного и европоцентрич-

ного взглядов на остальной мир¹. Следует отметить, что после появления книги Э. Саида в общественных науках стран Европы и Америки понятие «востоковедение» практически полностью вышло из употребления именно в связи с тем, что в исторической памяти оно прочно ассоциировалось с колониальным прошлым.

■ Как отмечал Э. Саид, «ориентализм — это стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и Запада. Так что значительная часть авторов, среди которых есть поэты, писатели, философы, теоретики-политологи, экономисты и имперские администраторы, усвоила это базовое различие Востока и Запада в качестве отправной точки своих теорий, стихов, романов, социальных описаний и политических расчетов в отношении Востока, его народов, обычаев, ума, судьбы и т.д.». Исходя из этой посылки ясно, что оксидентализм сформировал ориентализм, но возможна ли гармония мира на alter ego ориентализма — востокоцентризме?

□ Дело за малым: ввести востоковедение в число приоритетных направлений развития современных гуманитарных наук и разработать комплекс мер по включению элементов востоковедного знания в программы школьного и вузовского обучения. Поскольку цели наши ясны, задачи определены.

Зеленев Е. И. Постигание образа мира. СПб.: Каро, 2012. С. 328.

Нельзя не отметить также целенаправленные попытки учесть незападные реалии в рамках западных политологических исследований, предпринимавшиеся рядом американских и европейских ученых еще в 1970—1980-е гг. В данном контексте отдельную группу составляют работы, в которых анализировалось внутреннее политическое устройство и политическое развитие восточных стран, а также с позиций западных теорий (т.е. буржуазных теорий, поскольку в то время термин «западный» представлялся возможным только в виду наличия незападных, т.е. небуржуазных, марксистско-ленинских, наук) концептуализировались особенности восприятия понятия «государства» и международных отношений странами Востока. К этому тематическому блоку относятся классические работы Дж. Фэрбэнка, Л. Пая, Ф. Риггза, К. Гирца, О. Уолтерса и ряда других американских и европейских авторов. Благода-

¹ *Зеленев Е. И. Постигание образа мира. СПб.: Каро, 2012; Васильев Л. С. Всеобщая история: в 6 т. М.: Книжный дом Университет, 2012.*

ря этим работам исследования в науке о международных отношениях приобрели новый ракурс, высвечивающий совершенно иное — более глубокое и объективное — отношение к взаимодействию государств на международной арене.

- Исследования Дж. Фэрбэнка, а в отечественной традиции Л. И. Думана, В. С. Мясникова, Л. С. Переломова, С. Н. Гончарова ввели в научный оборот такое понятие, как «китайский мировой порядок», обозначающее традиционную (традиционалистскую) систему иерархизированных отношений Китая с окружающими государствами и территориями. В работах О. Уолтерса, посвященных Юго-Восточной Азии, впервые появился термин «государство-мандала», характеризующий модель распространения государственной власти политических центров региона по аналогии с расходящимися концентрическими кругами. Классическими в обществоведческих исследованиях стали работы Л. Пая, обосновавшего методику выявления специфики социально-политических процессов на Востоке и Западе. В российской традиции оригинальную мироустроительную концепцию буддийского мира предложил В. И. Корнев*. Все эти работы заложили основу необходимости объективистского восприятия полицентричного мира.

См.: Корнев В. И. Буддизм — религия Востока. М.: Наука, 1990; Он же. Буддизм и его роль в общественной жизни Азии. М.: Наука, 1983.

Политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в такой этап своей эволюции, когда уже отнюдь не только западные страны стали определять и сами параметры этой эволюции, и научные рамки ее осмысления. В последнее время этот этап связывается с попыткой оспорить концепцию постиндустриального развития. Несмотря на крайне болезненное восприятие таких попыток на Западе, этот факт быстро получил отражение в современной, прежде всего западной, академической мысли, что позволяет проследить достаточно четкую линию трансформации роли и места Востока в мировой, а также в отечественной политической науке.

Следует особо отметить ряд исследований последних десятилетий, например, в политэкономическом направлении, анализирующих новую экономическую роль Востока. Так, в работе А. Г. Франка «Ре-Ориент: глобальная экономика в век Азии» (1998) основное внимание фокусируется на исследовании структуры и динамики мировой экономики с точки зрения всей системы (включая азиат-

скую подсистему), а не только ее европейской части. Эта работа через десятилетие породила волну комплексных исследований экономики стран Азии¹.

Еще одна интересная группа исследований анализирует роль Востока в международных отношениях с точки зрения международно-исторического подхода. Здесь следует отметить работы К. Бейли, Б. Бузана и Р. Литтла, которые приходят к выводу о том, что необходима не переориентация истории международных отношений (с Запада на Восток), а ее децентрализация².

Безусловно, упомянутые нами исследования не охватывают полностью всего многообразия трудов, анализирующих изменение роли и места Востока как макрорегиона мира в современных международных политических и социально-экономических отношениях, однако позволяют прийти к однозначному выводу о том, что с течением времени все более весомыми становились голоса тех, кто настаивал на включении незападной проблематики в политический и политэкономический анализ международных отношений, какую бы степень отторжения в классических западоцентричных и востокцентричных общественных науках это ни вызывало.

Однако вплоть до сегодняшнего времени исследования Востока не включались в предметное поле мировой политики. Представляется, что можно выделить два направления трансформации мировых исследований.

Первое представляет собой возможность формирования и развития незападных концепций международных отношений, мировой политики, политической компаративистики, разрабатываемых в том числе самими исследователями стран Востока или с их непосредственным участием, основой которых стали упомянутые концепции «китайского мирового порядка», «государства-мандалы», «буддийского мирового порядка» и т.д.³ Их способности выйти за пределы узкого круга интеллектуальных разработчиков, не быть обращенными только в прошлое и играть значительную роль в со-

¹ *Потанов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В.* Экономика современной Азии. М.: Международные отношения, 2008.

² Подробнее см.: *Bayly C. J.* The Birth of the Modern World, 1780—1914: Global Connections and Comparisons. Oxford: Blackwell, 2004; *Buzan B.* International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.

³ См., например: *Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia* / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N. Y.: Routledge, 2010.

временном мире будут зависеть от универсальности самих этих концепций, которая сегодня неизбежно затрагивает сравнительно-политическую проблематику типа социально-политического доступа в разных странах мира.

Второе акцентирует внимание на расширении незападоцентричных конструктивистских подходов в рамках теоретических построений глобального и промежуточного (регионального) уровней, находящихся «между» универсальными и исключительно страновыми подходами. Это направление, признавая правомерность типологизации по типу порядка социально-политического доступа, концентрируется на сравнительном анализе практических (деятельностных) аспектов конструирования гармоничных межгосударственных отношений. В рамках последнего направления отечественными политологами-международниками ведутся разработки, анализирующие проблематику Востока в контексте и с учетом развития такого явления, как мировая политика.

Понимание международным академическим сообществом необходимости и плодотворности слияния классического страноведения (*Area Studies*) и отдельных дисциплинарных исследований в области международных отношений и мировой политики с целью выработки подходов объективистского типа, а также слияния в единый комплекс и формирование синтетической междисциплинарной области научного и образовательного поля¹ «зарубежное регионоведение» / «мировое комплексное регионоведение»² (*World Regional Studies / Comprehensive Regional Studies*), с опорой прежде всего на методологическую базу политической науки, привело к созданию в 1992 г. под эгидой Совета Европы общеевропейской информационной сети по международным отношениям и регионоведению (*EINIRAS*). Участниками этой сети в настоящее время являются ведущие научно-исследовательские и образовательные

¹ О проблеме продуцирования новых знаний в междисциплинарных областях см., в частности: Торкунов А. В. Фундаментальность в общественных науках // Независимая газета. 2007. 7 дек.

² В России учебное направление получило название «Зарубежное регионоведение», в то время как исследовательское направление, находящееся на стадии трансформации в синтетическое научное направление со своим кругом дисциплинарных методологий и исследовательских методик, получило наименование «Мировое комплексное регионоведение» (МКР), пока еще не являющееся общепринятым. Подробнее см.: Воскресенский А. Д., Ефремова К. А., Лунев С. И., Лузянин С. Г. Модульный принцип обучения востоковеда в условиях Болонского процесса / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 9—11.

учреждения из 24 стран Европы и Северной Америки. В этом же направлении в последние годы начал осмысливать международно-региональную действительность и крупнейший мировой форум — «Международный конгресс по исследованию Азии и Северной Африки» (ICANAS). Одновременно массивное освоение востоковедением методологии структурного кроссрегионального политического анализа в рамках восточной политологии, выявление этапов и детальное исследование типа социального порядка конкретных государств Востока — следующий этап развития национальной школы востоковедения в России.

В целом в России уже сделан существенный шаг в разработке обоих этих направлений как на научном, так и на образовательном уровне.

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что любое теоретическое объяснение современных международных политических и экономических процессов не может считаться полным без анализа их специфики в незападных регионах мира, поскольку именно к этой части земного шара относится большинство участников международной системы. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей азиатских и африканских регионов с точки зрения комплексного сравнительного политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических процессов в Азии и Африке, а искажения на уровне понимания вели к просчетам на уровне практики международного взаимодействия. В этом контексте суть более широкой научной проблемы заключается в разработке и применении в конкретном практическом анализе научных принципов определения соотношения общих (общеполитических) и специфических (региональных / страновых) закономерностей в русле деятельностно-практикоориентированного подхода к мировой политике.

Дискуссионные вопросы научного характера, связанные с такой постановкой вопроса, на ранней стадии были обозначены в коллективной монографии «Восток / Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» и задали вектор дальнейших исследований и преподавания в данной области.

За последние десятилетия процессы регионализации (подсистемный уровень международных отношений) стали важным аспектом политической и экономической трансформации мировой системы. Если рассматривать глобализацию как «возникновение новой системы мирового хозяйствования», а регионализацию — как «формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств», то эмпирический материал двух последних десятилетий показывает, что экономические связи всех видов развивались преимущественно между странами относительно сопоставимого уровня развития и во многом на региональном уровне, независимо от того, к какому макрорегиону мира — Востоку или Западу — они относились. В интеграционных группировках наблюдается выход воспроизводства за национальные границы, но поскольку внутри каждой из них государства-члены обладают определенными преимуществами при перемещении капиталов, товаров и услуг, то происходит выход не на мировой, а на региональный рынок. Эффективность такого рода экономических группировок нередко привлекает новых членов, тем самым пространственно расширяя этот сегмент мирового хозяйства. Но большая выгодность, а зачастую и большая безопасность операций внутри объединения из-за ослабления внешней конкуренции и усиления переговорных позиций ведут к опережающему росту внутрирегиональных связей по сравнению с международными. При достижении определенного момента («критической массы») регионализация может начать сдерживать глобализацию, так как последняя может оказаться менее выгодной и более рискованной, либо бросать ей своеобразный «региональный» вызов, корректируя направление ее развития, включая создание военно-политических коалиций конфронтационного типа.

Отечественные исследователи уделили большое внимание деятельности различных региональных интеграционных группировок (феномен «малого» трансрегионализма / макрорегионализации и их институциональных форм), представляющих собой добровольное объединение ряда стран конкретного региона, основанное на международных соглашениях для достижения какой-либо общей провозглашенной цели, как правило, в сфере экономики. Возникновение региональных объединений в целом накладывает определенные ограничения на мирового лидера, «втягивают» США в систему региональных связей, заставляют «считаться» со скоординированной в рамках региональных объединений политикой на-

циональных государств, что иллюстрирует, как отношения на подсистемном (региональном) уровне влияют на мировую политику (глобальный уровень).

Существуют различные типы региональных интеграционных группировок. Первый тип (ЕС, а потом МЕРКОСУР) с самого начала преследовал главным образом достижение экономических целей. Этот тип интеграции был детально проанализирован в серии европоцентричной научной литературы: *Шишков Ю. В.* Интеграционные процессы на пороге XXI в. (М. : III Тысячелетие, 2001), *Европейская интеграция* (под ред. О. В. Буториной. М. : Деловая литература, 2011); *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция (М. : Международные отношения, 2003); *Стрежнева М. В.* ЕС и СНГ: сравнительный анализ институтов (М. : МОНФ, 1999). Политическое же взаимодействие стало приобретать и самостоятельное значение. Второй тип (ОЭС) ставит во главу угла политические цели, и результативность подобной региональной интеграции весьма сомнительна. В то же время очевидно, что за общим понятием «регионализм» могут скрываться самые различные процессы и явления, а следовательно, от типа (открытый / закрытый) и характера (старый / новый) регионализма зависит степень его влияния на международные процессы¹.

Теория, подтвержденная практикой исторического развития в XX в. («советская», «китайская», «северокорейская» модели модернизации и развития), показала, что конкурентоспособность закрытой (полузакрытой) подсистемы значительно меньше, чем открывающейся или полностью открытой, стабильной и самостоятельной, соответственно, и меньше ее влияние на международный уровень. Формирование открытой системы, однако, требует и формирования политических партнерств с учетом необходимости «выравнивания» не только экономического, но и политического пространства.

В научно-политической литературе XIX и XX вв. преобладала точка зрения, что стабильными бывают только закрытые и полузакрытые социально-политические системы. Опыт развития стран Запада доказал, что можно добиться стабильности и развития открытых социально-политических систем на конкретных исторических этапах развития человечества, если этот процесс не будет по-

¹ *Кулматов К. Н., Митрофанова А. В.* Региональные аспекты международных отношений. М. : Восток—Запад / Дипломатическая академия МИД России, 2010.

дорван разного рода злонамеренными действиями вроде актов международного терроризма. Современный же финансово-экономический кризис продемонстрировал, что расширение даже более конкурентных и успешных социально-политических моделей открытого доступа неизбежно «упрется» в необходимость внутренних трансформаций остальной части мира, функционирование которой определяется или же более сложными, или, возможно, даже другими закономерностями.

Дело в том, что рост межгосударственного взаимодействия на региональном уровне в качестве значимой тенденции мирового развития определяют не только *экономические*, но также *политические* и *культурно-цивилизационные / социально-психологические* факторы. В связи с этим и с теоретической точки зрения весьма вероятен переход мировой системы именно к многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между ними — культурными, экономическими, политическими и иными, и снятием этих противоречий через трансрегионализм и транскультурализм, пока мировая система не получит нового импульса для развития, а глобализация не вступит в свою новую фазу на основе преобладания государств с открытым социально-политическим доступом как более справедливой, а значит, более универсальной системы.

Формирование аморфных военно-политических коалиций, тормозящих переход от одного типа социального доступа к другому, позволяет рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как возможную конечную цель на данном историческом отрезке развития человечества, т.е. как формирование временного баланса отношений между государствами с естественным и открытым типами порядка социально-политического доступа. Однако эволюционное изменение этого баланса в пользу системы открытого социально-политического доступа исторически неизбежно, после чего трансрегиональные и транскультурные связи перейдут в новое качество.

В то же время преодоление финансового кризиса совместными мерами практически всех стран, играющих значимую политико-экономическую роль, выявило высокую степень эластичности современной мировой системы. Конкретный мировой порядок будет трансформироваться не силовым путем, как в XX в., а путем эволюционной трансформации. В рамках такого концептуального объяснения макрорегиональные комплексы (Восточная Азия, ЕС

и др.) могут выступать в качестве прообразов полюсов новой полицентричной мировой системы и нового баланса сил, а преобладающие внутри макрорегионов политические и экономические тренды определяют архитектуру мировой системы отношений и преобладающий тренд развития.

В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о том, какие политические принципы определяют на современном этапе функционирование восточных / незападных обществ в отдельности и восточных / незападных регионов в целом, как эти общества реагируют на глобальные политические процессы и феномен трансрегионального сотрудничества, что определяет тенденции политической модернизации в странах Азии и Африки, как эти страны воспринимают политическую модель «экстралиберальной демократии американского типа», продвигаемую США по всему миру, и какие альтернативные модели политического развития, и в частности модели демократии, формируются на Востоке¹. Отметим, что «достройка» комплексного регионоведческого знания в данном конкретном случае осуществлялась «через» наращивание глубины понимания «восточной» проблематики, на основе которой удалось сформулировать концепцию «незападной проблематики», как более широкой по охвату и более сложной, чем традиционная востоковедная проблематика. Такая постановка проблемы позволила по-иному, чем ранее в сравнительной политологии, подойти к проблеме соотношения глобальных закономерностей и региональной / страновой специфики.

Важно отметить, что на этом конкретном направлении исследования отечественное зарубежное регионоведение фактически вышло на передовые рубежи дискуссии в мировой политической науке, переосмыслив и существенно продвинув заложенные Л. Паем структурные принципы анализа незападной / восточной политической реальности в сравнительно-политической перспективе. Это привело к появлению в 2011 г. уже упоминавшегося ранее исследования Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, позволившего взглянуть на проблематику политической модернизации под совершенно другим углом зрения — с точки зрения типологии социально-политического доступа.

¹ Детальная классификация с развернутыми сущностными объяснениями представлена в: *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 166–168.

Данные компаративистские исследования посвящены обоснованию методологических основ сравнительно-политического анализа и классификации политических систем стран мира по формам правления, типам политической культуры и т.д. Особенности политической культуры стран Востока предстают прежде всего в виде «переплетения черт и элементов, институтов, стереотипов мышления, норм и обычаев, традиционных для афро-азиатских народов, с заимствованиями из теории и практики западного мира»¹, т.е. акцентируется внимание на их реальной специфике.

Существенное внимание отечественные исследователи стали уделять генезису и закономерностям развития региональных подсистем, т.е. реальной конфигурации взаимосвязей внутри них, соединив, таким образом, аналитические и спатальные системы координат. Значимость данного исследовательского направления напрямую обусловлена необходимостью дать сущностную оценку нового этапа международных отношений, а также проанализировать проблемы глобального лидерства с учетом региональных тенденций.

В рамках этого подхода основное внимание было привлечено к Китаю — крупнейшей полупериферийной стране и региональной державе, которая в настоящее время превращается в центр восточноазиатской подсистемы международных отношений («Большой Китай»)², постепенно становясь главным (хотя и гипотетическим) кандидатом на статус второй сверхдержавы. Отечественными исследователями справедливо отмечается, что «именно Китай скорее всего способен бросить вызов Западу, и прежде всего США»³. По объему ВВП (в расчете по паритету покупательной способности) КНР вышла на второе место в мире, Япония переместилась на третье. В 2010 г. китайская экономика стала второй по размерам национальной экономикой после США. В то же время экономический кризис ставит под сомнение простые количественные параметры развития стран и регионов, инновационное лидерство современного типа США и ЕС отнюдь не подорвано, модель китайского авторитарного регионального лидерства в Большой Вос-

¹ Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : АСТ: Восток—Запад, 2007. С. 118.

² Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010.

³ Китай в мировой политике / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2001. С. 481.

точной Азии оспаривается Японией, Индией, странами АСЕАН, а обозначающийся инновационный потенциал Китая в деле создания нового технологического уклада нуждается в подтверждении, и было бы преждевременно считать Китай «технологическим центром», а не «индустриальной мастерской». Последний «статус» в действительности может быть легко нивелирован на следующей ступени мирового технологического развития.

Восточноазиатский регион является наиболее динамично развивающимся районом земного шара, и Дальний Восток России — ворота страны в эту бурно развивающуюся трансрегиональную макрозону, переформатирование которой после экономического кризиса повлияет на всю мировую систему отношений. Экономический потенциал Сибири и Дальнего Востока огромен, именно здесь лежит возможность для Российской Федерации стать действительно мощной евротихоокеанской державой, но и вызовы для России, включая политические, исходящие из этого макрорегиона, также нельзя сбрасывать со счетов. Потенциальная сила их такова, что они могут влиять на перспективы целостности всей страны¹.

Нарращивание темпов глобализации и обострение связанных с ней проблем, с одной стороны, и усиление региональной составляющей мировых экономических процессов — с другой, актуализируют задачу проведения регионального анализа, в частности регионального измерения международных отношений. Способствует ли появление проблем энергетической безопасности центростремительным тенденциям в отдельных регионах и субрегионах или, наоборот, ведет к разобщению и дальнейшему разделению по «национальным квартирам»? Как эта проблематика связана с глобальным лидерством? Если интеграционное начало превалирует на региональном уровне, а глобалистские антикризисные механизмы пробуксовывают, то смогут ли ответить на новые вызовы региональные структуры политической и экономической безопасности?² Иными словами, основным источником противоречий между акторами международных отношений выступают в первую очередь геоэкономические факторы, т.е. экономическая составляющая во многих случаях начинает превалировать над военными и полити-

¹ Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : РОССПЭН, 2004. С. 447.

² Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А. В. Торкунова, научн. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М. : МГИМО, 2007. С. 201.

ческими интересами. Что же касается геополитических трендов, то в свете «новых угроз» (к числу которых относятся наркотрафик, исламский терроризм и т.д.) они парадоксальным образом выступают, скорее, объединяющим, гармонизирующим фактором¹.

Энергетическая безопасность изменяет смысл понятия «сферы влияния», которое получает иную трактовку и понимается как «гарантированный доступ к ресурсам», обеспеченный прежде всего экономическими и дипломатическими средствами. При этом политическая составляющая этого процесса или выносятся «за скобки», или остается скрытой.

Анализ мирополитического взаимодействия и макрорегиональных трансформаций в регионах мира, предложенный в серии новых отечественных исследований, а именно в книге «*Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации*» и монографии исследователя А. А. Байкова «*Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии*»², как бы «географически» и интеллектуально «достраивает» проекты европоцентричной интеграции, показывает соотношение общих интеграционных закономерностей и их успешного регионального воплощения³. Комплексный анализ политических и экономических изменений, геополитических рисков, аспектов энергетической безопасности, вопросов военно-технического сотрудничества, вопросов, связанных с появлением новых угроз и вызовов безопасности, интеграционных трендов, позволяет говорить о новом феномене — «восточном трансрегионализме», т.е. о процессах стяжения субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии в единый макрорегиональный комплекс «Большая Восточная Азия» на основе кооперационного взаимодействия консенсусного типа. Процессы трансрегионального стяжения отражают новую тенденцию в мировой политике, а макрорегиональные комплексы, возможно, станут новыми полюсами в складывающейся полицентричной структуре

¹ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А. В. Торкунова, научн. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. С. 108.

² Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии. М. : НОФМО—Аспект Пресс, 2012.

³ См., например: Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной. М. : Деловая литература, 2011; Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М. : Международные отношения, 2003 и др.

мира. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с возможностями интеграции России в формирующийся макрорегион, рассматриваются возможные принципы такой интегрированности, прикладные вопросы и перспективы выстраивания эффективной российской внешней политики на азиатском направлении во взаимосвязи с внутрирегиональными процессами.

Своеобразным практическим итогом комплексного кроссрегионального анализа российской школы стали, конечно, прогностические обобщения: «Стратегический глобальный прогноз 2030»; «Россия в полицентричном мире»¹ и «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке»².

Параллельно в мировой науке необходимо отметить появление целого ряда новых операциональных концепций, которые фиксируют отдельные макрорегиональные изменения, в том числе связанные с процессами в области экономики и безопасности. На следующем этапе осмысления эти концепции начинают генерировать новые исследования в международной и комплексной регионоведческой проблематике комплексного и синтетического типа. В качестве примеров следует привести концепцию меза- и мегарегионов (японский исследователь О. Йеда), а также концепцию Центрально-Восточной Азии (русский политолог А. Д. Богатуров).

Концепция О. Йеды характеризует региональные трансформации как процесс зарождения и изменения положения мезорегионов в рамках более крупных региональных образований (мегарегионов). Региональная трансформация возможна в том случае, когда мегарегион уже не генерирует центростремительные импульсы, необходимые для поддержания целостности своей территории, что может совпасть с влиянием внешних факторов (в качестве таких можно отметить процессы политической и экономической интеграции в соседнем регионе, культурное и/или экономическое влияние, процессы глобализации). Сформировавшийся в рамках мегарегиона мезорегион характеризуется параметрами региональной интеграции, институциональной идентичности, самоидентичности и внешней идентичности.

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030: расширенный вариант ИМЭМО РАН / под ред. акад. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011; Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011.

² Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шапкленной и А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013.

Другой подход к оценке процессов региональных трансформаций был предложен А. Д. Богатуровым, высказавшим идею о формировании пространства Центрально-Восточной Азии, которая в военно-политическом и политическом отношениях включает в себя как зоны прибрежной и островной Тихоокеанской Азии, так и глубинные материковые пространства внутреннего Китая и сибирских регионов России с выходом к восточным степным и горным массивам Казахстана, Киргизии и таджикского Памира.

Эти идеи были суммированы в теоретических работах, заложивших основы теоретико-практических исследований этапов и процессов формирования транснационального политического пространства¹, как и теоретического осмысления социально-политической интеграции глобальных регионов мира².

Существует и более широкий комплекс отечественных исследований и концепций, посвященных тенденциям макрорегионализации и трансрегионализации (А. Д. Воскресенский, Н. А. Косолапов, М. В. Стрежнева) на материале Европы (В. Г. Барановский, О. В. Буторина, М. В. Стрежнева, Ю. В. Шишков, И. Л. Прохоренко, Е. С. Громогласова и др.) и Восточной Азии (В. Я. Белокреницкий, А. Д. Воскресенский, В. В. Михеев, С. И. Лунев, Г. И. Чуфрин и др.), происходящим под влиянием целого ряда факторов (регионального и глобального лидерства, «старых» и «новых» проблем безопасности, «малого трансрегионализма», трансформации политических систем). Концепция макрорегионализации и трансрегионализма как новых трендов мировой политики как бы «вбирает» в себя более операциональные концепции мега- и мезорегионов (регионов) и идею «стягивания» регионов.

Осмысление новой специализированной научной литературы приводит к появлению теоретических и практикоориентированных работ³, которые, в свою очередь, в современном мире высоко-

¹ Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : ИМЭМО РАН, 2010; Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : Весь мир, 2011.

² Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012.

³ См., например: Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. М. : Весь мир, 2009; Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. М. : Новый хронограф, 2012; Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М. : Институт востоковедения РАН, 2012 и др.

2.2. Структурирование регионального пространства

специализированного профессионального знания формируют комплекс учебной литературы нового типа, со значительным, а в большинстве случаев и преобладающим исследовательским компонентом, открывающим новое не только для российской, но и мировой научной мысли научное направление, посвященное комплексному анализу мирополитической и сравнительно-политической проблематики с учетом трансформирующейся роли Востока / Запада в международных отношениях.

Если же говорить о евро-атлантической научной традиции, то интересующая исследователей этого профиля проблематика была собрана в двух хрестоматиях по политической географии¹, которые фактически стали квинтэссенцией базовых политико-географических подходов к проблематике региональных трансформаций, точно так же как до этого теоретическая и практикоориентированная концептуальная литература была собрана в хрестоматии и литературе обобщающего типа по международно-экономическим отношениям².

2.2. Структурирование регионального пространства

Разные исследователи в различных национальных научных школах по-разному видят способы структурирования регионального пространства³. Европейские исследователи начали заниматься этой проблематикой раньше всех, поскольку более 100 лет дебатировали вероятность и необходимость реализации на практике «лозунга

¹ *Agnew J.* (ed.) *Political Geography. A Reader.* L.; N. Y.; Sydney; Auckland: Arnold, 1997; *Agnew J., Mitchell K., Gerard Toal* (eds.) *A Companion to Political Geography.* Malden, MA-Carlton, Australia: 2008; *Cox K., Low M.* (eds.) *The Sage Handbook of Political Geography.* L.: Sage, 2008.

² *Garnaut R., Drysdale P.* *Asia Pacific Regionalism. Readings in International Economic Relations.* Pymble, Australia: The Australian National University, 1994; *New Regionalisms in the Global Political Economy* / Ed. By Sh. Breslin, C. W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. N. Y.; Routledge, 2002; *Spero J., Hart J.* *The Politics of International Economic Relations.* Boston: Wadsworth, 2003; *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. N. Y.: Cambridge University Press, 2007 и другая литература аналогичного профиля.

³ *Максаковский В. П.* Географическая картина мира: в 2 кн. М.: Дрофа. Кн. I, 2004; кн. II, 2005; Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. М.: Весь мир, 2009; *Blij H. de.* *The Power of Place. Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape.* Oxford: Oxford University Press, 2009; *Blij, Harm de.* *Why Geography Matters. Three Challenges Facing America: Climate Change, The Rise of China, and Global Terrorism.* Oxford: Oxford University Press, 2005; *Payne A.* *The Global Politics of Unequal Development.* Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 2005.

Соединенных Штатов Европы», реализовавшегося в концепции Европейского союза.

Британский исследователь Р. Фоун выделяет такие неотъемлемые элементы структурирования регионального пространства, как мотивации его участников, институционализация регионального взаимодействия в рамках интеграционных объединений, формирование общей идентичности и ценностей (например, европейских ценностей для Европейского союза, исламских ценностей для Лиги арабских государств, азиатских ценностей для АСЕАН), предотвращение и разрешение конфликтов в рамках региона. Он также отмечает, что роль гегемона, которым в настоящее время являются США, все еще остается значительной. Гегемон обладает возможностью оказывать существенное влияние на структурирование региона, замедляя процессы формирования интеграционных группировок или занимая место региональной державы, которая могла бы сама взять на себя инициативу в активизации процессов региональной трансформации. Влияние гегемона может быть и обратным, когда его действия приводят к усилению сплоченности региона¹. В этой связи внимания заслуживает идея П. Дж. Каценштейна, который утверждает, что современный мировой порядок представляет собой не гегемонию во главе с США, а «империю» под руководством этой державы, для которой региональный уровень и трансрегиональные связи очень важны, так как позволяют находить решения некоторых глобальных проблем. Исследователь полагает, что политика США «сделала регионализм центральной чертой мировой политики»².

Интересным дополнением к выдвинутым выше теоретическим представлениям является **теория институционального дизайна** (*institution design theory*), подробно описанная молодым российским исследователем региональных процессов на постсоветском пространстве Ю. А. Никитиной³. Будучи одним из ответвлений институционализма, данная теория исследует «институциональный дизайн» региональных организаций, под которым понимаются «формальные и неформальные правила и организационные характеристики, которые составляют основу института», а также замы-

¹ См.: Fawn R. Regions and their study: wherefrom, what for and whereto? // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. P. 17–26.

² Ibid. P. 6, 26.

³ Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009.

сел структуры какого-либо института, который будет в наибольшей мере соответствовать целям творящих его акторов. Положения авторов этой теории Б. Коременоса, Ч. Липсона, Д. Снайдала были впоследствии развиты исследователями неевропейского регионализма А. Ачарией и Э. А. Джонстоном. Их главная мысль состоит в том, что институциональный дизайн, понимаемый как механизм и структура организации, отвечает потребностям государств, которые формируют какое-либо объединение. Благодаря заданному аналитическому посылу становится возможным анализ какого-либо регионального объединения без привязки к опыту европейской интеграции, исходя из эффективности выполнения поставленных при формировании группировки целей. Так, дизайн региональных организаций в развивающемся мире основывается на принципе сохранения суверенитета (при его возможной незначительной трансформации), а функциональные принципы оказываются менее важными, и с точки зрения эффективности выполнения своих целей такие группировки, как правило, выполняют свои функции не хуже, чем Европейский союз — свои¹.

Одной из главных концепций, связанных со структурированием региона, является идея **региональных комплексов безопасности** (*regional security complexes, RSCs*), выдвинутая британским исследователем Б. Бузаном в начале 1990-х гг., как «групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в такой значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга»².

Исследователи Э. Лейк и П. Морган попытались применить идею региональных комплексов безопасности к анализу постбиполярных международных отношений и исследовать возможные варианты регионального порядка как локальной вариации мирового порядка. Под региональным порядком исследователи прежде всего понимают модель управления конфликтом в рамках региональных комплексов безопасности. П. Морган выделяет различные виды регионального порядка, применимые в контексте анализа с помощью региональных комплексов безопасности: от традиционного

¹ Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. С. 143—147; *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 15—16, 261—263.

² *Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era* / B. Buzan. N. Y.; L.: Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 190.

баланса сил до порядков, требующих наличия совместных усилий («концерт великих держав», коллективная безопасность, плюралистическое сообщество безопасности и интеграция). По Д. Лейку, мирный региональный порядок определяется, как правило, не результатом сотрудничества, стихийно возникающего из анархии, а в результате политики государства-доминанта в регионе¹.

В. Хеттне и Д. Содербаум выделяют понятие **региональной сплоченности** (*regionness*), отражающее степень единства региона и происходящих в нем процессов в различных сферах, при этом, как отмечают авторы, национальные государства не исчезают, а начинают подчиняться комплексным взаимосвязям отношений между государством, рынком и обществом на уровне региона². Усиление степени взаимодействия между государствами, региональными институтами, организациями и негосударственными акторами приводит к трансформации региональной экономики и общества, тем самым сплавивая регион. Ученые выделяют пять степеней развития региона: региональное пространство, региональный комплекс, региональное общество, региональное сообщество и государство-регион, которые различаются по степени региональной сплоченности (от низшей к высшей). При этом регионы не обязательно должны проходить все стадии в этой последовательности, это лишь общие маркеры отношений внутри региона³.

Российские исследователи Г. К. Широков и А. И. Салицкий выделяют два типа и один подтип экономической регионализации, но данную концепцию можно использовать и для анализа процессов регионализации в целом. *Первый тип* — возрождение (зарождение) региональных держав, которые способны навязывать сопредельным странам свою волю мирными дипломатическими (как политическими, так и экономическими) методами. Подобные взаимоотношения зачастую носят неформализованный характер и редко подчиняются каким-либо правилам. Для устойчивости такого типа необходимо либо наличие постоянных военных угроз, либо взаимовыгодные экономические связи, основанные на принципе комплементарности, чего не очень легко добиться. *Второй тип* — формирование региональных (интеграционных) группировок, ко-

¹ Regional Orders: Building Security in a New World / Ed. By A. Lake, P. Morgan. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997. P. 11—44.

² Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness / New Regionalism in the Global Political Economy. L., 2002. P. 34, 42.

³ Op. cit. P. 46.

торое становится возможным при примерном равенстве потенциала участвующих государств. Как правило, такое сотрудничество формально институализировано и юридически закреплено, что делает его предпочтительной моделью. Подтип такой организации — возникновение так называемых треугольников роста. Как отмечают исследователи, в реальности наблюдается параллельное существование региональных держав и региональных группировок, которые влияют на структурирование пространства¹.

Р. Фоун отмечает несколько типов структурирования региона. *Во-первых*, регион может формироваться вокруг сильного лидера. Для успешного оформления и развития регионального сотрудничества зачастую необходимо наличие достаточно влиятельной державы. Примерами такого сплочения являются региональные процессы в Восточной Азии (с движущими силами в виде Японии и Китая), ЕС (Франции и Германии), Северного сотрудничества (Швеции), СНГ (России) и т.д. При этом наличие нескольких сильных лидеров может замедлить данный процесс из-за их борьбы за лидерство (противоборство Китая и Японии в Восточной Азии, наличие нескольких доминантных держав в Центральной Азии и др.). *Во-вторых*, регионализм может возникнуть как ответ на действия гегемона, крупной державы или другого региона. Примером такого рода является активное противодействие в странах Латинской Америки влиянию США. *В-третьих*, регионализм может возникнуть и в условиях отсутствия какой-либо сильной державы или активного вмешательства гегемона. Например, у государств Центральной и Восточной Европы после распада биполярной системы не наблюдалось какого-либо лидера или давления со стороны США, что, однако, не помешало им сформировать регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)².

2.3. Основные акторы макрорегионального пространства: великие и региональные державы

Из дискуссии о лидерстве на региональном пространстве плавно вытекают вопросы определения статуса великих и региональных

¹ Широков Г. К. Тенденции современного развития: глобализация и/или регионализация? (Регионализация и ее типы) / Г. К. Широков, А. И. Салицкий // Восток (ORIENTS). 2003. № 5. С. 89—90.

² Fawn R. «Regions» and their study: where from, what for and where to? // Review of International Studies. P. 27—28.

держав. Сначала необходимо составить комплексное представление, что понимается под лидерством в современной мировой политике.

По определению российского исследователя А. Д. Богатурова, лидерство характеризуется «способностью страны или нескольких стран влиять на формирование международного порядка или его отдельных фрагментов», при этом в кругу лидеров может быть своя иерархия¹. Можно выделить классических лидеров, обладающих набором лучших военных, политических, экономических и других показателей, позволяющих им проецировать свое влияние на международном уровне, и неклассических лидеров, которые компенсировали отсутствие значительной военной мощи экономическим весом (такими лидерами являются Япония и Германия). Изначально иерархия лидеров во второй половине XX в. формировалась исходя из наличия вооруженной силы, необходимой для установления контроля над поведением других государств, экономической мощи, идеологического влияния, способствующего добровольному подчинению лидеру. В 1980-е и 1990-е гг. к этим принципам добавились также научно-технический потенциал, наличие организационного ресурса, способность проецировать «мягкую силу»². Был выделен следующий набор из пяти черт, необходимых для лидерства в мировой политике: 1) военная сила; 2) научно-технический потенциал; 3) производственно-экономический потенциал; 4) организационный ресурс³; 5) совокупный креативный ресурс (потенциал производства востребованных жизнью инноваций⁴ как в технологическом, так и в политическом и культурно-философском смысле).

А. Д. Воскресенский связывает процессы структурирования регионального и в особенности макрорегионального пространства, типов и интенсивности трансрегиональных связей с дискуссией о лидерстве в мировой политике⁵. Геополитические изменения ре-

¹ Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. № 3. С. 10.

² Концепция «мягкой силы» (soft power) была выдвинута Дж. С. Наем. См.: Nye J. S. The Paradox of America Power. Oxford: Oxford University Press, 2002.

³ Организационный ресурс понимается как способность страны оказывать прямое влияние на принятие международных решений посредством участия в их выработке, а также через выдвижение идей.

⁴ Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. № 3. С. 11–14.

⁵ Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006. С. 10–23. См. также: Воскресенский А. Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Никитский клуб, 2004.

гионального пространства, в результате которых усиливающиеся регионы начинают переформатировать мировой порядок, в частности, с помощью новых трансрегиональных связей, обусловлены прежде всего деятельностью держав на глобальном уровне. Помимо США как государства-доминанта (влияние которых несколько ослабло по сравнению с прежним статусом государства-гегемона), можно также выделить целую группу государств, не обладающих всеми критериями для становления в качестве государства-доминанта¹, тем не менее имеющих больший или меньший потенциал «направлять или корректировать мировое развитие, прежде всего в конкретном географическом регионе². Это представление, как отмечают многие исследователи³, во многом определяет формирование новой модели мирового порядка на основе процессов регионализации и новых трансрегиональных связей.

2.4. Эволюция концепции «великой державы» в литературе о международных отношениях

Концепция *великой державы* (*great power*) изначально применялась для изучения взаимодействия главных игроков в историческом разрезе. Для этого, как правило, проводится анализ периода с XVII в. по конец Второй мировой войны, значительно реже в этот анализ включается постбиполярная система международных отношений. Этим занимаются такие исследователи, как М. Райт, П. Кеннеди, К. Уолтц, А. Ф. Органски, Дж. Куглер, М. Ф. Леви, Р. Гилпин и др. При этом, как отмечает К. Уолтц, в конкретный исторический период времени выделить великие державы не сложно, и большинство исследователей в результате сходятся на одних и тех же странах⁴. Не вдаваясь в подробности исторической интерпрета-

¹ Критерии для определения в качестве доминанта включают в себя: эффективный государственный механизм, основанный на производстве инновационного типа; доминирование в мировой валютной системе; главенствующие позиции в мировой торговле и контроль над большей частью крупных транснациональных компаний (ТНК); силовые возможности глобального масштаба; привлекательная в мировом масштабе идеология и модель развития общества.

² «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 12–31; *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 29–30.

³ См. работы отмеченных выше Б. Хеттне, Ф. Содербаума, Р. Фоуна, П. Дж. Каценштейна и др.

⁴ *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. P. 131.

ции действий великих держав, остановимся на самом термине и критериях, необходимых для выделения в качестве великой державы в литературе по истории международных отношений. П. Кеннеди характеризует великую державу как «государство, способное выстоять в войне против любого другого государства»¹. Р. Гилпин отличает великие державы по способности формировать и навязывать правила игры, которым должны подчиняться они сами и все остальные государства в системе². Гилпин в своем определении опирается на мнение Р. Арона: «Структура системы международных отношений всегда имеет олигополистический характер. В каждый конкретный период ключевые акторы в большей степени сами определяют систему, чем находились под ее влиянием»³. К. Уолтц выделяет пять критериев великой державы, отмечая, что все они необходимы для обретения этого статуса: 1) численность населения и размеры территории; 2) обеспеченность ресурсами; 3) экономическая мощь; 4) военная сила; 5) политическая стабильность и компетенция⁴.

□ Великая держава — это государство, сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, не только обеспечивающей национальные интересы, но и оказывающей существенное (в разной степени, вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность), и обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров великой державы (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциалы, научно-технический, иногда отдельно выделяется информационный потенциал). Независимость в проведении политики мирорегулирующего характера предполагает наличие воли в проведении такой политики. Наличие исторического опыта, традиции и культуры участия в мировой политике в качестве решающего и/или активного игрока.

Шаклеина Т. А. Россия в новой конкурентной среде. Ситуационные анализы. Вып. 2. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 94—95.

¹ *Kennedy P. M.* The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Vintage books, 1989. P. 539.

² *Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 30.

³ *Ibid.* P. 29.

⁴ *Waltz K.* Theory of International Politics. P. 131.

Б. Бузан и О. Уэвер утверждают, что статус великой державы включает в себя несколько характеристик: материальные ресурсы (в соответствии с критериями К. Уолтца), формальное признание этого статуса другими участниками международных отношений, а также действия державы на глобальном уровне. Они определяют великую державу в качестве страны, которая рассматривается другими влиятельными державами как обладающая явным экономическим, военным и политическим потенциалом для того, чтобы претендовать на статус сверхдержавы в кратко- и среднесрочной перспективе. В их понимании иерархии влиятельных держав ее верхний уровень занимают сверхдержавы, нижний — региональные, а великие державы оказываются посередине. Сверхдержавы и великие державы определяют глобальный уровень международных отношений, обладая в большей (в случае сверхдержав) или в меньшей степени (в случае великих держав) способностью вмешиваться в различные комплексы безопасности, к которым они географически не принадлежат. Великие державы по сравнению со сверхдержавами могут не иметь столько ресурсов (военных, политических, экономических и др.) или не обладать такой же линией поведения (обязанность активно участвовать в процессах обеспечения безопасности во всех сферах системы международных отношений). Статус великой державы отличен от статуса региональной державы в том, что к великой державе относятся исходя из «расчетов системного (глобального) уровня относительно современного и будущего распределения власти». Именно ставка на превращение в сверхдержаву в тех или иных сферах отличает великую державу от региональной, и в этом смысле большое значение придается внешнеполитическому процессу и дискурсу в других великих державах¹.

Определение и критерии выделения великих держав Б. Бузана и О. Уивера представляются оптимальными для выделения великих держав. Они включают в себя объективные составляющие (наличие ресурсов в различных сферах), а также бихевиористские (участие в поддержании глобальной безопасности) и субъективные (мотивация увеличения своего статуса до сверхдержавы и соответствующее восприятие этого намерения другими участниками международных процессов). Эти критерии позволяют не только выделить великие державы на глобальном уровне, но и проследить различие в концепциях великой и региональной держав.

¹ *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 30—36.*

2.5. Эволюция концепции региональной державы

В отличие от концепции великой державы концепция *региональной державы (regional power)* возникла одновременно с появлением исследований, посвященных структурированию региональных подсистем международных отношений. В одной из первых публикаций по поводу концепции региональных держав дается следующее определение региональной державы: это государство, которое является частью конкретного региона, может противостоять любой коалиции других государств в регионе, обладает значительным влиянием в регионе и, в дополнение к региональному весу, является великой державой на мировом уровне¹.

Теоретики региональных процессов Б. Бузан и О. Уэвер считают, что региональная держава — это держава со значительными возможностями и сильным влиянием в регионе. Она определяет количество полюсов в нем (однополярная структура в Южной Африке, биполярная в Южной Азии, многополярная на Ближнем Востоке, в Южной Америке, Юго-Восточной Азии), но ее влияние большей частью ограничивается рамками конкретного региона. Великие державы и сверхдержавы вынуждены учитывать их влияние в регионе, но вместе с тем региональные державы редко принимаются в расчет при формировании глобального уровня системы международных отношений².

Большой интерес в этой связи представляют принципы сравнения региональных держав, предложенные Д. Нолте. В своей работе он основывается на *теории перехода власти (Power Transition Theory)*, разработанной А. Ф. К. Органски, которая представляет систему международных отношений как иерархическую систему с доминантной державой во главе и наличием региональных, великих, средних и малых держав, которые занимают свое подчиненное положение в этой системе. Все подсистемы международных отношений функционируют в соответствии с такой же логикой, как и глобальная система международных отношений, т.е. наверху каждой подсистемы существует свое доминантное государство или пирамида власти в данном регионе. По мнению автора, наличие тех или иных региональных держав и определяет структуру данного ре-

¹ Osterud O. Regional Great Powers in International Politics // Regional Powers in International Politics / Ed. By Inver B. Neumann. — Basingstoke: St. Martin's Press. P. 1—15.

² Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. P. 37.

гиона. Рассматривая различные критерии выделения *региональных держав*, Д. Нолте выделяет следующие: региональная держава — это государство, входящее в данный регион, которое имеет претензии на лидерство в нем, оказывает значительное влияние на геополитику данного региона и его политическое конструирование, имеет материальные (военные, экономические, демографические), организационные (политические) и идеологические ресурсы для проецирования своего влияния, либо тесно связанное с регионом в экономике, политике и культуре, имеющее реальное влияние на события, происходящие в регионе, в том числе путем участия в региональных институтах, определяющих региональную повестку дня в сфере безопасности. Он отмечает, что участие региональной державы в глобальных институтах, так или иначе, выражает интересы стран всего региона. В его работе также подробно выделены индикаторы этих категорий¹. На основе данной концепции представляется возможным выделить региональные державы исходя из четко прописанных критериев, предложенных Д. Нолте, на пространстве любого региона.

Для построения иерархии регионального порядка также необходимо понять, что включает в себя понятие «держава среднего уровня». Например, Р. Кохейн определяет державу среднего уровня как «государство, лидеры которого полагают, что оно не может действовать эффективно в одиночку, но может иметь систематическое влияние на небольшую группу стран или через какие-либо международные институты»². Как представляется, держава среднего уровня в целом обладает меньшими ресурсами, чем региональная держава, хотя большинство исследователей не выделяют конкретных критериев дифференциации моделей держав среднего уровня и регионального уровня. Державы среднего уровня обладают некоторыми ресурсами и некоторым влиянием, но не способны оказывать решающее воздействие на структурирование регионального пространства и не видят себя в качестве лидера в глобальном масштабе³.

¹ Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topic. GIGA German Institute of Global and Area Studies, Hamburg. Paper prepared for delivery at the ECPR Joint Session o Workshops, Helsinki 7-12 may 2007. P. 3—17. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/helsinki/ws9/nolte.pdf>

² Keohane O. R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. Vol. 23. № 2. P. 296.

³ Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topic. P. 10—12.

На основе этих методологических принципов (критериев выделения великих и региональных держав, а также держав среднего уровня) представляется возможным построить модель регионального порядка в любом регионе мира, определить контуры взаимодействия держав в рамках того или иного региона, а также сделать прогноз о будущем развитии региональной подсистемы международных отношений.

2.6. Макрорегионализация и трансрегиональное сотрудничество

Необходимо отметить, что **трансрегионализм** и **регионализация** представляют собой процесс усиления взаимозависимости в различных сферах человеческой деятельности: политике, экономике, энергетике, экологии, культуре. Они включают также и процесс выработки общей идентичности, характерной для данного региона, причем трансрегионализм может выступать как в виде «макрорегионализации регионов», т.е. способствовать формированию «больших регионов», так и в качестве межрегиональных связей «больших регионов». Под термином «регионализация» подразумеваются два основных процесса: 1) возрождение региональных держав; 2) формирование региональных интеграционных группировок¹. В биполярный период в регионах с большим конфликтным потенциалом интеграционные процессы развивались медленнее, в регионах с большей комплементарностью — быстрее. В качестве региональных держав выделяются следующие страны: Индия, Китай, Австралия, Южная Африка, Египет, Россия, Бразилия.

Формирование **макрорегиональных комплексов** («малый» трансрегионализм) дает возможность странам данного макрорегиона участвовать в глобализации в «сходящем варианте», с уменьшением возможных потерь от участия в мировых экономических процессах, экономически «подтягивать» менее развитые государства региона до уровня более развитых, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику, усиливать позиции бизнеса более развитых стран, расширяя для них географическое пространство, укреплять геополитические позиции, так как региональная интеграционная группировка способна более успешно защищать своих

¹ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. С. 92—94.

членов от вмешательства извне, т.е. такой вариант развития в целом способствует наращиванию общего пространства взаимозависимости, несмотря на все те проблемы, с которыми могут сталкиваться конкретные государства.

Важный момент в структурировании региона — вопрос границ. Как уже было сказано выше, любой регион является понятием социально конструируемым, а потому сущностно оспариваемым. В условиях усиливающегося проникновения великих и региональных держав в смежные регионы (в соответствии с концепцией эффекта «переливания» (*spillover effect*) происходит усиление взаимозависимости того или иного региона (главным образом через политику великих и региональных держав) с сопряженными регионами. Это приводит к формированию макрорегионов из двух и более регионов и субрегионов, что очевидно на примере усиления взаимосвязей в различных регионах в постбиполярный период. А. Д. Воскресенский при выделении нового макрорегиона Большой Восточной Азии¹ отмечает роль не только географического, политического факторов и фактора безопасности, но и большую значимость экономических, энергетических и интеграционных процессов. Основываясь на этом определении, а также на многоформатности и взаимосвязанности международных и региональных отношений, выдвигается тезис о том, что невозможно рассматривать региональные тенденции в регионе Северо-Восточной Азии, не рассматривая «сопряженные» территории, которыми в данном случае выступают Центральная Азия, Юго-Восточная и Южная Азия. При этом процесс «стяжения» регионального пространства в региональный комплекс Большой Восточной Азии (малый трансрегионализм) связан с объективными геоэкономическими (повышающаяся экономическая взаимозависимость стран региона) и геополитическими тенденциями повышения роли Азии в мире².

Таким образом, становится возможным показать, как происходит формирование макрорегиональных комплексов и в других частях системы международных отношений. При этом необходимо отметить особую роль великих и региональных держав в этих про-

¹ Региональная подсистема «Большой Восточной Азии» образуется за счет «стяжения» четырех регионов — Центральной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

² Воскресенский А. Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006. С. 23—29.

цессах. *Во-первых*, как уже отмечалось выше, нередко именно благодаря их действиям происходит активизация региональных процессов. *Во-вторых*, их активное проникновение в «сопряженные» регионы приводит к формированию макрорегионов. И наконец, *в-третьих*, наделенные более значительными ресурсами, именно великие и региональные державы формируют региональный порядок в конкретном географическом пространстве, так как только они способны оказывать решающее влияние на расстановку сил в регионе.

В подтверждение этого тезиса можно привести точку зрения А. Д. Богатурова, который отмечает, что под *региональным пространством* подразумевается совокупность основных и второстепенных участников отношений в рамках того или иного региона, и лидера от малой державы как раз и отличает соотношение «фонового» и «творческого» начала в их внешней политике: страны с преобладанием «творческого» начала являются лидерами регионального взаимодействия, страны с преобладанием «фонового» начала — пространством, фоном или средой такого взаимодействия¹. Однако не стоит и переоценивать влияние великих и региональных держав на структурирование региона. Хотя они оказывают значительное влияние на региональные процессы, государства среднего уровня и небольшие государства, как показывают современные исследования, отнюдь не являются безликим фоном или пространством, на котором действуют великие и средние державы. Формируя институты, правила и нормы поведения в них, а также, нередко, повестку дня, малые и средние страны способны ограничивать поведение как региональных держав, так и государства-лидера.

¹ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945—1995) / Ин-т США и Канады РАН. М. : Московский общественный научный фонд, 1997. http://www.obraforum.ru/lib/book5/2_3.htm

3

**«Открытый» и «закрытый», «старый»
и «новый» регионализм. Региональные
комплексы безопасности**

3.1. Регионализация и регионализм. «Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм / 3.2. Основные концепции взаимодействия держав в макрорегионах

**3.1. Регионализация и регионализм. «Открытый» и «закрытый»,
«старый» и «новый» регионализм**

При изучении формирования и структурирования регионов принято разделять понятия регионализма и регионализации. Так как главными, хотя и не единственными, акторами в регионе понимаются государства, то регионализм, как правило, развивается «сверху вниз». Регионализация — это процесс, инициированный негосударственными акторами, прежде всего бизнесом, т.е. проходящий «снизу вверх»¹. Как представляется, регион формируется при совмещении процессов регионализма и регионализации, и только последней недостаточно для закрепления региона в пространстве. Для этого требуется решение акторов региона, в первую очередь государств, артикулировать именно региональную идентичность. Вместе с тем необходимо понимать, что региональное пространство постоянно находится в процессе формирования, это по сути незавершенный проект, на осуществление которого влияют государства, негосударственные акторы, входящие, или не входящие в данный регион, и даже другие регионы².

¹ Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. Vol. 21. P. 331—358; Fawn R. «Regions» and their study: wherefrom, what for and whereto? // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. P. 13.

² Fawn R. «Regions» and their study: where from, what for and whereto? P. 13—14.

3. «Открытый» и «закрытый», «старый» и «новый» регионализм

□ Различают «открытый регионализм» и «закрытый регионализм». «Открытый регионализм» рассматривает взаимодействие государств в регионе как часть более широкого контекста развития мировой экономики в условиях глобализации. «Закрытый регионализм» направлен на противодействие данному региону процессам глобализации и призван защитить экономики стран региона. «Закрытый регионализм» фактически противостоит макрорегионализации и трансрегиональному сотрудничеству и в долгосрочной перспективе снижает конкурентоспособность регионов.

Опираясь на эти понятия, региональные процессы можно ранжировать как способствующие включению региона в мировую экономику и как способствующие обособлению данного региона от мировой экономики¹. Как представляется, в постбиполярном мире регионализация имеет более комплексный характер, и любая региональная группировка преследует цели усиления конкурентных преимуществ стран-членов на глобальном уровне одновременно с защитой группировки от негативных явлений и диспропорций в мировой экономике. Важность этой концепции состоит в представлении о двоякости целей любого интеграционного объединения.

Исследования, посвященные теории регионализма, делятся на два условных периода:

- с 1950-х гг. — изучение так называемого *старого регионализма*, основой которого являлись государствоцентричные процессы европейской интеграции во время периода холодной войны, базирующиеся на сферах экономики или военной безопасности;
- с конца 1980-х гг. — изучение так называемого *нового регионализма*, описывающего гетерогенные феномены регионализации в различных сферах (политике, экономике, безопасности, культуре), допускающие участие в этих процессах как государств, так и негосударственных акторов в различных институциональных формах.

По мнению шведских исследователей Б. Хеттне и Ф. Содербаума, «старый регионализм», начавшийся в 1950-е гг. и стагнировавший в 1970-е, следует понимать в его историческом контексте блокового противостояния как объединение закрытого типа, основанного на протекционизме. «Новый регионализм», который мы видим сегодня, представляет собой более спонтанный и открытый

¹ Михеев В. В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А. Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2002. С. 66—67.

3.2. Основные концепции взаимодействия держав в макрорегионах

процесс, формирующийся под влиянием взаимодействия глобальных, региональных и национальных сил в условиях многополярного мира и размывания Вестфальской системы, отражением которых он является. Исследователи рассматривают отдельные регионы как составляющие нового мирового порядка и говорят о необходимости создания *теории нового регионализма (new regionalism theory, NRT)*¹.

В своих более поздних работах В. Хеттне делает два важных вывода: во-первых, регион становится не просто уровнем анализа или пространством для тех или иных процессов, но и самостоятельным актором в мировых процессах²; во-вторых, регионализм стал настолько важным феноменом, что именно он оказывает решающее воздействие на формирование мирового порядка³.

В этой связи необходимо отметить, что теоретические работы исследователей региональных процессов внесли значительный вклад в определение базовых понятий, необходимых для любого регионального исследования. Кроме того, на их основе представляется возможным сформировать необходимую базу нового, регионального уровня исследований, отличного от глобального или национального.

3.2. Основные концепции взаимодействия держав в макрорегионах

Рассмотрев основные понятия процесса структурирования регионального пространства, существующие в современной литературе, а также выделив критерии определения статуса великих и региональных держав и проследив их роль в процессах макрорегионализации, можно перейти непосредственно к моделям регионального порядка. В рамках данного параграфа будут рассмотрены теории концепции региональных комплексов безопасности (РКБ), баланса сил, кооперативной гегемонии, конституционного порядка и регионального управления.

¹ Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness // *New Regionalisms in the Global Political Economy* / Ed. By Sh. Breslin, C. W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. N.Y.; Routledge, 2002. P. 33–34; Hettne B., Soderbaum F. *Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges* // *International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods*. Stockholm: Foreign Ministry, 2006. P. 179–244.

² Такую же точку зрения разделяют и другие исследователи, наделяя «акторностью» как регионы, так и макро- и микрорегионы. См., например: *Lombaerde Ph. How to «connect» micro-regions with macro-regions / Perspectives on Federalism*. 2010. Vol. 2. Issue 3. P. 29–37.

³ Hettne B. *Beyond the «New» Regionalism* // *New Political Economy*. December 2005. Vol. 10. No. 4. P. 562–564.

Концепция региональных комплексов безопасности

Теория¹ региональных комплексов безопасности (*regional security complex theory, RSCT*), сформулированная Б. Бузаном и О. Уэвером, заслуживает отдельного изучения. Сама теория, по признанию авторов, опирается на реалистическую парадигму и глобалистику, что отражается в анархической структуре РКБ, в постулате о наличии полюсов, между которыми и происходит распределение власти, и в разграничении глобального и регионального уровней взаимодействия. Одновременно эта теория может быть применима и в рамках либеральной парадигмы, так как она предполагает возможность превалирования отношений сотрудничества в регионе. Она конструктивистская по сути, одним из центральных пунктов в ней являются отношения сотрудничества—соперничества, или дружбы и вражды (*amity — enmity*). Б. Бузан и О. Уэвер утверждают, что именно региональный уровень наиболее важен для теории безопасности, так как на этом уровне происходит большая часть взаимодействия между государствами благодаря прежде всего их географической близости. При этом региональный уровень может быть, а может и не быть доминирующим в том или ином контексте, но он тем не менее является самостоятельным уровнем анализа.

Согласно теории Б. Бузана и О. Уэвера современный мировой порядок может быть отражен с помощью следующей формулы: 1+4, где существует одна сверхдержава на мировой арене, США, и четыре великие державы, внешнеполитические действия которых выходят за рамки определенных географических регионов, но не имеющие таких же возможностей, как единственная сверхдержава, — Россия, ЕС, Китай и Япония. Авторы теории РКБ также делают особый акцент на том, что одной из целей ее создания является попытка преодоления тенденции преувеличения роли региональных держав, а также стремление подчеркнуть роль локальных факторов при анализе того или иного региона.

В каждый РКБ входят следующие элементы: границы, отделяющие его от других; анархическая структура, которая означает, что он состоит из двух или более элементов, не имеющих единого руководства; наличие полюсов или центров силы, между которыми

¹ Несколько взаимосвязанных концепций могут составлять теорию, теория представляет собой более высокий и одновременно более структурированный уровень абстракции, поэтому концепцию РКБ называют также теоретической концепцией, или даже теорией.

распределяется власть в регионе; отношения сотрудничества—соперничества между элементами системы. Что касается структуры региональной подсистемы, то она может быть одно-, двух-, трех- и многополюсная. РКБ также характеризуются долговременным характером отношений сотрудничества и соперничества, которые складываются в регионе под влиянием исторических факторов. Если же говорить об отношениях сотрудничества—соперничества, то каждый регион отличается своими уникальными отношениями вражды, соперничества или дружбы между акторами данного региона.

Согласно рассматриваемой теории в каждом РКБ возможно развитие трех сценариев: 1) сохранения статус-кво, при котором не происходит значительных изменений в структуре комплекса; 2) внутренняя трансформация в контексте существующих границ (такой трансформацией может быть изменение в анархической структуре, полюсах или центрах силы или в характере отношений сотрудничества—соперничества); 3) внешняя трансформация, когда внешняя граница расширяется или, наоборот, сжимается, так как изменяется количество членов комплекса.

Б. Бузан и О. Уэвер также выделяют стандартные и центрированные РКБ. *Стандартный РКБ* базируется на Вестфальском порядке, включает одну или две державы и структурируется главным образом военно-политической, а не экономической повесткой дня. Все стандартные РКБ — анархические по своей структуре, и полярность в них измеряется количеством региональных держав (например, в однополюсном регионе Южной Африки существует одна региональная держава — ЮАР). Что касается шкалы сотрудничество—соперничество, то стандартные РКБ могут представлять собой конфликтные формации, режимы безопасности или сообщества безопасности, в рамках которых тип структуры региона определяется в зависимости от моделей соперничества, баланса, альянсов и/или концертов и союзов в регионе. Главной составляющей отношений безопасности в стандартном РКБ является взаимодействие между региональными державами (или в некоторых случаях великими) и между региональными державами и остальными государствами региона.

Центрированные РКБ имеют три формы. Первые две формы — это однополюсный РКБ, включающий не просто региональную, а великую державу (например, Россия в СНГ) или сверхдержаву (например, США в Северной Америке). В данных случаях глобальный

уровень будет доминировать в этих системах, а у стран, способных по потенциалу стать региональными державами (Украина, Канада, Мексика), не хватит мощи для достижения этой цели. Третья форма централизованного РКБ — это регион, интеграция в котором происходит благодаря сотрудничеству в рамках институтов, а не в результате инициативы какой-либо одной державы. В качестве примера такого взаимодействия можно привести Европейский союз, который находится где-то посередине между централизованным регионом как сообщество безопасности и самостоятельным актором как великая держава. По сравнению со стандартными РКБ централизованные РКБ более стабильны, а взаимодействия внутри них имеют более мирный характер.

Однако в случае, если регион содержит больше, чем одну державу глобального уровня, наблюдаются иные тенденции. Примером такой формы является регион Восточной Азии как особый РКБ, состоящий из великих держав, поскольку Китай и Япония представляют в нем двухполюсную структуру безопасности. Регион географически не включает другие великие державы, но в нем ощущается влияние сверхдержавы США и великой державы России, предстающих в качестве внешних факторов.

Восточная Азия также является и суперкомплексом, состоящим из двух комплексов — Северо-Восточной Азии и Юго-Восточной Азии. Согласно рассматриваемой нами теории сам факт наличия двух великих держав приводит к тому, что динамика взаимодействия в сфере безопасности внутри региона будет намного выше, чем в других регионах, а также что будет осуществляться проникновение великих держав в другие регионы (так называемый эффект «перелива» (*spillover effect*)). В таком случае можно выделить новый, четвертый уровень структурирования пространства: суперрегиональный вдобавок к национальному, региональному и глобальному. Специфика суперкомплекса заключается в том, что взаимодействия в нем происходят на всех четырех уровнях одновременно. Это приводит к усилению динамики региональных процессов, последствия которых нередко отражаются и на глобальном уровне.

Б. Бузан и О. Уэвер также приводят примеры ситуаций, когда те или иные причины не позволяют региональному уровню функционировать: «перекрытый регион» (очень сильное вмешательство сверхдержавы или великих держав) и «неструктурированный регион» (слабость государств, не способных создать отношения взаи-

мозависимости в сфере безопасности на уровне региона или имеющих труднодоступное положение). Пример первого варианта — колонизация Европой Африки, Азии и Америки, второго — Африка южнее Сахары, Тихий океан.

В рамках теории Б. Бузана и О. Уэвера также выделяются сценарии развития той или иной формы региона. Так, неструктурированный регион может превратиться в РКБ или стать «перекрытым регионом». Стандартный РКБ может пережить внутреннюю или внешнюю трансформацию, стать «перекрытым» или превратиться в централизованный РКБ путем создания институтов сотрудничества. Централизованный РКБ также может создать собственные институты, а в случае с однополярным регионом превратиться в особую империю. Централизованный РКБ также может деградировать и стать многополярным, а суперкомплекс может распасться на составляющие части. «Перекрытый» регион может эволюционировать в любом направлении в зависимости от конкретных факторов¹.

Обозначив основные контуры теории РКБ, можно сделать общий вывод, что ее авторы на глубоком уровне и, что не менее важно, структурированно и систематизированно описывают различные процессы, протекающие на региональном уровне, и соотносящуюся с ними трансформацию мирового порядка, дают определения различных терминов, проводят типологизацию регионов исходя из нескольких критериев, показывают, как она может применяться на практике, а также описывают сценарии развития различных регионов. Сила этой теории заключается в том, что она позволяет систематизированно проанализировать условия внутри региона, отношения между его составляющими элементами, изменения его структуры или характера отношений между элементами, влияние на это внешних акторов.

Теория баланса сил

Исследуя варианты регионального порядка, нельзя не упомянуть о такой теории, как теория баланса сил. Данная теория разработана в рамках парадигмы реализма, рассматривающей международные отношения как анархическую систему, при которой суверенные государства, являющиеся единственными акторами, действуют в международной среде на основе собственных интересов, которые

¹ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. P. 45–70.

неизбежно вступают в противоречия с интересами других государств, что порождает конфликты и приводит к формированию военно-политических союзов и альянсов.

Классик теории баланса сил (*balance of power theory*) Г. Моргентау определяет его как положение дел, при котором могущество (силы) распределяется между несколькими государствами примерно в равной степени¹. Теория баланса сил в ее классическом понимании базируется на том основании, что главная задача каждого государства — это собственное выживание, но вместе с тем оно стремится к обретению власти и могущества в системе международных отношений, так как именно это является гарантией сохранения государства.

Получается, что для любого государства наращивание своей мощи — нормальное состояние, что, естественно, порождает конкуренцию и соперничество между государствами. Поэтому, для того чтобы противостоять сильным государствам и предотвратить возвышение слишком могущественного игрока на международной арене, слабые государства, не способные обеспечить собственную безопасность, объединяются в коалиции, которые могли бы увеличить их совокупную мощь и тем самым спасти от подчинения гегемону или от исчезновения².

Баланс сил, таким образом, является «естественным и неотъемлемым атрибутом борьбы за власть», и он «стар, как мир»³. Г. Моргентау также полагает, что государства, утверждающие, будто они стремятся к равновесию в системе международных отношений, на самом деле прикрывают этими словами свои гегемонистские устремления. Эффективным средством ограничения наращивания мощи являются нормы и правила, фиксируемые с помощью институтов, ограничивающих поведение государств, а также принятие государствами баланса сил как основы взаимодействия друг с другом⁴.

М. Шихан, описывая теорию баланса сил (или баланса мощи), утверждает, что самым важным ресурсом государства выступает, в

¹ Цит. по: Sheehan M. J. *The balance of power: history and theory*. L.; N. Y.: Routledge, 1996. P. 3.

² *Balance of Power: Theory and Practice in the 21st century* / Ed. By T. V. Paul, J. J. Wirtz, M. Fortmann. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 4—5.

³ Цит. по: Little R. *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*. N. Y.: Cambridge University Press, 2007. P. 96.

⁴ Little R. *The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models*. P. 97—99.

первую очередь, военная, а также его политическая и экономическая мощь. При этом действия государств, стремящихся к осуществлению своих внешнеполитических целей ради обеспечения собственной безопасности, приводят к возникновению так называемой дилеммы безопасности, которая выражается в том, что государства соревнуются и вступают в конфликты ради достижения собственной безопасности. Они вынуждены «играть в игру за баланс сил», если хотят выжить, так как баланс сил необходим для предотвращения гегемонизма одной из великих держав, предотвращения войн и сохранения всеми государствами своей самостоятельности и идентичности¹.

Несколько другой взгляд на теорию баланса сил предлагает теоретик неореализма К. Уолтц. Его взгляд исходит из того, что все страны стараются обеспечить свою безопасность, и влияние одних держав уравновешивается влиянием других. При этом не крупные державы зачастую вступают в коалиции, для того чтобы уравновесить влияние более крупных и мощных держав². Он, однако, считает, что большинство разумных государств не стремятся к максимизации своего могущества, так как при неудержимом росте мощи вслед за взлетом неизбежно следует падение (чему свидетельствует опыт большинства империй). Следовательно, главной задачей государства является сохранение своего положения в системе, для чего ему необходимо обладать некоторой долей могущества. При этом государства применяют стратегию балансирования в случае, если их соперники стремятся увеличить свою долю в мировом распределении власти.

Балансирование может быть внутренним, когда государство пытается усилить свой потенциал и увеличить ресурсы в процессе развития, или внешним, когда государство вступает в коалицию с другими державами. К. Уолтц считает, что особенно эффективна стратегия балансирования при появлении потенциального агрессора, особенно в случае такого, который стремится к доминированию в той или иной системе.

Превосходство одной страны или какого-либо блока стран над другими — нежелательный вариант, так как более мощные акторы

¹ *Sheehan M. J.* The balance of power: history and theory. P. 1—24

² *Waltz K. N.* Theory of International Politics. N. Y.: McGraw Hill, 1979. P. 95—127;
Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 23—26.

будут стремиться навязать свою волю другим государствам, что неизбежно приведет к конфликтам. Оптимальным вариантом является сохранение равновесия между основными акторами, так как при примерно одинаковых возможностях маловероятно, что, не обладая преимуществом, страны начнут воевать друг с другом. Поэтому структура системы международных отношений способствует стремлению государств концентрироваться на поддержании своей позиции в мировом балансе сил¹.

Существуют также варианты данной теории. Например, Дж. Миршаймер разработал теорию «наступательного реализма» (*offensive realism*), которая предполагает, что великие державы, являющиеся главными акторами в анархической системе международных отношений, всегда стремятся к гегемонии, т.е. максимизации своей доли власти и влияния, ради безопасности и собственного выживания. Стремясь добиться гегемонии в своем регионе, великие державы хотят свести на нет усилия других стран по увеличению своего могущества и влияния на регион. Все великие державы, по мнению Дж. Миршаймера, стремятся к максимизации своего влияния, так как чем скорее держава добьется гегемонии, тем надежнее она оградит себя от посягательств на ее статус в будущем. Кроме того, главной целью любого государства является собственное выживание, поэтому вопросы безопасности всегда будут превалировать над остальными, а идеи сотрудничества и интеграции становятся нежизнеспособными, так как желание добиться большего могущества и влияния в регионе рано или поздно возьмет верх².

Хотя теория баланса сил была разработана во многом для глобального уровня международных отношений, она может быть применима и на региональном уровне взаимодействия, так как предлагаемые ею модели и схемы являются универсальными для любого числа государств, ограниченного географическими рамками.

Теория кооперативной гегемонии

Основой порядка международных отношений гегемонистского (или доминантного в другой терминологии) типа также является распре-

¹ Balance of Power: Theory and Practice in the 21st century. P. 4–5; *Mearshimer J. J. Reckless States and Realism // Realism and World Politics / Ed. By K. Booth. N. Y. : Routledge, 2011. P. 126.*

² *Mearshimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N. Y.; L. : W. W. Norton, 2003. P. 3–35.*

деление власти между странами, но оно происходит по иерархическому принципу. В этом случае формируется особый иерархический порядок. Страны занимают позиции в зависимости от вертикали власти, выстраиваемой в такой системе. В целом гегемонистский порядок строится и поддерживается благодаря превосходству силы государства-лидера, и когда это лидерство оспаривается или размывается, данный порядок тоже распадается¹. Исходя из этой логики, любая система эволюционирует путем последовательного возвышения могущественных государств, которые управляют ею, устанавливая правила функционирования и определяя модели поведения в рамках этой системы. При этом государство-гегемон должно иметь влияние в военной сфере, политике, экономике, научный потенциал и другие факторы влияния, а само превосходство гегемона происходит прямым сдерживанием других держав или косвенными путем — с помощью политики «кнута и пряника». Может существовать и более мягкий гегемонистский порядок, при котором из-за ограничений в отношениях между государствами будет меньше доминирования и больше консенсуса, и, как следствие, эти отношения будут более институализированными².

В соответствии с теорией кооперативной гегемонии (*cooperative hegemony*), разработанной Т. Педерсеном, процессы региональной институционализации лучше всего объясняются интересами и стратегиями региональных и великих держав. Получается, что гегемонистские державы используют региональные институты и различные группировки для обеспечения своих интересов. В соответствии с этой теорией региональная держава должна обладать возможностью агрегирования мощи, т.е. должна суметь убедить достаточное количество стран в регионе поддержать именно ее региональный проект, разделять власть вместе с более слабыми странами в регионе, а также обладать приверженностью к долгосрочной стратегии региональной интеграции и институционализации.

Таким образом, корпоративная гегемония — это «мягкая» форма превосходства, которая достигается с помощью долгосрочной стратегии, направленной на сотрудничество в рамках региональных институтов.

¹ Ikenberry G. J. *After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars*. P. 27—29.

² Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 42—45.

С точки зрения региональной державы стратегия кооперативной гегемонии по сравнению с обычной гегемонией имеет следующие преимущества:

- региональная интеграция и институционализация представляют собой инструменты агрегирования мощи / власти, что особенно важно для региональных держав, находящихся в процессе становления и стремящихся усилить свое влияние в мировой политике;
- преобладание над другими державами региона в рамках корпоративной гегемонии является более стабильным и более легитимным, так как оно гарантирует стабильность в регионе и уменьшает вероятность вмешательства внерегиональной державы;
- эта стратегия также облегчает доступ региональной державы к стратегическим ресурсам в регионе и ускоряет диффузию политических идей и моделей, которые служат интересам региональной державы.

При этом необходимо различать *наступательную* и *оборонительную* версии корпоративной гегемонии. При наступательной версии региональная интеграция и институционализация предоставляют региональной державе возможность заявить о себе как о выразителе региональных интересов, что, в свою очередь, увеличивает ее влияние на международной арене. Чаще всего это государства, которые обладают большей «мягкой» силой (экономической и научно-технической мощью, культурным и идеологическим влиянием), но незначительной военной силой. Оборонительная версия корпоративной гегемонии представляет собой ситуацию, когда великая держава обладает меньшей военной силой в сравнении с другими великими державами, и, для того чтобы увеличить свое влияние, она старается больше участвовать в процессах региональной интеграции. Таким образом, концепция корпоративной гегемонии предоставляет региональной державе отличную возможность оказывать преобладающее влияние на страны региона, с одной стороны, и противодействовать влиянию внешних акторов — с другой¹.

¹ Pedersen T. Cooperative Hegemony. Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // Review of International Studies. 2002. Vol. 28. P. 677—696; Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topic. GIGA : German Institute of Global and Area Studies, Hamburg. P. 20—22.

Теория конституционного порядка

Дж. Айкенберри разработал теорию конституционного порядка, согласно которой государства, победившие во Второй мировой войне, устанавливают легитимный порядок, для того чтобы их правилам следовали все остальные государства. Он определяет международный политический порядок как договоренность по управлению между группой государств. При этом акцент делается на четко прописанных принципах и правилах, а также институтах, которые обуславливают основные отношения между государствами.

Согласно мнению Дж. Айкенберри международные институты одновременно и ограничивают, и проецируют мощь и влияние государств, тем самым играя ключевую роль в строительстве и поддержании мирового порядка¹. При этом он выделяет три типа международного политического порядка: 1) баланс сил; 2) гегемонистский; 3) конституционный, или основанный на содружестве стран. Третий подход к международному политическому порядку предполагает наличие некоего конституционного порядка, основанного на содружестве государств-членов. Такой порядок характеризуется наличием правил и институтов, решения которых обязательны для исполнения, а у государств при таком порядке есть общие интересы и ценности, которые влияют на то, как они осуществляют свою власть. С одной стороны, государство-лидер заинтересовано в создании такого порядка, который уменьшал бы издержки на поддержание порядка внутри самой системы. С другой стороны, более слабые государства также находят такую модель привлекательной, так как без институциональной организации любые переговоры с лидером будут осуществляться с изначально неравных позиций, когда у гегемона будет наблюдаться превосходство над более слабым государством. Помимо этого, у государств второго разряда всегда существуют опасения, что над ними будет доминировать более могущественное государство, а в случае создания конституционного порядка любое доминирование будет значительно ограничено.

Таким образом, договоренность о создании конституционного порядка подразумевает сделку, при которой государство-лидер получает легитимный и предсказуемый порядок, базирующийся на договоренности о правилах и институтах, позволяющий сохранить собственную власть, а более слабые государства заставляют лидера

¹ *Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. P. 23.*

несколько ограничивать свои действия, что позволяет им коллективно диктовать интересы государству-лидеру. Распределение власти при таком подходе также имеет значение, но не настолько, как при гегемонистском порядке или балансе сил¹.

Теория регионального управления

Теория регионального управления (*regional governance*), разработанная А. Харреллом в рамках либеральной (идеалистической) парадигмы, во многом созвучна с теорией конституционного порядка Дж. Айкенберри. В соответствии с теорией регионального управления участие государств в региональных институтах позволяет остальным государствам — участникам подсистемы международных отношений оказывать влияние на их поведение, а также действия главных акторов региона. Вместе с этим форму институтов регионального управления можно использовать в качестве индикатора распределения власти в регионе.

Так, для сильных и влиятельных государств региональные институты предоставляют более эффективную и надежную возможность для доминирования над остальными государствами региона. Таким образом, именно великие и региональные державы устанавливают правила игры.

Для более слабых государств, которые в основном принимают правила игры, навязанные более влиятельными государствами, региональные институты предоставляют возможность ограничивать влияние сильных государств с помощью принятия правил и процедур, обязательных для исполнения всеми странами региона. Таким образом, малые и средние государства, образуя коалиции, могут не только более эффективно выражать свое коллективное мнение, но и влиять на принятие решений и ограничивать влияние более мощных государств².

Итак, мы рассмотрели конкретные модели регионального и/или международного порядка, которые можно применить для проведения исследований на региональном уровне. Теория региональных ком-

¹ *Ikenberry G. J.* After Victory: Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order After Major Wars. P. 29—32, 50—57; *Ikenberry G. J., Tsuchiyama J.* Between Balance of Power and Community: The Future of Multilateral Security Cooperation in the Asia-Pacific // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. № 2. P. 87—90.

² *Hurrell A.* Hegemony and Regional Governance in the Americas // *Regionalism and Governance in the Americas. Continental Drift* / Ed. by Louise L'Estrange Fawcett, Mónica Serrano. Basingstoke: Palgrave, 2005. P. 185—208.

плексов безопасности представляет комплексный подход, с помощью которого можно проследить устройство региона и его возможную эволюцию с учетом конструктивистской парадигмы. В основе реалистского подхода (реализм) лежат концепции баланса сил, гегемонии и кооперативной гегемонии, в основе либерального (идеализм) — конституционного порядка и регионального управления. Эти варианты регионального порядка могут подтверждаться или опровергаться анализом ситуации в конкретном регионе, но реальная жизнь подсказывает необходимость методологического синтеза.

Рассмотрение всех этих моделей в конечном счете связано с анализом практической проблемы: как происходит формирование картины мира и каким образом можно изучать картину мира так, чтобы формализованные на основе теорий опорные элементы и объективные параметры научной картины мира (модель мира) отражали в максимальной полноте существующую реальность во всем ее многообразии, т.е. реальную картину мира. Синтез национальных картин мира в концепциях международных отношений и мирового развития в мировом комплексном регионоведении и одновременно выявление различий в национальных научных дискурсах позволяют осуществлять поиск путей практического моделирования и комплексного прогнозирования мировых изменений.

- Каждый народ по мере развития своей культуры создает собственную картину мира, куда входят представления о природе — климате, ландшафте, представления о том, чем этот народ отличается от других окружающих его народов, об истории и своей роли в ней. Национальная картина мира прежде всего выражается в языке, мифах, фольклоре, представлениях, национальной специфике религиозного чувства, в образах человека и истории. Любая философская концепция так или иначе включает в себя национальную картину мира. Последняя предполагает постепенно сложившийся стиль, который выражается в любых проявлениях жизни народа: в отношении к природе, в архитектуре, поведении, одежде и даже правилах нравственности.

В процесс формирования национальной картины мира входит освоение территории, адаптация человека к природной среде обитания и, как результат, формирование образной картины осваиваемого пространства, зависящей от способа существования людей в этом мире.

Губин В. Д., Стрелков В. И. Национальные образы философии. М. : РГГУ, 2013. С. 61.

Вопрос о возможности синтеза национальных и региональных картин мира на основе теории мирового комплексного регионоведения в глобальную картину мира / глобальную модель мира связан не только с глобализацией и регионализацией, но и с необходимостью выявления общих закономерностей и региональной / локальной специфики.

Для этого нужно понять:

— какую роль играет пространственно-временное измерение в международных отношениях и международно-политической компаративистике и какие теории это объясняют;

— каким образом можно пространственно (спатильно) группировать материал и что это дает для понимания мира;

— как влияют временные (темпоральные) характеристики (этапы развития в сравнительном отношении с лидерами мирового развития) на скорость и характер протекания политических процессов;

— как связаны характеристики времени с типом социальной организации обществ;

— каковы могут быть методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским.

Заключение к разделу I

Существующие в настоящее время в мировом исследовательском сообществе концепции и параметры регионального уровня, международно-политического региона, региональных подсистем, региональных комплексов дискуссионны. Более того, в разных регионально-страновых реальностях они разрабатываются в разных дисциплинарных направлениях: в зарубежном регионоведении — в России, в мировой политике, политической географии и сравнительной политологии — в евроатлантической научной традиции, в международных отношениях — в Китае и ряде стран Азии и др. В ходе дискуссий внутри национальных и все более глобализирующегося мирового научно-аналитического сообществ выдвигаются новые теоретические положения и теории регионального уровня, в которых объективно в связи с переформатированием глобального уровня (подъем Азии, подъем Незапада — *the rise of the Rest*, по выражению декана Факультета публичной политики Сингапурского университета К. Махбубани) значительную роль призваны играть «незападные» (незападоцентричные, объективистские) подходы и западные теории международных отношений и мировой политики. Именно эти дискуссии определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй половины XXI в.

Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями:

- Происходит трансформация Вестфальской системы, изменяющаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на суверенное государство — не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и / или трансформируют эти параметры и / или само государство, преобразуя его и придавая ему новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, по-видимому, не является главным и достаточным, в то время как соотношение типа социально-политического доступа и характера применения насилия на международной арене является существенным.

- Становятся более очевидными проблемы трансформации суверенитета, которые в региональном плане усугубляются еще и тем, что после распада колониальной системы западная идея суверенного государства была привнесена извне в незападный мир в глобальных масштабах и не везде адекватно соответствовала местной специфике. В сложившейся ситуации оказалось, что незападные страны с формальной точки зрения обладают международно-правовым суверенитетом, однако многие из них свою территорию могут контролировать лишь частично либо вообще не обладают полноценным контролем над территорией. В таких условиях их способность строить систему открытого социально-политического доступа с опорой на собственные силы фактически равна нулю. Для некоторых из них можно облегчить эту задачу через расширение путей региональной интеграции и создание институтов наднационального управления, но в целом пока это способствует только фрагментации мирового пространства из-за вероятности внутринационального противостояния разных групп политических элит, что порождает новые экономические и политические проблемы.

- Понятие национального суверенитета и его состоятельности в современных условиях становится все более тесно связано с эффективностью национального управления. Национальный суверенитет (так называемый вестфальский суверенитет), основанный на эффективном управлении, не подвергается сомнению со стороны международного сообщества, но государственные системы с неэффективным национальным управлением, применяющие нелегитимные с точки зрения мирового сообщества формы насилия в отношении собственного населения или соседей, испытывают сильнейшее давление со стороны мирового сообщества вплоть до применения «гуманитарной интервенции» и / или «принуждения к миру» в случае их насильственных действий. Другая часть концепции суверенитета, касающаяся новых методов обеспечения «мягкой» безопасности национальных границ через концепцию взаимосвязанности и взаимозависимости («границы-трансформеры», «проницаемые границы») и контроля за миграционными потоками, претерпела более существенное изменение, хотя единство в понимании еще не достигнуто.

- Не учитываются транснациональная и сетевая составляющие мировых процессов, которые охватывают не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств. Эти составляющие развиваются «поверх» границ, что

может представлять проблему для национальных элит некоторых государств, воспринимающих транснационализм и сетевые структуры как вызов суверенитету. В то же время транснациональная и сетевая составляющие способствуют усилению интегрированности и превращению макрорегионов, соединенных прежде всего на основе геопространственного единства, в глобальные регионы мира.

• Недостаточно учитывается явное противоречие между логикой сохраняющегося деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации, в рамках которой система естественного /ограниченного/ социально-политического доступа оценивается как неконкурентоспособная в долгосрочной перспективе. Например, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание деятельность негосударственных акторов, комплекс вызовов и угроз, источником которых является не государство в прямом смысле слова, а деконструктивные структуры (такие как террористические группировки, наркокартели). Предложенный в традиционных концепциях региональных комплексов безопасности (концепция «новых центров силы») взгляд на государство не только не дает понимания контекста транснациональности, но часто «уводит» практическую политику в сторону возобновления силового балансирования в духе реализма.

• Необходимость расширения поля сопряженного экономического, политического и культурного взаимодействия и транснациональность как новое явление международных отношений требуют расширения концептуальных рамок понятия суверенитета таким образом, чтобы государство не теряло своей суверенности, одновременно осуществляя контроль ключевых параметров своей деятельности, а не всех социально-политических и экономических практик, что создает препятствия для развития. Такое понимание способствует эволюционной трансформации от одного этапа естественного типа социально-политического доступа к другому, эволюционно более совершенному и с более эффективной степенью управления.

• Одна из аналитических проблем концепции региональных комплексов связана с достаточно жесткой фиксацией их границ. Любое критическое в интеллектуальном и политическом планах понятие «пространство» должно признавать и его границы. «Проницаемость» границ не означает их полного устранения. В то же время «новое качество» границ (концепции «проницаемости гра-

ницы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, трансграничных процессов, «границ-трансформеров») плохо встраивается в концепции безопасности границ в государствах с порядком естественного социального доступа.

• В мире идут процессы «теневого интеграции» регионов — «стягивание» за счет нетрадиционных / неформальных / неформализованных угроз (региональной трансформации), а также более широкие и глубокие процессы макрорегионализации и трансрегионализма. Современные исследователи, например уже упоминаемые нами Б. Бузан и О. Уэвер, предусматривают возможность трансформации регионального комплекса, но не выделяют в этих процессах конструктивные и деконструктивные тенденции. В то же время механизм подобной трансформации пока не полностью ясен (соответственно, трудно выработать практические рекомендации) и, кроме того, в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых внешних для других участников процессов и трендов (например, нетрадиционных угроз безопасности), а также такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному охвату, нежели национальное государство либо группа государств.

Являются ли сформулированные здесь принципы достаточной основой для синтеза незападоцентричного и западоцентричного подходов к концепции суверенитета — представляет собой дискуссионный вопрос, нуждающийся в обсуждении. Однако пока обсуждение этих вопросов находится на начальном уровне, что вызывает много сложностей в практической внешней политике.

Эти новые теории регионального уровня международных отношений и мировой политики после их глубокого освоения могут и должны стать прообразом оригинальных отечественных конкретных научных исследований трансрегионального / регионального и странового характера, основанных на более высоком уровне теоретической концептуализации регионального уровня и, соответственно, приводящих к более глубоким и оригинальным выводам прикладного характера. Эти теории, по-видимому, должны также учитывать проблемы, связанные с различием порядков социально-политического доступа, и анализировать вероятность и логику перехода стран от социально-политического порядка ограниченного доступа к социально-политическому порядку открытого доступа.

Когда эти новые теории появятся и в какой степени они будут оригинальными — покажет время, но сам факт вычленения и сравнительного анализа существенной реальности регионального уровня международных отношений и типов социально-политического доступа четко высвечивает отличие традиционного страноведения, регионоведения и международных отношений от сравнительной мировой политики, сравнительной политологии и мирового комплексного регионоведения.

Таким образом, в традиционных международных отношениях согласно принципу суверенности государства существует жесткое разграничение между внешними и внутренними политиками государств. Соответственно в целом наука о международных отношениях изучает политические отношения между традиционными и новыми субъектами международного общения по поводу их действий в отношении друг друга, но, кроме этого, межсубъектные взаимодействия по поводу решения общемировых проблем, а также автономные свойства системы международных отношений в целом¹. В такой трактовке мировая политика — это сфера нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций².

Проанализировав научный дискурс международных отношений, можно сформулировать **специфику мирового комплексного регионоведения** и его составной части — **зарубежного регионоведения** как научно-образовательного направления. Такой спецификой является:

1. Опора на структурообразующую категорию пространство—время, которая включает в себя (т.е. как бы «поглощает», «вбирает») категорию территории как обобщающего ресурса в традиционном регионоведении и страноведении.

2. Введение понятия «глобальный регион», т.е. рассмотрение основополагающей категории «регион» в расширительном смысле и как части мирового трансрегионального пространства, дифференцированного и сегментированного по определенным принципам (не всегда и необязательно географическим, как у макрорегионов) и одновременно взаимосвязанного.

¹ Подробнее см.: *Богатуров А. Д.* (отв. ред.). Современная мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 32.

² Там же. С. 34.

3. Расширение понятийного аппарата с включением в него кроме понятия «регион» таких понятий, как «региональный уровень», «региональный порядок», «региональная подсистема» и «региональный комплекс».

4. Опора прежде всего на структурные политико-экономические методы кроссрегионального анализа международной реальности, обладающие своими методами верификации.

5. Рассмотрение локальной, национальной и региональной реальности как дифференцированного и сегментированного в соответствии с логикой и принципами «многослойности» пространства международной реальности и одновременно трансформированного измерения транснациональной реальности.

6. Использование для верификации не только и не столько методов ретроспективного сопоставления, сколько комплексных методов, особенно метода кроссрегионального политического анализа.

Таким образом, мировое комплексное / зарубежное регионоведение — это научная дисциплина, изучающая методами сравнительно-политического и сравнительно-экономического анализа типы взаимосвязей, а также временные и содержательные формы существования единого и взаимосвязанного, но одновременно регионально дифференцированного и сегментированного по различным критериям мирового пространства, в особенности его мирополитической конфигурации, прогнозирование направлений его эволюции и управления этим пространством. Ближайшим аналогом зарубежного регионоведения в евро-атлантической научной традиции является мировая политическая география, сравнительная политология, сравнительная мировая политика и международная политическая экономия, организационно «соединенные» в дисциплину под названием «мировые исследования» (*World Studies*). Термин *World Regional Studies* также употребляется в этой традиции изучения международных отношений, однако он пока не является доминирующим.

Исследовательский процесс в этой дисциплине начинается с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования международных, политико-экономических систем и социальных порядков, общих принципов дифференцирования единого, но одновременно сегментированного мирового пространства, а затем анализируются характеристики экономических и социально-политических систем государств в различных регионах мира и соответствующих им региональных подсистем, типологизированных по разным критериям. Только потом происходит углубление в конкрет-

ную специфику функционирования политико-экономических систем в конкретных пространственных регионах либо анализ деятельностных аспектов внешней политики в государствах разного типа. Таким образом, анализ материала и обучение строятся на комплексном сочетании структурного, спатально-аналитического (пространственно-аналитического) и темпорального (временного) принципа, а не на превалировавшем ранее в региональных и страноведческих исследованиях противопоставлении спатального принципа аналитическому либо на превалирующем в западоцентричной сравнительной политологии и мировой политике противопоставлении аналитического принципа темпоральному и спатальному.

Вопросы для повторения

1. Объясните на конкретных примерах, как может происходить структурирование регионального пространства.
2. Объясните, что такое ориентализм и оксидентализм. Приведите примеры их современных форм. Покажите положительные и отрицательные стороны ориенталистского и оксиденталистского мировоззрений.
3. Изложите основные концепции взаимодействия держав в макро-регионах и объясните логику их появления.
4. Покажите, как формировался научный дискурс зарубежного регионоведения, и поясните логику формирования концептуальных представлений о межрегиональном взаимодействии.
5. Объясните, в чем заключается различие традиционного страноведения, регионоведения и мирового комплексного зарубежного регионоведения.
6. Разъясните, какие аналоги мировому комплексному / зарубежному регионоведению существуют в других региональных научно-аналитических традициях.

Литература к разделу I

Основная

Богатуров А. Д. Современная мировая политика. М. : Аспект Пресс, 2009.

Воскресенский А. Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток—Запад—Россия: сб. статей. М. : Прогресс-Традиция, 2002.

Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред.

- А. Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М. : РОССПЭН, 2002.
- Михеев В. В.* Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А. Д. Воскресенского; МГИМО (У) МИД России. М. : РОССПЭН, 2002.
- Ориентализм / Оксидентализм. Языки культуры и языки их описания. М. : Совпадение, 2012. С. 15.
- Франкоязычный мир. Взаимодействие и контакты. М. : Издательство МГУ, 2012.
- Машибиц Я. Г.* Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во СГУ, 1998.
- Мангейм Дж., Рич Р.* Политология. Методы исследования : пер. с англ. М. : Наука, 1997.
- Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост., ред., вступ. ст. Б. С. Ерасова. М. : Аспект Пресс, 1999.
- Чилкот Р. Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы : пер. с англ. М. : ИНФРА-М; Весь мир, 2001.
- Смоленский Н. И.* Теория и методология истории. М. : Издательский центр «Академия», 2010.
- «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности / отв. ред. А. М. Петров. М. : Гуманитарий, 2004.
- Колдунова Е. В.* Безопасность в Восточной Азии — новые вызовы. М. : Навона, 2010.
- Pye L. W.* The Confrontation between Discipline and Area Studies // Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? / Ed. by Lucian W. Pye. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1975.
- Agnew J., Mitchell K., Toal G.* (eds.) A Companion to Political Geography. Malden, MA-Carlton, Australia: 2008.
- Cox K., Low M.* (eds.) The Sage Handbook of Political Geography. L. : Sage, 2008.

Дополнительная

- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013.
- Тольц В.* «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013.
- Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Праксис, 2011.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996.

- Васильев Л. С.* Всеобщая история: в 6 т. М. : Книжный дом «Университет», 2013.
- Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI в. Геополитика и кризис постмодерна. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2012.
- Зеленев Е. И.* Постижение образа мира. СПб. : Каро, 2012.
- Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной. М. : Деловая литература, 2011.
- Эткинд Э.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013.
- Беляков С.* Гумилев сын Гумилева. М. : АСТ, 2013.
- New Regionalisms in the Global Political Economy / Ed. By Sh. Breslin, C. W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. N. Y.; Routledge, 2002.
- Elman C., Elman M. F.* (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. Progress in International Relations Theory. Apraising the Field. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.
- Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective / Ed. by Amitav Acharya and Alastair Iain Johnston. N. Y.: Cambridge University Press, 2007.

Теоретико-методологические основы кроссрегионального политического анализа в науке о международных отношениях

Прочитав данный раздел, вы узнаете:

- какова специфика категории пространства—времени в мировом комплексном / зарубежном регионоведении по сравнению с традиционными международными отношениями и мировой политикой;
- что является предметом исследования в мировом комплексном / зарубежном регионоведении, в чем его методологическое своеобразие по сравнению с международными отношениями и мировой политикой и как это своеобразие связано со спецификой категории пространства—времени;
- каковы сравнительные достоинства и недостатки аналитического и пространственного (спатального) подходов к выделению регионов Востока;
- что представляет собой мировой тренд глобализации и регионализации и как он соотносится с понятием региональной подсистемы отношений и структурой мировой системы;
- как соотносятся понятия региона и международно-политического региона, что такое региональный порядок и региональный комплекс, какие типы региональных комплексов существуют;
- в чем состоит различие между обществами западного и восточного подтипов и как дифференциации мирового пространства соотносятся со спецификой предметного поля зарубежного регионоведения.

4

Категория пространства—времени и тренд макрорегионализации. Глобализация и регионализация, регионализм и региональная интеграция

4.1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения / 4.2. «Много-слойность» пространства—времени в современных международных отношениях

4.1. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных «макроподходов» при анализе региональных измерений и региональных сегментов мира, как выяснилось за последние 15—20 лет интенсивных исследований в этой области, является системный¹, так как он как бы «вбирает» в себя многое из того, что по отдельности реализуется в других подходах, но главное, позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (региональные подсистемы и региональные комплексы) в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования.

Кроме того, этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к более крупным, чем страны, макрорегиональным и региональным географическим, историческим, историко-культурным, цивилизационным сегментам, региональным организациям разного типа, собственно странам, трансграничным регионам, а также внутристрановым регионам. Вычленение ре-

¹ Кокошин А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М.: Ленанд, 2008.

гионального уровня анализа как теоретической и практической проблемы одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к страновой специфике, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историко-софских умозаключений страноведческого характера.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений — глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и, в связи с этим, конкретное региональное членение мира, являются дискуссионными в мировых общественных науках. Однако от результатов этой дискуссии в конечном счете зависит, какой мир мы увидим в ближайшем будущем, так как региональный уровень непосредственно связан с практикой международных отношений и дипломатии.

При этом в силу наличия объективных (недостаток средств на функционирование научно-образовательных центров по мировым стандартам, финансовые и визовые ограничения, затрудняющие научно-аналитическую деятельность, ненужность глубоких объективистских обществоведческих исследований в патерналистском государстве ресурсного типа и т.д.) или субъективных причин (невостребованность научных прогнозов, архаичность и низкое качество научной и образовательной системы, невостребованность плюралистически образованных людей во властных структурах и т.д.) устранение от этих дискуссий либо повышает для конкретной страны цену форматирования будущего, так как требует применения других, нередко гораздо более дорогостоящих способов, либо вообще лишает ее участия в самостоятельном форматировании будущего, вынуждая импортировать или заимствовать концепции, поскольку свои собственные оказываются неконкурентоспособными.

Когда мир анализировался в категориях биполярного взаимодействия или в категориях взаимодействия двух центров и двух типов периферий, подчиненный характер региональных и субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся системной логикой глобального биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа:

• если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, «соответствующие» тому или иному центру международной системы, а значит, нет и не будет общих / глобальных закономерностей, а есть только сочетание мегарегионального и субрегионального уровней взаимодействия;

• или мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений;

• если ответ на последний вопрос положительный, то в чем состоит этот принципиально новый характер влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений;

• каковы могут быть критерии дифференциации / членения мирового пространства в этих новых условиях и нуждается ли мы в этом;

• если нуждается, то каковы могут быть такие способы дифференциации мирового пространства, которые бы помогали проследить связь между внутренними структурами государств и логикой поведения этих государств на мировой арене;

• как дифференциация мирового пространства соотносится с интеграционными тенденциями;

• с помощью каких методов можно изучать оба эти явления в их взаимосвязи?

Возникают в этой связи и более конкретные вопросы:

• как методологически корректно определить границы между регионом (и региональной подсистемой) и субрегионами (субрегиональными подсистемами);

• каковы взаимоотношения между макрорегионами (Азиатско-Тихоокеанским регионом и Восточной, Южной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией или внутри панъамериканской подсистемы отношений между латиноамериканским и североамериканским региональными комплексами) не в географическом смысле, а с точки зрения образования подсистемных региональных и субрегиональных взаимосвязей и противостояний;

• какова может быть взаимосвязь общего вектора внутривнутриполитических процессов в макрорегионах и их внешнеэкономическим / внешнеполитическим поведением;

• каковы принципы и пределы «расширения» макрорегионов, ЕС или «Большой Европы», «Большой Восточной Азии», «Большого Ближнего Востока», «Большой Центральной Азии»;

• совпадают ли границы макрорегионов и региональных подсистем;

- как соотносятся концептуально и географически региональные подсистемы, цивилизационные миры / цивилизации и типы социального доступа, т.е. как соотносятся системы международно-региональной, культурно-антропологической и социально-политической дифференциации;

- каково соотношение между глобализацией и регионализацией и не является ли процесс регионализации отражением того факта, что планетарная международная система распалась на макрорегиональные подсистемы со сложным взаимодействием между собой, каждая из которых является фактически независимой системой или же все-таки лишь подсистемой, т.е. просто существуют модификации общих закономерностей, связанных с политико-географической, историко-экономической и культурно-цивилизационной спецификой?

В этой связи в последнее десятилетие актуальными становятся следующие вопросы:

не способствует ли регионализация фрагментации (выпадению ряда стран и регионов из мирового процесса взаимосвязей; самый яркий пример подобного рода — так называемые неудавшиеся государства (*failed states*) и депрессивные регионы), или фрагментация есть побочный продукт и теневая сторона глобализации, а регионализация, наоборот, способствует «втяжению» «выпавших фрагментов» если не в глобальные, то хотя бы в региональные конфигурации, повышая их конкурентоспособность;

как затормозить или преодолеть фрагментацию мира или частей мира на сопредельных территориях;

как не допустить выпадение конкретной страны из мирового процесса взаимосвязей по объективным и субъективным причинам?

□ Государство — единственный источник правовой легитимности в мире. Но в рамках глобальной политики и экономики целенаправленное создание прецедентов транснациональной легитимности все более смещается от небольшого числа ведущих государств к объединению политической воли и практических усилий стран ведущей и «средней» ступени иерархии. Каналами и формами закрепления формирующейся глобальной легитимности выступает глобальное управление и транснациональные пространства, прежде всего в Европе.

Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011. С. 151.

Большинство из сформулированных выше вопросов вызывает сегодня оживленную дискуссию, поскольку тенденции макрорегионализации и трансрегионализма в Восточном полушарии, в отличие от Западного, находятся в стадии становления, и как они повлияют на мировое развитие, пока окончательно не ясно, т.е. эти вопросы имеют как теоретическое, так и прикладное значение и одновременно акцентируют внимание на необходимости политического анализа региональных процессов именно на Востоке.

Дело в том, что после распада биполярной модели на фоне эволюционирующего мирового порядка кроме и помимо Западной коалиции государств (НАТО и трансатлантическое партнерство ЕС и США) стали возникать новые центры силы и влияния: Китай, Индия, «вернулась» в мировую политику Россия, было сформировано неформальное объединение РИК (Россия, Индия, Китай) и более формализованное — БРИК, переросшее в БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Явно наблюдается рост влияния этих новых центров силы, «новых великих держав», но при этом их идеология с точки зрения устройства нового мирового и регионального порядка, т.е. продвигаемые ими картины мира, до сих пор окончательно не ясна. Не ясен и тип социального порядка, который в конечном счете установится в этих государствах, поскольку каждое предпринимает более или менее успешные попытки модернизироваться, прежде всего и сначала на индивидуальной основе.

В зависимости от внешних и внутривнутриполитических факторов эти государства могут сделать акцент как на военном балансировании, чреватом новым этапом мирового военного противостояния, так и на трансграничной кооперации и сотрудничестве в рамках объединения БРИКС в зависимости от того, какая из тенденций станет преобладающей либо покажется им преобладающей в мире.

Новые поднимающиеся государства (ЮАР и Бразилия), которые своего видения переустройства старого и форматирования нового международного порядка, возможно, не имеют, являются важными новыми нарождающимися центрами влияния с точки зрения поддержки правил переформатирования старой и формирования новой модели мирового взаимодействия, прежде всего потому, что они продвинулись дальше других государств БРИКС (за исключением Индии) в построении системы открытого социального доступа.

Были зафиксированы и стали формироваться варианты новой модели региональной конфигурации политико-экономического

пространства и новые конфигурации мирового регулирования, которые пока не получили окончательного оформления. На этом фоне в США началась острейшая политическая дискуссия о месте США в мире, политике США в отношении Китая, России, Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока, такого же рода дискуссии ведутся в России, Китае и Индии.

Однако мировое пространство де-факто разделилось на *глобальные регионы мира* — макрорегиональные сегменты и региональные подсистемы с конкурирующими региональными моделями и преобладающими способами социально-политического доступа:

- политико-экономически (рыночные экономики открытого типа с политическими режимами демократического правления), военно-политически (НАТО) и структурно (государства с открытым социальным порядком) высокоинтегрированную коалицию государств, состоящую из двух региональных сегментов ЕС и НАФТА и примыкающих к ним государств, объединенную общими ценностями, единой системой социального порядка открытого доступа и тесным политико-экономическим взаимодействием. Эта макрорегиональная подсистема получила название Запад, или Север;

- слабоинтегрированную латиноамериканскую региональную подсистему государств преимущественно естественного социального доступа и открытого социального доступа с социальной системой конгломеративного, гибридного, переходного и открытого типа с двумя проектами макроинтеграции: центрированным вокруг США и более слабым, но постепенно набирающим силу собственно латиноамериканским проектом интеграции, продвигаемым экономически и военно-политически наиболее сильными латиноамериканскими государствами;

- раздираемый политическими противоречиями и экономически неоднородный Большой Ближний Восток, скрепленный конфессионально-цивилизационным единством и географическим фактором нахождения между Европой, Россией, поднимающимися Китаем и Индией и Африкой южнее Сахары. Он состоит из государств с традиционным, архаизированным и государств с естественным социально-политическим доступом на разных исторических этапах его развития;

- Большую Восточную Азию, географически более жестко «собранную», чем Азиатско-Тихоокеанский регион, и претендующую на место главного мирового геополитического региона и одновременно основного региона индустриального, а возможно, и техно-

логического развития мира в следующие десятилетия. Эта макро-региональная подсистема состоит из государств с естественным социально-политическим доступом, а также государств с открытым социально-политическим доступом или находящихся на переходном этапе своего развития.

В интегрированности и глобализованности Запад продвинулся дальше и осуществил их глубже, но степень мировой интегрированности и глобализованности зависит не только от этого, но и от того, в какой степени и в какой форме эти мировые тренды охватят весь мир, и особенно Россию и страны Востока, от которых исходят также импульсы частичного жесткого противодействия этим процессам, если они осуществляются в максимально неприемлемой для них форме. Системный подход в сочетании с другими подходами в принципе дает исследователю богатый теоретический и методологический инструментарий для поиска адекватных ответов на эти вопросы.

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х гг. Очевидно также, что многие из положений теории международных отношений, которые относятся к системному подходу, разрабатывались и ранее. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной системной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики.

В соответствии с этим подходом внутривнутриполитические процессы не рассматривались, вернее, внутривнутриполитические механизмы оценивались как «черный ящик». Такой подход сразу же обусловил и методологическую ограниченность его применения. Одновременно исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику: прежде всего по своему характеру они являются социальными отношениями, т.е. международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Данное положение давало теоретическую возможность рассмотрения того, что происходит внутри

«черного ящика» с точки зрения влияния этих процессов на внешнее поведение государств.

Международные системы принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно, и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды. Впоследствии правила отличия системы от среды все же были разработаны. Пространственные границы таких систем в целом носят условный характер, т.е. подсистемы (например, ЕС или Азиатско-Тихоокеанский регион) хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы. Эти границы часто меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер, что в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Международные системы представляют собой не просто аналитические объекты, а конкретные, в реальности очень сложные комплексные связи между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации. Внутренняя структура их организации влияет на систему их внешних отношений.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельных индивидов), т.е. они — социальные системы особого типа, со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Следующая особенность связана с тем, что международные отношения — это преимущественно политические отношения, главное звено которых — межгосударственные отношения. То есть даже при увеличении количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический либо политико-экономический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство как политический институт остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами.

В общественных науках существуют разные конкретные подходы к международным отношениям как системе, из которых наиболее известными являются:

— *традиционно исторический*, в соответствии с которым международная система — это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период;

— *историко-социологический* с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений;

— *структурно-исторический* (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях исторически предопределенной структуры);

— *мирополитический* (выделяются различные исторические типы региональных и мировых систем и исторические типы структурно различных мировых порядков);

— *эмпирико-региональный* или, в другой терминологии, *социоестественный* (определенные географические регионы как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и других отношений);

— *структурно-дипломатический* (система — это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической дипломатической деятельности);

— *реалистский* (различные модели баланса сил, или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя—пятью участниками, а также определенными правилами, по которым «играют» эти участники);

— *идеалистский*, или *структурно-кооперационный* (различные модели функционирования, взаимодействия и интеграции региональных подсистем, выделяемых на основе комплексного структурного анализа регионального среза международных отношений и макрорегионального уровня мировой политики).

Общим и/или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (глобальной) системы международных отношений, т.е. некой самодостаточной системной мирополитической целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще, но и одновременно определение рациональных принципов разделения ее на подсистемные сегменты, «укорененные» в пространственно-региональной структуре мировых связей, внутренняя организация которых влияет на внешнее взаимодействие.

В 1990-е гг. некоторые теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений и выделить региональный уровень международных отноше-

ний как самостоятельный уровень анализа. Это было связано с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и фрагментации — с другой. Теоретики международных отношений заговорили о том, что ряд международных взаимодействий, помимо взаимодействий глобального уровня, обладает определенной автономией, нуждающейся в дополнительной концептуализации. Они обратили внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего пространственно-временной, пространственно-географической, территориально-экономической, культурно-цивилизационной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы — подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т.е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая и культурно-цивилизационная (пространственная и временная) принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

- в настоящее время складывается принципиально новый характер влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;

- глобальная повестка дня переформатируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах и соответствующих им региональных комплексах;

- региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным, могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;

- иерархия глобальных проблем и угроз различна в различных региональных подсистемах;

- различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;

- относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, «достройке» общей теории с учетом регио-

нального уровня или же (более радикальное предложение) построении «незападной» (корректнее — незападоцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);

— относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) «реабилитирует» категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей «на стыках» международных отношений / мировой политики и политологии: мировое комплексное / зарубежное регионоведение, сравнительная мировая политика, региональная политология, политическая регионалистика, геополитика, в которых категория пространства—времени становится центральной или играет стержневую роль, а процессы внутреннего взаимодействия оказывают влияние на характер внешних отношений;

— в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенную, если не определяющую роль играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые в конечном счете определяют конфигурацию нового регионального порядка второй четверти XXI в.;

— трансформация мировой системы связана с внутренними политико-экономическими процессами в новых интегрированных элементах мировой политики — глобальных регионах. Эти внутренние политико-экономические процессы нуждаются сегодня в таком же, если не большем исследовательском внимании, чем сетевое и/или трансрегиональное взаимодействие, поскольку они в конечном счете и определяют формы перераспределения регионального влияния, а также типы региональных и трансрегиональных связей, т.е. позволяют заниматься практическим международно-политическим анализом и прогнозированием;

— сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с региональным уровнем, на котором возможна увязка внутренних процессов, их последствий и характера внешних взаимодействий: подъем новых мировых держав незападного мира, дискуссия о роли Запада и месте Востока, пути трансформации мирового лидерства и реинтерпретации основ западной цивилизации, послед-

ствия перераспределения влияния между регионами мира, вероятность незападного мирового порядка и западной теории объяснения этого порядка, западных форм демократии, дискуссия о роли исламского, китайского, индийского факторов в мировой политике, роли стран БРИКС;

— неверный или неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального, регионального, локального уровня отношений, их взаимовлияний, неадекватное понимание внутривластных трансформаций, неумение концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки. Вследствие этого ускоряется отставание стран и регионов, происходит фрагментация мирового пространства и образование «неудавшихся», «отставших», стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов. Выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития и/или мобилизационные рывки становится все более затруднительным и все менее и менее успешным.

В 2000-х гг. была сделана попытка оспорить системный подход с помощью введения понятия сетевого взаимодействия. Однако в связи со слабой теоретической концептуализацией сетевого подхода, а также на основе логико-интуитивного понимания международной действительности возобладала тенденция сочетания системного подхода с сетевым взаимодействием, что позволяет точнее объяснять ранее не известные или не существовавшие механизмы «центростремительного стягивания» региональных подсистем в глобальную систему и превращения макрорегионов, объединенных на основе геопространственной общности, в глобальные регионы — новые активные интегрированные акторы мировой политики.

4.2. «Многослойность» пространства—времени в современных международных отношениях

Современный мир в дискурсе международных исследований можно охарактеризовать как разноуровневую (многоэтажную) систему, состоящую из множества разновеликих акторов, взаимосвязей, полей взаимодействия между ними и подсистем, организующих эти

взаимодействия, и одновременно как сложную систему, где взаимодействия элементов внутри структуры и вне ее со средой системы дифференцированы, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением.

Под «пространством» в философском смысле понимается универсальная форма бытия материи и времени, а под временем понимается прежде всего физическое свойство реальности, выражающееся в последовательности сменяющих друг друга событий¹. Географическое пространство — совокупность взаимоотношений и взаимосвязей между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени — трехмерно, а территория — двумерна, т.е. территория — отграниченная часть плоскостного расположения материальных объектов. В страноведении территория является обобщающим ресурсом, поскольку объединяет все виды природных ресурсов, народонаселение, производственные мощности, культурный и интеллектуальный потенциалы². В международных отношениях таким ресурсом выступает пространство. *В мировом комплексном регионоведении обобщающим ресурсом является трехмерное пространственно-временное поле регионально сегментированного мирополитического взаимодействия, т.е. поле взаимодействия с фиксированными или изменяющимися дистанциями и «различиями» взаимосвязанных глобальных регионов мира, составляющих единое пространственно-временное измерение мирополитических взаимодействий.*

□ Пространство следует рассматривать в единстве с категорией времени. В научном понимании это двуединство предстает как всеобщие формы существования материи. Пространственные характеристики при этом описывают положение данного объекта в момент времени t относительно других объектов, временные характеристики — движение от одного момента времени до другого.

Выделим две особенности понимания пространства, времени и их взаимосвязи. Одна — пространство удается осязать, лишь мысленно разделив его на части («объект относительно друго-

¹ См., например: Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.

² Машиц Я. Г. Комплексное страноведение. М.; Смоленск, 1998. С. 93; см. также: Миропенко Н. С. Страноведение: теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2001; Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2002.

го объекта»). Можно определить пространство относительно другого пространства, но в этом случае каждое такое пространство оказывается частью пространства—времени в целом. Вторая — движение от одного момента времени к другому не обязательно требует перемещения в пространстве. Движение во времени непрерывно, но положение одного объекта относительно другого может оставаться неизменным даже на очень больших по меркам жизни человека временных дистанциях. Эти и иные соображения позволяют определить пространство как нечто, имеющее предел только вне себя, а время — как нечто, заключающее предел только в себе самом.

Карлик А. П., Осипов А. Г., Мурзинцев П. П. Управление территорией в геоинформационном дискурсе. Новосибирск : Сибирская государственная геодезическая академия, 2011. С. 25—26.

Пространственное и временное измерения в дискурсе международных исследований можно рассматривать как в теоретическом, так и в прикладном ракурсе¹. В теоретическом ракурсе пространственное и временное измерения современного мира как системы не входят в предметное поле классических международных отношений и мировой политики, а если и входят, то не являются для них структурообразующими. Это не значит, конечно, что категории пространства и времени отрицаются, исследуются физико-географические аспекты пространства: территория как объект внешнеполитических интересов, и как ее новые формы — киберпространство, информационное пространство. А категория времени способствует пониманию начала и конца процесса, его длительности и этапов. Однако появление новых видов пространства может мешать исследованию традиционных его форм. Так, специфика киберпространства заставляет усомниться в справедливости применения категории пространства—времени: в сетевой среде пространство лишается однозначной географической определенности, а понятие времени не привязано ни к какому часовому поясу. Новые виды пространства могут изучаться через исследование новых свойств традиционных видов пространства. Одна из существенных характеристик киберпространства — трансграничность — может быть воспринята через изучение трансграничности и наднациональности как нового проявления традиционных форм пространства. При этом разные виды пространств могут существовать

¹ Political Geography. A Reader / Ed. by John Agnew. N. Y., L., Sydney, Auckland, 1997.

параллельно, а анализ их параллельного существования может помочь пониманию эволюции нынешнего мирового порядка. Например, пространство трансграничного Интернета не признает государственных границ, а традиционный государственный суверенитет не умеет позиционировать себя в киберпространстве. Существование государственного суверенитета традиционного государства и Интернета в параллельных пространствах — проявление эволюции государственного суверенитета как отражения эволюции мирового порядка¹, связанной с новым технологическим уровнем человечества на конкретном этапе его исторического развития.

□ Понятие «территория» характеризует физико-географическую и природно-биологическую реальность. Понятие «пространство» в политике, экономике, практике в целом, а также в гуманитарных науках относится обычно к реальности социальной (пространства экономическое, политическое, конфессиональное, информационное, культурное, правовое и т.д.). Соответствующие явления взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. ...

Во всех этих случаях пространство оказывается не чем иным, как виртуальной конструкцией, создаваемой в целях построения некоей концепции, теории, т.е. ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть. ...

И здесь особое значение приобретает тот факт, что территория социума способна вмещать множество пространств.

Косолапов Н. А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс // Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : Весь мир, 2011. С. 26—28.

В силу сложности понимания их взаимодействия пространственное и временное измерения как автономные категории обычно не становятся объектом изучения в международно-политических исследованиях классического типа, поскольку эти проблемы связаны с неясностью критериев ограничения временных и пространственных промежутков для изучения истории развития явлений, т.е. с их неизменяемостью / изменяемостью в течение рассматриваемого периода времени и изменением пространства при их исто-

¹ О возможных противоречиях во внешних политиках держав в связи с трансформацией понятия суверенитета см., например: *Зиглер Ч. Сравнительный анализ восприятия суверенитета в США, Китае и России // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 3—13*

рическом развитии. Дело в том, что пространственное и темпоральное измерения предстают в научном дискурсе международных исследований как свойство пространственности (территориальности) и темпоральности, имманентное всем явлениям. Поэтому возникает парадокс: не являясь предметом изучения или структурообразующим понятием, пространственное и временное измерения одновременно присущи любому международному исследованию в прикладном ракурсе в рамках предметного поля практически любой гуманитарной и социальной дисциплины, так или иначе связанной с международными отношениями. Но пространство и время конечны или же бесконечны в зависимости от угла зрения и местоположения исследователя. Глобализация современности (Э. Гидденс), фиксирующая наше внимание на комплексе отношений между локальной вовлеченностью (обстоятельствами присутствия) и взаимодействия на расстоянии (связи присутствия и отсутствия), основана на повышении уровня пространственно-временной дистанциации, «растягивании» пространства и «сжатия» времени. Социальные отношения, в традиционных обществах встроенные в локальные контексты, в современном обществе глобализируются таким образом, что локальные отношения начинают формироваться реальностью, находящейся за тысячи километров от локальных отношений, т.е. способы связи между различными социальными контекстами и регионами как бы «растягиваются» на всю поверхность земного шара. Этот процесс носит диалектический характер, поскольку он имеет и обратную сторону: локальные отношения могут развиваться в направлении прямо противоположном сформировавшим их глобальным отношениям¹.

- Отделение времени от пространства не должно рассматриваться в качестве прямолинейного процесса, никогда не обращавшегося вспять или имеющего всеобщий характер. Напротив, как любая из тенденций развития, он обладает диалектическими свойствами, провоцируя на противоположные описания. Более того, разъединение пространства и времени создает основу для их воссоединения в отношении к социальной деятельности. Это легко показать на примере расписания. Расписание, например указатель времени отправления поездов, может на первый взгляд показаться всего лишь временным графиком. Но фактически это инструмент упорядочивания пространства—времени, показывающий одновременно

¹ Гидденс Э. Последствия современности : пер. с англ. М. : Праксис, 2011. С. 188.

но и куда, и когда прибывают поезда. Как таковое, расписание обеспечивает комплексную координацию поездов и перевозимых ими пассажиров и грузов на протяжении значительных отрезков времени—пространства.

Гидденс Э. Последствия современности : пер. с англ.. М. : Праксис, 2011. С. 133.

Существует представление о высвобождении социальных систем от влияния пространства—времени, т.е. о «вынесении» социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройке в неограниченных пространственно—временных масштабах¹. В англосаксонской традиции исследования мировой политики и международных отношений есть поэтому достаточно распространенная радикальная точка зрения об «исчезновении пространства» (что предполагает и исчезновение времени, т.е. «сворачивание» пространства и времени в одну точку—линию) в «плоском» поступательно развивающемся от одной точки развития к другой глобальном мире и об «освобождении» человечества от пространственной / временной дифференциации (теория Т. Фридмана о «плоском мире»), фактически основанная на гиденсовской теории «дисконтинуистской» интерпретации современного социального развития, критикующей концепции социального эволюционизма. Более «умеренные» и реалистично мыслящие исследователи-международники критически относятся к такому радикальному тезису, но также подчеркивают, что дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как «географическое положение», «географическая близость / удаленность», и времени (циклическость / этапы развития) утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации.

Такая точка зрения не лишена серьезных оснований, если подразумевать под «пространством» достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, структурно находящуюся на одном временном отрезке развития и называемую постиндустриальной, или развитой, т.е. построившей открытый социальный порядок и конвертировавшей его конкурентные преимущества в качественно более высокий уровень экономического развития, или же если рассматривать эту часть мира и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования либо материал для построения теорий и кон-

¹ Гидденс Э. Последствия современности. С. 135.

цепций только этой частью мира, считая, что она является главной. В соответствии с этой точкой зрения «периферия» либо всегда останется периферией в силу централизованного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована, «подтянется» и войдет унифицированной частью в состав «урбанизированного центра». Но понятие «сжатие пространства» имеет две ипостаси: сжатие как коммуникационное сближение, т.е. рост связанности, доступности, проницаемости пространства, воспринимаемое позитивно, и локационное сжатие — стягивание освоенного пространства, которое может порождать концентрацию, доходящую до поляризации, когда ресурсов развития перестает хватать для периферии, что воспринимается, естественно, негативно, или же если произойдет глобальный катаклизм или мировая катастрофа (природная либо рукотворная)¹.

- Географическое разнообразие отдельных регионов, стран и континентов делает практически невозможным представление о некоем едином, магистральном образе мирового развития, будь то его цивилизационные, социальные, политические или экономические контексты. Образ (образы) мирового развития — это системы скоординированных «цепочек», или кластеров, целенаправленных, специфических географических мегаобразов, включающих в себя устойчивые представления о динамике геопространственного развития тех или иных страт человеческих сообществ. Сложность исследования подобных географических образов состоит в необходимости согласования различных представлений о внутренней и внешней динамике отдельных мегаобразов.

Замятин Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 58.

Однако наряду с «плоской» современной частью мира по-прежнему существует и традиционная часть — «сферическая», хотя благодаря глобализации и связанным с ней новым технологиям «сферическая» часть мира достаточно быстро (прежде всего *технически* и *инфраструктурно*), но неравномерно (*технологически* и *содержательно*) «уплощается». Жизнь наполнена контрастами между «плоской» и «сферической» частями мира (городские макроагломера-

¹ См. подробнее: Реванш пустеющего пространства. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М.: Никитский клуб, 2012. С. 14—15 и далее. Прикладные аспекты этих процессов см.: Очень Большая Москва. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М.: Никитский клуб, 2012.

ции Нью-Йорка, Лондона, Токио, Москвы, Нью-Дели, Мехико, Рио-де-Жанейро, Мумбаи, Шанхая, Чунцина и их пригороды или/и места проживания племенных социальных организаций в Афганистане, Африке, Австралии, на Кавказе и т.д.), и переход из одной части в другую сопряжен со сложностями. Перенесясь на скоростном транспорте (самолет, «сапсан» и т.д.) со скоростью 300—900 км/ч в другую урбанизированную точку страны или мира, вы двигаетесь дальше с максимальной скоростью 5—90 км/ч, и это передвижение может быть ограничено и/или затруднено пространственным (географическим) фактором. Страшны не только расстояния, но и способы их преодоления, т.е. «доступность» пространства, косвенно определяемая транспортными изохронами (социальная, технологическая и другая доступность)¹. Мобильный телефон и Интернет сокращают расстояние и «уплощают» мир, но пока не могут физически перенести индивидуума в любую точку мира и/или мгновенно поменять восприятие им жизни. Кроме того, применение современных технологий транспорта и связи может ограничиваться разными причинами. Скажем, зоны доступности приема сигналов сотовыми телефонами в Москве и Подмосковье сильно различаются, например, с такими зонами в Томской области или джунглях Амазонки. Вообще говоря, карты доступности приема сигналов сотовыми телефонами в различных регионах достаточно хорошо иллюстрируют проблему доступности связи как способа интеграции пространства.

Таким образом, развитие пространства:

- инерционно и в высокой степени зависит от унаследованных факторов;
- практически всегда неравномерно как из-за географических факторов, так и из-за неравномерности экономического развития, вызванного различной степенью конкурентоспособности (как экономической, так и политической);
- соотношение пространств разных типов неравномерно меняется, создавая проблемы, требующие осмысления и решения;
- каждый из типов пространств имеет свои типы институализации, которые конгломерируются, но практически не синтезируются;
- каждый из типов пространств имеет свои типы времени.

¹ Изохрона — линия на географической карте или схеме, соединяющая точки с одновременным наступлением какого-либо явления.

□ Представления о качественной однородности или неоднородности времени существенным образом влияют и на его количественные измерения. В первом случае предполагается существование некоторой универсальной абсолютной шкалы времени, расстояние между отдельными точками которой зафиксировано раз и навсегда (временной интервал между двумя данными событиями всегда неизменен). В рамках второго подхода никаких фиксированных промежутков времени между событиями не существует и мера времени зависит от субъективных представлений каждого человека (ср.: с тех пор прошло много времени, мало времени, мгновение и т.д.).

Отсюда вытекают и различия в определении понятия скорости течения времени. В первой концепции время не имеет собственной меры, оно измеряется движением, т.е. в конечном счете пространством, — достаточно вспомнить школьную формулу «время = расстояние/скорость», или тот факт, что все привычные единицы времени — секунда, минута, сутки, год и т.д. — непосредственно определяются на основе движения небесных тел. В контексте же представлений второго типа время не только обладает собственной мерой, но и может служить для определения характера процесса (время текло медленно, быстро летело и т.д.).

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 81—82.

В реальной жизни два типа пространства (сферическое и плоское) и соответствующие им типы времени (циклическое, линейное и циклическо-волновое, соответствующее синкретическому миру постиндустриальных обществ), каждое из которых, в свою очередь, имеет свою скорость протекания, как бы накладываются друг на друга, создавая единое и одновременно структурно дифференцированное «многослойное» пространственное поле сосуществующих во времени, но при этом находящихся на разных временных этапах своего развития международных отношений и мировой политики, хотя их соотношение и меняется не в пользу «сферического» все быстрее и быстрее, что действительно говорит о «сжатии» времени и «растяжении» («уплощении») пространства, уменьшении влияния пространственного («преодоление» пространственного фактора) и, по-видимому, увеличения значения временного фактора (увеличение «ценности» времени) по мере развития человечества.

□ Если в традиционном обществе время рассматривается как свойство реальности, выраженное в непрерывном существовании, а религия трактовала его как сферу жизни, смерти, воскрешения, в

которой реализуется план Бога, что предполагает такие временные периоды, как «вечность», «день господен», «час», «ныне» и т.д., то с зарождением сложного социума становилось все очевиднее, что время обретает множество сущностей.

Ныне происходит «переоткрытие» времени... Переоткрытие времени предполагает отказ от простого линейного движения от прошлого к настоящему и будущему, замена его сложными нелинейными взаимодействиями.

Кравченко С. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 29, 30, 31.

Прогнозы развития, связанные с «пульсацией» времени—пространства, зависят от того, в каком масштабе времени и пространства мы анализируем пространственно-временной ряд событий. Схема освоения пространства многовидовая и многоволновая. Стадия освоения пространства может трактоваться как расширение, но в определенный момент времени инновации затухают и начинается процесс концентрации, при котором происходит потеря освоенных ранее пространств¹. Такое понимание не исключает как «реванш» традиционного времени—пространства, так и попытку «поглощения» традиционным временем—пространством более современного в надежде на возвращение когнитивного образа мира традиционных обществ прошлого. Верно и обратное: умелое освоение пространства убыстряет течение времени и ускоряет развитие, «поглощая» традиционное пространство—время и маргинализируя занимаемое им пространство.

□ Время в восточных культурах воспринимается иначе, чем в западных, и даже внутри одного культурного региона представления о нем различаются от страны к стране. В США и Мексике, странах Западного полушария к времени относятся столь различным образом, что это вызывает серьезные споры между народами. Даже в пределах западной Европы отношение к времени, например в Швейцарии, имеет мало общего с тем, как относятся к времени жители соседней Италии. Таец оценивает ход времени не так, как японец. В Британии будущее открывается перед нами, а на Мадагаскаре оно втекает в затылок человека, надвигаясь на него сзади.

Льюис Р. Столкновение культур : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фабер, 2013. С. 73.

¹ Подробнее см.: Реванш пустеющего пространства. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М. : Никитский клуб, 2012. С. 24.

□ Время — определяющее условие телесного существования, устраняющее которое мы оказываемся вне этого мира. Собственно поэтому в эсхатологической литературе обычно говорят о конце мира как о конце времени, но не о конце пространства. Если мы вводим по отношению к временной категории критерий прерывности, тогда и тела как непрерывные более не могут существовать. Скорее всего, они не могут существовать и как таковые, поскольку прерывность времени создает зоны пространственного распыления мира. Описываемый процесс объективен и неизбежен, весьма нежелателен с точки зрения стабильности мира и поэтому требует субъективной этической оценки и соответствующего ответного поведения человека.

Зеленев Е. И. Постигание образа мира. СПб. : Каро, 2012. С. 34.

Простой факт, на который не часто обращают внимание: в примитивных и традиционных обществах часы не нужны, поскольку время определяется по солнцу, а производственная деятельность не требует более точного его измерения. В современных обществах часы не нужны, поскольку время и так окружает нас повсюду: на экранах ноутбуков и нетбуков, мобильных телефонов, навигационных систем, автомобильных компьютеров, в радио-и телеэфире и даже на дисплеях микроволновых печей и духовок. Одновременно время становится все большей ценностью, хотя бы из-за того, что компьютеризация позволяет «втиснуть» в его стандартизированные отрезки возможность выполнения все большего количества задач. Понимание процесса изменения характера времени в историческом развитии начинает получать свое отражение и в исследовательской литературе, прежде всего исторической¹, но изучение понятия времени в связи с развитием человеческого общества — задача не только истории.

□ Но, сократив расстояния на планете почти до нуля, количество поступающей и передаваемой информации увеличилось настолько, что даже летай «Конкорды» каждую секунду, они не передали даже сотую долю тех данных, что проходят по Сети сейчас. Количество информации и скорость обмена данными уже вышли за пределы восприятия психики нормального среднего человека. Эта скорость увеличивает ритм жизни, укладывая в одну минуту то, на что в прошлом потребовалась бы неделя. ...

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время в поисках утраченного. М. : Языки русской культуры, 1997; Christen D. Maps of Time. An Introduction to Big History. Berkeley: L. A. & L.: University of California Press, 2011.

Следующий прорыв в средствах связи — передача информации посредством прямого контакта разумов на расстоянии. Вероятно, это случится тогда, когда объемы данных увеличатся настолько, что не смогут быть переданы с требуемой скоростью. Чисто физиологически есть мнение, что наш мозг способен к такому стилю общения. Если на подобного рода коннект будет цивилизационный спрос, то предложение не заставит себя ждать.

Смирнов Р. Не вышли временем. Чего стоит в наши дни пробежка от рождения до смерти // Независимая газета. 2012. 14 ноября.

Необходимо отметить, что новейшие исследования культурной нейронауки (*cultural neuroscience*) показывают, что лингвистическая принадлежность может быть связана с разными типами ментальности (теория лингвистической относительности) и разными взглядами на мир. Как отмечает профессор Ю. Александров, метафору времени в пространстве люди располагают в зависимости от того, на каком языке они разговаривают и как они едят: если вы попросите русского, англичанина, еврея, араба и японца положить два яблока — одно целое, другое надкусанное — на стол, чтобы изобразить последовательность процесса надкусывания, то англичанин и русский слева поместят целое яблоко, а справа надкусанное, говорящий и пишущий на иврите или арабском положит яблоки строго наоборот, а японец расположит их вертикально¹. Такое размещение предметов и выстраивание логических цепочек связано с процессом создания текста: слева направо по горизонтали, справа налево по горизонтали или по вертикали слева направо или справа налево.

Интересно в этой связи, что китайцы до середины XX в. использовали *вэньянь* (классический письменный язык), на котором писали сначала справа налево сверху вниз (традиционные тексты), а затем слева направо, причем слева направо сначала сверху вниз, а потом по горизонтали. Причем у китайцев Восточной Азии (Тайвань, Сингапур) этот процесс до сегодняшнего времени может происходить как слева направо сверху вниз, так и справа налево по горизонтали или даже справа налево сверху вниз.

¹ Какой национальности ваш мозг? Беседа заведующего Лабораторией психофизиологии имени В. Б. Швыркова Института психологии РАН профессора Ю. Александрова с заместителем главного редактора «НГ» А. Вагановым // Независимая газета. Приложение «НГ-наука». 2012. 14 марта. С. 9, 11.

- Каждое общество формирует свои правила в отношении времени, которые разделяют и понимают все члены этого общества.

Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени : пер. с англ. М. : Livebook, 2013. С. 27.

Новое направление научных исследований — культурная нейронаука, объясняющая процесс специализации нейронов мозга относительно конкретных поведенческих актов, связывает возникновение пространственных и временных дифференциаций (включая политическое пространство) и психологических предпочтений таких дифференциаций в зависимости от социальной и культурной среды, что позволяет по-новому объяснять и существование пространственно-временных дифференциаций в комплексном регионоведении¹. Однако вряд ли следует делать это основой расового или цивилизационного национализма, подобно теориям некоторых российских или китайских ученых², тем более что это противоречит последним исследованиям по расшифровке генома человека, не подтвердивших научными методами наличие отдельных китайского и африканского очагов цивилизации³.

В то же время, казалось бы, локальные проблемы, характерные для «сферической» части мирового пространства и связанные с тем, что эти части мира находятся на других этапах развития, могут выходить на глобальный уровень, хотя иногда весьма причудливым образом (Таджикистан, Руанда и Дарфур, Синьцзян, Тибет, Чечня, пиратство у берегов Сомали, проблемы Афганистана и Ирака, экологические проблемы Китая для его соседей и с точки зрения «парникового эффекта», несменяемость политических режимов в Тунисе, Египте, Ливии и последовавший за этим кризис на Ближнем Востоке и т.д.), показывая диалектическую связь влияния локального и глобального, но одновременно и создавая ложное представление о возможности пространственно-временного «реванша» сферического мира. В частности, понятия обществ-конгломератов, обществ с анклавно-конгломеративной

¹ О некоторых интересных размышлениях на эту тему см., например: *Heisbum P.* География мысли : пер. с англ. М. : Астрель, 2012; *Blij H. de.* The Power of Place. Oxford: Oxford University Press, 2009.

² См. подробнее: *Лукин А. В.* О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 3—19.

³ В концентрированном виде изложено, например у Йэна Морриса: *Morris I.* Why the West Rules — For Now. The Patterns of History and What they Reveal about the Future. N.Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2010.

структурой, обществ-гибридов, «спаянных» из традиционных или архаизированных частей (т.е. сферический мир, порядок естественного социально-политического доступа), и современных (т.е. плоский мир, открытый социально-политический порядок) в концепциях Н. А. Симонии, а затем А. Д. Богатурова основаны на идее сосуществования в реальной жизни обществ с разным типом пространственно-временной и структурной организации и, соответственно, необходимости учитывать эти структурные факторы при построении теорий как социальных, политических, так и мирополитических взаимодействий.

- Политическая организация не просто осуществляется в пространстве. Она самым непосредственным образом связана с использованием различных свойств тех или иных пространств. Одно дело, когда люди расселены в бескрайней африканской пустыне; совсем другое, когда их обиталищем становится небольшой затерянный в океане полинезийский остров...

Одни и те же географические факторы могут играть различную роль, в зависимости от того, как люди их используют. Удобное урочище при слиянии рек может стать предметом соперничества живущих в долинах этих рек племен. Однако эту территорию можно превратить в место создания межплеменного поселения, или полиса — центра устойчивого союза племен. Огромная река может разделять живущих по ее берегам людей, а может стать своего рода стержнем, объединяющим их в общую империю или цивилизацию. Многое здесь как раз и зависит от политических институтов.

Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград : Издательство РГУ им. И. Канта, 2010. С. 25.

- На необъятной равнине, без определенных границ, при разбросанности народных сил русская общественность неизбежно должна была сложиться на началах демократизма, без строгого и четкого определения классовых перегородок. Те сословия и та резкая грань, которая наблюдается в Западной Европе еще в Средние века и держится вплоть до XIX века между аристократом и мужиком, купцом и духовным лицом — в России суть явления значительно более позднего времени и притом в формах значительно более бледных, чем какими они сложились на Западе.

...Раздвоенность русской жизни, сиденье «между двух стульев», европейским и азиатским, сильно отразилось на характере, на всем духовном складе русского человека. Внутренние противоречия жизни породили неуверенность в себе, разлад с самим собою;

лишили надлежащей, в решительные минуты, устойчивости и определенности действий; сказались шатаньем умов, бросанием из одной крайности в другую... В результате — та неприспособленность к жизни, та разочарованность и никчемность, что так ярко воплощена в русской литературе в художественных образах Печорина, Гамлета в Щигровском уезде, Обломова, героев Чехова и им подобных.

...С другой стороны, эта же самая раздвоенность жизни, поставив русского человека лицом к лицу с двумя мирами: родственным и чуждым, увеличила запас его наблюдений, раздвинула его умственные горизонты, углубила его мысль.

Шмурло Е. Россия в Азии и в Европе. Прага: Я. Отто, 1926. Eurasian Review. V. 5, 2012. С. 101.

Признавая существенные контрасты двух типов пространства—времени, оптимисты (Э. Гидденс, Т. Фридман и др.) делают предположение, что именно «плоский» мир является неизбежной перспективой развития «сферического» мира. Такая постановка вопроса означает «трансформацию» и отмирание пространственности как фактора международных отношений и ограничивает его анализ рамками встроенных в систему глобальной мировой политики политико-экономических концепций регионализма, регионализации и трансрегионализма как прежде всего экономических процессов мирового хозяйства (интеграция и трансрегионализм / региональная интеграция / регионализм / регионализация). Ряд теоретиков-скептиков (например, И. Валлерстайн, А. Франк, С. Сандерсон, Харм ду Блэй и др.), однако, сомневаются в необратимости «сжатия» мира в одну-единственную «плоскость—пространство» и продолжают анализировать пространственные и временные факторы в мировой политике как структурообразующие (теории центра / периферии, мир-систем, разнотипных цивилизаций, влияния места). Именно структурное неравенство и функциональная дифференциация элементов мировой системы и взаимосвязей между ними, как считают представители второй точки зрения, является залогом ее существования и развития. Одновременно часть вполне уважаемых исследователей говорит о возможности концептуализации такой точки зрения вплоть до создания незападной (точнее, незападоцентричной) теории международных отношений, объясняющей мир на основе представлений, господствующих в периферийных (незападных) районах мира дифференцированного (т.е. не «плоского») пространства, или с со-

ответствующей региональной точки зрения (А. Ачария, Б. Бузан и др.)¹.

Третьи, придерживающиеся прагматических и конструктивистских взглядов (М. Фарелл, Б. Хетте, Л. ван Лангенхоф, М. В. Стрежнева, Н. А. Косолапов, Н. Г. Федулова, Ф. Г. Войтоловский, И. Л. Прохоренко, Е. С. Громогласова и др.), настаивают на необходимости изучения новых свойств пространства — транснациональности и наднациональности — с целью их более полного и адекватного использования в спонтанно или целенаправленно конструируемой реальности², в то время как их конструктивистские оппоненты (например, Харм ду Блэй) настаивают на необходимости дополнительного и более тщательного изучения феномена «силы места» и вызываемой ею дифференциации и мирового пространства³. Такая постановка проблемы допускает возможность интеллектуальной деконструкции пространства не по географическому, а по проблемно-аналитическому критерию.

Понимание пространства—времени как интегральной категории позволяет аналитически разделять его на подпространства / категории пространства: экономическое, политическое, социальное, культурное, физическое и соответствующие им научные дисциплины, каждая из которых специализируется на изучении каждого из видов пространств по отдельности с помощью специальных, присущих только этим дисциплинам методологии и методов. Фундаментальной закономерностью жизни является несовпадение «собственного времени» изменения разных типов пространств: экономическое пространство более динамично, чем социальное, а политико-географическое трансформируется еще медленнее, чем первые два, но быстрее, чем культурно-цивилизационное.

Наложение пространств разных типов, эволюционирующих с разной скоростью и в соответствии со своими закономерностями, в реальной жизни создает их дифференциацию, связанную с временной и региональной спецификой, соположенную с собственной дифференциацией каждого подвида и категории пространства.

¹ Acharya A, Buzan B. (ed.). *Non-Western International Relations Theory*. N. Y. : Routledge, 2010.

² Farrell M., Hette B., Van Langenhove L. *Global Politics of Regionalism*. L.: Pluto Press, 2005; Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : Весь мир, 2011.

³ Blij H. de. *The Power of Place. Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape*. Oxford : Oxford University Press, 2009.

□ Изучением исторической эволюции и современного состояния, управлением и прогнозированием процесса дифференциации и одновременно интеграции сегментированных по географическим и временным признакам пространств разных видов и типов в единое мировое пространство и занимается мировое комплексное регионоведение как научная дисциплина.

Представляется важным отметить противоречие современной западоцентричной теории международных отношений. Современные западные теории международных отношений в целом до последнего времени оспаривали концепцию необходимости учета структурного влияния пространства и времени на региональные сегменты международных отношений или, по меньшей мере, относятся к этим идеям с большим скепсисом¹ по вполне понятной причине — существующей опасности «закостенения» каких-либо региональных подсистем на этапах автаркического состояния из-за неспособности политических элит обеспечить развитие в соответствии с практикой передовых мировых стандартов. Одновременно в англоязычном сегменте «внутреннего регионоведения» (т.е. в изучении процессов внутри национального государства) в Европе и США — экономической географии (*economic geography*), политической и гуманитарной географии (*political geography, human geography*), пространственной экономики (*spatial economy*) и региональной науке (*regional science*) эти идеи не только давно и плодотворно разрабатываются², но и вызвали появление специальной методологии межрегионального и регионального анализа³.

Цикл лекций Олина (*Ohlin Lectures*) в Стокгольмской школе экономики Пол Кругман посвятил проблеме «возвращения» пространства в экономическую теорию, что можно воспринимать как инкорпорирование политического начала в экономическое, т.е. как «возвращение» политической экономии, отброшенной после 1990-х гг. повсеместным триумфом эконометрического начала в экономической теории. Кругман показал, как пространственный

¹ См., например: Kaplan R. D. *The Revenge of Geography*. N. Y. : Random House, 2012; Brotton J. *A History of the World in Twelve Maps*. N. Y. : Allen Lane, 2012.

² Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy*. London : The MIT Press, 2001; Boldizzioni F. *The Poverty of Clio. Resurrecting Economic Theory*. Princeton & Oxford : Princeton University Press, 2011; Agnew J. (ed.). *Political Geography*. L.; N. Y.; Sydney; Auckland : Arnold, 1997; Замятин Д. З. *Гуманитарная география*. СПб. : Алетея, 2003.

³ Izard W., Iwen J. A., Drennan, M. P., Miller R. E., Saltzman S., Thornbeke E. *Methods of Interregional and Regional Analysis*. Aldershot, UK, Brookfield, USA, Singapore, Sydney, Ashgate, 1998.

фактор сначала был инкорпорирован в немецкую экономическую теорию 1930—1940-х гг. (работы В. Кристаллера, А. Лоша¹), потом в 1960-х гг. в американскую региональную науку (*Regional Science*) У. Изардом², а потом был полностью проигнорирован в основном из политических соображений доминирующими на конкретном этапе современными западоцентричными экономическими теориями ультралиберального толка, которые и привели мир к финансово-экономическому кризису. В настоящее время в экономику возвращается не только пространство, но и культура (как часть пространства или же как самостоятельная дефиниция)³. Эти новые явления заостряют вопрос о путях трансформации традиционных дисциплин и синтезе их в интегративные и комплексные подходы, которые позволяют адаптироваться к реальности, в которой убыстряется ход изменений по мере развития человечества.

Кроме того, «экономизированная» концепция Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста⁴ о разных типах порядков социально-политического доступа также может иметь пространственно-временную интерпретацию, что получило отражение в мировой науке о международных отношениях в ее наиболее продвинутой англосаксонской версии, но проигнорировано другими национальными традициями, включая российскую, индийскую и китайскую.

□ Экономическое развитие территории опирается не столько на собственные богатства, сколько на устойчивый взаимный интерес экономически разнородных регионов, соединяющие пути между которыми проходят через данную «счастливую» местность. Фактор центральности особенно важен там и тогда, когда традиционные формы экономики себя исчерпали, когда город или регион попали в полосу бедности или кризисов. Суметь привлечь к себе транспортные потоки — вот шанс к развитию и расцвету в такой ситуации.

Важно, что сама по себе центральность не гарантирует успеха, но должна сочетаться с адекватной инициативой — использованием открывающихся возможностей. Любопытным моментом является фактор времени. Поскольку в центре имеется не одна точ-

¹ *Christaller W. Central Places in Southern Germany. Jena: Fisher, 1933; L.: Prentice Hall, 1966; Lösch A. The Economics of Location. Jena: Fischer, New Haven, CT: Yale University Press, 1954*

² *Isard W. Location and Space-Economy. Cambridge, MA: The MIT Press, 1956.*

³ *Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом ВШЭ, 2013.*

⁴ *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.*

ка, но достаточно большая область с множеством населенных пунктов, каждый из которых в начале имеет примерно равные шансы, *выигрывает тот, кто начинает первым*. Когда пути прокладываются именно через данный пункт, начинается лавинообразный процесс утверждения его как единственного центра, и остальные пункты уже не могут подняться. В лучшем случае они могут служить в качестве вспомогательных опорных пунктов для этого центра.

Розов Н. С. Колея или перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011. С. 540.

Как оказалось, абстрактные дискуссии о процессах построения теории в методологии науки и их интерпретации Т. Куном, К. Поппером и И. Лакатошем имеют вполне конкретные последствия в виде неверно описываемых мировых процессов и плохо спрогнозированных социальных или экономических кризисов, подобно финансово-экономическому кризису 2008 г.¹ Анализ пространственных факторов в экономике остался только в сфере политической и гуманитарной географии, маргинализированных в 1990—2000-е гг. в мировой науке по сравнению с ультралиберальными экономическими и политическими теориями Дж. Сакса, раннего Ф. Фукуямы и др., возникшими на гребне триумфа теорий глобальной экономики ультралиберального типа. Показывая принципы связи географического и экономического пространства, их взаимовлияние и способы анализа этого взаимодействия, экономист П. Кругман отметил, подобно международнику А. Джорджу, что: «[он] ...использует субъективный набор источников для того, чтобы обосновать точку зрения, в соответствии с которой существуют стержневые идеи, которые имеют важный смысл в свете недавнего экономического анализа, но которые были неприемлемы для мейнстрима современной экономической мысли потому, что они не во всех случаях поддаются моделированию»².

□ Наш мир — не плоский.

Развитие — на любом географическом уровне — процесс негладкий и нелинейный. В одних регионах экономический рост начинается раньше, в других позже. Географические различия в уровне жизни сначала сливаются, затем сглаживаются, причем

¹ См., например, анализ прогнозов: *Мельянец В. А.* Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М. : Ключ-С, 2013.

² *Krugman P.* Development, Geography and Economic Theory. Cambridge, Mass. & London : The MIT Press, 1997. P. 37. См. также: *Krugman P.* Geography and Trade. Leuven & London: Leuven University Press & The MIT Press, 1993.

быстрее всего на локальном уровне, а на более высоких уровнях процесс замедляется под влиянием географических факторов. Это — эмпирические закономерности, выведенные на основе успешного опыта развития за последние 200 лет.

Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии 2009. М. : Весь мир, 2009. С. 7.

Интересно, что единство времени и пространства в своеобразной форме получило отражение в просторечных формах языка: люди говорят и будут продолжать говорить «встретимся где-то в районе четверга» или «встретимся около одиннадцати», соединяя категории времени и пространства в повседневной речи, причем такие лингвистические соединения есть в разных языках, а значит, они естественны для человеческого сознания, отражая окружающую нас реальность пространственно-временной взаимосвязанности. Другое дело, что уловить и правильно объяснить эту связь в общественных науках — очень непростая задача, так как синтез пространственно-временного подхода и структурных закономерностей региональных сегментов мира трудное дело.

Теории регионального уровня как бы восполняют «пробелы» в концепциях мировой политики, основанных на превалировании «плоского» мира. В некоторых, самых продвинутых из них, делается попытка представить незападное (незападоцентричное) видение: видение не из центра мировой системы, видение как бы «с другого регионального пояса / полюса», с точки зрения логики другого регионального комплекса, другого временного этапа развития, или синтетическое, комплексное, объективистское видение всего мирового процесса. Представители этих взглядов считают, что в исследованиях можно абстрагироваться от сохраняющегося деления мир на «плоский» и «сферический», акцентировать внимание только на его «плоских» (здесь географический источник западоцентризма) или только на «сферических» сегментах (здесь источник антизападничества, или востокоцентризма).

Но можно рассматривать проблему, в частности, с точки зрения путей трансформации одного и другого объектов в новое качество каждого из них и как проблему «сращивания» в специфические конгломераты или гибриды, либо синтеза в новое комплексное научно-синтетическое (теоретическое) видение. Такая постановка проблемы дает дополнительный импульс дискуссии о возможности построения западной теории международных отношений и

решении проблемы демократического транзита путем концептуализации понятия незападной демократии, основанной, в частности, на идее разного типа влияния пространственно-временного фактора на региональные сегменты мира, а также различных сегментов регионального уровня на глобальный и анализа этих процессов с прикладной точки зрения.

Такое понимание проблемы позволяет, «не отменяя» общей теории международных отношений и общих политологических закономерностей, расширять теорию, развивая те области теоретического знания, которые представляют большую важность для того или иного регионального сегмента мира, что в целом способствует более объективному пониманию мира в его целостности.

Дифференциация и синтез пространства—времени, внешней составляющей которых является контраст и единство разных частей единого мира, не была бы столь актуальной в научных дискуссиях, если бы не находила отражение в краткосрочных и долгосрочных политических процессах, которые необходимо анализировать практикам международных отношений — дипломатам и международно-политическим аналитикам. Например, необходимо оценивать подъем Китая, характер и продолжительность этого подъема, анализировать подъем Азии, роль «новых поднимающихся государств» (Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, Иран), роль и перспективы «новых центров силы» (Китай, Индия, Бразилия, Россия, ЮАР, Иран), стран БРИКС. Нужно анализировать роль новых формальных и неформальных региональных образований и организаций, которых насчитывается уже не один десяток (к примеру: ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и его подварианты (УНАСУР), Организация исламская Конференция (ОИК), Лига арабских государств (ЛАГ), Арабский социально-экономический совет (АСЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Объединенный совет стран Персидского залива, Союз арабских стран Магриба, Арабский совет экономического сотрудничества, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд), «Форум диалога Индия — Бразилия — ЮАР», ЕврАзЭС, Восточно-азиатский саммит, Экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона (АПЕС), Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (РЕСС), Экономический совет тихоокеанских стран (РВЕС), Тихоокеанская

торговля и сотрудничество (РАФТАД), Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона, СНГ, БРИКС, Транстихоокеанское партнерство (ТиПиПи / TPP), Евразийский союз и др.). Нужно спрогнозировать роль и значение политической составляющей экономических региональных процессов, оценивать экономические импульсы политической составляющей региональных процессов, конкурентоспособность различных моделей модернизации, политических систем и моделей политического развития и др. И таких проблем становится все больше и больше.

□ Вот, например, как представлял себе метагеографический образ России тогдашний претендент на должность президента Владимир Путин (статья «Россия и меняющийся мир», 27 февраля 2012 г.):

«Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и стоит твердо на ногах». Это — явное обращение к архетипическому образу страны как некоего обобщенного былинного богатыря....

И как главный вывод: «...территория России — источник ее потенциальной силы». И это в точку. Пространство у нас больше, чем время. Недаром, осмысливая отношение западной цивилизации к России, историки подметили: нормальная жизнь казалась европейцу невозможной «там, где в пространстве затерялось время» (Афанасий Фет). Отсюда это детское упорство в играх с Хроносом у отечественных политиков: тасование часовых поясов, переход на летнее время и его же упразднение, перевод чемпионата страны по футболу на систему осень/весна и, возможно, обратно...

Если попробовать взглянуть на все это с точки зрения метагеографии, то можно нарисовать такую картинку.

Пространственное «тело» РФ разрывается сегодня не только по оси Запад—Восток (ЕвроПРО — возрастающая экономико-демографическая мощь Азиатско-Тихоокеанского региона), но и по перпендикуляру Север—Юг (очевидно, неизбежна схватка за Арктику — афганско-ирано-сирийско-турецкий вызов)...

Эти геополитические пальцы — действительно серьезное испытание для российской государственности. А если добавить в эту координатную сетку третье измерение — Недра—Космос (исчерпание легких углеводородов — явная и нарастающая стагнация космических программ России), то силы на разрыв серьезно возрастают. Отсюда и стремление — чисто рефлекторное — сжаться, «заморозить» внутреннее ядро.

Россия на разрыв. Ответом на внешние геополитические вызовы стало «замораживание» внутриполитической ситуации // Независимая газета. 2012. 4 июля. С. 2.

Ясно, что категория пространства—времени не перестает влиять на международно- и внутривосточные явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практические, проблемы, решением которых необходимо заниматься специалистам-практикам по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Трансрегионализм, макрорегионализация и дифференциация пространства являются реальными феноменами, а значит, анализ пространственного и временного измерений имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических, исследований международных отношений, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойства пространственности и темпоральности в их различных проявлениях и, в частности, через процесс трансрегионализма, регионализации (региональной дифференциации) и степени фрагментации в разных пространственных сегментах мира, находящихся на различном уровне своего временного развития, но испытывающих сильнейшее институциональное влияние современности. Эти понятия можно далее конкретизировать — определять применительно к каким-либо сферам (функциональным подсистемам): политике, экономике, культуре, экологии. Глобализацию можно рассматривать комплексно, как явление существенно возросшей взаимозависимости между функциональными подсистемами. Но тогда встает вопрос: взаимозависимости между чем и насколько существенной взаимозависимости?

Как только заходит речь о «конкретной глобализации», мнения начинают резко расходиться. Возникают вопросы не только о том, что в разных сферах (функциональных подсистемах) глобализация реализуется в разных формах, с разной интенсивностью и с различными последствиями, но и об историческом времени (происхождении и развитии) глобализации, ее идеологическом характере и т.п. В итоге представление о глобализации размывается настолько, что в научном дискурсе остается лишь консенсус относительно всеохватности этого явления, вызывающего новую дистанциацию пространства—времени, а реально изучаются глобализирующиеся регионы (макрорегионы / глобальные регионы) и трансрегиональные процессы. Именно этот феномен и породил эпатажирующее

высказывание Б. Бузана и О. Уивера о том, что мировой политики в реальности не существует, это просто научная абстракция.

В соответствии с этим взглядом глобализация воспринимается как вызов или угроза не потому, что она несет распространение более современных институтов, а потому, что она в научно-исследовательской литературе и средствах массовой информации на конкретном историческом этапе может интерпретироваться как синоним униполярности (*unipolarity*) и материализоваться по-разному на локальном и региональном уровнях. Таким образом, «отторжение» глобализации происходит из-за поверхностного, недостаточно глубокого понимания этого процесса, неумения найти ей адекватную региональную и локальную форму, из-за того, что одна из самых продвинутых региональных форм глобализации (ее американизированная версия) выдается за единственную модель для подражания без учета региональной специфики и некоторые успешные региональные модели (японская, сингапурская, индийская, малайзийская) интерпретируются как вестернизированные модели, а другие (например, китайская) — как конфронтационные (антизападные).

В этой связи феномен Китая и заключается в том, что он сумел найти удачную «китаезированную» форму синтеза глобализированных институтов и национальной специфики (национальная модель глобализации), адаптировав свои локальные институты к глобальной реальности, и пытается приложить их новую «глобализированную национальную форму» к региональному и даже глобальному уровню, чтобы повысить свое место в мировой иерархии. Китаю удалось это делать до самого последнего времени только потому, что как развивающаяся страна, порвавшая в свое время с мировой системой социализма советского типа, он получил неограниченный доступ на мировые рынки и никто не обязывал его открывать свою экономику для международной конкуренции.

Подъем Китая был достигнут благодаря исключительным уступкам, которые он временно получил от мирового сообщества, «расколов» мировую социалистическую систему советского типа своим фактическим односторонним «выходом» из нее. Однако России, в основном из-за ее глобального военного потенциала (которого не было у Китая) и несформированности внутриполитического консенсуса о необходимости реформирования, такие уступки предоставлены не были. По мере своего подъема Китаю не нужно было ломать или трансформировать существующий мировой порядок, как в свое время Советской

России, поскольку он шел по пути, намеченному Россией в период нэпа, отброшенного частью советской политической элиты «за ненужность».

Китай пытается влиять на эволюцию мировой системы «изнутри», направляя ее в нужную для себя сторону. То есть китайская логика заключается в том, что, создав свою, глобализованную версию национальных институтов, приспособившихся к современности, можно попытаться распространить их китаезированную форму на менее успешные, экономически, военно или политически более слабые общества, имевшие с Китаем исторические / вассальные связи, либо с проживающими там мощными китайскими диаспорами, сформатировав их наиболее благоприятным для себя образом и направляя эволюцию существующего мирового порядка в максимально выгодную для себя сторону. В конкретных исследовательских интерпретациях региональных отношений это может использоваться, в частности, как «возвращение в прошлое» на новом витке исторического развития — к модели силового балансирования или биполярности, основанных только лишь на восприятии мира, объясняемом с помощью теорий реализма, а может — как повышение степени вписанности в мировую систему отношений в зависимости от политической конъюнктуры как в мире, так и в самом Китае.

Таким образом, экономически более сильный Китай не обязательно будет непременно представлять собой угрозу для мирового сообщества, потому что он будет более открыт и более зависим от внешнего мира. Но экономически более сильный Китай может становиться все более сильным в военном отношении, что может, при определенном направлении внутривнутриполитического развития, представлять вызов или угрозу для регионального и мирового сообщества, включая Россию. Поэтому и произошло возобновление на новой стадии дискуссии 1970—1980-х гг. в мировом китаеведении, в центре которой был вопрос, является ли современная китайская внешнеполитическая доктрина типологической наследницей китаецентристской модели императорской дипломатии, или же современная китайская дипломатия полностью «порвала» с историческим прошлым и признала «западную концепцию Вестфаля», основанную на идее равноправности государств, пусть и частично, в ее универсалистски-коммунистическом, т.е. западном, варианте!¹

¹ Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М. : Восток—Запад; Муравей, 2004. С. 33—44; См. также:

Современные интерпретации китайских внешнеполитических аналитиков позволяют трактовать факты международной реальности двояким образом. Это вызывает озабоченность мирового сообщества, поскольку идея «равноправности» государств была привнесена европейской и, дополнительно, европейской универсалистской коммунистической традицией, а рост национализма и поворот к историческому наследию поднимающегося Китая и появление внешнеполитических концепций «современной Поднебесной», «расширяющихся фундаментальных интересов», «культурной супердержавы» делают возможным аналогии с китаецентричными концепциями императорского Китая периода его расцвета времен династий Тан, Сун, Мин и частично периода Цин, особенно в связи с его «десоветизацией» (термин профессора Ли Фэнлиня), т.е. избавления от универсалистских коммунистических идей периода осуществления «советской модели».

□ Вызывает раздумья употребление в современном Китае слова «война» в начале нынешнего столетия. Это совпадает с усилением вооруженных сил КНР, а также с намерениями активно действовать на морях и океанах.

В китайском Интернете появляются рассуждения на тему о том, дескать, в первой половине XXI века, до 2050 года, Китаю будет необходимо вести шесть войн:

- войну за Тайвань;
- войну за острова в Южно-Китайском море;
- войну за Тибет;
- войну с Японией;
- войну за Монголию;
- войну с Россией.

Здесь очерчен круг «стратегических пространств», в которых согласно обыденному мышлению значительной части населения КНР возможно, а то и необходимо, неизбежно применение такого средства «решения вопросов», как война. Такого рода рассуждения официальные китайские власти из Интернета не изымают, хотя в других случаях такая практика существует. К чему готовят население КНР? Что это может означать для нас? Каков подход

Voskressenski A. The Difficult Border. Current Russian and Chinese Concepts of Sino-Russian Relations and Frontier Problems. N. Y.: Nova Science Publishers, Inc., 1995; Ларин В. Л. «Горячие точки» российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли // Труды истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. XV. Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей. С. 5—23.

к понятию «война» в теории и на практике, в реальной политике и в пропаганде в современном Китае?

Галенович Ю. М. Войны нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. С. 6.

Комплексное понимание китайского фактора в мировом развитии по-новому ставит проблему «применения» китайской модели модернизации и использования «китайского опыта» в России: не подражание Китаю, в действительности максимально используемому опыту России (русский нэп в виде дэнсяопиновской концепции «не важно, какого цвета кошка — главное, чтобы она ловила мышей»), трансформации партии марксистско-ленинского типа КПК на ее XVIII съезде в партию «всей китайской нации» подобно трансформации КПСС во «всемирную партию»), как в свое время подражание Западу, а интенсивный поиск национальной модели глобализации, регионализации и трансрегионализма. В свое время такую модель нашли страны Европы, США, Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Республика Корея, Китай и другие успешно развивающиеся страны мира.

□...Опираясь на экономические достижения, страны Азии, в первую очередь Китай, сумели существенно увеличить масштабы своего международно-политического влияния. Это увеличение имеет как глобальное, так и сугубо региональное измерение и ведет к объективному снижению влияния ведущих стран Запада, в первую очередь США, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, провоцирует на Западе опасения по поводу стремления Китая к региональному доминированию. У Китая вызывают подозрение и раздражение все более явные попытки ограничить рост его влияния. Наиболее очевидная иллюстрация — это поддержание контролируемой напряженности в Южно-Китайском море. Но и в Китае часто звучит, правда, не с высоких трибун, великодержавная риторика.

К великому океану, или Новая глобализация России: Аналитический доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва: Совет по внешней и оборонной политике // РИА «Новости». 2012. С. 25.

Б. Бузан и О. Уэвер также справедливо отмечают, что большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют регионально-территориальную базу.

С исследованием регионализации ситуация на порядок сложнее. Регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации. Регионализация, однако, может выступать и в форме противоположности глобализации, усиливать фрагментацию мира. Регионализация может быть самостоятельным явлением относительно локального характера, а может выступать в качестве инструмента управления (ограничения или ускорения) глобализации. То есть регионализация оказывается более конкретным понятием, чем глобализация, поскольку в ее основе лежит понятие региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства. Понятие региона — многозначно. Одно из определений региона подразумевает понимание его как географического понятия. Он также может являться функциональной группировкой государств и обществ, которые можно классифицировать по общим для них характеристикам и по общему для всех членов группировки способу взаимодействия с внешним для них миром.

Но регионализация в «расширительном» смысле (усиление зависимости между традиционными регионами) — это одновременно и трансрегиональное сотрудничество в узком смысле этого понятия. Трансрегиональное сотрудничество в «широком» (связь между макрорегионами) смысле — фактически одна из форм проявления глобализации. Так формируется новое понимание современных региональных форм проявления глобализации. Это, в свою очередь, формирует политику преодоления неравномерности последствий глобализации для разных стран и регионов.

□ Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий — измеряемую с помощью таких показателей, как их протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, — порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти.

Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически, в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического положения.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации : пер. с англ. М. : Праксис, 2004. С. 19.

Таким образом, **глобализация** может пониматься не только в философско-социологическом смысле как новая степень дистанциации пространства—времени, но и в международно-практическом: *как возникновение новой, постоянно осовремениваемой мировой системы социальных и экономических институтов. В результате этого процесса национальные экономики сливаются в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени свободы движения товаров и капитала, распространения современных, более эффективных и открытых социальных институтов, информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, возникновении межнациональных социальных движений, интернационализации образования. Этот процесс сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей и трансформацией систем ограниченного социального доступа в системы открытого доступа. Глобализация сопровождается процессами регионализации — поиском региональных форм приспособляемости к глобальным процессам, региональных форм открытого социального доступа, и фрагментации — «выпадения» из единого мирового пространства «не успевающих» за глобализацией даже в ее регионально смягченных формах. При таком понимании глобализации регионализация предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически. То есть регионализация может выступать как способ дефрагментации мирового пространства.*

Регионализация «за пределы» традиционных регионов (макрорегионализация) приводит к «стяжению» пространства сопредельных регионов и образованию макрорегионов (макрорегиональных комплексов). И **регионализация** и **макрорегионализация** представляют собой процесс усиления взаимозависимости в различных сферах человеческой деятельности (политике, экономике, энергетике, экологии, культуре), а также процесс выработки общей идентичности, характерной для данного региона. **Трансрегионализм** может выступать как в виде макрорегионализации регионов, т.е. способствовать формированию макрорегионов — «больших регионов» и «глобальных регионов» в качестве новых интегрированных акторов мировой политики, так и в виде межрегиональных связей «глобальных регионов» (в качестве специфической формы глобализации).

- Ценности зачастую опережают в своем развитии институты, поскольку строительство последних является весьма трудоемким делом. Учитывая это, действительно ли столь необходимо формиро-

вать новую глобальную архитектуру? Правда ли, что «старая система» (как я обозначаю национальные государства вкупе с международными организациями) в современных условиях утратила былую способность справляться с нарастающими глобальными проблемами? Если да, то какие требуются транснациональные и наднациональные институты, чтобы добавить к «старой системе» дополнительные уровни управления?

Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям : пер. с англ. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. С. 7.

Регионализация требует определить понятие *регионализма* как *взаимозависимости стран и выхода интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках. Можно понимать регионализм и как формирование экономических сообществ близкорасположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа.*

Таким образом, **региональная интеграция** представляет собой мировой феномен усиления взаимосвязей внутри региональной подсистемы, основанной на усилении взаимодействий между ее компонентами и образование новых взаимосвязей / организаций, сосуществующих с традиционными взаимосвязями / организациями, сформированными государствами на национальном уровне.

Комплексное исследование и описание пространственного измерения невозможно без временного измерения, но понятия глобализации и регионализации могут анализироваться как новые системные дифференциации, и соположенные, и противопоставляемые по отношению друг к другу и по отношению к дифференцируемому ими пространству¹.

То есть понимание роли пространства—времени дает методологическую возможность ввести эту категорию как системообразующую и выделить региональный уровень международных отношений как относительно независимый для теоретико-практического анализа (региональные аспекты международных отношений) и как системообразующий (мировое / зарубежное регионоведение, кроссрегиональный политический анализ, сравнительная мировая политика, политическая регионалистика, региональная политология, политическая география) и говорить о регионализации как относительно самостоятельном явлении и являющемся важнейшей составной частью глобализации.

¹ Глобализация и регионализация // Луман Н. Дифференциация : пер. с нем. М. : Логос, 2006. С. 239—245.

5

Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок

5.1. Регионы, международно-политические регионы, глобальные регионы / 5.2. Связь между теоретическими и практическими аспектами региональных трансформаций / 5.3. Региональные комплексы, региональные подсистемы и региональный порядок

5.1. Регионы, международно-политические регионы, глобальные регионы

Регионализация в ее современном виде является относительно новым феноменом. Неслучайно до сих пор четко не разработаны критерии и параметры понятия «регион» и существует бесчисленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому, политическому, цивилизационному региону.

- Некоторые аспекты политических, экономических и управленческих процессов становятся детерриториализованными, но в то же время мы наблюдаем ретерриториализацию экономической, политической и социальной активности. Появляются новые формы регионализма и регионов. Это продукт декомпозиции и рекомпозиции территориальных рамок общественной жизни, изменений в государстве, в рыночных отношениях и международном контексте.

Keating M. Is There a Regional Level of Government in Europe? // Le Gall's P., Lequesne C. (Eds.) Regions in Europe. L.: Routledge, 1998. P. 11.

Понятие региона многозначно¹.

¹ Г. Яровой выделяет нормативный и аналитический подходы как два способа идентификации региона, акцентирующие внимание соответственно или на единице административно-территориального деления, или на функциональных критериях регио-

Во-первых, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическое понимание региона частично синонимично понятию «район»)¹, так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое или международно-политическое понимание региона)².

Во-вторых, регион может определяться по группе признаков³ либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы)⁴. Следовательно, региональное деление как «средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений»⁵, как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и иметь характер социального конструкта⁶.

Как аналитический конструкт региональное деление мира обладает также особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития⁷. В отечественной науке региональный уровень с точки зрения системного подхода конкретизировался в идее *международно-политического региона*, который рассматривается как «относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону, политических про-

на. См.: Яровой Г. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб. : Норма, 2007. С. 17—18. Обобщение исследование понятия «регион» в международных отношениях см.: Fawn R. 'Regions' and Their Study: Wherefrom, What for and Whereto? // Review of International Studies (2009), 35. P. 5—34.

¹ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 10.

² Мир политической науки. Кн. 1. Категории. С. 596; Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М. : Наука, 1984. С. 363.

³ Например, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.

⁴ Мир политической науки. Кн. 1. Категории. С. 596; Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. С. 11.

⁵ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М. : Гардарики, 2002. С. 22.

⁶ Die Region als soziale Konstruktion / Spindler M. Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Ökonomie / M. Spindler. Wiesbaden : VS Verlag, 2005. P. 100.

⁷ Подробнее о структуре политико-географических образов см.: Замятин Д. Меттагеография: пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. С. 83—91.

блем и соответствующих им отношений»¹. Эта формулировка основана, в свою очередь, на понимании *политического регионализма* как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт (прежде всего, но не только, политических), высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры (определение Д. Хэлда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю, Д. Перратона).

Попытки аналитически выделить региональные пространства / регионы / региональные подсистемы имели несколько оснований.

Во-первых, представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием супердержав, либо имеют к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. В связи с этим была предложена модель (О. Янг) анализа международной политики, в рамках которой задачей исследователя было определить, какой из факторов — соответствия (*congruence*) или разрыва (*discontinuity*) глобального и регионального — доминировал в том или ином вопросе.

Во-вторых, анализ взаимосвязей внутри того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения / зарубежного регионоведения, кроссрегионального политического анализа.

В-третьих, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровня давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы.

Это позволяет называть регионом исторически эволюционирующее территориальное сообщество, которое имеет физическое

¹ Система, структура и процесс развития международных отношений / под ред. В. Гантмана. М.: Наука, 1984. С. 363. См. в этой связи расширительную трактовку международно-политического региона: *Воскресенский А. Д.* Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток—Запад, 2006. С. 7.

содержание, социоэкономическую, политическую и культурную среды, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и регионально-территориальных единиц.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран в рамках региона. Под термином «**регионализация**» в литературе и жизни в действительности понимаются три различных по содержанию явления:

— *возрождение / подъем региональных держав и формирование ими преференциальных типов региональных порядков или установление какого-либо преобладающего типа регионального порядка* (неформализованное реалистическое понимание регионализации в мировой политике);

— *формирование региональных интеграционных группировок, в том числе преференциального типа* (классическое политико-экономическое определение регионализации, основанное в целом на либерально-прагматическом видении экономических процессов);

— *политическая основа, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма и / или регионализации* в первом и втором значениях понятия (формирующееся направление в международной политэкономии, экономической политологии, комплексном регионоведении, основанное на конструктивистском понимании данного процесса).

Таким образом, понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут — в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм (макрорегионализм, трансрегионализм или мини-глобализация) есть реализация национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой, уровне, но в региональных, точнее, в макрорегиональных рамках.

В биполярный период региональные державы появлялись в первую очередь в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция (Восточная Азия). Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплементарная взаимозависимость значительно перевеши-

вала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы (Европа)¹, в основе которых лежали:

- 1) рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов;
- 2) наличие общего внешнеполитического противника;
- 3) отсутствие явного доминирующего центра либо наличие доминирующего ядра, состоящего из двух-трех государств.

После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов стало не столь очевидным.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими и в то же время противостоящими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран или групп стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным и т.п. При этом существует достаточно фактов, чтобы рассматривать регионализацию не как промежуточный этап на пути глобализации, а как конечную цель на данном историческом отрезке, т.е. при определенных условиях она может стать и препятствием на пути дальнейшего развития глобализации. Одновременно, даже препятствуя на конкретном историческом этапе и в конкретном региональном сегменте глобализации, регионализация может способствовать дефрагментации гомогенизирующихся сегментов регионального пространства, а значит, и в этом случае в конечном счете не исключает глобализации, т.е. как бы путем гомогенизации пространства «глобализирует» регионы.

Промежуточным, а поэтому весьма вероятным вариантом дальнейшей глобализации является стяжение традиционных регионов в макрорегиональные комплексы (*макрорегионализация* и/или *трансрегиональное сотрудничество*), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в

¹ Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011; McCormick J. The European Superpower. Houndmills, Basingstoke & N. Y., 2007.

различной степени). Подобный процесс дает возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;
- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;
- подтягивать отсталые территории внутри национального государства путем создания трансрегиональных «треугольников роста»;
- улучшать экономические позиции более развитых стран путем расширения географической зоны действий в льготном варианте;
- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее, а любая интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции, чем отдельное государство вне такой группировки.

Резюмируя ... теоретические размышления о соотношении понятий «регионализация» и «регионализм», надо отметить, что ... регионализм необходимо рассматривать как политику государств по управлению своими внутренними территориями, а также по соуправлению территориями интеграционного целого. В свою очередь, регионализация рассматривается как процесс динамичных взаимодействий (интеграционного и дезинтеграционного характера) всех акторов мировой политики и экономики по реструктуризации глобального пространства, которое не ограничивается только территориальными аспектами, но включает в себя информационные и сетевые пространственные формирования...

Подводя итог рассмотрению концептуальных обоснований глобальной регионализации, можно прийти к следующему заключению:

— во-первых, необходимо принципиально развести понятия «регионализм» и «регионализация». Регионализм означает политику государств как по управлению своими внутренними территориями, так и по соуправлению территориями регионального интеграционного целого. Регионализация является процессом соуправления глобальным политико-экономическим и социальным пространством, участниками которого являются государства, глобальное гражданское общество и мировые бизнес-структуры;

— во-вторых, глобальная регионализация означает ликвидацию монополии государств на управление процессами глобальной реструктуризации политико-экономических и социальных

пространств, что ведет к формированию большого разнообразия форм и методов глобальной регионализации, что связано с мультиакторностью глобального управления мировым социумом.

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: Опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб. : Издательство Политехнического университета, С. 21, С. 23.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что *макрорегиональный комплекс* (а не отдельное государство или блок государств по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений — реализма), сформированный внутренними и внешними, региональными и трансрегиональными взаимосвязями, представляет собой прообраз одного из центров будущей полицентричной мировой системы. Основа такой полицентричной системы — не обязательно силовое балансирование новых центров, но *повышение общей стабильности системы путем кооперативной модификации общих закономерностей и/или превалирующего мирового порядка применительно к специфическим пространственным и/или временным параметрам региональных сегментов мирового пространства*. Именно этот аргумент и приводит к необходимости переключения внимания с реалистической парадигмы циклического противостояния на конструктивистско-кооперационные теории и их консенсусный объяснительный и преобразовательный потенциал.

По данному пути уже пошла Европа, создав Европейский союз, страны АСЕАН, пока очень робко страны Латинской Америки и даже США, создав группировку НАФТА. Причем и ЕС, и США вступили в новый этап этого процесса: ЕС экспериментирует на путях «гибкой интеграции» и расширения «наднационального пространства», предполагающих повышение экономической конкурентоспособности и параллельно добровольную более жесткую координацию бюджетных параметров (т.е. дальнейший отказ от традиционных символов суверенности), а США начинает создавать интеграционную экономическую группировку шире, чем НАФТА — Транстихоокеанское партнерство. Подобный путь пытаются нащупать Китай, формируя пространство так называемого «Большого Китая» (Китай и сопредельные территории) на основе многовековой массовой миграции китайского этноса и нового качества экономико-политической зависимости «периферийного пространства» от «новой метрополии», а также через ШОС и эко-

номическую интеграцию Северной Кореи со своими южными провинциями, трансрегиональную кооперацию с богатыми ресурсами, но экономически бедными авторитарными режимами африканских стран, пытаясь если не стать единственным государством-лидером в Восточной Азии, то, по крайней мере, кардинально упрочить свое влияние посредством усиления экономического, культурного и политического контроля над сопредельными либо зависимыми сегментами регионального пространства.

«Большой Ближний Восток» как макрорегион и слабо организованный, нестабильный макрорегиональный комплекс сформирован на основе цивилизационно-конфессионального единства арабского мира и географической отграниченности от других регионов. Осознав усиливающуюся интеграцию в этом макрорегионе, противостоящую США и Западу в целом, в частности, через осуществление массированных международных террористических операций, направленных на подрыв стран Запада изнутри, США силовым путем попытались изменить эту тенденцию. То есть, несмотря на то что география этого макрорегиона и перечень входящих в него стран четко не определены, он де-факто отграничивается ЕС, Россией, поднимающимся Китаем и Индией, а на юге — наличием Африки южнее Сахары и объединен цивилизационно-конфессиональной общностью.

Эти объективные факторы являются основными, а политика, которую проводят в регионе США и его союзники, сумевшие аналитически осознать эти факторы раньше, чем другие государства, второстепенна¹. Политика США периода президентства Дж. Буш-мл. по силовому внешнему и внутреннему осовремениванию архаизированных социальных порядков в регионе и созданию по его периметру «кордона» из светских государств с преобладанием или значительной частью мусульманского населения, может восприниматься враждебно политическими режимами как внутри, так и вне региона, поскольку требует дополнительных усилий по поддержанию монополярной конкурентоспособности ряда авторитарных режимов, для которых это может стать непосильной задачей. Но дополнительные усилия по поддержанию монополярной конкурентоспособности одновременно уменьшают вероятность проеци-

¹ Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С. Большой Ближний Восток. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 7; Наумкин В. О политике России на южном направлении. Оценка и идеи. Т. 1. № 1 (ноябрь 2011). М.: Институт востоковедения РАН.

рования злонамеренного влияния вовне (например, террористических актов и т.д.), т.е. снижают угрозу для самих США. Эта политика была существенным образом трансформирована президентом Б. Обамой.

По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона или макрорегионального комплекса «Большая Восточная Азия» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия) прежде всего с экономической и культурно-цивилизационной точки зрения. В этом же ключе, но по ряду причин с гораздо меньшим практическим успехом происходят дискуссии о возрождении СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии, создании Евразийского Союза и т.д. Меньший практический успех может быть, в частности, связан с тем, что целенаправленные политические, экономические, военные усилия по интеграции пространства могут не соответствовать в какой-то своей части спонтанным региональным или даже мировым политико-экономическим тенденциям и из-за этих причин встречать явное или неявное противодействие, что требует дополнительных, все нарастающих без особого видимого успеха политических, экономических или силовых затрат на интеграцию.

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов или глобальных регионов, являются:

1) полная или частичная экономическая взаимодополняемость в макрорегионе, когда комплементарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;

2) начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата АСЕАН+ до Восточноазиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);

3) движение в сторону валютно-финансовой интеграции. В НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта доллар, ЕС ввел единую региональную валюту — евро, которая стала частично выполнять ограниченные функции «запасной» мировой ва-

люты, обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте (акю) на базе иены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший. Другие макрорегионы пока даже не рассматривают вопросы такого рода, хотя возможность создания «золотого динара» как региональной валюты стран Ближнего Востока также обсуждалась специалистами;

4) новые формы кооперации;

5) выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрорегиона (МЕРКОСУР, БРИК, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН+ и т.д.);

6) определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;

7) появление в макрорегионе теоретического обоснования специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики, формируется единая внешняя и оборонная политика);

8) спонтанное формирование и целенаправленное конструирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования).

Таким образом, мы можем выстроить иерархию регионов по степени глобальности, причем на вершине такой иерархии будут находиться глобальные регионы — новые активные внутренне интегрированные акторы мировой политики.

- Пространство есть структура, наполняющая регион в процессе регионализации (что особенно актуально при формировании «глобальных регионов»), но пространство может превосходить территориальную основу региона, и нельзя не учитывать эту возможность, рассматривая понятие «глобальный регион». Исходя из этого, на наш взгляд, регион можно определить как некоторую целостность без жесткой замкнутости территориальными рамками, которая является активным внутренне единым элементом мировой политики. Исходя из данного определения, можно говорить о глобальном из-

мерении региона, что подразумевает:

- трансграничную природу региона;
- его участие в качестве единого целого в мирополитических процессах.

Таким образом, глобальный регион есть структурированное пространство, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (географический, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т.д.).

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012. С. 45—46.

Таким образом, **макрорегион** — это преимущественно географическое пространство, структурированное на основе традиционных факторов (географического, исторического, цивилизационного и культурного), а **глобальный регион** — новый активный, интегрированный не только и не столько на основе традиционных факторов, сколько преимущественно на базе негосударственных факторов управления процессами глобальной реструктуризации политико-экономических и социальных пространств — сетевых, коммуникационных, виртуальных и др.

Детальное понимание новых мирополитических тенденций позволяет выявить *три группы проблем*, которые изучаются мировым комплексным регионоведением в интегрированном виде по отдельности и в своем сочлененном взаимодействии:

1) *проблемы, имеющие универсальный характер и присущие всем странам мира*. Эти проблемы изучаются в мировой экономике, политологии и ее «мирополитической испостаси» — мировой политике. Мировое комплексное регионоведение, в отличие от вышеуказанных дисциплин, интересуют не столько эти проблемы сами по себе, сколько то, как они преломляются и модифицируются в различных глобальных регионах и других пространственно-временных сегментах мира, таким образом, что мирополитическое пространство не теряет своей целостности, но, одновременно, оставаясь не только неполностью гомогенным, но, в определенных сегментах, и разнородным;

2) *проблемы, схожие для стран определенного типа*. Эти проблемы по отдельности изучаются несколькими научными дисциплинами, каждая из которых концентрируется на своих собственных, базовых для данной дисциплины методах дифференциации миро-

вого пространства, исходя из разнородности или сходства единиц на одном определенном типе пространства (экономическом, политическом, культурном и т.д.). Мировое комплексное регионоведение изучает эти дифференциации комплексно с точки зрения того, как они определяют типы регионализации, влияющие на конкретные конфигурации мирового пространства в определенные временные периоды (эпохи) таким образом, что образуются регионы, макрорегионы и глобальные регионы, связанные взаимодействием определенных типов в единое региональное и мирополитическое пространство;

3) *проблемы уникальные или индивидуальные*, характерные для конкретных государств, трансграничных регионов, входящих в состав нескольких государств, и конкретных территорий в составе конкретных государств.

Традиционное регионоведение, как известно, изучает в ограниченном разрезе только третью группу проблем. Эту группу проблем с точки зрения понимания исторической динамики развития конкретных государств изучает история, политические науки изучают политический разрез первой и третьей групп проблем, а экономика — их экономический разрез, наука о международных отношениях описывает и анализирует первую группу проблем (мировая политика) и третью (традиционные международные отношения). Мировое комплексное регионоведение занимается комплексным анализом всех трех групп проблем на основе методов и методик, позволяющих заниматься комплексным, многофакторным анализом.

5.2. Связь между теоретическими и практическими аспектами региональных трансформаций

Прямая связь между глобальными проблемами международных отношений и новыми тенденциями, обусловленными трансформационными региональными процессами (изменение военно-политической силы, экономической мощи, конфессиональные конфликты и проецирование политического, цивилизационного и конфессионального влияния), которые в отдельных случаях могут даже переформатировать глобальный уровень отношений, очевидна. Поэтому в современном мире регион может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или национальной (националистической) политики и дезинтеграционной политики и антиглобалистских решений, т.е. регион мо-

жет возникать как особая пространственно-временная конструкция определенной региональной ипостаси мирового порядка, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические, геоэкономические и этноконфессиональные) содержатся в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедовании или низвержении религиозной исключительности. Содержание и направленность эволюции этих понятий сегодня оживленно (а иногда и ожесточенно) дискутируются в мировой науке о международных отношениях.

Регион как фрагмент глобального социума обладает способностью интегрировать, разграничивать, распределять, организовывать и трансформировать, т.е. наполнять абстракцию глобальной взаимозависимости реальным содержанием. Таким образом, взаимодействие макрорегионов Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, Океании, двух Америк и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс ясно указывает на утрату отдельными субъектами международных отношений монопольной функции в формировании мирового порядка. Это и предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, трансрегионализма.

Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что это пространство меняется в мире в целом (меняется его конфигурация — степень пространственно-временной «искривленности» — в связи с расширением «плоского» мира и уплотнением «сферического»), и в границах макрорегионов, в частности (гомогенизация регионального пространства внутри макрорегионов и дифференциация регионов). Изменение регионального геополитического и геоэкономического пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессов новых региональных трансформаций, включая внутрорегиональные политические процессы. Одновременно направленность и содержание региональных трансформаций может как способствовать угасанию старого мирового лидера («закат Европы», «закат Запада») и появлению нового (за последние 100 лет предлагались разные претенденты: СССР, Германия, Япония, Китай), так и обратному процессу «переформатирования» прежнего глобального

лидерства и наполнения его новым содержанием (структурное лидерство, реинтерпретация западных ценностей, лидерство в формировании мировых торговых режимов и т.д.). Новое макрорегиональное пространство сегодня детерминировано скорее геополитическими, цивилизационными, культурными, этноконфессиональными и этнополитическими параметрами, которые не всегда имеют непосредственную связь с физико-географическими границами государств, а не экономическими, географическими или физическими границами, как это было в XIX или XX вв. То есть географические и физические границы становятся относительными, экономическое пространство стремительно гомогенизируется, политическое как бы «уплощается» (уменьшается количество конкурентоспособных вариантов политических систем и типов политических режимов), а геополитической, цивилизационной, культурной, этноконфессиональной и этнополитической гомогенизации не происходит либо дифференциация макрорегионов даже увеличивается. К тому же дифференциация определяется другими закономерностями, которые нуждаются в дальнейшей коцептуализации и исследовании.

Таким образом, понятие физических и политических границ в настоящее время приобретает оттенок относительности, хотя эти границы и продолжают существовать, а между некоторыми геополитическими ареалами (например, между западным и незападным миром или между отдельными международными регионами) они могут даже ужесточаться в связи с этнополитическими, этноконфессиональными, цивилизационными различиями или конфликтами. Отсюда следует политическая задача не поощрения «закрытого» регионализма (закрытых форм региональных объединений) или тем более воссоздания «закрытого» государства по образцу идеальных фихтеанских моделей XIX в. или «закрытой» политико-экономической системы советского типа, а дальнейшее постепенное стирание физических и политических границ как в пределах макрорегионов (Большая Европа, Большая Восточная Азия), так и между макрорегионами (трансатлантическое единство, Европа от Атлантики до Владивостока, БРИКС).

Это уменьшает технологические разрывы и пространственно-временную «кривизну» мирового пространства и увеличивает сегменты «плоского» мира, находящиеся на одном этапе временного развития за счет возможности ускоренного прохождения некоторых этапов или же за счет эволюционного «перескакивания» через

этапы в связи с поддержкой лидеров мирового развития, а значит, повышает в целом степень глобализации (например, отмена виз между Россией и ЕС, введение многолетних виз между Россией и США и др.). Обратный процесс — возведение новых границ (ужесточение визовых режимов (правил выезда) иммиграционного законодательства, чрезмерно высокая плата за визу, специальные паспорта, бюрократические препоны и др.), гарантирующие «нужную» степень «кривизны» мирового пространства в соответствии с внутренними запросами как «плоской», так и «сферической» части мира, отбрасывает мир назад, к тому этапу, который уже был пройден человечеством и который чреват продолжением эпохи конфликтного развития и конструирования препятствий для технологического развития. В сегодняшнем мире последствия таких мер усугубляются невозможностью технологического прорыва только «на собственной основе», т.е. силами только одного государства, без международной кооперации, а политика «опоры на собственные силы» доказала свою исторически ограниченную применимость как в СССР, так и в Китае.

Одновременно появились и новые (непрямые, мягкие и т.д.) формы контроля над территориями и воздействия на пространственные ареалы через или минуя государственные границы. Возросла взаимозависимость государств и регионов, экономическая мощь и экономические взаимосвязи (экономическая интеграция, трансрегиональные союзы) стали играть самодовлеющую роль, а не только выступать как основа военной мощи. Однако глобализация, во всяком случае в той форме, в которой она проходила на протяжении конца XX — начала XXI в., пока не смогла полностью снивелировать влияние этноконфессиональных и культурно-цивилизационных факторов внутри и между макрорегионами, хотя общая степень гомогенизации мирового пространства в целом значительно увеличилась.

- Появление международно-политических регионов поставило проблему теоретического осмысления взаимосвязей институциональных изменений в государстве с регламентирующим регионализмом (regulatory regionalism). Последний — это концепция институциональных пространств регионального регулирования, функционирующих в региональных рамках.

Препятствием к ее решению служит национализм в методологии, который диктует исследователям понимание общества и государства с неременной привязкой к территории в государст-

венных границах, где якобы действуют исключительно национальные правила...

Современная международная регионализация интенсифицирует взаимодействия и трансакции, умножает взаимосвязи соседствующих обществ и государств и тем самым множит политические пространства, не *противоположные друг другу, но наслаивающиеся одно на другое...*

Соответственно политика регламентирующего регионализма может проявляться в соревновании за контроль над пространственной организацией государства, который постоянно идет между регионально ориентированными и государствоцентричными политическими проектами (режимами). Так, многие правила, являясь обязательными на территории государств — членов ЕС, формируются тем не менее вне сферы выработки национальных законов, в политических сетях с участием государственных и негосударственных (общественных) акторов, наднациональных институтов. Эти сети соединяют разные территориальные уровни и, в более широком смысле, разные юрисдикции. А национальные правительства не контролируют полностью процесс выработки правил, внедряемых на национальной территории с их собственного согласия.

Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. С. 152.

Важно понимать, что сегодня изменились критерии, по которым оценивается мощь государства, изменилась структура политической силы, а понятия границ и суверенитета не исчезли, как это предсказывалось некоторыми аналитиками (например, в работах раннего Ф. Фукуямы, констатировавшего «конец истории»), но трансформировались в новое, еще мало исследованное качество. Это новое качество, связанное с появлением суверенитета взаимозависимости, подчеркивает необходимость контроля ключевых параметров, необходимых национальному государству для выполнения его функций, и «переуступку» контроля над некоторыми параметрами, раньше находящимися в сугубо национальной сфере контроля, наднациональным юрисдикциям, если этого требуют новые складывающиеся отношения взаимозависимости¹. Регионализация с этой точки зрения в ряде случаев, с одной стороны, вы-

¹ Подробнее см.: *Зиглер Ч.* Сравнительный анализ восприятий суверенитета в США, Китае и России // Сравнительная политика. 2012. № 1. С. 3—14; *Krasner S.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999; *Jackson R.* Sovereignty: Evolution of an Idea. Cambridge: Polity Press, 2007.

ступила как форма защиты трансформированного национального суверенитета, т.е. как охранительная тенденция, защищающая ряд стран от негативных проявлений глобализации, с другой стороны, в форме региональной версии глобализации, повышающей вписанность стран региона в мировую систему.

Таким образом, мировой процесс остается субъектным, мировое пространство — сегментированным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока оно не полностью гомогенно, хотя общая степень его глобальности (гомогенности), особенно и прежде всего экономической и институциональной, повышается. В этой связи регионализация может означать и соответственно интерпретироваться в качестве или временного процесса дифференциации мира, или процесса гомогенизации регионального уровня, за которым последует новый этап глобализации.

5.3. Региональные комплексы, региональные подсистемы и региональный порядок

Как мы уже отмечали выше, понятие глобального, призванное обозначить некую общую составляющую политических, экономических и социально-культурных процессов, не обязательно является отражением мира как целого, т.е. синонимом *мироцелостности* (М. Чешков). Как раз наоборот, в таком случае из рассмотрения исключаются целые части и регионы земного шара, а глобальное представляет собой скорее не отражение целого, а оппозицию региональному, национальному или локальному. Учитывая отмеченные особенности глобального уровня современной системы, следует понимать, что он представляет собой достаточно высокую степень обобщения и не дает понимания специфических региональных особенностей явлений.

Отметим, что в международных исследованиях попытки создания теоретической концепции промежуточного (регионального) уровня между уровнем международной системы (глобальный уровень) и национального государства (национально-локальный уровень) предпринимались еще с 1960-х гг. В качестве примеров можно привести концепцию «политических разрывов» (*political discontinuities*) О. Янга, концепцию международных регионов (*international regions*) Б. Рассета, идею о существовании региональной «подчиненной системы» (*subordinate system*) С. Кантори и Л. Шпигеля, концепцию выделения региональных подсистем

(*subsystems*) М. Бричера и концептуальные построения ряда других исследователей.

На протяжении достаточно долгого времени взаимосвязь между процессами регионализации и проблемами безопасности фиксировалась преимущественно в отношении традиционных, военно-стратегических угроз или в рамках анализа региональных проекций биполярности, т.е. исключала экономическую сферу и изучалась в рамках не международных отношений, а мировой экономики. Необходимость компенсировать ограниченность глобальных и частных подходов к новым региональным процессам стимулировала развитие исследовательской мысли в направлении создания концепции регионального уровня с учетом новых комплексных параметров.

В конце 1980-х гг. британский исследователь Б. Бузан отметил тенденцию к проявлению в рамках региональных пространств таких проблем безопасности и связанных с ними политико-экономических процессов, которые вели к формированию региональных комплексов безопасности (*Regional Security Complexes, RSCs*), т.е. групп государств, чьи первичные интересы безопасности тесно связаны друг с другом в настолько значительной степени, что их национальная безопасность не может рассматриваться в отрыве друг от друга, а Э. Лейк и П. Морган попытались применить идею о региональных комплексах безопасности к анализу постбиполярных международных отношений, однако сконцентрировали внимание на вопросах регионального порядка, под которым понимали модель управления конфликтом в рамках регионального комплекса безопасности.

В свою очередь Б. Бузан и О. Уивер предложили свой вариант применения концепции регионального комплекса безопасности как практической проблемы макрорегионализации в рамках всей международной системы, при этом понимая, что в новых условиях уже нельзя ограничиться рассмотрением исключительно военно-стратегических вопросов, предполагая, что такого рода анализ может послужить дальнейшей основой для теоретических концептуализаций регионального уровня международных отношений. В то же время Б. Бузан и О. Уэвер не стали формулировать расширенное понятие регионального комплекса и региональной подсистемы, понимая дуалистичность процесса регионализации как соположенного и одновременно противопоставленного глобализации. В связи с этим региональный комплекс (в интерпретации Бузана и Уэвера — региональные комплексы безопасности) опреде-

лялся как группа единиц, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы (секьюритизация / десекуритизация), или оба эти процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности государств не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве от региона. Региональный комплекс при таком понимании фактически представляет собой встроенную в политико-экономическую структуру макрорегиона комплексно структурированную содержательную подсистему безопасности и развития. Таким образом, понятие регионального комплекса безопасности было расширено, к проблемам безопасности были добавлены проблемы развития. Новое, расширенное понятие получило название регионального комплекса.

Секьюритизация — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о значимой угрозе и выражает призыв к принятию срочных и исключительных мер по противодействию данной угрозе.

Десекуритизация — дискурсивный процесс, в рамках которого политическое сообщество понижает значимость угрозы или прекращает рассматривать что-либо в качестве существенной угрозы.

Б. Бузан и О. Уивер вслед за рядом исследователей отмечали, что после окончания «холодной войны» процессы регионального уровня проявляются гораздо более отчетливо, что дает достаточные основания для их самостоятельного теоретического анализа на новой стадии обобщения.

Причинами усиления региональной динамики конфликтности или сотрудничества стали:

1) снижение вмешательства глобальных держав в процессы, протекающие в других частях мира;

2) процесс «расслоения» великих держав, т.е. переход многих великих держав в «легковесную» категорию (*lite powers*), что означало существенное ограничение их намерений быть вовлеченными во внешние военные конфликты;

3) процесс «делегирования ответственности» великих держав региональным державам в определенных регионах мира (сознательное или стихийное).

Как уже отмечалось, процессы глобального и регионального уровней стали разделяться исследователями (например, Б. Бузан и О. Уэвер, А. Д. Воскресенский, П. Ханна, Ян Цзэмянь, Шри Н. С. Сисодиа, А. Гупта и др.) за счет определения различных категорий ведущих акторов, доминирующих на том или ином уровне (супердержавы, государства-доминанты, великие державы, государства-лидеры, региональные державы, государства первого, второго и других эшелонов), и механизмов их взаимодействия, а также путем анализа региональной динамики проблем безопасности в рамках региональных комплексов.

Базовой посылкой концепции Б. Бузана и О. Уэвера является утверждение, что комплексы безопасности — это макрорегионы или региональные подсистемы, рассматриваемые в качестве таковых в первую очередь с точки зрения проблем безопасности. Однако в то же время понятие регионального комплекса не может быть применено к любой группе государств. Для того чтобы представлять собой региональный комплекс безопасности, группа государств должна обладать высокой степенью взаимозависимости структурно-пространственного характера в области безопасности, которая отграничивала бы ее от других регионов. Понятие регионального комплекса безопасности, с одной стороны, за счет фокусирования внимания на аспектах безопасности аналитически оказывается уже, чем понятие региональной подсистемы, а с другой стороны, может рассматриваться как структурообразующий элемент региональной подсистемы.

Таким образом, становится ясна взаимосвязь и иерархия понятий «региональный комплекс безопасности», «региональный комплекс», «региональная подсистема», «региональный порядок», «глобальный регион», «регион». Понятие регионального комплекса в его экономической ипостаси обозначается разными этапами / формами «зрелости» региональной интеграции (зоны свободной торговли, таможенный союз, платежный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, военно-политический и экономический союз), а в сфере безопасности связано с понятием регионального комплекса безопасности.

Б. Бузан и О. Уэвер выделяют следующие структурные типы региональных комплексов безопасности:

- перекрываемые (*overlaid*);
- неструктурированные (*unstructured*);
- незрелые, т.е. «предшествующие комплексу» (*pre-complex*);

протокомплекс (*proto-complex*);

собственно комплекс безопасности (*security complex*)¹.

Понятие региональной подсистемы шире понятия регионального комплекса, одновременно оно является «плоскостным» понятием, а региональный комплекс — «объемным» (т.е. оно уже, но комплексно и многомерно). Понятие региональной подсистемы акцентирует внимание прежде всего на макрорегионе как субъекте международных отношений вообще; региональный комплекс может являться асимметричной частью, центром (стержнем) региональной подсистемы, а может полностью совпадать с ней. При этом для всех понятий базовым для выделения является понятие «регион».

Региональный комплекс — группа государств, обладающая достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса, т.е. это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде.

Понятие регионального комплекса аналитически уже, чем понятие региональной подсистемы, но может рассматриваться как важнейший элемент зрелой региональной подсистемы.

Региональный порядок — способ организации внутренней структуры региональной подсистемы и / или регионального комплекса.

Узловые проблемы, формирующие комплекс, обуславливаются тем, что теория региональных комплексов, несмотря на широкое понимание безопасности, в значительной степени концентрирует основное внимание на межгосударственных отношениях дружбы—вражды и рассматривает стандартную форму регионального комплекса безопасности как модель соперничества, баланса

¹ *Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 30—32. Там же см. и объяснение отличий каждого из типов региональных комплексов безопасности.

сил или союза в рамках региона с возможным влиянием внешних держав.

Конструктивистская интерпретация регионального комплекса основывается на исследованиях А. Вендта и предполагает определение и анализ тех моделей (вражды, соперничества, дружбы), которые доминируют в социальной структуре регионального комплекса. Согласно логике концепции региональных комплексов безопасности данный аспект дополняет понимание региональной ситуации, поскольку анализ одного лишь распределения мощи не является достаточным: факторы исторической вражды или дружбы приобретают важное значение в рамках общего понимания тех идейных процессов, которые формируют региональный комплекс, поскольку именно они могут рассматриваться как изначально присущие региону, а не привнесенные с уровня международной системы.

Региональные комплексы рассматриваются как взаимоисключающие пространства. В то же время великие державы (государства-лидеры) и особенно глобальные державы (супердержавы и государства-доминанты) обладают существенными возможностями оказывать влияние на ситуацию в региональных комплексах и даже в предельном выражении определять динамику их безопасности, подменяя региональные и локальные процессы (например, в период «холодной войны»). Существуют также «буферные» пространства / государства (*insulators*), которые как бы «изолируют» динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах.

Концепция Б. Бузана и О. Уэвера предусматривает *три возможных варианта эволюции региональных комплексов*: 1) сохранение существующего положения; 2) внутренняя трансформация; 3) внешняя трансформация комплекса. Внутренняя трансформация подразумевает изменения в структуре комплекса, модели его полярности либо в доминирующих в рамках комплекса отношениях дружбы / вражды. Внешняя трансформация может происходить в форме слияния или раскола существующих региональных комплексов.

Таким образом, концепцию региональных комплексов и таких его видов, как региональные комплексы безопасности, все еще отличает преимущественно неореалистический подход к территориальности, которая рассматривается в связке с проблемами безопасности, и конструктивистское понимание безопасности, поскольку основной акцент в рамках регионального комплекса делается на том, какое значение тому или иному явлению придается участни-

ками регионального комплекса безопасности с точки зрения безопасности. Следовательно, при традиционном государственноцентричном понимании регионального комплекса все негосударственные акторы, экономические и транснациональные процессы оказываются, по сути, исключенными. При преимущественно экономическом его понимании проблемы безопасности, особенно традиционной безопасности, и политической специфики протекания мировых процессов, также, как правило, исключаются. Эта методологическая проблема объективно усложняет процесс построения комплексной теории макрорегиональных комплексов.

В настоящее время становится понятно, что концепция Б. Бузана и О. Уэвера не отражает всей совокупности формирующих регион процессов безопасности, возникших в контексте трансформации мировой системы, в частности, минимизирует влияние экономических и новых политических процессов и не учитывает новые вызовы и новые угрозы. Следовательно, возникает потребность в ее переосмыслении. Практическая составляющая этой теоретической проблемы не менее важна: уже сейчас в рамках АТЭС ставится вопрос о «разделении» тематики дискуссий на «два потока»: проблемы безопасности (в рамках ВАС) и экономической сферы («общих вопросов» в рамках АТЭС и «вопросов конкретного сотрудничества», более тесного, чем в ВТО, в рамках Транстихоокеанского партнерства). Сконцентрированность России на проблемах безопасности объективно ограничивает сферу интересов России сферой безопасности в Северо-Восточной Азии. Безопасность для России крайне важна, но ее обсуждение требует опоры на концепции реализма, а они ограничивают потенциал экономической интеграции. Продвижение комплексной концепции «Большой Восточной Азии» частично уменьшает это противоречие, ориентируя на понимание взаимозависимости проблем безопасности и экономической интеграции.

Один из примеров разрешения этих противоречий методологически — попытка корейских исследователей Джонг-юн Ба и Чунгин Муна переформулировать традиционную концепцию региональных комплексов безопасности за счет введения *новых параметров*¹.

¹ Bae J.-Y. Unraveling the Northeast Asian Regional Complex: Old Patterns and New Insights / Jong-Yun Bae, Chung-in Moon // The Korean Journal of Defense Analysis. 2005. Vol. XVII. No. 2. P. 7–34.

Первый параметр касается определения характера базовых элементов региональных комплексов безопасности: с традиционной точки зрения подобными элементами являются государства, однако в современных условиях при активизации деятельности таких негосударственных акторов, как ТНК, террористические и преступные группировки, группы гражданского общества, позиции государства в межрегиональном взаимодействии были существенно ограничены.

Второй параметр касается модели взаимосвязи элементов, которая может быть анархической, гегемонистской (или централизованной в другой терминологии), иерархической, моделью баланса сил или децентрализованного порядка.

Третий параметр — функциональное измерение регионального комплекса, связанное с пониманием характера безопасности. Джонг-юн Ба и Чунг-ин Мун отмечают, что военная безопасность в современном мире является лишь одним из аспектов регионального комплекса безопасности и необходимо учитывать изменения в повестке дня безопасности за счет включения экономической, социальной, экологической и других областей.

Четвертый параметр связан с комплексом представлений, норм, идей, образов исторической памяти, которые определяют поведение участников регионального комплекса в области безопасности.

И наконец, *пятый параметр* относится к механизмам урегулирования проблем безопасности в рамках регионального комплекса, которые условно можно разделить на реалистические (союзы, концерт держав, проецирование мощи державы-доминанта) и либеральные (многосторонние режимы регионального/трансрегионального сотрудничества, системы коллективной безопасности).

Если анализировать связь новых регионов с традиционными географическими и политико-географическими регионами, то необходимо отметить увеличивающуюся географическую размытость последних. Следовательно, многоформатность международных и региональных отношений в новых геополитических и геоэкономических условиях требует анализировать тенденции развития регионов вместе с сопряженными территориями и во взаимосвязи с новой, более сложной системой геоэкономических, этноконфессиональных, ценностно-цивилизационных и других факторов. Отсюда вытекает появление новых геоэкономических и геополитиче-

ских концепций типа «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большая Восточная Азия», «Большой Китай» и дискуссий о пределах расширения ЕС, «сферах ответственности» ЕС, НАТО и др.

Таким образом, процессы, которые сегодня происходят в одном государстве, косвенно связаны с макрорегиональным развитием и с глобальной проблематикой. Регионально-географические, геочивилизационные и этноконфессиональные факторы в этой «сопряженности» продолжают играть очень важную, а в некоторых случаях и главенствующую роль, несмотря на процессы экономической и политической глобализации.

6

Синтетические социально-экономические, социально-политические и геопространственные дифференциации. Видовая основа регионализации. Типы регионализации

6.1. Дифференциации по типу и уровню социально-экономического развития / 6.2. Дифференциации по параметрам политического устройства / 6.3. Структурно-географические дифференциации / 6.4. Мирополитические дифференциации / 6.5. Дифференциации по типу порядка социально-политического доступа / 6.6. Геопространственные дифференциации / 6.7. Дифференциация и фрагментация. Видовая основа регионализации и ее типы

6.1. Дифференциации по типу и уровню социально-экономического развития

Классификации и типологии представляют собой «горизонтальные» и «вертикальные» способы дифференциации пространства / территории соответственно по количественным и качественным критериям. Классификации (как условно «горизонтальный» способ классификации территории) и типологии (как условно «вертикальный» способ) в международных исследованиях преимущественно связаны с дифференциацией государств — основных субъектов международно-политического процесса — по пространственно-географическому / цивилизационно-географическому признаку или какому-либо критерию (например, политическому, социально-политическому, политико-экономическому, экономическому и др. или же комплексному — структурному и/или пространственно-временному).

В социально-экономической географии выделяют три группы стран: 1) экономически развитые страны; 2) страны со средним уровнем развития; 3) экономически слаборазвитые (развивающиеся) страны, наличие которых свидетельствует о дифференциации социально-географического пространства.

В группе развитых стран выделяются: главные страны, экономически высокоразвитые небольшие страны Западной Европы, страны переселенческого капитализма. В группе стран со средним уровнем развития выделяются среднеразвитые страны Западной Европы, среднеразвитые страны Центрально-Восточной Европы. В группе экономически слаборазвитых (развивающихся) стран выделяются: ключевые страны, страны относительно зрелого капитализма (переселенческие страны, страны крупноанклавного развития капитализма, страны внешнеориентированного приспособленческого развития, небольшие страны зависимого плантационного хозяйства, мелкие страны концессионного хозяйства, мелкие и мельчайшие страны — «квартиросдатчики» — сдающие свою территорию «в аренду» для международной деятельности какого-либо рода, небольшие страны — финансово избыточные крупные нефтеэкспортеры), а в группе молодых освободившихся государств — крупные низкодоходные страны, наименее развитые страны, постсоциалистические страны¹. Несмотря на то что эта типология основана на структурно-экономическом подходе, как сама типология, так и ее конкретное наполнение очевидно устарели².

В последнее время в группе социально-экономических дисциплин стало активно развиваться новое направление — **международная политическая экономия**. В этой научной дисциплине выделяют следующие группы государств, отражающие дифференциацию международного политико-экономического пространства: демократические государства с развитой рыночной экономической системой, новые индустриальные государства, сверхкрупные индустриальные государства с развивающимися или переходными экономиками, «неудавшиеся» государства (*failed states*), государства-изгои (*rogue states*). Существуют и «вертикальные» группировки принадлежности к «первому», «второму», «третьему» миру (эшелону развития, модернизации) с различным содержанием каждой из этих категорий. Границы между категориями в таких классификациях и типологиях достаточно размыты и иногда, несмотря на наличие количественных характеристик, субъективны, хотя типоло-

¹ Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Дрофа, 2001.

² Максаковский В. П. Географическая картина мира: в 2 кн. Кн. I. М.: Дрофа, 2004. С. 11.

гии, например, могут иметь в своей основе применение математических методов для анализа качественных критериев¹.

Как правило, но не во всех случаях, в типологиях и классификациях (особенно в рамках одного региона) большее внимание уделяется географической / исторической близости или степени выраженности выбранного критерия в пределах существующих государственных границ.

□ Дифференциация — это одно из ключевых понятий, имеющих в арсенале социологической теории. Оно применяется для обозначения процесса, посредством которого задачи, считавшиеся обособленными или подлежащими решению отдельным человеком и / или группой, разъединяются таким образом, что оказываются уже совокупностью задач, решаемых несколькими субъектами. Это морфологическое понятие, и поэтому оно применимо к любой сфере деятельности. Это процесс, имеющий своим результатом разделение труда.

С одной стороны, принято считать, что одной из отличительных черт современного мира является [высокая] степень его дифференцированности...

С другой стороны, принято считать, что современный мир движется от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, что мы все более активно прибегаем к общему концептуальному языку и оперируем единым набором ценностей, признаваемых рациональными, что все становится более взаимосвязанным; в конечном счете это усиливает (во всемирном масштабе) гомогенность.

Таким образом, мы имеем дело с двумя фундаментальными процессами, противоположными по своей направленности... Если мы обратимся к анализу структуры знания, то обнаружим, что ситуация в этой области немногим отличается от анализа политической экономики миросистемы. Налицо подтверждение растущей гетерогенности. Сегодня знание разделено на множество дисциплин, причем каждая из них имеет постоянно расширяющуюся область интересов — так называемых специализаций. И все же структура наших знаний способна, по-видимому, преступать пределы различий пространства и времени, и определяющей ее характеристикой является центральное место, а то и господство положения о существовании универсального знания, не допускающего разнообразия мнений о том, «что есть истина».

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 212.

¹ См., например: Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007.

Среди очевидных примеров структурных социально-экономических типологий, кроме указанных выше, можно выделить **дифференциацию государств** (а также существующих внутри них политико-административных единиц) и **международных регионов по уровню социально-экономического развития** (в мировой экономике или экономической географии): ВВП на душу населения; доли продукции обрабатывающей индустрии в совокупном продукте промышленности; уровню образования населения; показателю продолжительности жизни; уровню политического развития, анализ которого основан на количественных и/или качественных характеристиках, и др.

На основе таких типологий и классификаций в последнее время ряд исследователей стал выделять те показатели социально-экономического развития, которые напрямую влияют на конкурентоспособность государств. Такая постановка вопроса позволила **дифференцировать государства по конкурентоспособности и эффективности управления**, прежде всего экономического. То есть количественный компаративный анализ ключевых показателей развития стран и сравнения индексов конкурентоспособности стран и регионов в соответствии с различными (национальными и международными методиками сравнения) позволяют создавать **прикладные классификации стран с точки зрения оценки эффективности управления и их способности к осуществлению технологического прорыва и инновационного развития**¹. Эти классификации основаны на системе показателей конкурентоспособности, которая состоит из:

- *исторически обусловленных показателей* (численность и национальный состав населения, размер территории и географическое положение, наличие природных ресурсов, исторического опыта международных отношений и товарообмена);
- *социальных показателей* (качество жизни и социальной безопасности населения, социальная сплоченность и активность населения, качество человеческого капитала, национальный инструментарий социального управления, уровень развития национальной и общей культуры);

¹ См., например: *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО, 2008; *Беленов О. Н., Анушин А. Н.* Конкурентоспособность стран и регионов. М.: КноРус, 2011; *Кудров В. М.* Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011; *Субботин А. К.* Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

- *показателей развития экономики* (основные макроэкономические показатели, степень сбалансированности экономики, уровня развития приоритетных отраслей экономики, определяющих конкурентоспособность страны, транснационального бизнеса, фондового рынка, конкурентные показатели числа миллиардеров и глобальных компаний);

- *показателей уровня управления государством* (наличие многоцелевой системы образования, конкурентно ориентированных научных исследований, экономически независимой и ориентированной на интересы своей страны элиты, степень реализации принципа «государство существует для бизнеса», способность нанести ответный удар агрессору, баланс между суверенным развитием и глобальной интеграцией, качеством управления динамикой развития, обеспечивающей конкурентоспособность)¹.

Несмотря на условный характер такого рода классификации, она позволяет ранжировать / дифференцировать государства по классам и группам в соответствии с конкурентоспособностью и эффективностью управления².

6.2. Дифференциации по параметрам политического устройства

В политологии / сравнительной политологии также используют различного рода аналитические классификации, базой которых являются дифференциации политического пространства. Понятие системности в политике позволило предложить несколько **аналитических классификаций политических систем**, которые можно разделить на классификации двух основных типов — **эволюционные и морфологические**³ (т.е. основанные на анализе строения политических систем), в свою очередь, распадающиеся на **линейные, би-**

¹ Субботин А. К. Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. С. 31—32.

² Там же. С. 45—46. Следует отметить, что существуют и международные параметры конкурентоспособности, группируемые несколько иначе, чем в классификации А. К. Субботина.

³ Принципы эволюционной морфологии политических систем рассмотрены, в частности, М. В. Ильиным в его работе «Глобализация политики и эволюция политических систем» в разделе «Геохронополитика и принципы эволюционной морфологии политических систем»: Политическая наука в России / отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М.: МОНФ, 2000. С. 225—228.

нарные и координатные¹. Так, по формам правления можно выделить авторитарно-тоталитарные и демократические политические системы или авторитарный, плюралистический и тоталитарный типы политических систем, по типу политической культуры (классификация Г. Алмонда) — англо-американскую, европейско-континентальную, доиндустриальную и частично индустриальную, Нтоталитарную политическую системы, а также народные, племенные, бюрократические, авторитарные, согласительные (конкурентные олигархии и плюралистические демократии), мобилизационные (популистская и элитистская) политические системы (классификация Ч. Эндрейна) и т.д.²

Классификация Дж. и Я. Дербишайров учитывает все богатство способов правления, типов политической культуры и других факторов. Они выделяют по принципу разделения или слияния трех основных государственных институтов унитарные и федеративные государства (в отдельный подтип при этом могут быть выделены унитарные государства с чертами децентрализации); по идеологическому базису (политическому режиму) — либеральную демократию, молодую демократию, коммунистические государства, национал-социалистические государства, авторитарно-националистические государства, военно-авторитарные государства, исламистско-националистические государства, абсолютные монархии; по типу органов исполнительной власти — парламентские, ограниченные президентские, дуалистические, коммунистические, неограниченные президентские, милитаристские, абсолютные. Также существует классификация государств по типам выборных систем³.

Такая классификация «по разным принципам» хотя и является достаточно сложной, тем не менее позволяет описывать все богатство политических систем и конкретной формы организации политического процесса в разных странах мира. Однако есть в ней и

¹ Подробнее см.: *Сморгунов Л. С.* Современная сравнительная политология. М. : МОНФ, 2002. С. 170—171.

² Интересно сравнить принципы политологической классификации и сравнительные классификационные принципы в дисциплине, получившей название «сравнительная экономика» (*comparative economics*). См., например: *Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. М. : РОССПЭН, 2004. О влиянии политических принципов на экономические см., в частности, гл. 4 данной монографии.

³ См.: *Дербишайр Дж., Дербишайр Я.* Политические системы мира : пер. с англ. М. : Рипол класик, 2004.

6.3. Структурно-географические дифференциации

слабость: сложная классификация затрудняет типологизирование, на ее основе иногда довольно трудно сделать какие-либо практические выводы, полезные для реального политического конструирования.

При всей сложности различных классификаций политических систем **классификация по формам правления и типам государственного устройства** является интуитивно наиболее простой и логичной. В ней по объективным критериям выделяются теократические государства, а также тоталитарные, авторитарные и демократические. Такое разделение политических систем идет как по объективным, так и по субъективным параметрам.

В целом все многообразие мировых политических систем и политических режимов можно **категоризировать / дифференцировать по шести основным типам базисной идеологии государственного правления и конструирования политического строя**, а также по параметрам политического устройства, выделив:

- нестабильные (неустойчивые) демократии;
- демократии (экстралиберальные, либеральные, западные, нелиберальные);
- конституционные монархии;
- абсолютные монархии;
- военные диктатуры;
- военно-авторитарные, авторитарно-коммунистические, авторитарные республики.

6.3. Структурно-географические дифференциации

Большое значение в международных отношениях приобрели простейшие **структурно-географические и/или структурно-цивилизационные типологии**, основанные на бинарных оппозициях — Запад / Восток¹, Север / Юг, а также на триадах (Центр / Полупериферия / Периферия)². Такого рода дифференциации связаны с наличием структурных причин: устойчиво-неравномерное развитие государств в мировой системе происходит из-за наличия внутренних (разные этапы развития) или внешних (необходимость на-

¹ *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект Пресс, 2007.

² Последняя типология является скорее структурной. Подробнее см.: *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. 1. N.Y.: Academic Press, 1974. P. 347—357.

личия центра, без которого невозможны центробежные силы, «стягивающие» мировую систему в единое целое) причин, находящаяся в диалектическом единстве (концепция И. Валлерстайна и С. Амина).

Первоосновой такой типологии является **концепция мир-системы** И. Валлерстайна, в соответствии с которой выделяются три географически дифференцированные по функциям, но взаимосвязанные посредством структурно иерархизированной системы торговых отношений взаимоупорядоченные, стабильно дифференцированные части мирового пространства: центр, полупериферия, периферия. Для каждой из частей мир-системы характерен свой вид экономической деятельности (промышленность и комплексное сельское хозяйство в центре и монокультурное сельское хозяйство на периферии), свои определенные формы управления рабочей силой (вольнонаемные рабочие и фермеры в центре, фермеры-арендаторы на полупериферии и зависимые работники на периферии) и своя степень «силы» государственного влияния («сильное» государство в центре, «слабое» — на периферии), благодаря чему центр может «извлекать» из периферии непропорционально большую часть экономического излишка. Неравенство экономической и военной мощи закрепляет данную структуру мировых отношений¹.

Вариантом такой системы мировой дифференциации является деление мира на «ядро» и уровни «оболочки». «Ядро» мировой системы — средоточие основных мировых интеллектуальных и материальных ресурсов. Функция стран «ядра» заключается в создании и диффузии инноваций — коммерциализированных ключевых знаний и технологий, обеспечивающих создание новых производств и рынков, позволяющих центру оставаться центром. «Осевой» страной «ядра» мировой системы пока бесспорно остаются США.

Другими важными элементами мирового центра являются страны ЕС и Япония, а «оболочкой» «ядра» мировой системы — полупериферия первого порядка, которая формируется «мировы-

¹ *Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the origin of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. : Academic Press, 1974; Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 2. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750. N.Y. : Academic Press, 1980; Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 3. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730—1840s. N.Y. : Academic Press, 1989.*

ми фабриками»: КНР, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Индия, отчасти Бразилия. Их функции в мировой системе заключаются в создании «поддерживающих» технологий и массовом производстве наукоемкой продукции.

Следующий уровень «оболочки» — полупериферия второго порядка, т.е. страны, занимающиеся отверточной сборкой и более простым производством, в частности, в отраслях легкой промышленности. Периферия выполняет роль поставщика ресурсов и чистого потребителя продукции научно-технического процесса и предметов роскоши¹.

Современный этап развития этой системы характеризуется выведением всех второстепенных функций в сфере производства и технологий (за исключением науки) за пределы «ядра» мировой системы, чем обеспечивается динамика мирового порядка при его относительной бесконфликтности². Параллельно создаются механизмы научно-технического взаимодействия, которые увеличивают взаимозависимость ключевых стран «ядра» мировой системы и стран-претендентов на присоединение к «ядру» или на создание нового «ядра».

Возникновение нового механизма взаимозависимости между «ядром» и претендентами приводит к ускорению процессов «выравнивания», т.е. уменьшает дифференциацию мирового пространства, что предохраняет от попыток насильственного перераспределения мирового богатства, за которым (концепция С. Амина) должна последовать не мировая социалистическая революция, а национальная и народная революция и, в конечном счете, новый мировой порядок³.

Однако вопреки теориям часть стран полупериферии сумели построить систему открытого социально-политического доступа (например, Япония, Тайвань, Южная Корея), которая вкупе с другими целенаправленно формируемыми факторами внешнего и внутреннего порядка позволила им «присоединиться» к «ядру» мировой системы, а другая часть стран на основе стратегии политически авторитарно отформатированной децентрализованной (рыночной) экономической системы (Китай) сумела превратиться из периферии в

¹ Подробнее см.: Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина, Н. А. Ивановой. М.: Весь мир, 2011. С. 120—125.

² Там же. С. 122.

³ Амин С. Государство и развитие // Современная политическая теория / авт.-сост. Д. Хелд; пер. с англ.; под общ. ред. В. Н. Даниленко. М.: Nota Bene, 2001. С. 429—461.

полупериферию, а затем «расширить» «ядро», присоединившись к нему на правах нового второго экономического полюса мировой системы, возродив дискуссию о «биполярной» структуре «ядра» мировой системы как наиболее стабильной форме этой структуры.

□ *Современная мир-система Валлерстайна* представляет собой удивительно простую и в то же время всеобъемлющую модель, построенную на богатой исторической информации, относящейся к весьма продолжительному периоду времени. Основное методологическое возражение против данной модели заключается в том, что упомянутый богатый материал совершенно не используется для установления ее надежности и даже уместности. Информация, приводимая для доказательства модели, используется только для ее доказательства, а сама модель, в свою очередь, обеспечивает объяснение. Исторические факты, которые не особенно хорошо укладываются в модель, могут быть интерпретированы таким образом, что основной тезис будет опровергнут... Кроме того, в рамках этой критики можно выделить два немного отличающихся направления: одни исследователи обращают внимание на то, что Валлерстайн игнорирует или по-своему интерпретирует эмпирические данные, противоречащие его модели, а другие говорят о том, что данная модель является слишком общей и не предусматривает конкретного контроля.

Эстеруд Э. Современная мир-система Валлерстайна. Борьба между государствами за первенство на мировой арене // Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена. М. : РОССПЭН, 2009. С. 719.

Интеллектуальное несовершенство гениально сформулированного мирсистемного подхода довольно быстро потребовало корректировки его теоретических основ как самим автором¹, так и его многочисленными последователями, один из которых, С. Сандерсон, удачно добавил культурно-антропологическое (цивилизационное) измерение к мирсистемному подходу², что на более позднем этапе привело к исследованиям дифференциации пространства мировой системы, ее масштабов и культурного измерения³.

¹ *Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. N.Y. : Cambridge University Press, 1979; серия более поздних работ, включая: Wallerstein I. The Decline of American Power. N.Y. : W. W. Norton, 2003.*

² *Sunderson S. K. (Ed.) Civilizations and World Systems. Studying World-Historical Change. London / New Delhi: Altamira Press (Sage), 1995.*

³ *Immanuel Wallerstein and the Problem of the World. System, Scale, Culture / D. Palumbo-Liu, B. Robbins and N. Tanoukhi (Eds.) Durham & London: Duke University Press, 2011.*

6.4. Мирополитические дифференциации

В мировой политике / международных отношениях также существуют разные **аналитические классификации / дифференциации структурного типа**, связанные с продолжающейся дискуссией о расслоении мирового пространства из-за трансформации понятия мирового лидерства и способов мирового регулирования, которые будут рассмотрены ниже. Помимо этого, можно выделить типологии, дифференциации, связанные с **таксонированиями**, и, прежде всего, основанные на использовании таксона «регион» — **региональная и субрегиональная классификация** («пространственная развертка»)¹.

В настоящее время более или менее ясно, что эпоха гегемонизма в мировой системе прошла. Как глобализация оказалась более сложным процессом, включающим в себя и регионализацию, и фрагментацию мира, так и понятие «гегемония» ныне дополнилось гораздо более рафинированным содержанием и терминологией. Изменение понятия гегемонии приводит к трансформации принципов дифференциации пространства международного взаимодействия. Если под «гегемоном» мы понимали **державу, которая имела и военную силу, и созидательный потенциал для структурирования мировой системы в соответствии со своими интересами** (причем XX в. добавил сюда еще одну важную характеристику — это должна быть сверхдержава, причем, возможно, не одна, а значит, может быть как гегемон, так и контргегемон в мировой системе), то после распада СССР появилось и такое понятие, как «**государство-доминант**». Эти процессы отражали структурную трансформацию характера мировой системы, в которой наличие мощной военной силы без созидательного потенциала и поддержки мирового сообщества перестало восприниматься как дающее очевидное право на проведение той или иной политики вне границ своего национального государства. В своем изначальном смысле понятие гегемонии оказалось вытеснено на периферию международных отношений в область реалистическо-

¹ *Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 29—37; *Он же.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток—Запад—Россия: сб. статей. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 139—143; Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию : пер. с англ. М. : Весь мир, 2009. С. 36; *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение : учебник. М. : Гардарики, 2003. С. 147—166.

го балансирования государств с естественным (ограниченным) типом социального доступа.

Государство-доминант (иногда их выделяют в отдельную группу и называют «государства-доминанты», или «мировые державы») не может единолично структурировать мировую систему отношений, должно опираться на поддержку ключевых игроков мировой системы и/или на формальные либо неформальные военно-политические или дипломатические коалиции и может оказывать существенное влияние на макрорегиональные сегменты мира.

Главное отличие государства-доминанта от государства-гегемона, по-видимому, заключается в том, что государство-доминант не имеет возможности определять параметры расширенного воспроизводства и строительства вооруженных сил крупных региональных индустриальных или индустриализирующихся держав, но может иметь способность к самостоятельному военно-технологическому рывку. С точки зрения теории возможен как переход гегемона в разряд доминантов, так и обратный процесс возвращения государства-доминанта в разряд «настоящих» гегемонов при возвратных тенденциях архаизации мировой системы или утраты «великими державами» способности к самостоятельному технологическому рывку.

В современной литературе по международным отношениям и мировой политике вместо понятий «гегемон» и «доминант» иногда употребляется синонимичное понятие «мировой лидер». Но понятие лидерства (и соответственно государства-лидера) структурно отличается от понятий «гегемон» или «доминант». Государство-лидер обладает желанием (точнее, часть его политической элиты должна обладать желанием) и сознательной поддержкой мирового сообщества для форматирования мировой реальности, уменьшая или увеличивая в ходе осуществления своей политики дифференциацию мирового пространства. Необходимость поиска этой поддержки в виде если и не резолюций СБ ООН, то хотя бы неформальной мировой коалиции типа антитеррористической, свидетельствует о переходе США из категории «гегемона» в категорию «мирового лидера».

Для того чтобы быть мировым гегемоном / доминантом / лидером, государство должно удовлетворять следующим условиям:

1) иметь эффективный экономический механизм, основанный на производстве инновационного типа;

2) доминировать и/или определять правила функционирования в мировой валютной системе;

3) иметь главенствующие позиции в мировой торговле и контролировать большую часть крупных транснациональных корпораций (ТНК);

4) иметь силовые возможности глобального масштаба, лидировать в мощных военных союзах добровольного типа и осуществлять эффективную военную политику.

Такое государство должно создать привлекательное с точки зрения культуры общество, основанное на открытом, компетентном лидерстве, обращенном в будущее, а не в прошлое, и значительной общественной жертвенности (т.е. готовности этого общества и его политической элиты жертвовать своими материальными и нематериальными ресурсами во имя мирового лидерства), иметь конкурентную универсальную идеологию, быть и одновременно восприниматься центром мирового образования и науки и иметь энергичное (пассионарное) население. Наличие этих показателей позволяет увеличивать степень гомогенности международного пространства взаимодействия на основе определенных принципов и объединять вокруг себя другие национальные государства.

□ Лидерство страны означает определение общих целей, прокладывание пути для всех других стран, выработку новых полезных всем образцов, общих справедливых правил международного взаимодействия (игра с ненулевой суммой). Лидерство сопряжено с ответственностью — готовностью и способностью решать возникающие общие проблемы. Лидер преимущественно использует «мягкую силу» — демонстрирует привлекательность предлагаемого пути. Лидер прибегает к «жесткой силе» лишь в крайних случаях, легитимно (с санкции СБ ООН, в будущем — с санкции авторитетного международного суда) и при поддержке широкой международной коалиции.

Гегемония страны означает использование силы и влияния для получения преимуществ, обычно в ущерб другим странам, навязывание своих образцов в корыстных целях, создание правил взаимодействия, выгодных для своей страны и невыгодных для других (игра с нулевой суммой). Гегемония сопряжена с автономией от ответственности и огораживанием своей страны от внешних проблем — склонностью перекладывать потери, груз решения проблем на слабейших. Гегемон может иногда использовать «мягкую силу». Но главную ставку делает на «жесткую силу» (политическое давление, экономические санкции, втягивание зарубежных прави-

тельств во внешне долги, военное вмешательство и соответствующие угрозы).

Универсальная традиция политической риторики состоит в претензиях на лидерство при подспудном стремлении к гегемонии».

Розов Н. С. Колея или перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI в. М. : РОССПЭН, 2011. С. 602.

- Долгосрочный прогноз социально-экономического и политического развития США как лидирующей на современном этапе страны мира, обладающей универсально развитой, постиндустриальной экономической и социальной структурой, наиболее полно отражает общие перспективы и проблемы мирового развития...

Во многих регионах мира и сферах деятельности Соединенные Штаты могут сохранить за собой статус и возможности глобального лидера. Но постепенная утрата позиций безусловного доминирования на некоторых направлениях на рубеже 2030-х гг. станет неизбежной.

Стратегический и глобальный прогноз. 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина. М. : Магистр; ИМЭМО РАН, 2011.

Если мы рассмотрим первые три условия применительно к лидеру мировой системы — США, то увидим, что по всем трем условиям на фоне неравномерного индустриального подъема сверхкрупных региональных государств (их список различен, но в последнее десятилетие практически всегда включает Китай) у США происходит трансформация, а возможно, и эрозия лидерства, при этом ключевые параметры сохраняются, и потому США не утрачивают своего особого места в мировой системе. В то же время изменение характера параметров лидерства и появление сверхкрупных региональных государств в качестве игроков-претендентов глобального уровня требует подтверждения конструктивного и инновационного характера мирового лидерства в тех сферах, от которых зависит выживаемость и дальнейшее развитие человечества. Изменение характера лидерства может вызывать не ослабление взаимосвязанности объединяемого им пространства международного взаимодействия, а трансформацию и / или даже усиление такого взаимодействия за счет увеличения ответственности и / или коллективного лидерства остальных участников этого объединенного по каким-либо принципам пространства. Однако по этому вопросу в среде экспертов (особенно в военной среде) существуют и другие точки зрения.

- Соединенные Штаты останутся доминирующей мировой военной державой. Возвышение Ирана на Ближнем Востоке, ядерная программа Северной Кореи, неудача дохийского раунда торговых переговоров в июле 2008 г. и война России с Грузией являются знаками пределов американского влияния.

Пределы влияния, однако, не означают конец американского могущества и победу «других» над «Западом». Скорее это означает ограничения, которые накладывают на американское могущество усиливающиеся возможности новых акторов международных отношений — новых влиятельных государств, таких как Бразилия, Китай и Индия, так же как и крупных фондов, транснациональных компаний, террористических групп и других менее традиционных акторов международных отношений.

Segal A. Advantage. How American Innovation Can Overcome Asian Challenge. N.Y. & London: W. W. Norton & Co., 2011. P. 15.

- В складывающихся условиях США не могут претендовать на роль безусловного глобального лидера. Более того, потакание мифу о сверхустойчивости американской экономики и способности восстанавливаться, оперативно реагируя на меняющиеся политико-экономические условия, может превратить экономический спад в неконтролируемый кризис с серьезными социально-политическими последствиями в глобальном масштабе.

Никитенко Е. Г., Синицин И. М. Анализ ситуации в мировой экономике и возможные риски для развития России и других мировых держав в 2012 г. Ситуационные анализы. Вып. 2. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 172.

«Мировые державы» «недоотягивают» до лидера по всем четырем параметрам, но имеют определенный (большой или меньший, в зависимости от того, о каком конкретно государстве идет речь) созидательный потенциал, обязательную поддержку группы других государств, лидера или части периферийных государств и собственные возможности (экономические и военные) направлять или корректировать мировое развитие, прежде всего в том конкретном регионе, в котором они расположены географически или на который простираются их исторические/геополитические/экономические интересы. Отдельные эксперты называют эту группу «крупные региональные государства», «великие державы», «великие региональные державы» (иногда часть из них называют «крупные полупериферийные государства»), отрицая наличие такого трудно формализуемого фактора, как желание своего постоянного участия в мировой политике.

Судя по всему, данная группа государств неоднородна. В ней выделяются как государства, способные брать на себя роль региональных доминантов, в основном, конечно, с согласия мирового лидера — молчаливого либо зафиксированного в разного рода соглашениях и союзах (в частности, и неформальных), так и государства, которые могут при определенных условиях противостоять государству — лидеру мировой системы и даже проводить определенные решения, идущие вразрез с его политикой.

Антидоминанты (деструктивные доминанты) имеют явные проблемы с преобразованием своего разрушительного импульса в созидательный, они ни при каких обстоятельствах не способны заменить лидера, более того, их попытки силового балансирования неизбежно вызывают противодействие лидера, прямо пропорциональное усилению политики балансирования. При определенных условиях антидоминант может претендовать на региональное **антилидерство**, т.е. начать проводить в регионе политику, противоречащую политике лидера мировой системы, но тот на такие попытки уже не может смотреть нейтрально, поскольку региональное антилидерство может открыть путь к позиции «контрлидера», т.е. государства, бросающего вызов существующему мировому лидеру, созданному им мировому порядку и способного занять его позицию (в мировой истории при переходе от мир-империй к мир-экономикам это соответственно императорский Китай, Португалия, Испания, Нидерланды, Франция, Британия, США и контргегемон СССР), либо способствовать размыванию лидерства, что ослабляет и размывает существующий международный порядок.

Именно поэтому в «Стратегии национальной безопасности США» зафиксировано положение, в соответствии с которым один из жизненно важных интересов этой державы как раз и состоит в том, чтобы не допустить появления в крупных регионах либо на контролируемых США морских просторах регионального доминанта, враждебного США или его ближайшим союзникам, а если такие государства появляются, то пресекать в том числе и силовым путем их попытки «размыть» существующий мировой или региональный порядок.

Антилидера от контрлидера отличает принципиальная невозможность превратиться в лидера мировой системы (но при ускоренной милитаризации он может рано или поздно превратиться в нового мирового гегемона): сначала нужно предложить новый конструктивный региональный порядок, который бы стал или хотя бы

казался более благоприятным, чем существующий, а также получить однозначную поддержку большинства стран в регионе и добиться молчаливого нейтралитета со стороны меньшинства.

Кроме того, в мировой системе есть и «недоминанты», т.е. государства, ни при каких обстоятельствах неспособные превратиться в доминантов и в целом принимающие лидерскую структуру международных отношений¹.

□ Важнейшая задача для США и западного сообщества — выработка таких идеологий, которые могли бы помочь более эффективно обосновать и легитимизировать сохранение их лидерства.

В то же время им нужен такой идейно-ценностный базис, который позволил бы сформировать институты и механизмы глобального управления, максимально соответствующие наиболее выгодной для США и их союзников модели мироустройства, но при этом приемлемые и для других ведущих субъектов мировой политики.

Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011. С. 51.

Кроме того, существует и более простая классификация, в соответствии с которой выделяются великие державы и региональные державы.

Великие державы, в другой терминологии — **великие страны** (или великие, т.е. сверхкрупные, государства) не обязательно обладают исключительными возможностями во всех сферах международной деятельности, однако их отличает то, что их экономические, военные и политические возможности вполне достаточны для того, чтобы в краткосрочной или среднесрочной перспективе попытаться претендовать на статус государства-доминанта или пытаться форматировать или переформатировать мировой порядок².

¹ *Воскресенский А. Д.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток—Запад—Россия: сб. ст. М. : Прогресс-Традиция, 2002. С. 139—143; *Он же.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 17.

² Последний термин обращает внимание на трансформации концепции великой державы без неопременного акцента на их военной мощи и военном доминировании как традиционного символа великодержавности, в отличие от сверхдержав и/или государств-доминантов. *Воскресенский А. Д.* «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленанд, 2006. С. 20; «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 17; см. также: *Агеев А. И., Куроедов Б. В.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития го-

Великие страны активно вовлечены в процесс формулирования повестки дня безопасности и могут действовать в нескольких регионах мира, при этом являясь региональными лидерами, по крайней мере, в одном регионе, т.е. они активно участвуют в форматировании макрорегионального уровня. Различие терминологии связано с различным пониманием и различными градациями этой категории у разных исследователей в разных странах. Китайцы употребляют термин «крупные»¹ государства/страны в отличие от «цянго» — великих держав, где иероглиф «цян» (сила, мощь) акцентирует внимание прежде всего на их военной мощи. Кроме того, китайская наука о международных отношениях выделяет понятие «мировые великие державы» (*шицзе даго*), которые определяются в соответствии со следующими параметрами: размеры территории, численность населения, объем экономики, большая политическая активность и военная мощь, обладание местом постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерным потенциалом и космическими технологиями, включение в новый этап мировой научно-технической революции, процессы глобализации, информатизации, экономической либерализации и интеграции².

Термин «великая держава» используется некоторыми российскими исследователями по аналогии с англоязычным термином «*the great powers*». Кроме этого термина американцы и англичане выделяют «*the great powers*» — «старые» великие державы, т.е. страны Запада (США, Францию, Германию, Японию, Великобританию) и «*aspiring powers*» — новые «великие» «поднимающиеся» державы, стремящиеся изменить статус-кво в международной системе: Китай, Россия, Индия, Иран, Бразилия. Подъем великих держав / великих стран (иногда также используется термин «великие региональные держа-

сударств. М.: Институт экономических стратегий, 2008; Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. Т. 9. № 2 (26). Май—август 2011. С. 29—39.

¹ Досл. «даго» — большие, великие, поскольку иероглиф «да» — существует и его архаизированное чтение «дай» — большой, великий по размеру и масштабу — имеет оба эти значения, ср., к примеру — *Да (й) Цин личао шилу* — Записи деяний дома Великая Цин, или в другом переводе Хроника правления династии Великая Цин. *Воскресенский А. Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли, 1995. С. 15—18; *Он же.* К характеристике «Да Цин личао шилу» как источника по истории международных отношений в Центральной Азии (XVIII в.) // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Институт востоковедения, 1986. С. 92—99.

² Подробнее см., в частности: *Мокрецкий А. Ч.* О китайском понимании нового мирового порядка // Десятилетие устойчивого развития: политические итоги. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 251—252.

вы», «новые великие державы» или «сверхкрупные страны» / «новые сверхкрупные индустриальные державы») происходит либо за счет того, что какие-то страны в силу определенных политических и экономических причин повышают свой статус в международной иерархии, и/или за счет упадка бывших сверхдержав.

Трансрегиональное сотрудничество — еще один способ повышения статуса в международной системе, «освоенный» странами «разного калибра»: США, Европой (разными европейскими странами в различной исторической последовательности), Израилем, Японией, Республикой Корея, а в последнее время активно осваиваемый и Китаем. Важно отметить, что в случае очень мощных (хотя и по разным показателям) государств разных типов организации социального порядка или государственных образований (США, ЕС, Китай) именно трансрегионализм вкупе с другими факторами дал возможность США стать государством-лидером, ЕС — институционально-лидерской группировкой, интегрированной в политико-экономический союз, а Китаю фактически с нуля за 30—40 лет создать вторую экономику мира, продолжающую расти даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Региональные державы обладают значительными возможностями действовать в пределах своих регионов, определяют параметры региональной полярности, однако, как правило, не выходят на глобальный уровень, редко и обычно только в коалициях участвуют в проектах форматирования и реформатирования мирового порядка и не могут успешно действовать в нескольких регионах, хотя иногда пытаются, даже довольно успешно, это делать (например, война Великобритании с Аргентиной за Фолклендские о-ва).

В отечественной литературе существуют и другие более или менее удачные классификации такого рода, на основе иных структурных признаков, как правило, реалистского толка¹.

На настоящий момент выделяется, как минимум, **четыре подхода** к пониманию того, как осуществляется **регулирование современных международных отношений и форматирование пространства международного взаимодействия**:

1) концепция однополярного мира, основанная на полном превосходстве США по большинству параметров (З. Бжезинский и др.);

¹ Агеев А. И., Куроедов Б. В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств; Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. Т. 9. № 2 (26). Май—август 2011. С. 29—39.

2) сочетание элементов однополярности и полицентричности (плюралистическая однополярность) (Дж. Най, С. Хантингтон, Б. Богатуров и др.);

3) бесплюсность или бесполярность (Р. Хаас, Э. Баталов и др.);

4) полицентричность, или плюралистическая полицентричность и различные концепции «уравновешивания» внутри этой системы (Г. Моделски, У. Томпсон, К. Уолтц, Р. Каплан, А. Кокошин, А. Богатуров и др.)¹;

5) гармоничный мир (*хэсе шицзе*) (Ху Цзинтао).

Эти подходы к регулированию современных международных отношений в пространстве международного взаимодействия трансформируются в пять концепций возможной организации глобального управления мировым политическим и экономическим пространством:

1) концепция глобального правительства как воспроизведение структуры национального правительства в глобальном масштабе;

2) концепция глобального управления, осуществляемая влиятельными международными организациями и институтами (ООН, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР, G-7, G-20);

3) концепция глобального управления, гарантированного экономикой и военной силой наиболее влиятельного государства на мировой арене (глобальное управление на основе униполярности);

4) концепция полицентричного глобального управления на основе государственных организаций и институтов и влиятельных негосударственных акторов;

5) концепция транснационального глобального управления негосударственных акторов как регулирующих механизмов.

Таким образом, в научном мире *конкурируют* разные концепции понимания дальнейшего развития системы международных отношений и путей трансформации пространства международного взаимодействия, каждая из которых, в свою очередь, опирается на регионально-национальную картину мира. Однако ни одна из них пока не дает однозначного ответа на вопрос, куда мир придет в конечном счете в силу незавершенности периода трансформации международного порядка в рамках Вестфальской системы международных отношений. В этой связи возрастает значение исследова-

¹ Подробнее см.: *Темников Д. М.* Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 7–9.

ния проблем мирового регулирования как управления отдельными международными процессами с целью предотвращения их потенциально отрицательных для мирового сообщества последствий¹.

6.5. Дифференциация по типу порядка социально-политического доступа

Другой возможностью является увязка проблем внутреннего структурного устройства государства с характером их внешнеполитического взаимодействия, который, в свою очередь, влияет на характер формирования пространства мировой политики. Такую возможность предоставляет дифференциация государств по **типу порядка социально-политического доступа**, позволяющая увязать внутреннюю организацию государства и модель его внешнего взаимодействия с государствами того или иного типа социально-политического доступа, т.е. связать тип внутренней политической организации государства с принципами и возможностями формирования или форматирования пространства международного взаимодействия.

В соответствии с этим способом дифференциации, объясненным в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста², существуют три типа социального порядка: примитивный, естественный (в другой терминологии — ограниченный) и открытый.

Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее — фрагментах) мира.

Существование естественного / ограниченного социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных структурно-временных дифференцированных этапов) проходит, в свою очередь, определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, на наш взгляд, существуют и структурные подтипы естественного социального порядка, возникающие на этапе зрелого естественного государства: архаизированный и традицио-

¹ Подробнее см.: *Темников Д. М.* Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 15.

² *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

налистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Эти подтипы соответствуют разным временным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни сообществ, отражающейся в конечном счете на их мирополитическом поведении.

Также существуют и разные подтипы государств открытого социально-политического доступа, во всяком случае, можно говорить о европейской и американской моделях, но этот вопрос по разного рода практическим причинам (необходимость консолидации стран открытого социального доступа) в политической теории подробно не рассматривался, просто потому, что переход к новой, более продвинутой и совершенной социальной модели был важнее фиксации различий внутри этой модели.

□ Логика контроля над насилием в порядках открытого доступа противоречит логике естественного государства. В естественном государстве рассеянный контроль над насилием приводит к образованию господствующей коалиции, которая управляет доступом в экономике и обществе, для поддержания политических договоренностей в рамках коалиции. Доступ к насилию открыт любому, кто достаточно силен и достаточно хорошо организован, чтобы его использовать. Естественное государство осуществляет координацию этих индивидуумов и групп через взаимосвязанный комплекс рентообразующих соглашений, который ограничивает доступ всей остальной части общества.

Общества открытого доступа строго ограничивают доступ к насилию, гарантируя открытый доступ к политической и экономической деятельности... Правила, которые применяются для регулирования использования насилия в порядках открытого доступа, должны быть безличными, соглашения — применяться независимо от личности отдельных членов сил военных или полиции, а также, что не менее важно, независимо от личности политического руководителя... Граждане защищают эти правила, отказывая в поддержке тем политическим лидерам, которые пытаются нарушить эти институты и соглашения... В результате общества открытого доступа приспосабливаются к экономическим и социальным изменениям, обходясь без изменения политических соглашений о насилии.

Норт Д., Дуглас Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 220—222.

Сегодня примерно половина всех государств принадлежат к государствам с естественным социально-политическим порядком, практикующим ограниченный социальный и политический доступ. Кроме этого, существует и социальный порядок открытого доступа, который создали, активно поддерживают и развивают 25 государств. Круг государств с системой открытого доступа постепенно расширяется, и сегодня их количество приближается к 100. Именно этот факт меняет качественный характер мировой системы политических отношений. Этап самого значительного расширения пространства структурного взаимодействия государств с таким типом социального порядка пришелся на период после распада СССР.

□ В многонациональных государствах индивидуум, самостоятельно решающий вопросы своей этнической идентификации, религиозных и политических предпочтений, одновременно несет полную юридическую ответственность перед государством, гражданином которого он является. Основной закон страны предоставляет ему абсолютно те же права и в том же объеме, что и всем остальным гражданам.

Об этом свидетельствуют многочисленные примеры того, как человек, отличаясь по этническим и даже расовым признакам от титульной нации, становится политическим лидером своей гражданской родины — Барак Хусейн Обама, Николя Саркози и многие другие. В то же время в развивающихся демократиях, таких как Россия, неприязнь значительной части населения к лицам, не принадлежащим к титульной нации, делает невозможным полное равноправие граждан во всех аспектах социально-политической жизни. Трудно представить, что в сегодняшней России грузин, еврей, узбек или армянин может быть на основе волеизъявления граждан избран на руководящую политическую должность, не говоря уже о том, чтобы стать первым лицом страны.

Енгибарян Р. О, Мари! Роман. От автора. М. : Норма, 2012. С. 6.

Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40—50 государств: 25—30 государств с открытым социальным порядком и 20—30 государств с естественным социальным порядком охранительного характера. По мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни либо ее продления формы этой конкуренции смешаются от военных, приводящих к неис-

числимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, соревновательного развития. Остальные государства либо пользуются в той или иной степени порядком открытого доступа, импортировав соответствующие институты, либо не могут его построить в силу причин прежде всего внутреннего характера.

К естественному (социальный порядок естественного доступа) принадлежит большее количество государств, но открытый (социальный порядок открытого доступа) создал более высокий уровень жизни, защитил его мощнейшим военно-политическим блоком, покоящимся на фундаменте высокоинтегрированной экономики, быстрее реагирует на непредвиденные политико-экономические обстоятельства и активно расширяется. Этот социальный порядок является в целом более конкурентным и более легитимным, поскольку основан на демократическом правлении, подразумевающим политический контроль над применением насилия путем прямого участия народа в управлении через систему открытых и транспарентных выборов и строго оговоренную по срокам и процедурам периодическую ротацию политических и экономических управленцев. Такая система позволяет привлечь считающихся большинством в обществе профессионально наиболее компетентными на срок, в течение которого возможно биологически рационально воспользоваться их компетенциями в максимальной степени, но без применения системы насилия, принуждения или прямого/косвенного экономического подкупа за счет других граждан-налогоплательщиков.

Такой социальный и политический порядок лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах показывает меньшую глубину падения и отката назад. Этот порядок предполагает политические предохранители против возникновения системных кризисов и в силу этого стабильнее и в целом интенсивнее и быстрее развивается, создавая для населения более благоприятные условия существования, основанные, по крайней мере, последние 200 с лишним лет на массивном внедрении интеллектуальных инноваций (социальных и технологических), в частности, приходящих и через эмиграцию квалифицированных специалистов, не могущих найти для себя адекватной ниши для творчества и полной реализации своих способностей в

тех странах с естественным типом социального доступа, из которых они уехали.

Сегодня с точки зрения обеспечения экономических и политических прав человека государства с системой открытого социального доступа формально или неформально стали рассматриваться как своеобразный эталон, хотя конкретных проблем в экономической, политической и социальной областях и у этих государств может быть немало. Поскольку в целом наш сегодняшний образ жизни был создан странами, придумавшими сначала для себя систему открытого социального доступа, а затем предложившими ее другим в качестве социальной инновации, то они и сами рассматривают себя как эталон для других стран с ограниченными и нетранспарентными (или не полностью транспарентными) системами социального порядка, что приводит к напряжению между политическими элитами и разного рода идеологическим противостояниям.

К государствам с открытым социальным порядком, ядро которых компактно расположено в Европе и Северной Америке, при­мыкает географически разнородная группа государств переходного типа, которые двигаются в направлении построения системы открытого социально-политического доступа, но находятся на разных исторических этапах этого процесса. В количественном отношении группа государств с открытым социальным доступом и переходного типа приближается примерно к половине государств — членов мирового сообщества, это самые активные его члены, формирующие все еще разрозненную, но в целом исторически укрепляющуюся систему многосторонних институтов глобального управления. Количество государств с системой ограниченного социального доступа постепенно сокращается в основном потому, что реальной альтернативы социальному порядку открытого доступа не предложено.

Ранее считалось, что переход от естественного социального порядка к открытому в национальных сообществах происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития и повышения экономического благосостояния, главное, только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому как в свое время была осознана и обоснована историческая закономерность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. В настоящее время часть американских и европейских исследователей и политиков стали считать, что построение системы откры-

того социального доступа есть некоторая спонтанная аномалия социальной эволюции, невозможная для повторения всеми странами в силу их интеллектуальной и социально-политической неготовности к этому.

Параллельно возникло объяснение, в соответствии с которым в действительности переход части государств к системе открытого доступа имел свою собственную жесткую логику: императив экономического развития, основанного на создании рыночного пространства, шире, чем территория национального государства, требовал трансформации национального суверенитета таким образом, чтобы обеспечивать контроль только ключевых параметров, без чего было бы невозможно как активное принятие извне инвестиционных, финансовых, торговых и миграционных потоков, так и свое собственное расширяющееся экономическое проникновение на внешние рынки. Понимание этого императива потребовало трансформировать и развить теории национальной и международной безопасности, адаптировав их к императиву трансформации параметров национального суверенитета, обеспечивая адекватное соответствие этих параметров стратегической идее обеспечения развития.

Необходимость поддержания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способ решения демографических проблем и «притока мозгов» требовал открытого доступа к высококонкурентным национальным системам образования, науки и транспарентных механизмов финансирования этого процесса. Появление крупных иноэтничных компонентов в результате многолетней миграции и необходимость инкорпорирования диаспор в иное по этническому составу общество на условиях равноправия способствовали концептуальному оформлению этого процесса (теории «плавильного котла», мультикультурализма и др.) и принятию системы открытого социального доступа как ответа на решение вопроса о системном кризисе в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей сложной социальной системы, которая по каким-то причинам ограничивает социальный доступ на основе этнонационального, этноконфессионального, социального или какого-либо иного критерия.

Упрощая, можно сказать, что система открытого социального доступа (демократическое правление) предоставляет возможность участия в управлении всем гражданам на основе транспарентных

условий, понятных всему обществу и консенсусно одобренных им, но одновременно не означает простого доступа к управлению всех и каждого, так как и эта система обладает своими заградительными механизмами и жесткими принципами отбора. Однако эти заградительные механизмы и принципы отбора не включают в себя априори этнические, конфессиональные, социальные или идеологические критерии. Другой важнейший параметр этой системы — прозрачные правила политического контроля над применением насилия, включая и его применения вовне.

Кроме построения саморегулирующейся социальной системы открытого доступа существуют и другие механизмы социальной инженерии в этой системе¹. Однако каким бы ни был этот механизм, критерии социального доступа в этой системе прозрачны, рациональны, одобряются и поддерживаются всем обществом. Система открытого и равного доступа не анархична, как это могло бы следовать из ее названия, она позволяет на основе жестких, но открытых и прозрачных критериев, консенсусно признаваемых обществом, привлекать к управлению наиболее талантливых и подготовленных вне зависимости от их расовой, этнической, конфессиональной принадлежности или политических убеждений, если они не являются экстремистскими и не подрывают существующего конституционного строя.

Таким образом, система открытого доступа — это как бы жесткая, но одновременно гибкая «сетка» политических, экономических и общественных институтов, «вплетенная» в социум таким образом, что внутри каждой ячейки допускается свободное развитие, направляемое этими институтами и ограниченное только рамками конституции, а применение насилия (или даже угрозы насилием) политически контролируется и регламентируется на основе прозрачных и консенсусно признаваемых политических правил.

Последние научные экономико-статистические исследования и, в частности, исследования А. Пшеворски, Д. Асемоглу, Д. Робинсона, а также компании *Renaissance Capital*, оценивающие изменения в политическом строе и уровень ВВП на душу населения в 150 странах мира за период с 1950 по 2009 г., свидетельствуют, что при годовом валовом доходе менее 5 тыс. долл. на душу населения построение устойчивого демократического режима маловероятно,

¹ Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М. : Бизнес Атлас, 2010.

так как при таком годовом доходе продолжает превалировать логика выживаемости. При годовом валовом доходе свыше 6 тыс. долл. на душу населения появляется возможность построения демократии. Демократии с высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения (свыше 10 тыс. долл.) формируют устойчивый тип открытого социального порядка (социальный порядок открытого доступа), что позволяет таким обществам устойчиво и относительно стабильно развиваться. Если доход превышает 19 тыс. долл. на душу населения, а консенсус о необходимости перехода к порядку открытого социального доступа отсутствует, то вероятность построения социального порядка открытого доступа в государстве с естественным социальным порядком становится ничтожно малой, просто потому, что все такие государства формируют свой доход за счет высокой природной ренты, которая позволяет «консервировать» общество и удерживать его социальное развитие в рамках определенного, не только естественного, но даже традиционалистского или архаизированного социального порядка, для решения же всех других задач просто «покупая» нужное количество гастарбайтеров¹.

Россия еще в 1990-е гг. перешагнула границу годового валового дохода на душу населения в 6 тыс. долл., по-видимому (в зависимости от методик подсчета), приближается к высокому уровню валового внутреннего продукта на душу населения, несмотря на большое расслоение и в целом пока еще нестабильное развитие, но прогнозы относительно скорости и качества ее дальнейшего экономического развития разнятся в зависимости от методик подсчета ВВП, перспектив мировой экономики, разбросов в оценке и интерпретации политического курса и демографических оценок.

Государства с порядком открытого доступа монопольно контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю политической системы, что гарантировано сменой власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта их способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе².

¹ См., например: *Асемоглу Д., Робинсон Д.* Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2011.

² *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. С. 71—72.

Распространение безличных отношений и безличных международных институтов кооперационного развития в целом способствует уменьшению опасностей столкновения прежде всего между государствами с открытым социальным доступом («демократии не воюют»), но и одновременно в том числе при ряде условий и государств с разными системами социального доступа, ведь государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу¹, но распространение этого социального порядка с опорой на военную силу, как показал опыт США и реакция на него разных регионов мира, вызывает отторжение и приводит к ограниченным успехам. Такая постановка проблемы позволяет акцентировать внимание на «обезличенных» концепциях внешнеполитического взаимодействия и теориях внешнеполитической деятельности государства, максимально абстрагируясь от идеологического фактора в мировой политике² и ориентируясь прежде всего на кооперационное взаимодействие, а не военное балансирование. Однако договоренности о взаимопонимании между государствами с открытым типом социального доступа и между государствами с открытым и естественным типом социального доступа, особенно в периоды мировых кризисов и социально-экономической турбулентности в силу различного типа контроля над применением насилия достигаются значительно сложнее, требуют больших усилий и являются менее прочными.

□ Представим еще, что исторически сложилось так, что государство контролирует гораздо больше территории, чем та, на которой добывается ресурс, и население там гораздо больше, чем нужно для его добычи. Возникают два класса граждан — небольшая элита, которая добывает, защищает и торгует ценным ресурсом, и все прочие, чье существование зависит от перераспределения ренты с этой торговли. Такая ситуация создает жесткую структуру, похожую на кастовую... Человеческий капитал тут избыточен, не он определяет богатство государства.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России : пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 110.

¹ См., например: Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011, разд. 1.2. Военно-политические аспекты. Гл. 5, 7, 8, 9.

² Кондратов А. И. Модель внешнеполитической деятельности государства. М. : Изд-во РАГС, 2010.

Такого рода комплексный подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений, закономерности мировой политики и процесс мирового развития. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западоцентричных и незападоцентричных подходов к международным отношениям и мировой политике. Одновременно такая постановка проблемы требует применения комплексных, интегральных сравнительно-политических подходов к анализу мировой и региональной реальности.

Как стало ясно в самом начале XXI в. после террористических актов в столицах ведущих государств с системой открытого социально-политического доступа и их ответных военных кампаний в Афганистане, Ираке и Ливии, на нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса государств с разными порядками социального доступа перестала существовать. Раньше система баланса поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров биполярности (СССР и США) международной системы европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы поддержанию этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война.

После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал эволюционно трансформироваться в новое качество. Прежде всего правитель-сюзерен и политическая элита государства де-факто потеряли не только моральное, но и юридическое право делать, что они хотят, с населением своей страны. Если раньше сюзерен полностью вершил судьбы своего населения, то к концу XX в. массовые репрессии или геноцид стали неприемлемы, что породило концепции «гуманитарной интервенции» и «принуждения к миру» со стороны мирового сообщества, направленные на обоснования права «силовой коррекции» извне для защиты простого населения.

Также стала скрупулезно оцениваться способность политической элиты страны эффективно управлять «подведомственными» им территориями, поскольку возникла потребность в новой, моди-

фицированной системе мирового регулирования и поддержания мировой стабильности на основе контроля ключевых параметров, которые позволяют сохранять стабильность, но в то же время не препятствуют развитию. Поскольку взаимозависимость мира стала увеличиваться, способность или неспособность национальных политических элит эффективно управлять национальными территориями перестала быть «суверенным правом», а стала затрагивать не только политическую элиту и население конкретной страны, но и все другие страны, с которыми они вступили в партнерские отношения.

Процесс трансформации существующей версии мирового порядка в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с появлением новых негосударственных акторов мировой политики и происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС в связи с бюджетным дефицитом Греции, Италии, Португалии и Франции, в России и Китае в связи с опасениями внешнего «подталкивания» этой эволюции, в Иране и КНДР в связи с иракскими, ливийскими, сирийскими событиями и наличием жестко закрытых конфессиональных или идеологических режимов и т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения.

В то же время эволюционная трансформация мирового порядка, а не его силовой слом устраивает практически всех участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, т.е. использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе. Заняв более благоприятное место, можно конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным для своей нации образом, затрачивая усилия на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные с точки зрения внутреннего экономического развития, демографического потенциала и часто также затратные, но мало эффективные в целом с точки зрения решения долгосрочных задач военно-силовые способы решения проблем.

Естественно, что когда квалификации и умения у национальной политической элиты недостаточно, а в государстве отсутствует политический контроль над применением насилия и существует возможность силового и нетранспарентного использования финансового ресурса с целью усиления военного потенциала, возрастает и соблазн не санкционированного обществом использования военной силы, чтобы попытаться сохранить или даже повысить статус страны в мировой иерархии как способ решения внешних или внутренних экономических и/или политических проблем.

Вычленение разного типа социальных порядков позволяет по-новому подойти к проблеме **структурного типологизирования партнерств** в современном мире и выделить:

партнерства между государствами с открытым социально-политическим доступом — партнерства и коалиции объединенных общими ценностями и поэтому равных государств вне зависимости от их размеров, экономических, военных или демографических параметров, созданные для защиты своих общих интересов или решения каких-либо конкретных внешнеполитических проблем в соответствии с принципом «демократии не воюют»;

партнерства между государствами с неконсолидированным открытым доступом или государствами переходного типа и государствами с естественным типом социально-политического доступа — партнерства и коалиции разных вариантов «подтягивания» к системе открытого социального доступа либо препятствующие «подтягиванию» к системе открытого социально-политического доступа, разного рода коалиции для решения внешнеполитических, внешнеэкономических проблем, проблем безопасности;

партнерства между государствами с открытым и естественным типом социально-политического доступа — партнерства / коалиции «подтягивания» к системе открытого социально-политического доступа, помощи в строительстве соответствующих институтов, а также коалиции для решения конкретных политических или внешнеполитических задач;

партнерства между государствами с естественным социально-политическим доступом — равные / неравные партнерства реалистского типа для укрепления / поддержки своих политических элит / политических элит партнера в связи с внутренними или внешними противостояниями, в частности, и политического противостояния (искусственного или естественного) распространению системы открытого социально-политического доступа, а также для решения

конкретных внешнеполитических или политических целей; партнерства для развития, когда партнеры находятся на разных исторических этапах системы естественного социального доступа, но движутся в одном или в разных направлениях по эволюционной лестнице развития;

партнерства между государствами с естественным типом социально-политического доступа и примитивным типом социально-политического доступа — партнерства во имя достижения конкретных внешнеполитических целей, как правило колониалистского или неоколониалистского характера, либо каких-либо политических целей;

партнерства между государствами с примитивным типом социально-политического доступа — партнерства по решению конкретных политических / внешнеполитических проблем или противостоянию государствам с естественным типом социально-политического доступа, включая научно-технические партнерства, как правило, военного или военно-политического характера.

6.6. Геопространственные дифференциации

Проблема дифференциации собственно геопространственного измерения начинается с проблемы различения среды (окружающего мира) от социальной системы, т.е. физико-географического пространства от социальной системы в целом. При этом в каждом случае различения системы и окружающей среды как бы перекрывают друг друга. Именно потому с каждым различением происходит редукция комплексности, что требует рассмотрения пространственности не только в абстрактном (теоретическом) ракурсе, но и в конкретном прикладном — нужно ответить на конкретный практический вопрос: как «расчленить» мировое пространство? Ответ на вопрос зависит как от системы критериев (к современной реальности подходит только многокритериальный подход), так и от точки пространства, в которой он ставится.

Традиционное пространственное (спатальное, или плоскостное) **членение мирового пространства** исходит из внутренней культурно-цивилизационной или политико-географической логики развития стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на

специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональной совокупности явлений, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона соотносится с базовым универсализированным определением понятия региона в мировом комплексном / зарубежном регионоведении и одновременно со вспомогательным в международных отношениях, в соответствии с которым **под регионом понимается пространство / территория, ограниченное признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений.**

- Регион — образующее единое целое пространство, гомогенное по определенным выбранным критериям и отличающееся от сопредельных пространств или регионов по этим критериям. Это интеллектуальная конструкция, созданная путем отбора черт, значимых для конкретной проблемы, при игнорировании других черт, рассматриваемых как незначимые.

The New Enciclopedia Britannica. Vol. 9. P. 1003.

Расширительное и одновременно «географизированное» понимание региона позволяет рассматривать конкретные факты и описания в определенной пространственной (спатальной / плоскостной) системе координат. Эта региональная / субрегиональная классификация основана на разных типах регионализации мира в соответствии с общегеографическими, культурно-историческими, геополитическими, этноконфессиональными критериями вычленения регионов. Стержневая посылка такой классификации заключается в том, что культурно-географические, а также культурно-исторические характеристики являются менее подвижными, чем идеологические, политические и экономические, и основаны на тех критериях / факторах, которые не учитываются синтетическими социально-экономическими типологиями и структурно-аналитическими подходами.

Если исходить главным образом из *географических параметров*, то можно выделять географические макрорегионы, мезорегионы (средние регионы), а также отдельные регионы и субрегионы, основываясь на их физико-географических характеристиках. Так, мы выделяем мировые континенты: Америку (Северную и Южную),

Африку, Евразию, Австралию, Антарктиду, подразделяя их, в свою очередь, на субконтиненты (Европа, Азия) и более мелкие таксономические единицы (географические регионы и субрегионы): Северную, Центральную и Южную Америку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Африку, Северную, Центральную, Западную, Восточную и Южную Европу, Северную, Центральную, Восточную, Юго-Восточную, Южную, Юго-Западную и Западную Азию.

Под *регионом* в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию.

Такое обозначение региона соотносится с его расширительным пониманием, в соответствии с которым под *регионом* понимается пространство (территория), ограниченное признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений.

Международно-политический регион — привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических, национально-культурных условий, служащих основанием для его выделения) региональная совокупность явлений, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными.

Главная методологическая слабость в определении международно-политического региона заключается в привязке к уже существующей реальности или реальности исторического прошлого, что методологически ограничивает задачу прогнозирования и моделирования международных процессов.

Исходя из *историко-культурных параметров*, можно выделять историко-культурные регионы: китайский, корейский, вьетнамский (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), индийский (Индия, Непал, Бу-

тан, Шри-Ланка), индо-иранский (Пакистан, Афганистан, Иран, Таджикистан), тюркский, арабский, российский (Россия, Украина, Белоруссия или, в другой интерпретации, страны СНГ), европейский (состоящий из 13 стран). Североамериканский, латиноамериканский, африканский регионы объединяются в соответствующие региональные общности по таким параметрам, как геополитическая традиция (принадлежность к единому государственному образованию), современная тенденция к интеграции (межгосударственному взаимодействию), этнолингвистическое, этнокультурное или этнопсихологическое единство.

К *культурно-религиозным макрорегионам* обычно относят: конфуцианско-буддийский, индуистский, мусульманский, православный, западнохристианский и др.

Геополитические параметры позволяют разделить зарубежную Азию на Центральную, Южную, Юго-Восточную и Восточную (или Дальний Восток), Ближний Восток и Средний Восток. При этом нередко возникает проблема пограничных государств, не относящихся в полной мере ни к одному региону или принадлежащих сразу нескольким геополитическим регионам. Так, некоторые исследователи полагают, что Афганистан относится не к Средне-восточному, а к Южноазиатскому региону, поскольку эта страна входит в число государств Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). В соответствии с этой же логикой сочетания исторических и геоэкономических параметров десять стран, образующих Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины, — относят к Юговосточно-Азиатскому региону, при этом исключая из него пограничные государства Папуа—Новую Гвинею и Тимор-Леште. Другие считают, что логика политического развития позволяет отнести страны Центральной Азии скорее к Ближневосточному региону, чем к какому-либо другому, а при характеристике политического развития Монголии, относящейся географически к Центральной Азии, с точки зрения цивилизационной специфики целесообразнее рассматривать ее вместе с государствами Восточной Азии.

Вариантом региональной / субрегиональной **спатильно-аналитической классификации** является вычленение культурно-цивилизационных регионов в соответствии с цивилизационными, культурно-историческими и этноконфессиональными критериями.

Конкретное сочетание таких критериев может быть достаточно субъективным (т.е. не поддающимся четкой формализации), что приводит к вычленению разного количества конкретных цивилизационных регионов (к примеру, у А. Тойнби и С. Хантингтона), но обычно выделяются следующие: китайско-конфуцианский, индуистский, исламский, японский, негро-африканский (Африка южнее Сахары), трансатлантический или западный (европейский и североамериканский), латиноамериканский и православный. Цивилизационные регионы напрямую связаны с геокультурными образами¹, т.е. ментальными образами цивилизации в другой терминологии², основные методологические проблемы в формализации и практическом использовании которых во внешней политике и дипломатии заключаются в их преимущественно психоэмоциональном и субъективистском характере, затрудняющем использование в практическом анализе и практической деятельности (внешняя политика, дипломатия).

Существуют и другие критерии и подходы к дифференциации мирового пространства, **исходящие из приоритета пространственно-географического фактора как категории структурной дифференциации**³ и учитывающие лингвистическую дифференциацию при наличии языка глобального общения, усиливающую взаимопонимание и лингвистическую конвергенцию. Это оказывает позитивный эффект, по крайней мере, на усиление макрорегиональной экономической взаимосвязанности и взаимозависимости (англоязычный, франкофонный, испаноязычный, китайскоязычный, арабоязычный «мир»)⁴, а наличие языка массового глобального общения стимулирует дальнейшую глобализацию и делает мир более «плоским»⁵.

При этом «выпадение» региона из сферы глобальной лингвистической конвергенции (фрагментация лингвистического про-

¹ *Wallerstein I.* The Creation of a Geoculture. In: Wallerstein, Immanuel. World System Analysis. An Introduction. Durham: Duke University Press, 2004. P. 97—119.

² *Зеленев Е. И.* Концепция геокультурного пространства и поля в современной парадигме востоковедного научного знания. СПб.: Изд-во РГХА, 2010. С. 46.

³ *Blij H. de.* Why Geography Matters. Three Challenges facing America. Oxford: Oxford University Press, 2005.

⁴ См. также: Франкоязычный мир. Взаимодействия и контакты. М.: Издательство МГУ, 2012; Ориентализм / Оксидентализм. Языки культур и языки их описания. М.: Согласие, 2012.

⁵ Подробно разработано в кн.: *Blij H. de.* The Power of Place. Geography, Destiny, and Globalization's Rough Landscape. Oxford: Oxford University Press, 2009.

странства) может способствовать закреплению его экономической / технической / культурной отсталости. Религиозно-конфессиональная принадлежность практически всегда ассоциируется с каким-либо «местом» (регионом, пространством распространения) и может способствовать усилению солидарности приверженцев одной конфессии, что, в свою очередь, может усиливать дифференциацию по конфессиональным признакам.

Одновременно цивилизационный или конфессиональный национализм может способствовать «выпадению» региона из сферы глобального цивилизационного взаимодействия и диалога цивилизаций. Подобную роль также может играть дифференциация регионов на основе географии зон распространения / нераспространения современных систем здравоохранения: регионы, подверженные влиянию пандемий или особо опасных заболеваний (СПИД, эбола), регионы с разной продолжительностью жизни мужского и женского населения, разным уровнем скорости старения населения, миграционных притоков квалифицированного и молодого населения, разным уровнем качества жизни, а также регионы повышенных рисков или рискованной экономической деятельности (цунами, землетрясения, разливы рек, наводнения, зоны извержения вулканов, торнадо, вечной мерзлоты и др.), формирующие особое отношение к жизни или даже черты национального характера (фатализм, депрессии, злоупотребление алкоголем и т.д.), влияющие на экономическую деятельность, и др.

Анализ дифференциаций такого рода позволяет прогнозировать как скорость протекания тех или иных процессов внутри региона может оказать влияние на глубину дифференциации между регионами, влияющую, в свою очередь, на специфику функционирования региональных подсистем. То есть в данном случае мы имеем дело с оригинальной классификацией мировых проблем (дифференциацией мирового пространства) исходя из фактора их пространственно-географической структуры. Методологическая оригинальность и практическая востребованность подобной классификации для международных организаций (ООН и различные подкомитеты ООН) и министерств иностранных дел великих держав не вызывает сомнения.

6.7. Дифференциация и фрагментация. Видовая основа регионализации и ее типы

В рамках системного подхода к международным отношениям была предусмотрена возможность рассмотрения частей системы как подсистем, в том числе **региональных подсистем**, обладающих собственными закономерностями взаимодействия.

Исследовательские взгляды на функционирование региональных подсистем, как отмечено Е. В. Колдуновой, представлены следующими тремя частично взаимоисключающими научными позициями:

1) параметры международной политической динамики едины для всего мира, региональные подсистемы формируют международное взаимодействие более низкого уровня, полностью или частично идентичное по своим характеристикам глобальной системе;

2) регионы уникальны, но изучение параметров функционирования одной региональной подсистемы может иметь ограниченное значение для понимания функционирования других региональных подсистем;

3) регионы рассматриваются как отдельный уровень анализа, понимание структуры и особенностей функционирования одной региональной подсистемы может помочь в понимании других регионов и международной системы в целом, даже если процессы, происходящие в их рамках, принимают различные формы.

Эти три позиции могут быть дополнены четвертой:

4) регионы могут рассматриваться как отдельный, подсистемный уровень анализа, но могут формировать и более крупные образования: макрорегионы, региональные подсистемы и глобальные регионы мира, закономерности функционирования которых могут состоять как из общих для всех подсистем и глобальных регионов, так и специфических для каждой из них по отдельности.

Соответственно этим рассуждениям и исходя в основном из четвертого из обозначенных выше подходов, по-видимому, сегодня с той или иной степенью определенности можно говорить о панамериканской (межамериканской), европейской, африканской, азиатской *региональных подсистемах международно-политических отношений* и соответствующих этим подсистемам международно-политических макрорегионах и, в некоторых случаях о глобальных регионах, а также о некоторых более или менее четко определяемых субрегиональных подсистемах (международно-по-

литических регионах) — западноевропейской и восточноевропейской как частях европейской подсистемы (причем специфика этих субрегиональных подсистем стирается на наших глазах), североамериканской и южноамериканской (или латиноамериканской) как частях панамериканской (межамериканской) подсистемы, ближне- и средневосточной, центральноазиатской, южноазиатской, юговосточноазиатской, восточноазиатской как частях азиатской (или, в ряде случаев, азиатско-тихоокеанской) подсистемы международных отношений и т.д.

При выделении региональных подсистем следует иметь в виду следующее.

1. В основе каждой региональной подсистемы лежит своя регионально-национальная картина мира, неформально определяющая специфику взаимодействия внутри региональной подсистемы.

2. Существование регионов безопасности, исторических / культурных / цивилизационных и экономических регионов способствует формированию на их основе региональных подсистем.

3. В региональных подсистемах экономическое взаимодействие, исторические связи и взаимодействия в области безопасности являются внутренними.

4. Государства либо опасаются соседей и объединяются на этой основе с другими региональными акторами, либо экономически кооперируются, опасаясь отставания.

5. Региональные комплексы могут либо полностью совпадать с региональными подсистемами, либо выступать в качестве ядра региональной подсистемы. В основе региональных комплексов лежат географические макрорегионы.

6. Границы между региональными комплексами определяются географическими параметрами либо в той или иной степени связаны с географическими факторами.

7. Границы между региональными подсистемами / региональными комплексами являются зонами слабого взаимодействия либо зоной изоляции.

8. Зона изоляции или государство-изолятор либо обращены к двум разным подсистемам / региональным комплексам / региональным комплексам безопасности, либо являются недостаточно сильными для соединения двух подсистем в одну¹.

¹ См., в частности, основу для выделения этих принципов у Б. Бузана и О. Уэвера (*Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge :*

Таким образом, региональная подсистема является «подсистемной частью» международной системы, характеризуемой относительной интенсивностью внутренних связей различного типа (социально-политических, экономических, в области безопасности, исторического или культурного взаимодействия и т.д.) и одновременно структурным безразличием или более слабым структурным взаимодействием с окружающими ее другими международными акторами.

Региональная подсистема международных отношений — совокупность специфических региональных политико-экономических, культурно-цивилизационных, историко-социальных и социокультурных взаимодействий в пространственном кластере системы международных отношений. То есть это совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая, культурно-цивилизационная и политико-экономическая принадлежность.

Особняком в типологии дифференциации мирового пространства стоит **дифференциация на основе выявления сетевого взаимодействия акторов макрорегионального пространства**. Одним (но уже далеко не единственным) из характерных примеров такого рода дифференциации является концепция С. Сассен¹, в соответствии с которой выявляется тенденция формирования сетевых бизнес-центров мирового и макрорегионального пространства.

Рост глобальных финансовых рынков и специализированных услуг, необходимость образования транснациональных сервисных коридоров, связанных с ростом международной инвестиционной деятельности, уменьшающаяся роль правительств в регулировании международной экономической активности, расширение глобальных рынков и корпоративных центров приводят к формированию стратегических союзов между высокоурбанизированными центрами. В соответствии с концепцией С. Сассен возникающие сети новых центров международного транснационального бизнеса формируют новое содержание географического понятия центрально-

Cambridge University Press, 2003. P. 41, 48). Они определили принципы организации комплексов безопасности, которые можно расширить и переосмыслить применительно к региональным комплексам и региональным подсистемам.

¹ Sassen S. Cities in a World Economy. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC : Sage, 2012.

сти. Императивы «новой центральности» приводят к укреплению старых и образованию новых взаимосвязей международных финансовых и бизнес-центров Нью-Йорка, Лондона, Токио, Парижа, Франкфурта, Цюриха, Амстердама, Лос-Анджелеса, Сиднея, Гонконга, Бангкока, Сеула, Тайбэя, Сан-Пауло, Мехико и Буэнос-Айреса и резкому усилению взаимодействия между сформированными в них финансовыми рынками, сервисными и инвестиционными площадками и, одновременно, к усиливающейся неравномерности в распределении стратегических ресурсов между этими мегацентрами и другими национальными центрами и городами в каждой из стран, в которой расположен соответствующий мегацентр.

Еще один оригинальный принцип дифференциации мирового пространства связан с его фрагментацией. Вообще говоря, процессы **фрагментации мирового пространства** как явления мировой дифференциации мало изучены. Одним из наиболее известных является принцип добровольной или принудительной экономической и / или политической автаркии, осуществляемый в разных формах и по разным историческим / политическим / внешнеполитическим причинам (СССР, КНДР, Иран, некоторые страны Африки и др.).

Кроме того, дробление экономического и политического пространства может осуществляться путем нелегального захвата власти и ее перехода под нелегитимное управление мятежных структур. Как справедливо отмечает российский исследователь одного из видов фрагментации пространства Ф. А. Попов, «разрывы в поле государственной власти в изобилии представлены на планете, варьируя от относительно стабильных квазигосударственных образований (Тайвань, Косово, Нагорный Карабах, Абхазия) до регионов, охваченных перманентными вооруженными смутами, вроде северной Колумбии или периферийных районов Мьянмы», хотя их связь с явлением сепаратизма менее однозначна¹.

В последнее время явление фрагментации мирового пространства стало увязываться с атомизацией политической карты мира и трансформацией государственных границ под влиянием центробежных сил. В экономической и политической географии существует направление (И. М. Маергойз, Б. Н. Семевский, Р. Ф. Туровский, В. А. Колосов, О. В. Витковский, Н. С. Мироненко, А. С. Де-

¹ Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. М. : Новый хронограф, 2012. С. 34.

нисенцев и др.), считающее необходимым рассматривать дезинтеграционные процессы фрагментации мирового политического пространства как важную часть научного осмысления мировых процессов. Они также составляют важную, хотя и специфическую часть процессов мировой дифференциации.

На основе этих подходов Ф. А. Поповым была разработана географическая картина сессеционизма как политико-географической формы проявления фрагментации мирового пространства. Специфическими формами такой фрагментации мирового пространства может стать рост количества неконтролируемых территорий, безгосударственных территорий, безгосударственных зон, безгосударственного пространства, зон слабой и дефектной государственности, регионов конкурирующей государственности, непрозрачных зон активности, регионов оспариваемой государственности, регионов неполной государственности, регионов переданной государственности, серых зон, зон деятельности социальных страт, лежащих вне правового регулирования, островов транзитной государственности, повстанческих государств, пиратских республик, районов с неустойчивыми границами, квазигосударств, псевдогосударств, государств де-факто, непризнанных государств, самопровозглашенных государств, частично признанных государств, несостоявшихся / несостоятельных государств, коллапсирующих государств, деградировавших регионов, безгосударственных регионов и др.

Фрагментация мирового пространства частично связана с **концепцией «Север—Юг»** (Ж. К. Рюфэн) как формой разделения мирового пространства на два полярных стратегических макрорегиона, подобно дихотомии «Запад—Восток», и вычленением Юга как воплощения деструктивных сил, представляющих основную угрозу безопасности развитых государств Севера. Таким образом, локализация богатых, благополучных, индустриально развитых государств-наций на Севере (США, ЕС, Япония), а стран с нестабильной политической и экономической обстановкой, авторитарными политическими режимами, массовой преступностью, распространением голода и болезней — на Юге позволяет аналитически вернуть переосмысленную биполярную картину мира.

Элементами геополитических макрополюсов Запад—Восток были суверенные государства, а состав «Глубокого Юга» (термин А. И. Неклессы) как пространственно выраженной квинтэссенции теневой стороны «третьего мира» (определение Ф. А. Попова) разно-

роден и представлен псевдогосударственными образованиями разного генезиса, существующих в фактическом, а не юридическом пространстве¹.

Ясно, что отдельные страны могут входить в соответствии с различными параметрами не в один, а в два или даже три перекрещивающихся региональных кластера, обеспечивая многослойное *наложение* пространств, особенно если мы сочетаем пространственные и синтетические социально-экономические, социально-политические или структурно-аналитические факторы. Кроме того, часто выделяются и другие культурно-географические агломерации государств, которые могут строиться по принципу экономической кооперации и совместной системы безопасности и / или «скрепляться» историческими конфликтами, спорными проблемами, традиционной враждой, т.е. возможно и правомерно деление мира на геоэкономические и геополитические регионы, к тому же и некоторые исторические регионы в последнее время приобретают довольно четко выраженные геоэкономические черты.

Эти перекрещивающиеся принципы структурно-аналитического и цивилизационно-пространственного членения, позволяющие выделять базовые, или структурообразующие, регионы, и послужили основой определения наиболее важных международно-политических макрорегионов. В рамках границ этих макрорегионов имеет смысл проводить параллели и строить различного рода сравнения и сопоставления. Такие сопоставления могут послужить базой и для более широких кроссрегиональных сравнительных моделей универсального характера. Одновременно они являются стержнем традиционного практического историко-дипломатического и структурного политико-экономического анализа и используются министерствами иностранных дел разных стран при администрировании своей дипломатической деятельности.

Общегеографические и цивилизационно-пространственные (спатильные / плоскостные) дифференциации так же в принципе конвенциональны и субъективны, как и содержательные (структурно-аналитическая, синтетическая социально-экономическая, сравнительно-политическая и др.) группировки стран (классификация *versus* типология). Однако аналитическая модель не позволяет акцентировать внимание на общности исторического / цивилизационного / политического развития стран региона, т.е. в

¹ См.: Понов Ф. А. Указ. соч. С. 73.

полной мере осмысливать цивилизационную общность и одновременно специфику социально-экономических или политических процессов конкретных стран в рамках региона.

Многокритериальные синтетические социально-экономические подходы не учитывают того, что: производительные силы не функционируют вне определенной системы производственных отношений, которые, в свою очередь, прямо и опосредованно определяются социально-историческими и культурно-цивилизационными факторами, влияющими на устойчивость экономических структур; страны могут обладать равными объемами производства, но при этом эти равные объемы могут создаваться разными социально-экономическими укладами, работающими с разной степенью эффективности; на величину экономического потенциала влияют неэкономические факторы (численность населения, объем природно-ресурсного потенциала, размеры территории); одним и тем же ВВП на душу населения могут соответствовать несколько типов социально-экономических структур; экономический рост не тождественен развитию и т.д.

Кроме того, такие типологии иногда плохо применимы при практической подготовке регионального / странового специалиста, так как позволяют хорошо ориентироваться в общих закономерностях, например экономических процессах (общие структурно-экономические характеристики мировых процессов по разным группам стран) или политических системах государств определенного (например, кочевого) типа, но при этом в реальной жизни государства такого типа (скажем, Монголия и некоторые государства Аравийского полуострова) отстоят друг от друга настолько далеко географически, лингвистически и цивилизационно, что полученные общие знания не могут быть применены в реальной жизни, а значит, их практическая ценность может быть поставлена под сомнение.

Другой пример противопоставления двух принципов иллюстрируется дискуссией об универсальности / уникальности принципов демократии (дискуссия об экстралиберальной, либеральной, незападной, нелиберальной демократии). Спациальный принцип подачи содержательного материала позволяет проследить региональную динамику международно-политического развития, судьбу местных и импортированных политических институтов, появление возможных «политических разломов» и политических конфликтов в регионах, имеющих общие цивилизационные (исторические)

корни и схожие принципы формирования и эволюции политической культуры, схожие формы реакции на явления международной жизни. Такой методологический подход более практикоориентирован и в некотором смысле более утилитарен, но в реальной политической жизни и реальных международных отношениях при проведении прикладного международно-политического анализа нередко дает достаточно весомые и реалистические с точки зрения применения в жизни результаты.

В то же время и в структурно-аналитических дифференциациях есть свои сильные стороны, поскольку они позволяют вычленять общие черты, увидеть закономерности, нередко скрывающиеся пространственными или страновыми характеристиками, быстро предлагать практические решения на основе ситуаций в структурно одинаковых, но географически различных регионах мира. В комплексном регионоведении продуктивным представляется использование комплексных (многомерных) спатально-аналитических принципов дифференциации, позволяющих сочетать элементы пространственного анализа (классификации) с синтетическими и аналитическими принципами построения типологий. Комплексные спатально-аналитические классификации и / или типологии являются отличительной чертой классификаций стран в зарубежном комплексном регионоведении по сравнению с экономикой, экономической географией, политологией и другими дисциплинами.

Изучение пространственно-временных дифференциаций актуально само по себе как процесс исследования сущности и направления трансформации мирового пространства. Кроме того, изучение дифференциации мирового пространства позволяет управлять процессом изменения пространств разного типа по горизонтали (например, политического пространства под воздействием экономического или экономического под воздействием культурного либо политического относительно границ суверенного государства), «растягивая» его без увеличения конфликтности «за пространство» государства, но не нарушая при этом государственных границ. Управление вертикальным измерением пространства—времени более сложно и требует дальнейшего развития общественных наук в этой области знания. В то же время увеличение пластичности пространства—времени взаимодействия по вертикали только в их традиционном физическом понима-

нии может привести к существенному увеличению сферы взаимодействия между государствами¹.

Кроме того, дифференциация пространства создает **видовую основу регионализации**, т.е. изучение видов дифференциации пространства помогает классифицировать типы глобальной регионализации, которые, в свою очередь, позволяют получить более полное понимание этого процесса. В настоящее время выделяются следующие типы глобальной регионализации: цивилизационная; геополитическая; мультиполярная; макроэкономическая; мир-системная; макрогеографическая; глобальная в контексте транс-континентального взаимодействия государств; глобальная в контексте развития «корпоративных империй»; глобальная в контексте глобального общества; глобальная в контексте мировых экономических взаимодействий; глобальная в контексте организованной преступности².

Сопоставляя дифференциацию мирового пространства и формы глобальной регионализации, можно не только воздействовать, но и при определенном уровне знания в области зарубежного регионоведения и сравнительной мировой политики управлять этими «сложно структурированными процессами проявления современного политического, экономического, социального и культурного развития мирового социума»³.

¹ Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / отв. ред. А. Д. Богатуров. М. : Ленанд, 2011. С. 6—7

² Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. М. : СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012. С. 24—36.

³ Там же. С. 24.

7

Структурная дифференциация в мирополитическом устройстве и специфика социально-политических процессов на Западе и Востоке

7.1. Принципы сравнительно-политического анализа и их практическое применение / 7.2. Специфика незападного политического процесса / 7.3. Специфика западных и восточных обществ / 7.4. Дихотомия Восток—Запад

7.1. Принципы сравнительно-политического анализа и их практическое применение

Любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явлений. Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения — сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки. Математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они неэквивалентны.

На этом принципе основаны две операции сравнения:

— операция отождествления, т.е. нахождение схожих признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов — только одномасштабные);

— операция различия, т.е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций — сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

— до количественного (т.е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;

— сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения могут быть:

1) пространственными (выявление пространственных, спатальных различий);

2) временными (темпоральными): сравнение с прошлым — ретроспективное сравнение, с будущим — прогнозирование, причем они могут быть двух типов — исторические (т.е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т.е. нацеленные на определение различий для проникновения в суть международного явления);

3) пространственно-временными (спатально-темпоральными).

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т.е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям) и классификаций (т.е. абстрагирований и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типологии и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Реальная жизнь реальной страны бросает серьезный вызов сравнительной политологии: с одной стороны, под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой (или называются) сравнительную политологию¹; с другой — существует большое количество исследований конкретных стран, которые также называются сравнительными (особенно в мировом комплексном регионоведении).

Основная проблема **сравнительной политологии** и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, чтобы за генерализацией не исчез конкретный материал и конкретная спе-

¹ Рекомендуем посмотреть обзор сравнительной политологии, представленный П. Мэром («Сравнительная политология: общие проблемы»), Р. Дж. Далтоном («Сравнительная политология: микроповеденческий аспект»), Л. Уайтхедом («Сравнительная политология: исследования по демократизации») и Д. И. Аптером («Сравнительная политология: вчера и сегодня») в кн.: Политическая наука: Новые направления. М.: Вече, 1999. С. 309—386.

цифика разных стран, а основная методологическая проблема **мирового комплексного регионоведения** — в том, чтобы частности и специфика «не поглотили» понимание существования общих закономерностей. Понимание роли частных и специфики в конкретной региональной реальности и их соответствия / несоответствия общим закономерностям, а также комплексности методологии, анализирующей общие закономерности и региональную / национальную специфику — основное методологическое отличие мирового комплексного регионоведения от сравнительной политологии и мировой политики, «проекции» сравнительной политологии на сферу мирополитического взаимодействия.

Таким образом, первая сложность кроссрегионального метода заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая сложность заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на одном либо нескольких случаях таким образом, чтобы можно было понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений. Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни¹.

Статистические подходы в сравнительной политологии основаны на другой логике. В исследованиях такого рода одно предположение (либо их ограниченное количество) проверяется статистически с использованием данных наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны является абсолютно неважной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа абсолютно неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены и их важность может являться относительной. Однако в статистических подходах может

¹ Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2, § The Political Legacy of History): *Wilson F. L. Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.*

быть предпринята противоречивая попытка измерения, например, культурных факторов, для того чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кроссстрановому анализу. В подходах статистического типа страна предстает не «живой страной», а группой статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

В современной сравнительной политологии существует большое количество приемов и методик, которые находятся между этими двумя крайностями. Чарльз Рэгин отмечал, что, «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком смысле для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц»¹. В мировом комплексном регионоведении макрорегионы и глобальные регионы и являются такими макросоциальными единицами.

Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами². Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук в частности.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс выделил пять типов сравнительных исследований:

- 1) сравнительное исследование одной страны;
- 2) сравнительный анализ схожих процессов и институтов группы стран;
- 3) сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- 4) статистический либо описательный анализ данных групп стран, объединенных по географическому признаку или на основе схожести путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, по-

¹ Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М.: Общественный научный фонд, 1997.

² Там же. С. 32.

строенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;

5) статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов¹.

Питерс подробно с примерами иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса.

Таким образом, в современных общественных науках четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кроссстрановой анализ не является единственным типом кроссрегиональных сравнительных исследований, т.е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно, с этой точки зрения иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другой.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кроссвременной (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института «внутри» национального государства. Сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы либо на одном этапе социально-политического доступа.

В подобных сравнительных исследованиях качественные методы анализа превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории и мирового комплексного регионоведения, а не сравнительной политологии, правда, также в тех границах, где предметные поля этих дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т.е. с учетом пространственно-географического и структурно-цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. Таким образом, возможно «конструировать» научную дисциплину на основе классификации теорий и концепций, кото-

¹ *Peters B. Guy. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.*

рые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта¹. Другое дело, что этот процесс должен происходить методологически корректно.

Из очерченной общей логики понимания системного сравнительного политического анализа² и его «спатальной развертки» в рамках зарубежного комплексного регионоведения и политической компаративистики вырисовываются основные принципы сравнения политических систем мира в рамках единого и взаимосвязанного, но и определенным образом дистанцированного и иерархизированного мирового политического пространства.

Однако дальше начинается самое интересное и одновременно концептуально самое сложное, так как нужно отвечать на вопрос, что же является идеальной моделью, вокруг которой построены политические типологии, и каковы взаимоотношения между политической системой (политическими системами) и политической культурой (политическими культурами) регионов мира.

Если мы считаем, что идеальной моделью является только демократия западного типа (т.е. европейская и американская модель), тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие конкретной модели идеальной, что в реальной жизни вряд ли возможно, поскольку другие по культурно-историческим параметрам страны не могут превратиться в Европу или США.

В рамках такого подхода мировой политический процесс будет просто описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции всех стран и регионов, включая незападные, в направлении европейской либо американской модификаций западных либеральных демократий³, подобно тому как

¹ Чикот Р. Х. Теории сравнительной политологии : пер. с англ. М. : ИНФРА-М : Весь мир, 2001.

² Подробнее об общих принципах сравнительного политического анализа см. : Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007; Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011.

³ Редкое исключение из этой традиции представляет исследование: Alagappa M. (ed.) Civil Society and Political Change in Asia. Expanding and Contracting Democratic Space. Stanford, CA: Stanford University Press, 2004, выдвигающее гипотезы различного баланса взаимодействия гражданского и политического обществ в различных странах Азии и влияния этой проблематики на процесс демократизации.

К. Маркс из-за недостатка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию объяснениями *ad hoc* — концепцией «азиатского способа производства», которая потом около 100 лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса.

□ Дилемма общего и частного в науке превратилась в источник нарастающей напряженности с тех пор, как преимущественно европоцентричная общественно-политическая мысль начала претендовать на то, чтобы считаться подлинно глобальной. Признаки идеологической зашоренности большинства современных общественных наук, унаследованной от присущего Западу провинциализма, проявляются в стандартной практике наклеивания универсальных, общечеловеческих ярлыков на исследования, основанные на европейских или американских данных, в то время как сравнительным исследованиям, сфокусированным на каких-либо иных частях света, как правило, придается меньшее значение.

Pye L. The confrontation between Discipline and Area Studies // Political Science and Area Studies-Rival or Partners / Ed. by L. Pye. Bloomington Univ. Press, 1975. P. 3.

Сегодня все больше и больше исследователей, как в западных странах, так и в России, высказывают сомнение в том, что только лишь линейные теории западоцентричной политической модернизации и демократического транзита после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии. Речь идет не об отрицании этих теорий и концепций, а о необходимости расширения методологической базы и номенклатуры методологических подходов, в частности, с использованием методологии кросс-региональных подходов для объяснения процессов, происходящих как в западных, так и незападных обществах.

Основы такого подхода были заложены классиками политической науки Л. Паем и Р. Инглхарт. Л. Пай признал наличие незападного (в его терминологии) политического процесса, а Р. Инглхарт разработал концепцию модернизации и постмодернизации¹. Затем Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст показали, что существует три типа социального порядка: примитивный, естественный и от-

¹ Inglehart. R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1997.

крытый¹. Примитивный социальный порядок сегодня становится экономически неконкурентоспособным, а естественный (его целесообразно подразделить на структурные подтипы: традиционный, архаизированный, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный) и открытый активно конкурируют друг с другом, причем если к естественному принадлежит большее количество государств, то открытый позволяет быстрее реагировать на непредвиденные обстоятельства, лучше гасить негативные импульсы, при экономических кризисах иметь меньшую глубину падения и отката назад, стабильнее развиваться.

Каждому из типов организации социального порядка соответствует свое видение времени (циклическое или линейное) и пространства (сферическое или плоское), которые в реальности сосуществуют²; так же как и два основных типа организации порядка социально-политического доступа. При этом формы их сосуществования, формы и степень взаимодействия меняются по ходу исторического развития.

Каждому из типов социальной организации и их сосуществованию на определенных исторических (временных) этапах развития соответствует превалирование своих способов дифференциации мира: разного рода культурно-цивилизационные типологии для государств преимущественно традиционного или архаизированного типа³, в рамках которых невозможно сравнивать общий культурный уровень цивилизации, но можно попытаться оценить технологический уровень и уровень экономического развития на определенных исторических этапах.

Статистические выкладки, основанные на факторном и кластерном анализе стадийных этапов исторического развития, начинают превалировать на этапе, когда большинство государств сумело перейти к естественному типу организации социального порядка, а некоторые начали переход от естественной организации социального порядка к открытой.

¹ Норт Д., Д. Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

² Афанасьев В. А. Циклы цивилизаций. М.: Канон-плюс, 2010; Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. Циклы развития современной мир-системы. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

³ Ерасов Б. С. (сост. и ред.). Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1998; Афанасьев В. В., Качура Г. Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон-плюс, 2010.

На этом историческом этапе развития в общественных науках начинают формулироваться теории стадий развития (У. Ростоу, А. Ф. К. Органски, С. Блэк, С. Хантингтон и др.) и теории модернизации и развития (Ф. Кардозо, А. Г. Франк, Дж. Арриги, С. Амин, Д. Аптер и др.)¹ и разрабатываться методики экономических сопоставлений эффективности политико-экономических моделей и оценок экономической дифференциации государств, сочетающихся с идеями стадийного и циклического развития². Эти дифференциации совместно с политическими типологиями аналитического типа, основанными на сравнении характеристик политического развития и свободы личности в различных политических системах либо связанными с проблемами инновационного развития, начинают превалировать на этапе политической модернизации ряда государств естественного типа, которые формируют открытый порядок социальной организации и социального доступа при сохранении своей самобытности и культурно-цивилизационной специфики³.

□ Борьба с Азией, необходимость обороняться от нее, вечно отбиваться от ее вторжений — затрачивать на эту борьбу свои духовные и материальные силы — вот печальный удел русского народа на протяжении длинного ряда веков.

Такого рода помех своему культурному развитию Западная Европа не знала: ее жизнь протекала в условиях несравненно более благоприятных.

Шмурло Е. Россия в Азии и в Европе. Прага: Я. Отто, 1926. Eurasian Review. V. 5, 2012. С. 88.

Подобный подход позволяет по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на процесс мирового развития и анализ взаимоотношений государств с социальными порядками разного типа на их взаимоотношения в международной сфере. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст показали, что модернизация в современном понимании этого понятия (первая и вторая стадии в концепции мировой модернизации

¹ *Чилкот Р. Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: Весь мир, 2001.

² *Гринин Л. Е., Коротаев В. В., Цирель С. В.* Циклы развития современной мир-системы. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

³ *Кудров В. М.* Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011.

ции профессора Хэ Чуаньци¹) может происходить только в обществах с трансформирующимся от естественного к открытому социальному порядку². Различия естественного и открытого социальных порядков связаны с различиями в подтипах обществ западного и незападного, включая восточный тип.

Таким образом, речь идет не просто о развитии всех в определенном направлении приближения к идеалу, а о развитии циклического и поступательного типа, связанного с успехом или неуспехом социальной инженерии трансформации социального порядка от естественного (порядок ограниченного доступа) к открытому (порядок открытого доступа)³. При этом открытый порядок характеризуется только определенными принципами своего функционирования (из которых главными являются открытый социальный доступ и политический контроль над применением насилия), а его страновые модификации определяются прежде всего временным фактором присоединения и спецификой национальной культуры, выражающейся во внешней, но не структурно-функциональной специфике институтов.

7.2. Специфика незападного политического процесса

Л. Пай, задолго до исследования Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, сформулировал 17 базовых закономерностей, которые определяют специфику незападного политического процесса в обществах ограниченного доступа (хотя он и не пользовался этой терминологией).

1. В незападных обществах политическая сфера нечетко отделена от общественных и личных взаимоотношений.

2. Политические партии обычно выступают представителями определенного мировоззрения, определенного образа жизни.

3. Большое число разных клик является характерной чертой незападного политического процесса.

4. Особенности политической лояльности предоставляют лидерам политических групп незападных обществ весьма высокую сте-

¹ Отчетный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / под ред. Хэ Чуаньци. М.: Весь мир, 2011.

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. Гл. 6.

³ Там же. Гл. 5.

пень свободы в выборе как долговременной, так и краткосрочной стратегии.

5. Оппозиционные партии и претендующие на власть элиты часто становятся инициаторами революционных движений.

6. Для незападного политического процесса характерно отсутствие интеграции его участников; это является производной отсутствия единой системы коммуникации в обществе.

7. Незападный политический процесс отличается высокими темпами рекрутирования новых политиков.

8. Для незападного политического процесса характерны серьезные различия в политических пристрастиях разных поколений.

9. В незападных обществах отсутствует единое мнение по поводу легитимности целей и средств политического действия.

10. В незападных обществах процесс принятия политических решений слабо зависит от интенсивности и масштаба политических дискуссий.

11. В незападных обществах очень высока взаимозаменяемость политических ролей.

12. Для незападного политического процесса характерно наличие сравнительно малого числа организованных групп интересов, обладающих определенной функциональной ролью.

13. Лидеры незападных стран стремятся к достижению популярности во всем обществе, не разделяя его на группы.

14. Аморфный характер политического процесса незападных стран способствует тому, что позиции их лидеров по вопросу международных отношений определены более четко, чем по вопросам внутренней политики.

15. В незападных государствах эмоциональный и экспрессивный аспекты политики зачастую преобладают над процессом разрешения проблем и определения государственной политики.

16. Главенствующим типом лидерства в незападных сообществах является харизматический.

17. Незападные политические системы функционируют в основном без участия политических брокеров¹.

Таким образом, модель политики в обществах незападного типа определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной сте-

¹ *Пай Л.* Незападный политический процесс // *Политическая наука.* 2003. № 2. С. 66–86.

пени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в большей степени на проблемах влияния.

Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура незападной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в незападных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не политическую сферу деятельности, и, чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль кланов.

В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой, и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне внутригрупповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни.

Соответственно, в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных с различными образами жизни населения. Именно поэтому политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее, партию власти), а армия выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они либо действуют как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, либо представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего

характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно, облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, ему достаточно находиться в центре политического (т.е. общинного) процесса, что он и делает просто из-за того, что облечен властью свыше. Поэтому в незападных обществах главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических брокеров.

□ В группе незападных стран для выявления смысла происходящего между государством и бизнесом часто бывает необходимо обращать внимание прежде всего на культурно-идеологические доминанты элиты, часто оторванные от рационалистических экономических мотиваций граждан, но при этом нередко пользующиеся поддержкой последних благодаря «понятности» и «оправданности» этих доминант с точки зрения традиционного массового сознания.

Богатуров А. Д. Экономическая политология. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 11.

Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие незападных обществ от западных, на основе которого и сформулирована Л. Паем специфика незападного процесса, мы можем пойти дальше и определить специфику восточных обществ и специфику политического процесса в обществах восточного (традиционного или переходного от традиционного к естественной организации социального порядка) типа. Надо сказать, что специфика такого рода хорошо определяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток).

7.3. Специфика западных и восточных обществ

Прежде всего сформулируем два подхода к определению специфики восточных обществ в рамках мирового комплексного регионоведения, которые позволят нам понять и специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные.

В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно-частнособственнические отношения;
- доминирует товарное производство;
- отсутствует централизованная власть;
- соответственно, там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, в сегодняшних западных обществах получившую название гражданского общества.

В соответствии с данным подходом общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной систем.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности, и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть просто наемной, а ее главной функцией являлась функция управления).

В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководители которых были тесно связаны с государственной системой либо являлись ее низшей частью — особыми чиновниками).

Общества данного типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа.

В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями

западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковыми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивидуум, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной / корпоративной этики или традиции (т.е. то, что соответствовало коллективно-му, а не индивидуальному / индивидуалистическому опыту). Такой подход предусматривал трансформацию Востока в основном и прежде всего с точки зрения соответствия представлениям Запада.

Однако в последние десять лет в востокведческой политологии и мировом комплексном регионоведении появилось и альтернативное комплексное объяснение специфики восточных обществ. В соответствии с ним особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивидуума на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивидууму, а права индивидуума по отношению к государству отсутствовали;

- собственность на землю на Востоке была разделена на две части: собственность на землю как на *территорию с подвластным населением* (т.е. собственность на налог), находившаяся у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на *объект хозяйства*, принадлежавшая землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

□ Можно сказать, что крепостничество в России выступало в трех формах: государственной, корпоративной и частной. Все общество, все сословия были закрепощены, люди были собственностью государства, общины или помещика. Если в Европе гражданское общество рождалось из средневековых сословий и корпоративных объединений, то в России таких основ для него не было...

Отметим еще раз: важным источником свободы на Западе исследователи считают независимость папы и католической церкви, ее синодальных и соборных институтов от носителей светской власти феодальной Европы... В нашем же отечестве унаследованная от Византии модель взаимоотношений государства и церкви по типу «симфонии» не предполагала никакого ограничения или разделения власти.

Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 146, 149.

Такая ситуация обусловила наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом. В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовали стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития, более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно взаимодействующих общественно-экономических укладов).

В силу своей этнической и культурной / цивилизационной гетерогенности эти общества нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно, там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе. В обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин капитализм имел неоднородный и анклавный характер.

Именно этими причинами, судя по всему, и определяется различие в типе социального порядка традиционных и естественных государств вне зависимости от того, к какому типу обществ — западному или незападному (синтетическому или конгломеративному) они принадлежат. Такой подход основан на различиях типов обществ, объясняет причины многочисленных неудач в импортировании институтов, не укорененных в социально-политической структуре, и раскрывает причины успешных трансформаций и модернизаций.

□ Все эти противопоставления имеют некоторый смысл, но не абсолютны. Особенно несправедливо упирать на бездуховность западной цивилизации. Все актуальные сейчас идеи имеют западное происхождение. Но эти лингвистическо-логические находки пока не стали теорией. Можно лишь констатировать, что в науке перепробованы (и, к сожалению, не отброшены) все варианты ответа на вопрос, чем отличается Восток от Запада, — от утверждения, что Запад и Восток не имеют ничего общего, до полного отрицания восточной специфики.

Запад и Восток имели разную динамику, находились в сложных взаимных отношениях, обогащали друг друга, враждова-

ли, пытались слиться (попытка Александра Македонского), и до сих пор взаимодействие Запада и Востока — одна из важнейших движущих сил мировой истории.

Алаев Л. Б. История Востока. М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2007. С. 459.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем описать специфику политического мира в обществах западного и восточного подтипов как основу дифференцированности структурного типа.

Общества западного типа характеризуются следующими чертами:

1. В таких обществах основополагающим является принцип «технологического» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженный известным афоризмом: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно, в обществах западного типа преобладает свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны вплоть до свободы убивать друг друга — философская основа всех европейских войн). Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воли индивидуума, в нем нет места фатализму, как в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социоцентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа. На Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно, в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа построены на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и непредсказуемости конечного результата. То есть в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно, в обществе

должен быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может индивидуума принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой он их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают, соответственно, взаимнообязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборна, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами; при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимна (законодательная власть должна избираться народом), эффективна (исполнительная власть должна быть автономна), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Общества западного типа основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В обществах западного типа существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические интересы, по которым возможен и даже необходим компромисс различных политических сил.

7. Западные общества пропагандируют систему открытого типа (открытое общество), где в идеале нет сословных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где нет национального суверенитета (или он постепенно сводится к минимуму) и существует прин-

цип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности.

В обществах восточного типа основополагающими являются следующие черты:

1. Такие общества основаны на принципе воздержания от волюнтаристской активности (знаменитая концепция древнекитайской политической философии *у-вэй* («недеяния») и ее сегодняшнем дэнсяюпиновском воплощении — «переходить реку, нащупывая камни», концепции Дар-аль Ислам и Дар-аль Харб в исламе, акцентирующие внимание на гармонии исламского мира и на необходимости трансформации, включая насильственную, неисламского мира. В восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в западном смысле этого слова, там человек следует «ходу вещей», великому космическому закону (вспомним для сравнения принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писаные и неписаные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. Таким образом, если на Востоке и появляется «деятель» и «великий преобразователь», то он осуществляет «великие деяния» в соответствии с сакрализованными космосом / миропорядком / мирозданием принципами. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеалом является патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка всего имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного, поддержанного традицией или хотя бы не порывающего с ней.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в них государство — постоянно мобилизованный носитель ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства базируется на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. На Западе город выступал как частногражданская альтернатива государственной власти и основа гражданского общества, а государст-

7.4. Дихотомия Восток—Запад

во было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающееся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть может ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник / царь / пророк и обязательным посредником между человеком и Богом.

3. В обществах восточного типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется, скорее, не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, в той или иной степени должно существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справедливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа, соответственно, — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность.

7.4. Дихотомия Восток—Запад

Сущностная дихотомия Запад—Восток получила свое отражение и в специфике социально-политического и исторического осмысления жизни.

Для Запада характерны:

сконцентрированность на осмыслении категории развития или прогресса;

осмысление исторической перспективы посредством дистанцирования от прошлого и взгляда на прошлое как на «чужую страну»;

исследование эпистемологических проблем и проблем исторического знания «самого по себе»;

опора на каузальность (причинность) в историческом объяснении;

взаимосвязь западной историографии с западной наукой: провозглашение истории «наукой» или отмежевание от такого наименования;

акцент на беспристрастности (религиозной или политической) и объективности исторического анализа;

опора на количественные подходы как в истории, так и социальных науках;

особый взгляд на пространство и время, формируемый исторической географией.

Для Востока характерны:

нормативность историографии;

опора на жанр исторической биографии, а не на каузальную или аналитическую историю;

восприятие движения истории как циклического или регрессивного;

опора на официальную историю (династийные хроники);

отсутствие интереса к эпистемологическим проблемам¹.

Если мы исходим из такого рода противопоставлений, понятно, что задача создания интегративных подходов имеет не только научную, но и политическую плоскость. Важно отметить, что все эти противопоставления и соположения имеют прежде всего научно-аналитический характер. Они в максимальной степени характеризуют структурные различия обществ и социальных структур прошлого, а в реальной жизни давно происходит процесс взаимопроникновения и синтеза восточных и западных идей как в восточных / незападных, так и в западных обществах в зависимости от того, к какому типу они относятся (анклавному, анклавно-конгломеративному, конгломеративному, гибриднему, переходному или синтетическому). В то же время сохраняющиеся различия осмысления социальной действительности, специфики общественных и политических процессов связаны со структурными различиями двух разных социальных моделей: естественного (ограниченного) доступа и открытого доступа, которые продолжают существовать в реальной жизни, а иногда нарочито дополнительно закрепляются

¹ Подробно см.: *Кукарцева М.* Глобализация, модернизация и мировая историография (предисл. ред.) // Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М.: «Какон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 12–13.

идеологической политикой светского, образовательного, конфессионального или какого-либо другого типа.

В соответствии с концепцией Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста модель ограниченного доступа (сегодняшний Восток) характеризуется:

медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям;

политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан;

относительно небольшим числом организаций;

менее крупными и более централизованными правительствами;

господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными.

Модель открытого доступа (сегодняшний Запад) характеризуется:

уровнем политического и экономического развития;

экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста;

сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций;

более крупными и децентрализованными правительствами;

широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство — все аспекты равноправия¹.

Такая постановка вопроса помогает понять, *что* и *как* строить и в какой последовательности в процессе осуществления социальной инженерии, чтобы не потерять перспективу мирового развития. Одновременно мы получаем возможность понимать, какие факторы более важны для государств какого типа, чтобы строить с ними дружеские, стабильные, поступательно развивающиеся отношения или же с точки зрения конструирования внешнеполитических партнерств, или же для понимания последствий партнерств того или иного типа.

¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 54.

□ Политическое пространство представляет собой политическую конфигурацию политической жизни, форму, выражающую определенные устойчивые отношения между людьми и политическими институтами, между индивидуальными и коллективными политическими субъектами и акторами в процессе организации и осуществления власти и управления. Подобная институциональная опора политического пространства дополняется еще и символической — это может быть пространство политических символов, идеологий, политических и/или ценностных предпочтений. Типология политического пространства необязательно должна иметь географическую основу, хотя способ представления политики через привязку ее элементов к территории может являться одним из значимых его параметров. В каждом конкретном случае политическое пространство может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различной природы при исследовании явлений политической жизни и политического процесса.

Прохоренко И. Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. 2012. № 6. С. 71.

Таким образом, если мы признаем, что политическая культура может определять политическую систему¹, то должны согласиться с фактом разной степени плюрализма политических культур в обществах с разным типом организации порядка социального доступа, а соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще. При этом становится понятно, что демократия (открытый порядок социально-политического доступа) — не идеальный способ правления, но наилучшего по форме и степени участия всех граждан в жизни государства политическая мысль пока не придумала. Категория пространства—времени определяет региональные формы и соотношение глобализации и регионализации. Специфика дифференциации мирового пространства формирует видовую основу и типы регионализации. От них зависит структура и конфигурация регионального порядка.

¹ Подборку дискуссионных материалов на эту тему см.: Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. by Lawrence E. Harrison & Samuel P. Huntington. N. Y. : Basic Books, 2000.

Заключение к разделу II

Контролируя процесс дифференциации мирового пространства, можно управлять процессом изменения пространств разного типа без увеличения конфликтности между государствами. Управляя процессами интеграции, можно не только избежать конфликтности, но и выйти на новый уровень взаимодействия;

- в мире существуют как разные типы порядка социально-политического доступа, так и структурные типы обществ и соответствующих им стадий экономической, политической и культурной модернизации, влияющие на степень дифференциации мирового пространства не в меньшей степени, чем тип порядка социально-политического доступа;

- культурная и социально-психологическая специфика, т.е. особая, обусловленная страновой спецификой политическая культура, национальная психология и национальный характер, определяются в конечном счете типом социальной организации, в формировании которой решающую роль играет религиозный или какой-либо иной фактор (например, связанный с существованием правовой системы особого рода), на которых, в частности, основаны и другие типологии дифференциации мирового пространства. В зависимости от своего характера и интенсивности влияния эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа порядка социального доступа, так и различных его типов, они могут затруднять или препятствовать переходу от одного типа порядка социального доступа к другому, могут возвращать общества с переходными типами социального порядка на колею циклического развития;

- в мире существуют разные виды, модели демократий не только западного — европейского и американского подтипов (экстралиберальная и либеральная демократия), но и других подтипов: незападная демократия (японская, тайваньская, корейская и др.), нелиберальная демократия, а также разного рода гибридные / переходные режимы в обществах, находящихся на переходных этапах развития естественного порядка социального доступа; демократии другого типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей, в связи с отличиями социально-политических структур в этих странах, но при этом демокра-

тии незападного типа будут все же являться демократиями, так как они объединены базовыми принципами порядка социально-политического доступа. Признание этого положения делает логичной и понятной причину дифференциации мирового политического пространства;

- следовательно, наличие открытого типа социально-политического доступа является общей закономерностью, а траектории перехода к нему, как и конкретные национальные формы осуществления, — спецификой;

- другие политические системы и политические культуры не лучше и не хуже западных, а просто другие (подобно тому, как мужской пол не лучше или не хуже женского, а просто другой пол), они отличаются или не отличаются типом социального доступа, но, возможно, более приспособлены для решения конкретных проблем специфических обществ, находящихся на разных этапах развития социального порядка (с архаизированным, традиционным, анклавным, анклавно-конгломеративным, конгломеративным, гибридным, переходным социальным порядком естественного типа социально-политического доступа);

- эти подтипы соответствуют разным временным и структурным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ; в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с эталонами есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией;

- тип социально-политического доступа и исторический этап его развития в конечном счете влияют на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, определяют процессы формирования пространства мировой политики. Таким образом, можно выделить структурообразующие принципы концептуализации внешнеполитической деятельности государств (в зависимости от типа социального доступа) и практические (деятельностные аспекты). Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социального доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики отдельно от деятельностных ас-

пектов, что приводит к более глубокому структурному пониманию пространства мировой политики, которое, в свою очередь, позволяет концентрироваться на специфике деятельностных аспектов внешней политики;

- эта тематика не анализируется и не изучается в традиционных международных отношениях, а развивается методами сравнительного кроссрегионального анализа в таких сферах междисциплинарного исследования, как сравнительная мировая политика и мировое комплексное / зарубежное регионоведение. В то же время пренебрежение изучением и анализом этих аспектов мирополитической реальности сегодня не представляется возможным, поскольку приводит к абберрациям в понимании мировых процессов и, в конечном счете, к неадекватным и неоправдываемым прогнозам;

- социальная инженерия внутренних аспектов (политических и экономических) государств применительно к разным типам социально-политического доступа и разным этапам социального доступа одного типа позволяет лучше применять конструктивистские и деятельностные подходы как во внутренней, так и во внешней политике, в частности, при поиске компромиссных подходов к решению разного рода проблем, ориентирующих на развитие, а не на консервацию архаики.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или, точнее, наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем и подсистем международных отношений региональными и страновыми описаниями и фактами, т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира, в частности стран Востока / Запада, во всей сложности их реального функционирования. Одновременно это позволит углубить регионоведческое понимание проблемы пространственной дифференциации структурными факторами, связанными с наличием подтипов социального порядка и разного типа обществ, которые к тому же могут находиться на разных этапах своего исторического развития и осуществлять модернизацию разного типа. При этом мы получаем возможность понимать, на каких факторах можно и нужно акцентировать внимание во взаимоотношениях с государствами какого типа, чтобы строить с ними дружеские, стабильные, поступательно развивающиеся отношения, не потеряв направление своего собст-

венного политического и экономического развития, т.е. придаем форматированию этих процессов научный характер.

Вопросы для повторения к разделу II

1. Объясните, в чем состоит специфика проявления категории пространства—времени в современных обществах.
2. Объясните, каковы достоинства и недостатки разных видов дифференциации мирового пространства и разных подходов к выделению регионов мира.
3. Объясните, что такое «региональная подсистема отношений» и каковы критерии ее выделения. Объясните, как соотносятся понятия «регион», «международно-политический регион» и «глобальный регион».
4. Дайте определение понятия «региональный порядок» и «региональный комплекс», объясните, какие типы региональных комплексов существуют.
5. Объясните, в чем состоит различие между обществами западного и восточного типов, объясните, какие практические проблемы вытекают из такой дифференциации и как они могут быть преодолены.
6. Изложите разные концепции структурного различия западных и восточных обществ, объясните специфику политического процесса в них и покажите связь с концепцией порядка социально-политического доступа.
7. Как вы считаете, в рамках каких научных дисциплин возможно дальнейшее приращение знаний о роли стран Востока и Запада в мировой политике? Обоснуйте вашу точку зрения.

Литература к разделу II

Основная

Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию : пер. с англ. М. : Весь мир, 2009.

Косолапов Н. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. Т. 5. № 3(15), электронная версия, <http://www.intertrends.ru/fifteen/005.htm>.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации : пер. с англ. М. : Праксис, 2004.

Воскресенский А. Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток—Запад—Россия: сб. ст. М. : Прогресс-Традиция, 2002.

- Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях : пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013.
- Региональное развитие и вызовы глобализации. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010.
- Непомнин О. Е., Иванов И. А. Типология азиатских обществ. М. : Восточная литература, 2010.
- Демократия в российском зеркале / сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2013.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Кравченко С. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2012.
- Blij H. de. The Power of Place. Geography, Destiny, and Globalization's Rough landscape. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Agnew J., Mitchell K., Toal G. (eds.) A Companion to Political Geography. Malden, MA-Carlton, Australia: 2008.
- Дополнительная*
- Теория и методы в современной политической науке / под ред. С. У. Ларсена; пер. с англ. М. : РОССПЭН, 1999.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М. : «Какон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- Губин В. Д., Стрелков В. И. Национальные образы философии. М. : РГГУ, 2013.
- Льюис Р. Столкновение культур : пер. с англ. М. : Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
- Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени : пер. с англ. М. : Livebook, 2013.
- Ачкасов В. А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2012.
- Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007.
- Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение : учебник. М. : Гардарики, 2003.
- Дергачев В., Вардомский Л. Регионоведение. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
- Внешняя политика России. 2000—2020 / гл. ред. И. С. Иванов. Т. 1—3. М. : Аспект Пресс, 2012.

- Борщ А. А.* Национальная безопасность и власть. М. : Можайский полиграфический комбинат, 2013.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
- Pye L. W.* The Confrontation between Discipline and Area Studies / Lucian W. Pye // Political Science and Area Studies: Rivals or Partners? / Ed. by Lucian W. Pye. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1975. P. 3—22.
- Voskressenski A. D.* Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re] construction of International Relations and Regional Interaction in Eastern Asia / Alexei D. Voskressenski // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by IEDA Osamu & UYAMA Tomohiko — Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006. P. 3—41.
- Regions and Crises. New Challenges for Contemporary Regionalisms/ Ed. by L. Fioramonti. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 2012.
- Osterhammel J., Petersson N. P.* Globalization. A Short History. Princeton & Oxford : Princeton University Press, 2005.

Формирование интегративных подходов для создания модели мира

Прочитав данный раздел, вы узнаете:

- в чем различие историко-интерпретационных и структурно-объяснительных (политологических, социологических и экономических) подходов;
- в чем сила и слабость ретроспективного и прогностического историко-интерпретационного и факторного подходов;
- в чем заключается концепция К. Поппера о «фальсифицировании» гипотез в противовес концепции К. Гемпеля при невозможности подвергнуть исследовательские гипотезы абсолютной проверке;
- каковы представления И. Лакатоша о «вырождающейся» теории в противовес концепции К. Поппера;
- как шел процесс формирования интегративных, синтезирующих и комплексных подходов в мировом комплексном / зарубежном регионоведении и сравнительной мировой политике, в чем смысл этого процесса, каковы теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений;
- в чем различие формально-синтезирующих и интегративных подходов;
- как происходит процесс формирования и проверки в структурных теориях и в чем заключается метод сфокусированного сравнения в зарубежном регионоведении;
- чем отличаются понятия междисциплинарности и комплексности; как объяснить междисциплинарность и интегративность применительно к конкретным обществоведческим дисциплинам;
- в чем смысл и необходимость постдисциплинарных теорий.

8

Дифференциация объяснений и методический синтез в международных отношениях и мировой политике¹

8.1. Методология исторических подходов / 8.2. Методология системно-структурных и структурно-политологических подходов / 8.3. Дифференциация объяснений у реалистов и идеалистов

8.1. Методология исторических подходов

Очевидно, что изначально предмет международных отношений был как бы закреплен за дипломатической историей. Поэтому в трудах по международным отношениям в прошлом, да нередко и сегодня анализ сводился главным образом к описанию официального взаимодействия между правительствами государств, а в исследованиях подобного рода применялся единственный метод — традиционное историческое описание. Применение этого метода вызывает вопрос об объективности, особенно в связи с тем, как именно попытки обобщения отражают главные исторические тенденции и в какой степени нормативный характер взглядов исследователя на проблему влияет на характер самой интерпретации. Метод традиционного исторического описания мы для краткости будем называть «классическим историческим», или «традиционно историческим». Его более точное название — «историко-интерпретационное описание». Существуют и современные модифицированные формы исторического метода как сравнительно-историче-

¹ Подробно о раннем этапе методологических дискуссий и их влиянии на практический анализ см.: *Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М. : Восток-Запад, 2004; литературу до 1998 г. см. также: *Voskressenski A. D.* Russia, China and Eurasia: A Bibliographic Profile of Selected International Literature. N.Y. : Nova Science Publishers, 1998. Section 4. Methodological and Theoretical Issues. Section 5. International Relations: Theory, General Matter and Practice.

ский, историко-аналитический, историко-институциональный, историко-структурный, историко-антропологический, историко-социологический и количественные (математизированные и/или основанные на анализе исторической статистики) методы исторического анализа, в которых классический историко-интерпретационный метод подвергнут существенной модификации и модернизации, прежде всего чтобы обеспечить научный характер обобщения и в максимальной степени снизить влияние субъективности взгляда исследователя на конечные выводы исследования¹.

Классический исторический метод представляет собой метод анализа, основанный на понимании уникальности каждого события (или каждого исторического фактора) в развитии человечества, в силу чего большинство существующих работ по истории международных отношений и мировой политики страдало методологической предвзятостью (а именно субъективизмом) и сводилось к описательным дипломатическим историям (рассказам) ретроспективного характера, которые отличались друг от друга только «страной описания» и исторической школой, в рамках которой это описание и было выполнено. Это особенно чувствуется при сравнении историй международных отношений, выполненных в рамках различных национальных исторических традиций. Вопрос о несообразности исторических объяснений или конкретного сочетания международных / исторических факторов в различных культурных комплексах не решался (хотя и ставился) в исторической традиции, главным образом по той причине, что принятая методология сводилась к обобщениям на основе конкретных событий. В исторической литературе по международным отношениям, однако, очевидны по меньшей мере три главные методологические проблемы: 1) фокус анализа / принципы отбора и интерпретации факторов; 2) масштаб изучаемых событий; 3) характер обобщения в международных отношениях.

Авторы, которые проводят исследования в рамках исторической традиции, пытались разработать особый вид обобщений, нацеленный на то, чтобы предсказать дальнейший ход международных отношений на основе ограниченного числа современных

¹ Подробнее см.: *Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете междисциплинарных исследований. М.: РГГУ, 1997, в частности, глава 5 (К. В. Хвостова) «Методы исторического исследования», а также: *Философия и методология истории.* Серия «Корпус гуманитарных дисциплин». Благовещенск: Изд-во Благовещенского гуманитарного колледжа им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

(либо исторических) событий и ограниченного числа субъективно выделяемых факторов исторического развития. Таким образом, тенденция ретроспективного анализа проецировалась на будущее в целях прогностических обобщений с использованием исторической интуиции.

Вышеупомянутые три методологические проблемы исторического анализа были переформулированы американским исследователем В. Кулски, сторонником философско-традиционалистской позиции, который указывал, что коль скоро иррациональное поведение предсказать невозможно, а люди отнюдь не всегда действуют рационально, то, следовательно, невозможно предвидеть и поведение субъектов на международной арене.

Вторым аргументом в поддержку его мнения служит допущение свободы выбора, что вводит в оборот фактор случайности (возможности), который не поддается предварительному определению. Исходя из такой постановки вопроса вроде бы невозможно предсказать, как будет действовать индивидуум, чтобы освободиться от внешних ограничений, и какой выбор он сделает в отличие от другого индивидуума в аналогичных обстоятельствах.

Третий, наиболее важный аргумент, представляющий собой ядро традиционного подхода, состоит в том, что статистический расчет вероятностей не применим к международным отношениям, ибо, как полагал В. Кулски, аналогичные международные явления происходят не часто (если здесь вообще допустима аналогия), сводятся к малому числу аналогичных случаев, на основе которых нельзя строить точные научные прогнозы. В этой аргументации есть определенное рациональное зерно: структурные и количественные прогностические модели предсказывают не конкретные события, а лишь возможность того или иного исхода событий, т.е. экстраполируют тенденции и факторы, которые определяют тип исхода того или иного события¹. Однако чрезмерное расширение понятия уникальности в международных отношениях не исключает игнорирования аналогий и аналогичных обстоятельств, кроссрегиональных сравнений и моделирования ситуаций, в частности, с использованием компьютерных методик.

Вообще говоря, ретроспективный и прогностический историко-интерпретационный или факторный подход в международных отно-

¹ Kulski W. W. International Politics of the Revolutionary Age. N.Y. : Lippinkott, 1968.

шениях тяготеет к изучению эмпирических свидетельств без формулирования общей теории, но с явно или подспудно выраженными обобщениями, в то время как системная история международных отношений и мировая политика тяготеют к историко-сравнительным, историко-структурным и структурно-институциональным объяснениям международной реальности.

Историк участвует в разработке рациональных доводов и объяснений, в том числе и превалирования тех или иных факторов в конкретный исторический период развития, но устраняется, по крайней мере явно, от конструирования общей теории, ибо система ценностей в истории в большинстве случаев четко соотносится с интерпретацией. Коль скоро историческое свидетельство толкуется как факт, исторический труд (за исключением структурной истории) объективно будет более подвержен опасности проявления субъективистского порядка с точки зрения «методологической чистоты», нежели системное и структурное исследование, так как с точки зрения дихотомии «объективность—субъективность» аргументы / факты / факторы в классической истории не связаны с теорией, которую можно подвергнуть самостоятельному исследованию и оценке с точки зрения формальной логики.

Тем не менее любая общая или структуралистская школа (в том числе марксизм) видит свою цель не в простом историческом объяснении, а в том, чтобы наряду с объяснением истории установить закономерности (т.е. объяснить, почему одни факторы могут быть важнее других на конкретном этапе исторического развития), с помощью которых можно не только рационализировать произошедшее в прошлом, но и интерпретировать то, что происходит в настоящем и, если говорить о марксизме, будет происходить в будущем.

Подобное объяснение отличается от объяснения, которое дают общественные науки и точные науки, только в плане предмета¹. Если теоретическая задача историка состоит в выяснении причин, то история есть наука (хотя и гуманитарная), а не искусство, ибо она нацелена на причинно-следственные объяснения. В этом смысле между историческими (гуманитарными) и обществоведче-

¹ Подробнее основные аспекты методологии истории см. в переводах работ выдающихся историков XX в. У. Дрея, К. Гемпеля, Э. Нагеля, Ф. Броделя, Т. Шидера Э. Питца, П. Ласлета, Ф. Ариеса, Ф. Фюре, Ф. Мэннола, Э. Хобсбоума: *Философия и методология истории*. Серия «Корпус гуманитарных дисциплин». Благовещенск: Изд-во Благовещенского гуманитарного колледжа им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

скими (политологическими, социологическими и т.д.) объяснениями нет различий с точки зрения правил проведения корректного научного анализа, хотя формальных правил осуществления такого анализа и получения эмпирически или статистически проверяемых выводов в гуманитарных дисциплинах значительно меньше, чем в обществоведческих. Коль скоро даже в точных науках на самом деле не имеется абсолютных стандартов (проблема релятивизма в науке), то научная историческая аргументация не отличается от других типов аргументации¹. Эти аргументы важны для изучения возможностей интегративных подходов².

Согласно утверждениям историков, историческая объективность заключается в реконструкции прошлого в целом. Однако процесс выборки фактов из исторических источников не имеет объективного оправдания, за исключением того, что такая выборка производится на основе теоретического объяснения, для оценки которого имеются особые условия. Поскольку отбор источников / фактов / факторов есть процесс субъективный, в результате появляется интерпретация, имеющая собственную историческую ценность. Как удачно отметил английский методолог науки М. Леснофф: «...любой, кто выражает ценностное суждение, не должен претендовать на его научную обоснованность, ибо оно может не иметь таковой... Когда нравственные суждения применяются к общественным фактам, мы вступаем в сферу политики со всей ее пристрастностью и партийностью. Эти ценностные суждения часто генерируют мощное эмоциональное давление, которое может оказывать влияние на суждение о фактах. Любое действие человека подразумевает то или иное ценностное суждение, однако результат, в веберовском смысле,.... сводится к знанию фактов, а не ценностей»³.

При отсутствии единых критериев для отбора фактов или факторов (точнее, такие критерии в разное время, в разных странах, в разных исторических школах и т.д. бывают разными) историческое объяснение косвенно предполагает интерпретацию. Следуя этому доводу, историческая наука превращается скорее в «воссоздание» («описание», «реконструкцию»), а не в рациональное «понимание»

¹ Сондерс М., Льюис Ф., Торрихилл Э. Методы проведения экономических исследований. М. : ЭКСМО, 2006. С. 476—514.

² Кокошин А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям М. : Ленанд, 2008.

³ Lessnoff M. M. The Structure of Social Science. L. : Allen & Unwin, 1974. С. 131.

прошлого. В этом случае отпадает необходимость во внешней объективной проверке для оценки исторической концепции, так как историк предлагает интерпретацию прошлого с точки зрения сегодняшнего исторического этапа развития человечества. То есть он более полно и беспристрастно воссоздает истинную картину прошлого исходя из фактов / факторов / аргументов прошлого, но на основе известных и новых фактов, нового соотношения факторов и более адекватного понимания главного и второстепенного. Историческое (гуманитарное) знание в этом смысле отличается от объяснения, предлагаемого общественными науками.

Как утверждал родоначальник этого воззрения на историю английский исследователь Р. Коллингвуд, историческое свидетельство складывается из факта и связанной с ним идеи. Коллингвуд подчеркивал, что историк должен проявлять интерес к отношению между внешними (т.е. материальными, обусловленными обстоятельствами, описательными, ссылочными и сопряженными элементами) и внутренними (намерение, мотивация и цель) аспектами события, т.е. объяснять не только, что произошло, но как и почему это произошло. Согласно методологу науки М. Окшотту, историческое знание складывается из опыта, который включает мысль, суждение, ощущение, рефлексия, волю, чувство и интуицию. В силу этого, если следовать М. Окшотту и Р. Коллингвуду, невозможно оценить аргументацию историка на основе прошлых фактов, ибо они определяются сегодняшней мыслью историка¹.

Согласно этому воззрению, если абстрагироваться от творчества конкретного историка, прошлое становится в действительности как бы непознаваемым. Однако если история не фикция, то должна существовать какая-то возможность подтверждения факта или конкретной комбинации факторов вне контекста аргументации конкретного историка. Следовательно, необходима аналитическая концепция или структурное объяснение / теория. Поэтому можно утверждать, что особенность исторического объяснения заключается в интерпретации факта / комбинации факторов, но открытие (обнаружение) факта до его интерпретации столь же важно для историка, сколь сама интерпретация.

Таким образом, открытие новых фактов и/или введение в оборот новых источников предполагает новые интерпретации и объяс-

¹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории* : пер. с англ. М. : Наука, 1989.

нения, а закрытие архивов, оперирование одним и тем же набором источников, фактов, факторов консервирует архаичные исторические интерпретации, как бы привязывая их к определенному историческому периоду, в то время как общество может находиться уже на совершенно другом этапе исторического развития. Такими приемами степень беспристрастности и исторической объективности, с помощью которых достигается преемственность исторической традиции и обеспечивается связь времен, не повышается, а консервируется или даже уменьшается, что провоцирует дифференциацию на основе ложных или устаревших идейных противопоставлений.

Однако, утверждая, что история представляет собой интерпретацию, невозможно установить критерии объективности для исторического исследования. Если согласиться с тем, что ценности есть часть интерпретации, поскольку они имеют исторический характер, а объективность при написании исследования подразумевает исключение определенных ценностей и их новую интерпретацию в современном понимании истории, то необходимо в то же время определить основу для такого исключения. В исторической традиции это могло бы быть только согласие между историками, которое зависело бы от времени и обстоятельств и, таким образом, на протяжении исторического времени менялось бы в зависимости от различных исторических школ, той или иной страны либо культурной общности. Именно это и обуславливает необходимость обсуждения сложных вопросов историками, представляющими различные национальные школы. Такого рода обсуждения способствуют выведению вопросов исторического прошлого за рамки современных межгосударственных отношений, однако могут встречать затруднения, в том числе политического характера.

Поскольку в разных национальных и культурных традициях, да нередко и в одной национальной традиции, но в разных исторических школах между историками такого согласия нет и никогда не будет, потому что это отрицало бы фактор многовариантности исторического развития и сковывало развитие человека как биологического вида, то, следовательно, всегда будут существовать, как минимум, различные конкурирующие этнонациональные версии истории развития или факторов развития международных или межгосударственных отношений, как, впрочем, и версии истории национального развития.

Поскольку в истории отсутствуют универсальные критерии для оценки достоверности версий (выработать такие критерии на рациональной основе не представляется возможным), история в этом смысле есть и всегда будет наукой гуманитарной, а следовательно, интерпретационной. Это не значит, однако, что история не может быть научной дисциплиной. Возможным решением этой проблемы в рамках традиции историзма является системная и структурированная история, которая пытается примирить полярно противоположные структурный детерминизм и социально обусловленное субъективное действие людей. Эта тенденция исторических исследований фактически прокладывает мостик между историей как гуманитарной наукой и политологией как общественной наукой.

При этом следует понимать, что человечеством давно выработаны критерии отличия научного вывода и заключения от ненаучного, и расхождений в понимании критериев собственно научного исследования и его отличия от ненаучного в академическом сообществе не существует, вне зависимости от того, к какой отрасли научного познания (гуманитарной или обществоведческой) в действительности относится исследование. Отличия существуют лишь в методологическом аппарате, релевантности методологических приемов для решения конкретных исследовательских задач, относительной успешности их решения с помощью определенного набора методологического инструментария и понимания (или непонимания) этого конкретным исследователем.

Другое дело, что на переходных этапах своего развития общество может архаизироваться и утратить способы научного познания действительности, заменив их на какие-либо другие — популярно-эпатажные, мистико-религиозные, теологические, образные и т.д., либо склоняться к превалирующему анализу каких-либо одних факторов в отличие от других.

8.2. Методология системно-структурных и структурно-политологических подходов

Мы объяснили, почему историки испытывают трудности в воссоздании объективной национальной истории и истории международных отношений и почему, по-видимому, невозможно написать объективную, универсальную или хотя бы сбалансированную и достоверную мировую либо региональную историю международных отношений, объяснения в которой были бы одинаково прием-

лемы для различных культурных и национальных традиций, региональных культурно-исторических школ. Далее мы акцентируем внимание на структурных подходах с позиций политической науки (политологии) и сравнении таковых с историческим анализом. Мы будем рассматривать методологическую альтернативу существующим традиционным историческим объяснениям, уделяя основное внимание системным теориям, которые методологически являются наиболее четко разработанными, а также функциональному подходу (функционализму), который представляет собой единственную теорию, позволяющую выработать эмпирически проверяемые гипотезы¹.

Приступая к изучению любой проблемы, в том числе проблем международных отношений, исследователь должен прежде всего провести разграничение между конкретными аспектами, присущими этой теме, и аспектами, общими для всех исследований. Кроме того, необходимо определить, в какой степени предмет исследований позволяет оперировать четкими эмпирическими данными, анализ которых ведется посредством методов, применяемых именно в этой области. По этому вопросу идут острые дебаты в науке о международных отношениях. В общественных науках есть множество сфер исследований (к ним можно отнести и международные отношения), которые, как принято считать, носят междисциплинарный характер. Как становится ясно при изучении проблем международных отношений, многие из используемых в этой дисциплине источников не имеют непосредственного отношения собственно к самой дисциплине. Одновременно придется признать и заимствование теорий и методологических подходов, изначально разработанных для решения общих либо специфических проблем в естественных науках, социологии, антропологии, экономике, политологии, истории, философии и даже литературоведении и текстологии. Аналогичная проблема существует и в зарубежном регионоведении.

Следуя классической аргументации Аристотеля, одно из влиятельных течений в политологии (Б. Крик) настаивает на определении политики не как средства *достижения власти*, а как способа построения такого общественного порядка, который означает *примирение множества реально или потенциально конфликтующих ин-*

¹ Подробнее см., например: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1997.

тересов. Как справедливо указал Ч. Рейнольдс, который пытался решать эти проблемы с точки зрения методологии науки, это определение исключает из изучения политики межгосударственные отношения и выводит международные отношения из сферы политологии¹. При отсутствии централизованной законной власти в мировой политике, а следовательно, и социального или политического единства можно говорить только о расширении политического взаимодействия между конфликтующими национальными субъектами политики в области мировой политики и о соответствующем этой позиции реализме как об основополагающем подходе для анализа взаимоотношений между государствами.

Однако международные отношения как научная дисциплина предусматривают изучение не только взаимодействия между государствами, но и изучение объяснений порядка такого взаимодействия², исходя из процессов, происходящих внутри нации и государства, а также взаимодействий не только конфликтного, но и кооперативистского типов на основе существования или целенаправленного построения системы определенных правил взаимодействия (институтов).

Появление и расширение числа государств с порядком открытого социально-политического доступа сместило акцент с конфликтности на кооперативизм, по крайней мере, для государств этого типа социального порядка («демократии не воюют друг с другом»). В ответ на методологические запросы такого рода появилось понятие «политического» в интерпретации К. Шмита, которое включает в свое предметное поле мировую политику как структурную часть международных отношений в их «политологическом» понимании.

Таким образом, при изучении международных процессов необходимо уделять внимание не только международным отношениям, т.е. взаимодействию между конкретными национальными государствами в рамках системы и подсистем международных отношений, но и объяснениям отношений между государствами одного подтипа и разных подтипов с одним или разным типом порядка социально-политического доступа, находящихся на одном или на разных

¹ *Reynolds Ch. Theory and Explanations in International Politics.* L. : Martin Robertson, 1973. С. 4.

² *Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics.* N. Y. : Columbia University Press, 1977.

этапах исторического развития с точки зрения тех процессов, которые происходят внутри каждого, или представляющих их конкретно-исторических форм, включая как противостояния реалистского типа, так и процессы интеграции и делегирования национального суверенитета наднациональным институтам, реализуемые в партнерствах разного типа.

Такое понимание, как минимум, закладывает ограниченность чисто реалистских подходов к мировой политике и международным отношениям и объясняет отличие политического понимания мировых процессов (*political affairs*) от их понимания в традиционных международных отношениях (*international affairs*).

В политической науке каждый участник международных отношений — будь то нация и государство, правительство, международная или национальная организация, группы давления, индивидуум (дипломат, политик) — представляет собой единицу (объект или субъект) взаимодействия и одновременно составную часть системы как целого. Соответственно, система рассматривается как нечто, качественно отличающееся от своих составляющих. При таком подходе не акцентируется внимание на ценностных и психологических либо каких-либо других факторах, а международные отношения и дипломатия относятся не к области искусства, а к науке с ее возможностями и правилами формирования компромиссов и/или консенсуса по ключевым международным вопросам. Этот момент играет важную роль в нашем анализе.

Одна из самых известных упрощенных версий системного подхода представляет собой теорию баланса сил в реализме как теоретическом подходе к международным отношениям. В данном подходе акцент делается на общих правилах функционирования самой системы, основанной на военном / силовом / экономическом балансировании составляющих ее частей, а конкретная историческая ситуация рассматривается не как уникальная цепь событий, а как набор определенных повторяющихся моделей политики реалистского толка и составляющих собственно предмет исследования. Соответственно, цель исследования с точки зрения этого подхода состоит не в объяснении конкретной ситуации, а в создании концепции, модели или теории для объяснения всех подобных ситуаций военно-политического противостояния и балансирования, абстрагируясь от каких-то малозначимых, специфических деталей.

Для того чтобы стать теорией, модель, используемая при таком подходе, должна быть абстрактной (группировать события), обоб-

щающей (выяснять общие особенности исследуемых событий) и позволять связывать события в логическую цепь, т.е. не только объяснять, но и рассматривать будущие тенденции таким образом, чтобы выводы из теории соответствовали эмпирической реальности. Иными словами, такая теория должна не только объяснять события, но и быть проверяемой.

При объяснении явлений (как исторических, так и международных) главная задача политолога состоит в обособлении соответствующих переменных и важных факторов, которые не меняются на протяжении определенного очень длительного временного этапа функционирования мировой системы, после чего следует попытаться установить общие посылки, которые можно группировать тем или иным образом для выработки гипотез, подводящих к выводам, которые впоследствии могут быть проверены эмпирической реальностью.

Однако с точки зрения методологии процесс отбора переменных факторов направлен на экстраполяцию их динамичной природы (что уже подразумевает статичность), а потому объяснения, основанные на таких переменных, будут скорее абстрактными моделями, чем теориями. Ч. Рейнольдс, наряду с некоторыми другими исследователями, взяв в качестве примера причины, которыми руководствовалась Великобритания при вступлении во Вторую мировую войну, показал, что определенная система ценностей и соображения престижа могут стать факторами влияния в политике, в том числе международной.

Таким образом, одна из главных методологических трудностей при применении подобных методов анализа к конкретным ситуациям состоит в том, чтобы в дополнение к ценностным характеристикам, которые почти не поддаются формализации, вычленить также не только факторы, но и соотношения факторов, при этом избегая искажения объяснений произошедших событий.

В то же время понимание необходимости вычленения ключевых факторов или ключевых параметров при политологическом анализе позволяет приступить к этому процессу не столько с использованием только логико-интуитивного анализа (как в международных отношениях), сколько на основе логико-структурного подхода и статистических закономерностей, выявленных с помощью структурных / формализованных / математизированных методов анализа, включая формализованные методы факторного анализа, теории множеств, игр и т.д.

Как показал К. Поппер в противовес К. Гемпелю, коль скоро гипотезы не подвергаются абсолютной проверке, а могут лишь «фальсифицироваться», они не позволяют установить истину, а опровергаются как неверные¹. В дальнейшем классическая методика проверки гипотез, предложенная К. Поппером, была существенно модернизирована И. Лакатосом в его концепции теорий «вырождающегося типа»². Таким образом, прогностические возможности теории, подвергнутые эмпирической проверке в соответствии с особой, научно обоснованной методикой, могут стать критерием ее ценности. Даже если принять во внимание вероятностные теории, гипотетически-дедуктивный метод может применяться к эмпирическому материалу для выработки эмпирически проверяемых гипотез. Следовательно, при применении любого неисторического подхода необходимо рассматривать будущие сценарии развития событий и оценивать возможность теории предсказывать появление новых фактов, и такое понимание реальности будет в корне отличаться от понимания историком.

В какой степени применимы эти критерии к изучению человеческого поведения в мировой политике? Согласно одному из подходов (В. Рансиман) вышеназванным критериям теории соответствует только функциональный подход, при котором явление понимается через призму его вклада в существование других, связанных с ним, явлений. Такое совокупное взаимодействие и определяется как функция. Согласно другому подходу (Ч. Рейнольдс), в то время как каузальное объяснение может и не быть функциональным, функциональное объяснение всегда является каузальным. Рейнольдс, однако, подчеркивает и наличие важных ограничений функционального подхода, говоря о наличии «тавтологического элемента» в концепции функционального соотношения, который не каузален и который не позволяет выработать эмпирически проверяемую теорию. При этом достаточно связанные теории-объяснения в общественных науках нелегко вписываются в сферу, где трудно применить концепцию «международного сообщества», которая используется во многих науч-

¹ *Popper K. R. Conjectures and Refutations. L.: Routledge & Kegan Paul, 1969. С. 223—250; Hempel K. G. The Philosophy of Science, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, С. 106.*

² *Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes, in Imre Lakatos and Alan Masgrave (eds.) Criticism and the Growth of Knowledge. N. Y. : Cambridge University Press, 1970. P. 91—196.*

ных работах и разделяется большим количеством исследователей во всем мире.

Функциональный подход продуктивен в конкретных сферах мировой политики и международных отношений, где анализ проводится не выше уровня организации или государства. В этом смысле «системная теория» считается эмпирически нейтральной, ибо она в отличие от функционального подхода не предполагает наличия какой-либо организующей концепции типа концепции «функции» в функционализме. Однако, как представляется, указанное различие иногда носит семантический, а не концептуальный характер; даже такой исследователь, как Д. Истон, пишет об «основных» (фундаментальных) функциях, без которых не может сохраниться ни одна система. Эти общие методологические соображения следует принимать во внимание при обзоре конкретных подходов и попытках понять, какие из них могут быть успешно применены для объяснения типологии взаимодействия между государствами и прогнозирования этого взаимодействия в мировой политике на разных исторических этапах развития международной системы.

Применяемые в международных отношениях конкретные подходы, связанные с «сужением» анализа и концентрацией на одной определенной сфере, особенно экономической (теории Ж. Хобсона, В. Ленина и неомарксистов) и социологической (подходы Т. Веблена и Дж. Шумпетера), были досконально рассмотрены с точки зрения методологии классиком международных отношений К. Уолтцем. Основная методологическая слабость всех «сужающих» (редукционистских) подходов (включая факторный анализ) состоит в том, что эти подходы исходят из возможности познать целое посредством изучения его отдельных частей. Результат этого методологического приема в международных отношениях — концентрация при анализе того или иного явления на индивидуальном либо на государственном и на государственном либо на глобальном уровнях.

Многие исследователи пытались объяснить феномен международных отношений и международной политики только с точки зрения анализа военно-политических или экономических либо психологических или социально-психологических факторов. *Однако анализ различных комбинаций факторов по отдельности не может обеспечить надежных объяснений и определения главных тенденций при составлении прогнозов. Синтез указанных факторов в более или*

менее цельный и внутренне непротиворечивый подход или подведение их под одно общее теоретическое объяснение представляет собой не легкую задачу мирополитического анализа, которую пока никому из историков, в отличие от политологов, решить не удавалось.

Далее мы уделим основное внимание общим подходам (функционализм и системные теории) в рамках международных отношений (реализм / идеализм, реализм позитивистского типа и либеральные теории), чтобы установить критерии их применимости в исследованиях международных отношений и мировой политики и определить пути конструирования комплексных мирополитических подходов, которые, по нашему мнению, и создают сегодня условия для теоретических новаций в международных отношениях как науке.

Функционализм, наиболее ярким представителем которого является Т. Парсонс, подразумевает, что в целях самоподдержания (или самодостаточности) все системы должны выполнять четыре главные функции: 1) поддерживать свое жизнеобеспечение; 2) обеспечивать интеграцию; 3) иметь цель; 4) обладать способностью к адаптации.

В модели Парсонса устройство политической жизни в широком смысле включает в себя подсистему, которая выполняет необходимую функцию достижения цели посредством власти. Таким образом, для формулировки главной концепции (принципы функционирования политического механизма) необходимо выработать вспомогательную концепцию, которой у Т. Парсонса является «функция».

Однако в объяснениях Т. Парсонса концепция власти (*power*) эмпирически не проверяется. Он пытается провести различие между властью, влиянием (*influence*) и авторитетом (*authority*), но различие этих понятий носит чисто аналитический характер. Это в конечном счете привело к тому, что попытки различить эти понятия были отброшены в традиции реализма. Поэтому парсоновская концепция с точки зрения ее внутренней аргументации представляется скорее историческим объяснением и, соответственно, может оцениваться только в плане логической связности.

Главный недостаток этого подхода состоит в том, что эта концепция объясняет процесс, но не позволяет определить и объяснить понятия системы и подсистемы, которые необходимы для выделения регионального среза международных отношений как самостоятельного объекта анализа.

В то же время (как показал Ф. Фрокок), функционализм — это особый способ оценки явлений. Функционализм не есть дедуктивно-номологическое объяснение, ибо в нем отсутствует необходимая связь между структурами и функциями. Функционализм не ограничен каким-либо конкретным (частным) контекстом, а функции не могут объясняться лишь посредством выявления причин тех или иных действий. Функции ничего не объясняют, ибо они представляют собой не эмпирические посылки, а методологические правила. Кроме того, понятие функции находится на таком высоком уровне абстракции, что оно не поддается более или менее удовлетворительной рационализации и, следовательно, трудно применимо для формулирования рекомендаций практического характера.

Оценка того или иного явления с точки зрения функционализма обычно не дает возможности объяснить ни ломку старых институтов, их эволюцию и необходимость строительства новых институтов, ни сотрудничество, а именно эти проблемы занимают все более важное место в международных отношениях, особенно с точки зрения понимания механизма формирования основных трендов, и их проекциях в региональных сегментах мира.

Все теоретически различные версии классического функционализма, будь то версии Э. Дюркхайма, А. Радклифф-Браун, Б. Малиновского или Т. Парсонса, предполагают, что восприятия (перцепции) людей данного общества поддерживают все его институты, что явно не так, исходя просто из соображений здравого смысла, поэтому эти теории трудно применить к любому историческому событию в его развитии. Если следовать этой главной методологической посылке функционализма, то возникает вопрос: коль скоро мнения и ценности всех действующих лиц в обществе служат сохранению существующих институтов, то как объяснить *институциональные изменения*?

Такая аргументация иллюстрирует неприменимость данного подхода к историческим явлениям, и в том числе в сфере международных отношений. В то же время функционализм в международных отношениях существует в более динамичном варианте, основанном на предпосылке, согласно которой по мере все большей взаимосвязанности экономического развития разных стран предпочтения населения будут все же неизбежно постепенно перемещаться от национального государства к более универсальным и экономически выгодным наднациональным институтам и мирово-

му сообществу, т.е. акцент делается на международном сотрудничестве и/или на фундаментальных изменениях в содержании процессов региональной интеграции. Эти аргументы еще более выпуклы в неофункционализме с его «эффектом раскрутки», который имеет место, когда растущая взаимозависимость между странами увеличивает количество участников, считающих, что региональная и трансрегиональная интеграция обеспечивает прежде всего их собственные интересы.

Общая теория систем, разработанная в общественных науках Истоном, рассматривалась в наиболее развитой форме применительно к международным отношениям М. Капланом¹. Впоследствии с резкой критикой этого подхода выступил К. Уолтц. Следует отметить, что Уолтц фактически упустил из виду тот факт, что работа Каплана явилась первой попыткой слияния теории систем с принципами функционализма, и поэтому ее можно квалифицировать как функционально-системную теорию, а не как чисто системный подход. После того как теория Уолтца стала фактически общепринятой в мейнстриме науки о международных отношениях (хотя в некоторых странах, например, в России или Китае, она напрямую и не ассоциировалась с его именем, но в Китае в отличие от России работы Уолтца и Каплана были переведены), подход Каплана был подвергнут серьезной критике. Подход Уолтца также не избежал критики. Аргументы М. Каплана в последнее время снова стали воспроизводиться, его работы — переиздаваться, поскольку его анализ, до этого долго считавшийся устаревшим и вышедшим из моды, оказался востребованным и вполне применимым к новой полицентричной реальности.

Согласно теории Каплана система представляет собой некий аналитически созданный объект анализа, который характеризуется рядом переменных факторов, не теряющих идентичности с течением времени. Эта предпосылка позволяет применять системный подход к анализу исторического процесса. Каплан вычленяет шесть типов международных систем: 1) баланс сил; 2) мягкую биполярную систему; 3) жесткую биполярную систему; 4) систему, состоящую из объектов, обладающих правом вето (*unit veto system*); 5) иерархическую систему; 6) универсальную систему.

¹ Kaplan M. A. *Systems and Process in International Relations*. N. Y. : John Wiley & Son, 1957.

Казалось бы, устаревший и поэтому проигнорированный многими современными исследователями в России каплановский анализ дает, в частности, ключ к пониманию последствий Пекинского и пост-Вашингтонского консенсусов как вариантов иерархической (Пекинский консенсус) и универсалистской системы (пост-Вашингтонский консенсус) с точки зрения перспектив принятия и расширения одного и модификации другого. Собственно системный подход и его сильные и слабые стороны в плане объяснения явлений международных отношений уже проанализированы К. Уолтцем и рядом других ученых, в том числе и отечественных авторов (Э. А. Поздняковым, В. И. Гантманом, М. А. Хрусталевым, И. Г. Тюлиным¹). Мы, однако, остановимся на некоторых моментах, которые важны для применения подобных идей «раннего» синтеза теории систем и посылок функционального анализа, которые в силу неких причин Уолтцем не рассматривались.

Каплан в своих работах выявил различие между функциями, определив некоторые из них как позитивные, другие как негативные, а третьи как функции «иного уровня» (в его терминологии — «ступенчатого уровня» (*step-level*, т.е. уровня, повышающего на ступень). Согласно такой классификации при одних отношениях между объектами международных отношений сохраняется статус-кво, другие отношения частично его изменяют, а третьи (на «уровне другой ступени») влияют на систему в целом и трансформируют международный порядок или же преобразуют саму систему. Эта идея важна при выявлении изменений функционального и нефункционального порядка в региональной подсистеме с точки зрения влияния на мировую систему в целом. Кроме того, для нас также важна идея о том, что единица анализа, которая принимает то или иное решение, представляет собой и систему, и подсистему.

В то же время модель баланса в системе Каплана является некой международной системой без политических подсистем, с пятью или более участниками (другие аналитики, например Уолтц, упоминают в своих работах двух-трех участников), а также опреде-

¹ Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976; Гантман В. И. (ред.). Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М.: Наука, 1984; Хрусталева М. А. Системное моделирование международных отношений. М.: МГИМО, 1987; Тюлин И. Г. (ред.). Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений. М.: МГИМО, 1991.

ленными правилами, по которым играют эти участники. Эти правила, по М. Каплану, состоят в следующем:

- участники стремятся нарастить свои возможности и, не желая потерять это преимущество, предпочитают вести борьбу; они прекращают борьбу, если появляется опасность уничтожения всех участников;

- любое государство будет препятствовать чрезмерному усилению другого государства или коалиции государств;

- любое государство будет препятствовать объединению других государств в целях создания наднациональной организации;

- потерпевшим поражение государствам разрешается вновь вступить в систему¹.

На практике некоторые из этих посылок не подтверждаются на эмпирическом уровне, в частности, в современной системе стремление увеличить свои возможности может осуществляться не только путем борьбы между государствами, не все государства препятствуют усилению другого государства или коалиции государств — можно присоединиться к коалиции или заключить соглашения о стратегическом партнерстве, не все государства препятствуют объединению других государств для создания наднациональной организации, поскольку это зависит от ее целей и характера ее влияния на региональные и мировые процессы; кроме того, правила зависят от таких вспомогательных понятий, как возможности и мощь, которые трудно поддаются количественному измерению.

Таким образом, сформулированные в рамках этого подхода правила «типологически обезличенного» взаимодействия государств не объясняют, какими положениями могут руководствоваться те или иные государства в зависимости от организации своего социального порядка и связанных с этим принципов осуществления внешней политики, а соответственно, какие из этих положений и принципов применяются де-факто в практике международных отношений между государствами² одного и/или разного типов социального порядка на разных или схожих этапах своего исторического развития.

Это достаточно хорошо иллюстрирует ограниченность системного анализа взаимодействия между государствами в зависимости от конкретной версии международного порядка, но без

¹ См.: Поздняков Э. А. Указ. соч. С. 23.

² Подробнее см.: Sheehan M. The Balance of Power. L.: Routledge, 1997.

внимания к внутренней структуре государства и типа его социально-политического порядка. Такой анализ взаимодействия был применим и мог объяснять характер взаимодействия между государствами в период биполярной системы или в периоды, когда количество государств с системой естественного (ограниченного) социального доступа составляло большинство в международной системе отношений.

8.3. Дифференциация объяснений у реалистов и идеалистов

Обобщая различия в методологических подходах к оценке характера международных процессов, мы должны отметить различия в реализме и идеализме, т.е. в реалистском и идеалистском видении характера международных отношений. В идеалистской традиции (т.е. ориентированной на идеальную модель взаимодействия) философская основа международных отношений — кантианская и мир (в смысле «отсутствие войны») понимается как нормальное положение дел. В прошлом такая ситуация в мире воспринималась как идеальная, что и породило название этой традиции. Сегодня становится понятным не только, что человечество может реально приблизиться к такому идеальному состоянию жизни, но и каким образом путем увеличения взаимозависимости и расширения общего пространства безопасности оно может это сделать. Либеральная традиция, опирающаяся на идею свободного развития, откуда исторически и проистекает ее название, впитала все идеи идеалистского подхода, но, как более поздняя ее модификация, включает и много других, не менее важных идей и концепций, связанных со сферой экономического развития.

- Правительства разных стран, влиятельные группировки в них не желали видеть очевидности: слишком полны были все взаимного недоверия и не способны благородно мыслить. Государства начали вести себя как плохо воспитанные люди в переполненном вагоне трамвая: действовать локтями, толкать друг друга, спорить и ссориться. Напрасно было бы объяснять им, что надо только разместиться по-иному и всем станет удобно. Историк, занимаясь началом XX века, отмечает во всем мире одни и те же явления: старые понятия, предрассудки и злобная тупость мешают созданию новых взаимоотношений; перенаселенным государствам тесно на собственных территориях, они наводняют чужие страны своей продукцией, своими эмигрантами, досаждают друг другу тарифами и всевоз-

можными ограничениями в торговле, угрожают друг другу армиями и флотами, которые приобретают все более пугающие размеры.

Сейчас невозможно определить, сколько умственной и физической энергии растранило человечество на военные приготовления, на вооружение, но затраты эти были поистине колоссальными. Если бы средства и энергию, израсходованные Великобританией на армию и флот, направить в область физической культуры и образования, англичане стали бы аристократией мира.; но для этого надо было тратить средства так, чтобы творить не оружие, а полноценных людей... Подобная же нелепость происходила во Франции, а в Германии было еще хуже; Россия под бременем все растущих военных расходов шла навстречу банкротству и гибели. Вся Европа была занята производством громадных пушек.... Народам Азии в целях самозащиты пришлось обратиться к новым силам, которые предоставила им развивающаяся наука, на те же цели.

Уэллс Г. Война в воздухе (написано в 1908 г.). М. : Правда, 1964. С. 75—77.

В отличие от идеалистского подхода реализм придерживается гоббсовского представления о превалирующем конфликтном характере реальных международных отношений, в котором наиболее важную роль играет озабоченность вопросами власти (или силы и мощи в других интерпретациях) и безопасности, а сотрудничество между государствами представляет собой трудную, даже неосуществимую задачу¹. Такое состояние отношений между людьми и государствами превалировало в течение всей истории человечества, т.е. отражало реальное положение дел в мире.

Какой бы критике не подвергались положения идеалистского подхода, ясно, что международные отношения основаны не только на конфликтности.

Таким образом, если идеализм концентрируется на способах мирного решения споров, компромиссах и кооперативистских подходах к развитию, совершенствуя их по мере развития человечества, то реализм оперирует повторяющимися циклами противостояний, отличающихся только их типами на разных этапах военно-технологического развития человечества. Следовательно, концепции реализма могут применяться для объяснения и прогно-

¹ Подробнее см.: *Scott B., Linklater A., Devetak R., Paterson M., True J. Theories of International Relations. N. Y. : St. Martin Press, 1997; Griffiths M. Fifty Key Thinkers in International Relations. London & N. Y. : Routledge, 1997.*

зирования способов балансирования отношений между государствами разного типа социально-политического доступа, но малопригодны для объяснения как отношений государств с открытым типом социального доступа между собой, так и формирования кооперативистского поведения государств в целом.

□ Весьма противоречива ситуация с ролью военной силы. Общепринято утверждение о том, что в современном мире роль военной силы уменьшается. И в нем выиграть войну нельзя. Действительно, большинство главных проблем, стоящих перед ним, оружием не решить — повышение благосостояния активизирующихся масс, состояние климата, окружающей среды, дисбалансы мировых финансов и т.д. Уменьшению роли военной силы содействует и продолжающаяся ситуация ядерного пата России и США, других ядерных держав, делающая массированное применение силы, масштабные войны почти невозможными.

Но последние годы ставят под вопрос и эту общепринятую истину. Одна за другой развязываются войны. В них иногда побеждают... Только в Европе продолжается массированное сокращение военных расходов и численности вооруженных сил, которые в некоторых странах уже достигли символического уровня.

Но как бы то ни было, Россия, очевидно, сделала ставку на военное усиление как ключевой фактор, определяющий ее статус и позиции. Об этом говорят цифры планируемых трат на оборону, а еще больше военная реформа — единственная относительно успешная из всех крупных объявленных реформ.

Окажется ли эта ставка правильной, покажет время.

Караганов С. Россия в мире идей и образов // Российская газета. 2012. 11 сент. С. 14.

Согласно идеалистской (либеральной) традиции международное сообщество существует потому, что оно реализует определенные общие интересы и ценности, наличие которых объединяет группы государств самим фактом существования правил, отражающих эти интересы и ценности. Наличие общих интересов и ценностей, позволяющих человеку развиваться как биологический вид, и позволяет, в конечном счете, поддерживать определенный социальный и мировой порядок.

Либеральная традиция, возникшая на основе идеалистской кантовской концепции о космополитичном мировом сообществе и вечном мире если и не между всеми, то, по крайней мере, между демократическими странами, прошла в своем развитии через теорию

торгового либерализма, которая подчеркивает миротворческий эффект свободной торговли, затем через неофункционализм с его акцентом на региональной интеграции, теорию комплексной взаимозависимости и теорию режимов и, наконец, была облечена в форму неолиберального институционализма как целостная концепция, альтернативная реализму.

Представители этого направления настаивают на том, что международное сообщество в создании общих институтов имеет общие интересы и ценности, но формы и степень институционализации различны, и поэтому они оказывают влияние не только на государства, но и на их взаимодействие. Таким образом, благодаря включению международных институтов структура системы международных отношений в неолиберализме представляется шире и глубже, чем в неореализме.

В противовес неореалистам приверженцы «нового идеализма» (неолиберализм) подчеркивают, что понимание роли внутренних факторов в сочетании с принципами функционирования международных институтов играет, особенно в последнее время, важную роль в реализации приоритетов и форм проведения внешней политики.

Введение структурных факторов (структурное различие типов социального порядка) в анализ позволяет более успешно объяснить формирование приоритетов национальных государств и коалиций государств в международных отношениях и охарактеризовать понятие «изменения», т.е. проанализировать те два аспекта, которые повсеместно признаются как не поддающиеся объяснению в традиции реализма.

Реалисты понимают изменение как адаптацию к меняющемуся распределению сил внутри системы; неолиберальное понимание изменения включает в себя как внутривнутриполитические структурные изменения, так и изменение приоритетов.

Хотя идеалистов в большей степени, чем реалистов, интересует влияние идей, оба подхода имеют тенденцию приуменьшать влияние психологических переменных факторов. Однако многие исследователи-либералы (за исключением институционалистов) отвергают соображения рациональности и, будучи своего рода конструктивистами, проявляют интерес не только к влиянию идей, но и к их источникам, социальной конструкции и процессу возникновения.

Идеалисты в целом рассматривают военную силу иначе, чем реалисты, настаивая на том, что развитие ядерного оружия, ядер-

ный паритет и усиление экономической взаимозависимости снизили роль военной силы в международных отношениях, поскольку воевать становится просто экономически невыгодно либо невозможно ввиду вероятности уничтожения природы и человечества в случае применения ядерного, химического, биологического и другого оружия массового поражения. Если воевать становится экономически невыгодным, а человеческая жизнь является высшей ценностью, то нужно пытаться договариваться и достигать компромиссов, что становится задачей первостепенной важности. Эта идея важна при анализе явлений последних десятилетий в международных отношениях и мировой политике с точки зрения понимания причин завершения «холодной войны» и необходимости эволюции мирового порядка в сторону большего усиления сотрудничества.

Реалисты в целом следуют традиции Тацита, Макиавелли и Гоббса, позже реализм выработал концепцию баланса мощи, а затем эта концепция была синтезирована с теорией перехода лидерства в международных отношениях в неореализме (Б. Бузан). Еще Г. Моргентау, следуя Макиавелли, подчеркивал, что политику можно изучать отдельно от других дисциплин. Он в целом был согласен с возможностью разработки теорий поведения государств или групп государств, но при этом отвергал возможность точного прогноза (или прогностических моделей) в международных отношениях, исходя главным образом из того, что исследователь может лишь угадать преобладающую тенденцию. Теоретики раннего реализма редко обращались к истории для «проверки» своих предположений, предпочитая лишь подбирать «подходящие» исторические примеры для иллюстрации своих суждений.

Впоследствии реалисты стали использовать историю в качестве лаборатории для оценки своих обобщений, т.е. «приземлили» свою теорию на историю прошлого, а затем экстраполировали опыт конфликтного прошлого на будущее. Именно прошлое, по их мнению, дает единственную возможность проверить гипотезы и экстраполировать теоретические построения для составления сценариев на будущее. В действительности, как будет показано далее, проверять гипотезы историей возможно не только в традиции реализма, но «проверка историей» еще должна соответствовать процедуре проверки научной гипотезы в соответствии с методикой И. Лакатоша.

Основная концепция в реализме — концепция баланса мощи, или силы. А. Д. Богатуров — ученик М. А. Хрусталева, один из немногих выдающихся разработчиков реальных теоретических проблем международных отношений и мирополитического устройства в России периода последнего десятилетия XX — первого десятилетия XXI в., фундаментальные работы которого отвечают всем критериям научного теоретизирования в этой области и имеют существенный практический форматирующий реальность или прогнозистический потенциал, предлагает переводить это словосочетание как «силовое равновесие», считая, что в данном случае можно игнорировать семантическое различие со словосочетанием *balance of force*, и акцентируя внимание на понятии уравнивания, что приводит к существенному смещению акцентов в этой концепции.

«Силовое равновесие» может конструироваться как спонтанно, так и целенаправленно государствами, что важно прежде всего (но не только) для держав первого порядка, которые не отвергают политику с позиции силы, но также и для других государств с меньшей степенью влияния на мировую политику, которые получают возможность усилить свою роль в «уравнивании» мировой системы, вступая в коалиции разного рода посредством усиления кооперативного начала.

Вариант еще большего отхода от реалистической концепции «баланса сил», чем концепция «силового уравнивания», — концепция баланса интересов и многофакторного равновесия (А. Д. Воскресенский), акцентирующая внимание не на балансе силы и мощи и силовом уравнивании, а на уравнивании интересов (баланс интересов) с помощью усиления / уменьшения внешнеполитического, военного, культурного влияния, престижа, авторитета, «мягкой силы» и других факторов, что еще больше смещает акценты при постановке проблемы балансирования от «жестких» к «мягким» факторам¹.

Фактически именно эти концепции позволили поставить вопрос о вычленении ключевых параметров суверенного развития

¹ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995) / А. Д. Богатуров; Ин-т США и Канады РАН. М. : Московский общественный научный фонд, 1997. Режим доступа: http://www.obrafo.ru/lib/book5/2_3.htm; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : Издательский Центр научных и учебных программ; Московский общественный научный фонд, 1999. Эти работы в выдержках или полностью публиковались как на русском, так и на английском языке.

при понимании возможности балансирования несиловыми факторами, т.е. стали предтечей современных концепций «мягкой силы» («мягкой мощи»).

Вообще говоря, мощь — это абстракция. Для реалистов мощь государства (имеется в виду, конечно, комплексная мощь, а не просто ресурсы, потенциал или размер ВВП / ВНП, которые достаточно легко измеряются современными экономическими методами) есть по сути не поддающееся количественному измерению явление, и потому ее нельзя подвергнуть эмпирической проверке, хотя начиная с 1970-х гг. сперва американские, затем в 1970—1980-х гг. советские, а потом в 1980—1990-х гг. и китайские исследователи безуспешно пытались вывести количественную формулу мощи.

В то же время реализм представляет собой единственную связную и внутренне непротиворечивую теорию международных отношений, которая направлена на целостное (но не полностью адекватное в связи с эволюцией международной системы) объяснение поведения государств на протяжении длительных периодов истории, и поэтому дипломатами до конца XX в., а некоторыми исследователями и позже, рассматривалась как единственная практико-ориентированная теория (своего рода «настоящая теория») международных отношений и международной политики, которой можно руководствоваться в реальной действительности и сегодня.

В отличие от других подходов к международным отношениям теоретические положения реализма легко проверяются прошлыми периодами военного противостояния, а потому они часто применяются во внешнеполитической аналитике и практической внешней политике и особенно приветствуются военными во всех странах мира, поскольку подкрепляют необходимость их существования. Таким образом, руководствуясь этой теорией, можно предпринять попытку строить различные системы безопасности на практике и вести переговоры, основанные на «устрашении» и «обмене уступками», что политически проще объяснять внутри страны, особенно в государствах с традиционными типами социального порядка, политика которых в значительной степени основана на консолидации перед угрозой «внешнего врага».

Как показывает практика последних десятилетий, такого рода объяснения импонируют и достаточно значительной части избирателей в государствах с открытым социальным порядком (у политиков республиканской партии США, включая Р. Рейгана, Дж. Буша-мл., М. Ромни) при концептуализации их внешней политики в

отношении государств с естественным социальным доступом и, в особенности, в случае международных террористических актов, поскольку любое общество будет готово защищаться, если возникла угроза биологическому существованию его членов.

□ На одном из первых мест здесь находится стойкое, порой необъяснимое с позиций здравого смысла и общих целей укрепления безопасности и борьбы с международным терроризмом глубокое недоверие, которое не на словах, а на деле испытывают партнеры друг к другу. Та инерция идеологического и психологического противостояния, которая тянется со времен существования СССР, Варшавского договора и «холодной войны». Она, эта война, по словам руководителей и России, и США, и НАТО, давно закончилась. Стороны не считают себя врагами, называют стратегическими партнерами, но то тут, то там наталкиваются на упорное непонимание собственной позиции по тому или иному вопросу и на подозрение об извлечении односторонней выгоды, как политической, так и, что особенно опасно, военной.

Как выйти из затянувшегося противоречия? Путь только один — сотрудничество, пусть и вынужденное (Россия от НАТО и НАТО от России никуда друг от друга не денутся), по самым разным направлениям. В первую очередь по тем, что интересны обеим сторонам.

Дружба вместе и врозь. Сотрудничество России и НАТО носит вынужденный характер // Независимая газета. 2013. 18 янв. С. 2.

В то же время к концу XX в. окончательно выяснилась и ограниченность роли противопоставленных друг другу систем военной безопасности с точки зрения обеспечения экономической безопасности: они сковывают мировой экономический рост, препятствуют расширению экономического пространства, а соответственно, мировому экономическому и технологическому развитию, эволюционной трансформации мировой системы в ее более совершенное качество (т.е. более приближенное к идеальному в его конкретном историческом понимании), т.е. мешают разным этносам развиваться на основе компромиссов и кооперативизма, акцентируя неперемнную необходимость угрозы силой или применения силы для прямого либо косвенного подчинения всех остальных. Выяснилась также и затруднительность «обмена уступками» при возврате к политике военного балансирования в условиях слома биполярной модели (например, дискуссия о расширении НАТО на Восток, о ПРО ТВД и юридических гарантиях ее неприменения).

Кроме того, новые реалии последнего времени — расширение масштабов международной деятельности по регулированию кризисов, в том числе военных, при одновременном сокращении военных бюджетов большинства стран с совершенными вооруженными силами, возрастание эффективности в результате объединения или интеграции от военно-политического сотрудничества стран НАТО и их партнеров в многосторонних операциях на основе объединения потенциалов различных стран, международные и региональные миротворческие операции, а также беспрецедентное по сравнению со всей прошлой историей мирового развития усиление деятельности в области глобального управления в сфере безопасности — позволяют существенно укрепить потенциал именно кооперационного взаимодействия в этой области, усилить регулирование военно-политических кризисов, а также взаимодействие как с союзниками, так и с партнерами¹.

Возникающие подчас сложности в непонимании этих практических интерпретаций теоретических положений говорят о малом влиянии роли теории международных отношений на практику международно-политического анализа с точки зрения объяснения и прогнозирования долгосрочных последствий тех или иных внешнеполитических явлений / действий и о пренебрежении теорией ради объяснения «сиюминутной практики» при подготовке дипломатов, международных экспертов, аналитиков, советников в ряде национальных традиций международных отношений.

Безусловно, что существующие национальные картины мира вносят свою лепту в формирование предпочтительных представлений, объясняющих доминирование тех или иных подходов, концепций и теорий в национальных школах международных отношений². Новые теоретические разработки в области международных отношений и, в частности, применение идей И. Лакатоша о прогрессивных и вырождающихся научных исследовательских программах как основе оценки существующих теорий в противовес все

¹ См., например: *Шишацкий М. В.* Спектр современных военных действий: от диверсификации к синергии // *Мировая экономика и международные отношения.* 2013. № 3. С. 29—38; *Он же.* Военно-политическое взаимодействие России, ЕС и США: проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО (У) МИД России, 2013 — www.mgimo.ru.

² Подробнее см.: *Корм Ж.* Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012; *Тросби Л.* Экономика и культура. М.: Издательский дом ГУ—ВШЭ, 2013; *Губин В. Д., Стрелков В. И.* Национальные образы философии. М.: РГГУ, 2013.

еще мейнстримовским, но слишком общим идеям Т. Куна, предполагают пересмотр второстепенных гипотез «охранительного пояса» стержневых положений концепций как часть смены исследовательской проблематики «внутри» научной исследовательской программы (теории)¹ и оценки прогрессивности теории с точки зрения потенциала предсказания новых фактов².

Если теория не позволяет получать новые факты / предсказывать новые факты / явления и использует объяснения *ad hoc*, то она является, по выражению Лакатоша, вырождающейся (*degenerative*)³. Методы получения нового знания (приращения знания) и оценки корректности выводов, в целом, вне зависимости от того, является ли знание научным или утилитарным, подчиняются одним и тем же закономерностям, отличаясь только целями, быстротой получения знания, степенью глубины использованной методологии и необходимой глубиной оценки корректности выводов⁴, конечно, если они принадлежат одной парадигме⁵.

Однако при исследовании проблемы взаимоотношений государств с разными типами порядка социально-политического доступа в ходе мировых социальных трансформаций, которые могут вызывать архаизацию обществ, имеющих проблемы с адаптацией к мировым изменениям и мировым социальным трансформациям, аналитик всегда будет сталкиваться с примерами, подтверждающими необходимость реалистических концепций «силового противостояния», отличающихся только технологическим уровнем военного противостояния в каждом новом цикле исторического развития. Следовательно, «вырождение теории» в лакатошианском смысле связано не только со способностью получения или предсказания новых фактов, но и необходимостью объяснения ме-

¹ *Elman C., Elman M. F.* Introduction: Appraising Progress in International Relations Theory. In: *Progress in International Relations Theory. Appraising the Field* / Ed. by C. Elman and M. F. Elman. Foreword by Kenneth N. Waltz. Cambridge, Mass. And L.: MIT Press. P. 1–20.

² *Lakatos I.* Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // I. Lakatos and A. Musgrave (eds.) *Criticism and the Growth of Knowledge: Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science*. L., 1965. Vol. 4 (Cambridge: Cambridge University Press, 1970). P. 91–196.

³ *Ibid.*

⁴ *Плэмм В.* Стратегическая разведка. Основные принципы: пер. с англ. М.: Форум, 1997; *Pillar P. R.* Intelligence and U. S. Foreign Policy. Iraq, 9/11, and Misguided Reform. N. Y.: Columbia University Press, 2011.

⁵ *Wise D.* Tiger Trap. America's Spy War with China. Boston & N. Y.: Houghton Mifflin, 2011.

няющихся в соответствии с изменением внешних условий явлений внутреннего порядка нециклического характера, т.е. требует выхода за рамки повторяющихся (циклическо-технологических, цивилизационно-циклических, мирсистемно-циклических и других подобных) объяснений человеческой истории.

В «мягкой» версии реализма, так называемой рационалистической (или английской) школе международных отношений, мир рассматривается через призму «мягкого» подхода, основоположником которого считается Гуго Гроций, либо понимается как отражение состояния, описанного Локком, где анархия не означает полного беспорядка и где государства имеют не только противоречивые, но и общие интересы. Такая трактовка приближает «мягких» реалистов к либеральным институционалистам. Существует даже мнение о том, что современный реализм в действительности трансформировался в рационализм, не отличимый в своих аргументах от либеральных и институционалистских подходов¹. Хотя такая точка зрения активно дискутируется², сама дискуссия намечает путь для создания интегративных подходов и теорий, закладывая основу для формулирования концепций макрорегионализации и трансрегионального сотрудничества как новой формы глобализации и интернационализации, требующей усиления кооперативистского начала в мировой политике и международных отношениях, т.е. опирающихся на идеи построения максимально тесного и взаимосвязанного пространства экономики, политики и безопасности.

Сегодняшние разногласия между двумя основными философскими направлениями в осмыслении международных отношений связаны со следующими моментами:

- необходимостью отличать агрессивный / наступательный реализм от оборонительного;
- возможностью понимать конфликт как «обязательный с точки зрения целей государства» или как конфликт, которого можно и нужно избежать;
- разногласиями по поводу институтов: кооперация и наличие аналогичных институтов взаимосвязаны, наличие институтов соз-

¹ *Moravcsik A. Liberal International Relations Theory: A Scientific Assessment In: Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Ed. by C. Elman and M. F. Elman. Foreword by Kenneth N. Waltz. Cambridge, Mass. And L. : MIT Press. P. 159—204.*

² *Schweller R. L. The Progressiveness of Neoclassical Realism. In: Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Ed. by C. Elman and M. F. Elman. Foreword by Kenneth N. Waltz. Cambridge, Mass. And L. : MIT Press. P. 311—348.*

дает возможности для кооперации, но теория пока не дает удовлетворительного объяснения положения о том, каким образом строительство или импортирование институтов при их полном отсутствии либо разногласиях в базисных параметрах функционирования может усилить кооперацию¹.

Однако, невзирая на формальное сближение школ, обе традиции в мирополитических исследованиях никогда не рассматривались как взаимоисключающие или непосредственно конкурирующие друг с другом в практике отношений между демократиями (т.е. между государствами с открытым социальным порядком), а в реальной внешней политике демократий и их коалиций с другими государствами (с государствами, поддерживающими естественный или какой-либо другой социальный порядок) все же превалировал либеральный институционализм, оборонительный реализм, прагматизм и здравый смысл, даже если подход правящей партии и предусматривал превалирование какой-либо одной традиции (например, у демократов или республиканцев в США и т.д.).

- Наилучшим результатом для дискуссии в Америке было бы сочетание двух подходов: идеалисты должны признать, что принципы требуют временных отрезков для применения и поэтому должны периодически корректироваться в зависимости от обстоятельств, а реалисты должны принять положение, в соответствии с которым ценности имеют свою собственную реальность и должны быть встроены в операциональную политику. Такой подход предполагал бы множество градаций в каждом из лагерей и усилия, которые необходимо предпринять для того, чтобы инкорпорировать их друг в друга. На практике же эта цель всегда перевешивалась страстью к противопоставлению этих двух подходов.

Kissinger H. On China. New York: The Penguin, 2011. P. 454.

Попытка «навести методологические мосты» между двумя традициями, особенно принимая во внимание необходимость практического построения внешней политики в отношении государств с естественным (ограниченным) и открытым доступом посредством комплексного (интегрирующего) подхода конструктивистского типа, продуктивна, особенно если по каким-то причинам затруд-

¹ *Jervis R. Realism, Neoliberalism, and Cooperation: Understanding the Debate. In: Progress in International Relations Theory. Appraising the Field / Ed. by C. Elman and M. F. Elman. Foreword by Kenneth N. Waltz. Cambridge, Mass. And L. : MIT Press. P. 277–311.*

нено неискаженное понимание влияния типа доступа на характер внешнеполитического взаимодействия государств в национальной традиции.

Выше говорилось о важности концепции мощи. Тем не менее, ставя в центр анализа международных отношений концепцию комплексной мощи (или силы) государства, *реалисты обычно полагают, что вся политическая и частично экономическая деятельность по сути есть не что иное, как борьба за власть и мировое господство.* И чем сильнее в военном и экономическом отношении какое-либо конкретное государство, тем большие опасения вызывает его внешняя политика, прежде всего с точки зрения того, не приближается ли такое государство к статусу мирового гегемона.

При этом некоторые реалисты настаивают на возможности точного определения понятия мощи и продолжают верить в ее количественное измерение. Ряд авторов вслед за Рейнольдсом полагают, что согласно наиболее часто встречающемуся в политологии определению мощи она означает способность к достижению цели без модификации самой цели, которая может произойти во время процесса ее достижения.

Однако главный вопрос, по нашему мнению, состоит не столько в определении мощи и методах ее измерения, сколько в целом в возможности применения реалистской концепции силового балансирования к современному этапу развития международных отношений в условиях мирового изменения климата, ограниченности ресурсов, опасного уменьшения биологического разнообразия на земле.

Силовое балансирование в условиях возникновения новых вызовов, которые невозможно решить в рамках одного национально-государства либо в рамках военного противостояния одних другим, требует *интенсифицировать поиск внешнеполитических курсов, основанных на защите своих правильно понятых национальных интересов в русле стратегий кооперативистского типа.* Атомные бомбы, пушки, авианосцы, подводные лодки и военные самолеты не способны защитить от глобального потепления, истощения ресурсов, недостатков существующего технологического уклада, цунами, наводнений, землетрясений и т.д.

В государствах с системой открытого социального доступа конкурируют различные интерпретации национальных интересов, а избиратели имеют возможность выразить свое отношение к той или иной программе посредством свободного волеизъявления на выборах. В государствах с естественным (ограниченным) типом со-

циального доступа конкуренция программ ограничена или затруднена, а истинные цели победителей в политической борьбе могут быть скрыты, не полностью ясны или определяться какими-либо другими, кроме явно обозначенных, целями.

Доведенная до крайности реалистская парадигма предлагает рассматривать нарастание природных катаклизмов как результат применения «климатического оружия». Но поскольку климатические изменения затрагивают все страны и народы, то получается, что творцы «климатического оружия» применяют его как против своих врагов, так и против своего собственного населения, что делает иррациональной такую аргументацию. Но в закрытых, оторванных от всего мира государствах, типа КНДР, эти аргументы, возможно, кем-либо и принимаются во внимание.

Для доказательства возможности измерить мощь государства реалисты используют различные модели и объяснения (например, наиболее известными и тщательно проработанными из них являются: «простая силовая модель» Ж. Марча, концепция «мощи» как «измеряемая переменная» К. Дейча и т.д.). Однако, несмотря на наличие всех предпринятых попыток, ни один исследователь, ни в нашей стране, ни за рубежом, так и не преуспел в комплексном измерении мощи, хотя все практические организации в той или иной степени занимаются прикладной сферой данной теоретической проблемы. Это существенным образом ограничивает применение «жестких» реалистских подходов определенными сегментами сферы военных отношений между государствами, что в современном мире является только частью, хотя и достаточно важной, взаимоотношений между государствами с разными социальными порядками либо между государствами с естественным типом социального доступа.

В этой связи нелишне проиллюстрировать необходимость более тонкого понимания данного вопроса с помощью так называемого простого индекса мощи (*simple index of power*). Невзирая на широко распространенное представление о том, что мощь государства трудно поддается измерению, и политики, и исследователи, и практики по-прежнему продолжают попытки анализа в этом направлении.

Традиционное внимание реалистов к мощи (*power*) как к возможности применить силу (*force*) имеет полное право на появление, ибо существование государства может быть поставлено на карту при фактической проверке его способности применить «жес-

ткую» силу. При определении военной мощи важным положительным фактором является наличие в стране значительного населения. Однако, как считает американский исследователь Дж. Рэй, один из последних исследователей, публиковавших крупную работу такого рода в западной традиции изучения международных отношений, примеры Китая и Индии четко показывают, как наличие большого населения может ослаблять государства. Кроме того, анализ лишь промышленного потенциала государства и наличия у него крупной военной силы также могут ввести в заблуждение. Так, Дж. Рэй указывает, что никакой показатель мощи не может учесть все факторы, которые позволяют государству оказывать влияние на международную систему, но даже простой показатель (индекс), основанный на важных и осязаемых элементах, обеспечивающих мощь государства, может вскрыть ключевые характеристики структуры данной системы¹.

□ Однако на рубеже XIX и XX вв. теория Эйнштейна покончила с представлением о механистической картине мира, выявив его относительность, а позднее и введя принцип неопределенности при оценке поведения системообразующих элементов как в микромире, так и в макромире. Точно так же примерно в это же время происходит переоценка механистического видения международных отношений, основанных на принципах силы и равновесия, отмечается усиление в них неопределенности и непредсказуемости, по крайней мере, по отношению к тем критериям, которые, как казалось, традиционно предопределяли поведение государств во внешнем измерении. Между тем девальвация силовых возможностей, относительность самого понятия силы во внешнем мире неизбежно ведет к неопределенности всей существующей (на базе силы) системы международных отношений. Таким образом, к негативным последствиям мирорегулирования, основанного на силе, следует отнести не только возрастающую разрушительность этой системы, но и все большую ее неопределенность и непредсказуемость.

Важно и другое. Размеры территории, численность населения, размеры вооруженных сил остаются важными компонентами силы государства на международной арене, но они не обязательно предопределяют современные возможности этой силы. Они могут предопределять их в одних обстоятельствах, но могут и не предопределять в иных.

Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М. : Наука, 2002. С. 159.

¹ Ray J. L. Global Politics. Boston : Houghton Mifflin, 1995.

Рэй разработал показатель, измеряющий мощь государства путем учета его демографических, индустриальных и военных параметров. Для учета демографического компонента использовался совокупный размер населения государства. Для измерения индустриального потенциала брались три показателя: 1) размер городского населения; 2) объем выплавки стали; 3) уровень потребления топлива. Для измерения военного параметра мощи учитывалась численность личного состава вооруженных сил, финансируемая государством, и уровень общих (прямых и косвенных) военных расходов. Объясняя возможные недостатки своего индекса, Рэй сам отметил отсутствие геополитических факторов и полное игнорирование различных видов влияния, альянсов, а также таких нематериальных элементов мощи, как квалификация, воля, или цель. Однако Рэй был убежден в том, что разработанный им индекс отражает изменения, произошедшие в международной системе в 1890—1992 гг.

Хотя данный индекс в общих чертах и отмечает важные изменения в международной системе, он в то же время ставит перед аналитиками много интригующих практических вопросов, которые фактически похоронили попытки измерить мощь государств в мейнстриме международных отношений. Например, действительно ли СССР в 1975 г. стал самым мощным государством мира и оставался таковым до 1990 г. или до тех пор, пока не начался его окончательный распад, как можно было бы заключить, следуя расчетам Рэя, противоречащим расчетам других экономистов? Многие российские аналитики, досконально знающие реалии советской экономики, ответили бы на такой вопрос отрицательно. Были ли США самым мощным государством начиная с 1900 г.? Верно ли утверждение Рэя, что Китай с 1992 г. становится фактически равным по мощи США? Как это соотносится с сегодняшними расчетами экономистов?

Рэй прав в постановке всех этих вопросов, но его схема «простого индекса мощи» вступает в противоречие с эмпирикой и иллюстрирует ограниченность применения такого рода подсчетов для объяснения конкретики международных процессов, имеющих гораздо более сложный комплексный характер. Он также вполне справедливо указывает, что другие попытки «исчисления мощи», предпринятые, например, А. Органски и Я. Куглером на основе учета валового национального продукта (ВНП), и более поздние попытки измерения валового внутреннего продукта (ВВП), рассчитан-

ного по паритету покупательной способности, также дают слишком грубый результат, который можно использовать только как косвенный базовый показатель для сопоставления с другими факторами. Именно эти методологические ограничители и сохраняют значение экспертного анализа и логико-интуитивного подхода.

В 1990-е гг. вслед за американскими исследователями 1980—1990-х гг. похожую попытку комплексного количественного исчисления «мощи» пытались предпринять и ряд китайских исследователей, но они также убедились в методологической ограниченности постановки этого вопроса как проблемы чисто количественного исчисления, что вскрылось при попытке оценить и интерпретировать значение подъема Китая, Незапада (*Чжунго цзюэци / the rise of the Rest*) и превращения китайской экономики по объему во вторую экономику мира. В 2000-е гг. такая же попытка была предпринята рядом молодых российских исследователей, безуспешно пытавшихся формализовать показатели «жесткой» и «мягкой» мощи государства.

Отвергнутые общественными науками в связи с невозможностью однозначного количественного подтверждения отдельные результаты этих исследований в СМИ существенно повлияли на мировое общественное мнение в связи с «утратой» лидирующих позиций Западом и «прихода ему на смену» Востока. Это не означает, однако, отрицания необходимости постановки задач проведения количественного компаративного анализа ключевых показателей развития стран или сравнения индексов конкурентоспособности стран и регионов, которые в конечном счете помогают понять способность конкретных стран к осуществлению технологического прорыва и инновационного развития и оценить место в этом списке своей страны, хотя бы для оценки последствий закрытия страны с точки зрения ее дальнейшего технологического отставания¹.

Невзирая на существование как общепринятого, так и альтернативных подходов к мощи, в литературе по международным отношениям отсутствует четкое определение этого понятия. Более или менее полезное определение сформулировал В. Джонс, который рассматривает мощь как способность субъекта международных от-

¹ См., например: *Каница Л. М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО, 2008; *Беленов О. Н., Ануцин А. Н.* Конкурентоспособность стран и регионов. М.: КноРус, 2011; *Кудров В. М.* Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011; *Субботин А. К.* Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

ношений использовать материальные и нематериальные ресурсы и различного рода возможности, чтобы влиять на исход международных событий в желательном для себя направлении.

Как справедливо указывает Л. Домингез, оно не дает конкретного представления о мощи. В выявлении мощи обычно помогают так называемые показатели мощи, которые, согласно концепции Домингез, включают следующие факторы: военные (военная сила, технологический уровень военной силы, уровень подготовки личного состава и т.д.); демографические и психологические (численность населения, национальный характер, уровень образования и моральный уровень населения); физические (размер территории, рельеф местности, географическое положение, сырьевые ресурсы); экономические (экономические ресурсы, сырье, зависимость от импорта жизненно важной продукции, технологический уровень, уровень производительности труда в промышленности, объем торговли, накопления и инвестиции); государственное устройство (тип государственного устройства и правительства, эффективность принятия решений, идеология, влияние, престиж и репутация государства и власти, тип власти, ее законность и легитимность, тип и стиль руководства) и т.д.¹ Однако многочисленность этих показателей и наличие в их составе различных исчисляемых (например, уровень военных расходов) и априорно неисчисляемых категорий (например, влияние и престиж) затрудняют их практическое использование, хотя модифицированные комплексные исследования такого рода и продолжают вестись рядом практических организаций в разных странах мира, подчас становясь значительным интеллектуальным вкладом в осмысление каждодневной реальности².

В рамках реализма имеется и другая, более сложная теория, которая включает мощь в более широкое понятие влияния. Представители этого направления (Г. Лассвел, А. Каплан, М. Хаас) полагают, что влияние может измеряться восемью компонентами: мощью, уважением, нравственностью, привязанностью [населения],

¹ *Dominguez L. Realism in International Relations / Bellamy Richard (ed.) Theories and Concepts of Politics. Manchester & N. Y. Manchester University Press, 1993. С. 220—242.*

² *Агеев А. И., Куроедов Б. В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развитии государств (на примере России и Китая). М. : Институт экономических стратегий, 2008; Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. М. : Институт экономических стратегий, 2006; Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. Индия-Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М. : Институт экономических стратегий, 2009.*

благополучием, благосостоянием, квалификацией и просвещенностью. Руководствуясь этим подходом, можно предположить, что государства, имеющие высокие показатели по одному из этих факторов, будут иметь столь же высокие показатели и по другим факторам. Согласно другой гипотезе (И. Галтунг), если государство не в состоянии обеспечить равновесие при достижении определенного положения в мировой иерархии, оно будет стремиться выправить дисбаланс силой. Тем не менее мощь и благосостояние по-прежнему рассматриваются как важные компоненты влияния на международную арену.

С учетом перечисленных выше аргументов принято считать, что все теории, в которых мощь рассматривается как главный переменный фактор, имеют в силу своей первоначальной посылки общую методологическую слабость, которая фактически похоронила такого рода анализ в науке о международных отношениях государств с открытым социальным доступом к концу XX в., но сохранила его в какой-то степени в военных исследованиях, прогнозирующих возможные военные столкновения с конкретными государствами системы естественного порядка социально-политического доступа. В государствах с естественным (ограниченным) типом порядка социально-политического доступа степень влияния такого рода подходов на внешнюю политику зависит от того этапа эволюции естественного порядка социально-политического доступа, на котором в результате спонтанного исторического развития или же применения методов социальной инженерии они находятся на конкретном историческом этапе своего развития.

Важно отметить, что в отличие от либеральной традиции все представители школы реализма исходят из трех главных посылок:

- 1) государства всегда играют доминирующую роль и рассматриваются как «единые субъекты» международных отношений;
- 2) сила служит эффективным инструментом политики;
- 3) в международных отношениях существует некая иерархия сфер, в которой главное место занимают соображения о безопасности государства, прежде всего военной, но в последнее время понятие безопасности трактуется в некоторых школах в рамках национальных традиций расширительным образом, включая в понятие безопасности не только военные, но и продовольственные, медицинские, транспортные, информационные, конфессиональные, духовные и другие аспекты.

Все эти положения школы реализма сегодня не только интеллектуально оспариваются, но в силу прогрессивного характера эволюции международной системы не всегда, даже частично, подтверждаются эмпирически. Дело в том, что кроме государств появились и другие международные акторы, часто по своему влиянию сопоставимые с государствами, в реальности государства уже не являются «единицами субъектами» международных отношений, сила перестала во всех случаях служить эффективным инструментом политики, а последствия ее применения оказываются все более и более экономически деструктивными для мировой системы. В иерархии сфер безопасность государства уступает место безопасности населения, поскольку даже теоретическая вероятность сколько-нибудь значительных человеческих жертв во имя государства вообще (т.е. фактически того или иного политического режима или проводимой им политики), особенно при отсутствии реальных демократических процедур волеизъявления народа, больше не является приемлемой.

Предложенные неореалистами определения мощи, безопасности и силы не означают отказа от главной посылки, суть которой состоит в неупорядоченной (анархичной) конкуренции (в интерпретации реалистов — прежде всего и в основном — силовой) государств в международных отношениях. Реальная политика (так называемая *realpolitik*) в понимании неореалистов (К. Уолтц) предусматривает стремление к действию в интересах государства. Такая политика проводится в силу нерегулируемой конкуренции государств, т.е. ввиду необходимости уравнивания. Политический расчет, основанный на этих предпосылках, может помочь в раскрытии содержания рациональной политики, которая проверяется ее успешностью, а успешность, в свою очередь, подразумевает ее сохранение и укрепление.

Элементы такого подхода остаются неизменными на протяжении всей эволюции реализма от Макиавелли до Моргентау и Уолтца. Однако, исходя из перечисленных выше аргументов, оспаривающих посылку реализма, а также из опыта развития мировой системы XX в., ясно, что сфера применения реализма как концептуальной основы национальной внешней политики непрерывно сужается¹, так как при развитии опираться только на националь-

¹ *Elman C., Elman M. F. (eds.). Foreword by Kenneth N. Waltz. Progress in International Relations Theory. Appraising the Field. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2003.*

ные ресурсы исходя из фиктеанских представлений о «замкнутом государстве» XIX в. и представлениях советской политико-экономической системы закрытого типа¹ больше не представляется возможным.

Издержки такого развития, прежде всего с точки зрения технологического отставания, слишком велики. Это хорошо показало сравнение опыта СССР и КНР, выразившееся в технологическом и экономическом отставании закрытой системы советского типа от мировых лидеров и параллельно в ускоренном сокращении отставания при внутренних реформах и одновременном увеличении степени открытости в Китае.

Действительно, изобретения отца и сына Черепановых, А. Попова, С. Лебедева, И. Сикорского, А. Прохорова, Ж. Алферова известны во всем мире, но существующая в СССР система не позволяла конвертировать идеи в рыночный товар — коммерциализировать идеи и превращать их в инновации, поскольку отрицала социальные инновации, создающие механизмы для массового распространения технологических инноваций.

В сегодняшнем мире реальность пространства взаимозависимости (прежде всего финансовой, ресурсной и технологической, а также политико-экономической) и основанной на ней необходимости кооперации превалирует, в то время как реалистическая традиция продолжает испытывать традиционные сложности при объяснении этой мировой тенденции и, соответственно, выработки рекомендаций для формулирования внешней политики. То есть через эволюцию существующей модификации мирового порядка можно решать, в частности, и вопросы финансирования инноваций с целью сокращения технологического разрыва². Хотя фундаментальные экономические кризисы в мировой системе возникают при жизни каждого отдельно взятого поколения³, силовой слом

¹ Чанышев А. А. Проект «замкнутого торгового государства» И. Г. Фихте и противоречия «современной эпохи» // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 3—13.

² Шугуров М. В. Международное право и технологический разрыв: проблемы и решения // Право и полтика. 2011. № 5. С. 786—805; *Он же*. Мировая финансовая система и перспективы глобального инновационно-технологического развития: международно-правовой аспект // Право и полтика. 2011. № 2. С. 196—213; *Он же*. Научно-технологическая и инновационная деятельность в глобальном мире: взаимодействие национального опыта и международного права // Право и полтика. 2010. № 11. С. 1934—1949.

³ Гриняев С. Н., Фомин А. Н. Мировая экономика: реальность или фикция? М. : ФондИВ, 2008; Гринин Л. Е., Коротяев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Крат-

существующего мирового порядка¹ лишает надежды на лучшее будущее, поскольку ставит предлагающую такую силовую деконструкцию страну перед дилеммой поиска союзников, цели и национальные интересы которых могут де-факто оказаться совершенно несхожими, а возможно, и противоположным образом ориентированными. Осуществлять слом и строительство нового политико-экономического пространства на развалинах старого мирового порядка самостоятельно чревато перенапряжением сил и национальной катастрофой.

Историческое прошлое СССР и КНР (революция 1917 г. в России и курс на «мировую революцию», далее незаконченный период нэпа, построение социализма сначала в отдельно взятой стране, затем построение мировой социалистической системы, советско-китайский раскол, китайская «культурная революция», реформы в КНР по образцу нэпа в Советской России и постепенная модификация системы социально-политического доступа, распад СССР и изменение политико-экономической системы в России при сохранении системы естественного социально-политического доступа и возвращение к системе «передачи власти по кругу») показало, что радикальные социально-экономические потрясения при сохранении циклического развития в рамках порядка естественного социально-политического доступа в реальности приводят только к архаизации существующих социальных порядков и могут отбросить страну вниз по этапам «внутри» соответствующего порядка социального доступа и назад на многие десятилетия при том, что весь мир в целом может двигаться поступательно по лестнице социального развития.

Нужен ли России существующий мировой порядок?

В целях согласования интересов мировой олигархии и национальных интересов наиболее развитых стран была разработана расистская теория «золотого миллиарда», согласно которой обеспеченное существование на планете может быть гарантировано только миллиарду человек из наиболее преуспевающих стран, в то время как остальным странам уготовлена жалкая участь сырьевого придатка и поставщика дешевого человеческого материала для обслуживания интересов транснационального капитала... Эта доктрина

кая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена / отв. ред. С. Ю. Мальков. М. : Книжный дом «Либроком», 2010.

¹ *Глазьев С. Г.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2011. С. 42—54.

на носит отнюдь не умозрительный характер — она уже применяется на практике в регулировании международных отношений...

Из изложенного выше следует нецелесообразность сохранения сложившейся системы международных финансовых отношений с точки зрения национальных интересов России и большинства стран мира, не обладающих возможностью эмитировать мировые деньги. Кризис дает шанс на пересмотр этих отношений с учетом интересов всех участников. Однако пока Вашингтон в силах принуждать зависимые от него страны НАТО и Японию к сохранению статус-кво, этот пересмотр невозможен и другим остается выбирать между интересами международного капитала и своими национальными.

Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010. С. 42, 50, 54.

Следовательно, сужающие сферы своего применения определенным типом государств и определенными региональными сегментами мира концепции реализма неизбежно подвергнутся еще большей модификации, исходя из тех кардинальных изменений, которые произошли в международных отношениях за последние три десятилетия. Главным при этом является следующий аргумент: мир изменился настолько сильно, что игнорировать проблему трансформации национального государства, национального суверенитета, существующего международного порядка, формирования транснационального экономического и наднационального политического пространства, взаимосвязи с процессом развития и превалированием в силу этого кооперативистских подходов больше не представляется возможным. Игнорирование этих изменений приводит к необратимому отставанию государств, исповедующих устарелые или анахроничные концепции.

Это положение иллюстрируется появлением не только догоняющих, но и «неуспевающих» моделей развития в обществах, которые не просто отягощены неэффективными политическими и экономическими системами в силу превалирования неэффективных экономических и политических концепций, но и постепенно откатываются на периферию мира без какого-либо шанса хотя бы затормозить свое отставание. Одновременно понимание эволюции направления теоретических положений международных отношений в рамках макрорегиональных комплексов позволяет уточнять логику возможной политики интервенционистского типа страна-

ми Запада, прежде всего США, и прогнозирования реакции на нее других великих держав¹.

- ...Мировое развитие — как в прежние эпохи, так и на современном этапе — осуществляется в контексте геополитической борьбы государств. Сам факт этой борьбы в либеральном дискурсе традиционно замалчивается. Между тем иллюзия безоговорочной всечеловеческой солидаризации по американским формулам глобализации небезобидна.

Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2012. С. 397.

- Человечество в целом тоже расколото, и по той же линии: увеличивающаяся масса бедных и обездоленных против процветающего Запада. Разница в том, что раскол здесь рождает не столько экстрим (хотя и не обходится без него), сколько вынужденный иждивенческий инфантилизм. Мир неудержимо несетя вперед, и столь же ускоренными темпами углубляется раскол, побуждая растущее большинство неприспособившихся рассчитывать на увеличение помощи со стороны богатого Запада. Это тот же экстрим, не сулящий человечеству ничего хорошего. А Россия, несмотря на ее все более скромную роль в мировых делах, оказывается по ряду важных причин чуть ли не впереди всех на авансцене драматических событий. Она быстрее других раскалывается, но и энергичнее всех показывает свою неприспособленность выносить вроде бы привычную для нее ситуацию раскола и экстрима».

Васильев Л. Экстрим на основе раскола. Метаморфозы явления, веками определявшего ход российской истории // Независимая газета. 2012. 29 авг. С. 5.

Основные послышки реализма оспариваются другими традициями, что заставляет реалистов все время выдвигать новые контрдоводы в поддержку своих позиций, например: не существует четкой иерархии сфер и вопросов, но в реальном мире, особенно после крупномасштабных террористических актов, на первом месте все-таки стоит безопасность, правда, скорее не государства, как такового, а его населения; сила, прежде всего военная, становится все более неэффективным и дорогостоящим инструментом политики; ее

¹ *Gvozdev N. K., Takeyh R. Decline of Western Realism // The National Interest. Number 117, January / February 2012. P. 8—20; Kupchan C. The Grand Strategy. Democracy // A Journal of Ideas. No. 23. Winter 2012. P. 9—18; Periello T. Humanitarian Intervention. Democracy // A Journal of Ideas. No. 23. Winter 2012. P. 32—37; Jentleson B. W. Accepting Limits. Democracy // A Journal of Ideas. No. 23. Winter 2012. P. 38—46.*

применение невозможно в отношении ядерных государств, но это не относится к такому компоненту силы, как давление (не военное, а структурное, экономическое, финансовое и т.д.), которое по-прежнему продолжает служить орудием достижения политических или иных целей во взаимоотношениях между государствами, особенно если они не связаны отношениями военно-политического союза и не принадлежат одному военно-политическому блоку.

□ Сейчас ситуация складывается благоприятно для России. В стратегическом плане перед нами стоят большие проблемы, и нужно предпринимать серьезные усилия для их решения. Но в тактическом плане сейчас — когда имеет место острый кризис в Европе, когда в США растет государственный долг, когда сокращаются темпы роста экономики Китая, — Россия выглядит не так плохо. Во-первых, Россия имеет серьезные природные ресурсы, которые пользуются спросом. Во-вторых, наш потребительский рынок, конечно, не такой, как в Китае, но довольно существенный, привлекает бизнесменов. Есть факторы, снижающие нашу привлекательность, но это прежде всего политические факторы — неблагоприятный инвестиционный климат, постоянные угрозы вмешательства государства, угрозы коррупции и т.д.

Лично я предполагаю, что факторы, обуславливающие приток, в течение какого-то времени будут превалировать. Это вызовет большой приток капиталов. Но если мы не решим проблему повышения привлекательности российской экономики, если мы не создадим благоприятные условия для деловой активности, то у нас нет перспектив. Это главная стратегическая проблема.

«Ситуация складывается благоприятно для нас». Евгений Ясин о возможных последствиях мирового финансового кризиса для России. Подготовил М. Мошкин // Московские новости. 2012. № 147 (343). 16 авг. С. 4.

Отталкиваясь от того, что к государству следует подходить как к субъекту политики, историки-реалисты не могут не согласиться с мнением британского историка Э. Карра, согласно которому анализ международных отношений возможен только при применении личностных характеристик к категории государства. При своей недоказуемости это положение просто должно быть принято в разработанной реалистами системе координат в качестве аксиомы.

Принимая личностный характер государства как данное, реалисты-классики полагают, что каждое государство имеет свои «национальные интересы», отражающие выгоды всего государства в це-

лом, а не какой-то его части. «Персонализация» государства неизбежно усиливает необходимость авторитарного начала в управлении, а акцент реалистов на мощи и безопасности обусловлен той посылкой, что государство как институт должно обеспечить защиту своих граждан.

Однако оценка национального интереса может представлять собой не более чем субъективное суждение на основе ограниченной информации, и в реальности национальный интерес разными социальными категориями и классами понимается и интерпретируется по-разному.

□ Президент Путин заявил, что в условиях, когда нарастает угроза «большой войны», когда армии крупных держав стремительно перевооружаются, Россия обязана совершить рывок, в кратчайшие сроки воссоздать оборонно-промышленный комплекс и сконструировать лучшее в мире оружие. Для этого страна выделяет баснословные деньги — триллионы рублей...

Речь идет о создании новой страны на пепелище, оставленной либералами после истребления СССР. Глубинные коды этой страны совпадают с кодами «красной империи», кодами «белой» православной империи, с кодами Московского царства и древней Киевско-Новгородской империи. Будущая Россия рождается в потоке непрерывной русской истории...

Существование «общего дела» и «образа врага» является основой для «мобилизационного проекта», «мобилизационного рывка».

Русское оружие защищает не только русские пространства, города и недра, но само русское мессианство, идею вселенской справедливости, мечту о земном рае, которая воплощалась в народных сказках, учении старцев, коммунистической утопии...

«Мобилизационный проект» предполагает подавление противников развития, подавление «внутреннего врага», реализующего стратегию врага внешнего...

«Идеология рывка» вписывается в метафизику русского исторического пути, с историческими взлетами и падениями в пропасть, с «пасхальным воскресением», которое православным сознанием трактуется как проявление Русского Чуда.

Проханов А. Орден меченосцев XXI в. // Завтра. 2012. № 39 (984). Сент. С. 1.

Верно, что мощь государства есть по сути не поддающееся количественному измерению явление, и споры об определении содержания мощи не могут ничего добавить к данному положению.

Однако критика подхода к мощи как к фактору, не поддающемуся эмпирической проверке, направлена не против теоретических рассуждений реалистов, как это кажется при первом рассмотрении, а против общественных наук вообще, поскольку количественному анализу поддается только часть проблем, решаемых в этой сфере.

Вся эта аргументация по сути подталкивает к необходимости выработки комплексных и интегрированных подходов конструктивистского типа, которые бы не только больше отвечали реальностям сегодняшнего дня, чем подходы, уходящие в прошлое в силу просто своей ориентации на него, но и допускали эффективную «социально-политическую инженерию» как внутри государства, так и на международной арене.

- Если классический реализм в качестве главных причин международных конфликтов называет отсутствие более высокой (чем государственная) власти и агрессивность человеческой природы, то неореалисты (последователи Уолтца) выдвигают на первое место анархичность международной системы. Неореализм уделяет внимание, прежде всего, понятию рациональности в международной политике, переносит акцент с максимизации мощи на максимизацию безопасности и утверждает, что системные переменные в принципе достаточны для объяснения системных явлений. Неореалисты определяют структуру в узком плане как распределение способностей к действию (или потенциалов) внутри системы. Разработанная в рамках реализма концепция баланса мощи (*balance of power*) требует поддержания баланса сил между государствами во избежание гегемонии одного из них. Как считают сторонники такого подхода, баланс вообще эффективно препятствует гегемону в создании угроз для существования самой системы. «Гегемонистская» версия реализма, утверждающая необходимость наличия гегемона или мирового лидера в системе международных отношений для поддержания ее стабильности, снижает роль такого баланса и выдвигает на первое место иерархию распределения мощи внутри той или иной международной системы, которая необходима для ее стабильности.

Отождествление гегемонизма и лидерства, а также попытка военного балансирования государств вне существующих коалиций либо без явно сформулированной нейтралистской позиции (подобно Китаю времен Дэн Сяопина с его внешнеполитической фор-

мулировкой «бу чжэн тоу» — «не высовываться»)¹ инициирует усиление давления на такие государства со стороны лидера мировой системы путем усложнения им их экономического развития, ограничения импорта технологий вплоть до силового давления в ключевых для развития областях².

Полагая, что при гегемонии война менее возможна, чем при балансе сил, «гегемонисты» (А. Органски, Р. Гилпин, Г. Моделски и др.) утверждают, что при сильной концентрации экономической и военной мощи, т.е. при наличии гегемона международной системы, существует тенденция к снижению вероятности войны, и таким образом наличие гегемона способствует укреплению стабильности и мира.

К концу 1990-х гг. это положение было дополнено идеей трансформации гегемона в лидера и понятием «структурного лидерства» (С. Стрэйндж), основанном уже не на военных факторах, а на необходимости структурного поддержания системы в состоянии конструктивного равновесия, позволяющего стабильно развиваться, и необходимости лидерам давать пример поступательного движения на том генеральном направлении, по которому в целом движется человечество.

В конце 1990 — начале 2000-х гг. такое понимание «структурного» лидерства дополнилось идеей международного политического лидерства в создании и поддержании благоприятных для всех и справедливых глобальных торговых режимов³. Для принявших эту систему в качестве своеобразной «компенсации» появлялись воз-

¹ Дискуссию в Китае см. в следующих работах: *Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Сун Цян, Лю Ян*. Чжунго бу гаосин (Китай недоволен). Нанкин : Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009; Zheng Bijian. «China's 'Peaceful Rise' to Great Power Status» // *Foreign Affairs* 84, № 5 (September / October 2005); *Hu Jingtao*. «Built Towards a Harmonious World of Lasting Peace and Common Prosperity». Speech at the United Nations Summit (New York, September, 2005); Dai Bingguo. Persisting with Talking the Path of Peaceful Development. Beijing : Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 6, 2010; *Лю Минфу*. Чжунго Мэн: Хоу Мэйго шйдайдэ даго сывэй юй чжаньлюэ динвэй (Мечта Китая: Мышление великих держав и стратегическая расстановка сил в постамериканскую эпоху). Пекин : Чжунго юн чубань гунсы, 2010.

² *Schweller R. L., Pu Xiaoyu*. After Unipolarity // *International Security*. 2011. Vol. 36. № 1. Summer. P. 45—46.

³ *Dse D.* World Trade Politics. Power, Principles, and Leadership. N. Y. & L. : Routledge, 2008; *Mastanduno M.* System Maker and Privilege Taker: US Power and International Political Economy. In: *International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity* / Ed. by G. John Ikenberry, Michael Mastanduno, William C. Wohlforth. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 140—177.

возможности ускоренного развития в рамках общих правил членов коалиции и при их активном содействии и помощи.

- Вы должны быть готовы в любой момент пойти на войну. Если вы к этому не готовы, то это не нация. Как говорили наши предки: хочешь мира — готовься к войне.

Эрдоган Р. Т. Цит. по: Сурков Н. Эрдоган настраивает турок на войну в любой момент // Независимая газета. 2012. 9 окт.

- Сотрудничество между державами уже становится основной тенденцией развития международных отношений. КНР, США и Россия должны шагать в ногу с этой тенденцией, совместно проложить путь нового типа, характеризующийся мирным сосуществованием, активным взаимодействием, сотрудничеством и общим выигрышем. XXI век вообще является веком сотрудничества во имя общих интересов. Китайское изречение гласит: разумного человека заставляет меняться время, а мудрый человек меняет себя сам.

В настоящее время отношения между КНР, США и РФ находятся на новой стартовой линии. Давайте воспользуемся шансами и общими усилиями укрепим взаимовыгодное сотрудничество, внесем вклад в дело сохранения мира, стабильности и процветания планеты.

Сюн Гуанкай. Перед новым стартом. Содействие развитию трехсторонних отношений между КНР, США и Россией // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. Июль—август. С. 136.

По мере снижения эффективности силы в решении многих вопросов и роста взаимозависимости государств традиционное для реалистов представление о мощи как о господствующем факторе международных отношений становится все более сомнительным, а необходимость кооперации все более весомым аргументом. Кроме того, усложняется характер ресурсов, необходимых для обеспечения потенциала только военной силы. В этом смысле классическим примером продолжает служить Советский Союз — мощное, но в целом неконкурентоспособное, основанное на затратной модели развития государство, которое исчезло с мировой арены, породив неисчислимые трагические последствия для проживающих на его территориях граждан.

Таким образом, все большее число трезво мыслящих аналитиков начинает сознавать, что реализм и структурный реализм, несмотря на свою широкую распространенность, не являются достаточными теориями для всеобщего объяснения многих явлений международной

жизни, в значительной степени сковывают международный политический анализ и увеличивают опасность получения неадекватных выводов и практических рекомендаций для лиц, принимающих внешнеполитические и политические решения, просто в силу того факта, что эти теории исходят только из конфликтного характера мировых процессов и противостояния государств, ориентируют участников на затратную политику противостояния либо «обмен» требованиями без формулирования совместной повестки, согласованного развития, консенсусного поля кооперативного взаимодействия.

Если согласиться с посылкой приверженцев идеалистского подхода, согласно которому взаимозависимость как новая тенденция в международных отношениях означает ситуацию, характеризующуюся усилением взаимного влияния и взаимосвязанности между странами или между субъектами в различных странах, то как следствие этой посылки следует признать и утерю традиционно понимаемой мощи со стороны государства вообще. Но это может компенсироваться усилением суверенного контроля над ключевыми факторами и повышением экономической конкурентоспособности и политического влияния в составе регионального союза или блока, что в реальности может позволить государству проводить в жизнь такие решения, которые были бы невозможны при военном противостоянии либо балансировании с помощью военной мощи.

В региональных блоках с государствами одного типа социального доступа эти возможности дополнительно усиливаются. Таким образом, у государства появляется аргумент в пользу добровольного отказа от части своего суверенитета в пользу наднациональных образований (например, регионального союза, международной организации, военного или торгового блока) при сохранении национального суверенного контроля над ключевыми параметрами, ибо поддержание полного суверенитета на уровне отдельного государства требует все больших затрат и, самое главное, — больше не гарантирует осуществления успешной модели развития, требующей расширения использования потенциала внешних акторов.

Взамен «добровольной» утраты мощи в традиционном понимании можно получить усиление влияния в коалиции единомышленников, которое, как это ни парадоксально, может компенсировать «добровольную утрату» мощи, позволяя наращивать конкурентоспособность в тех областях, которые становятся в современных условиях приоритетными для развития. Другое дело, что принятие таких правил требует подготовки более конкурентной и лучше под-

готовленных политической и экономической элит, что не всегда возможно в силу исторических и культурных особенностей той или иной страны.

В то же время такие приверженцы теории реализма, как Т. Тэйлор, на основе опыта биполярного противостояния полагали, что сотрудничество и взаимозависимость возможны только в тех случаях, когда они служат национальным интересам, определяемым с точки зрения силы государства. Они указывали, что, опасаясь уязвимости, государства вынуждены оставлять за собой право контролировать международные организации или даже прекращать участие в их деятельности. В результате возникновения блоков (военных, торговых и т.д.), где государства отказываются от части своего суверенитета в обмен на общую защиту, баланс был (или неизбежно будет) поднят на новый межблоковый или межрегиональный уровень (противостояние цивилизаций, центров силы, региональных группировок и т.д.), а человечество в межгосударственных отношениях не сможет выйти за рамки противостояний традиционного типа.

Однако такие аргументы фактически возвращают мир к прошлому состоянию, так как ставят знак равенства между силой и влиянием и подразумевают только суверенное силовое влияние вне рамок коалиции, союза или формального / неформального осознания общих ценностей и интересов, что становится анахронизмом, препятствующим развитию, особенно в эпоху новых вызовов, требующих разработки концепций мирового взаимосвязанного и устойчивого развития.

Определение мощи как потенциала достижения результата (Р. Кохэн) или как способности изменять или влиять на поведение других в желаемом направлении (Т. Тэйлор) не могут не привести к выводу о том, что источником мощи может служить асимметричная взаимозависимость (Р. Кохэн) или структурная мощь (С. Стрэйндж). Этот вывод, в свою очередь, заставляет провести различие между «чувствительностью» (степень «люфта» внутри проводимой политики) и «уязвимостью» (наличие либо отсутствие относительно доступных и недорогих альтернатив проводимой политике).

Структурным реалистам не удалось преодолеть эти противоречия, ибо, как показал Р. Кохэн в дискуссии о балансе сил, структурный реализм не дает четкого ответа на вопросы о рациональности и интересах. Другая посылка структурных реалистов — о максимальном стремлении государств к универсальному господству —

в действительности представляет собой переформулированную посылку классического реализма о стремлении государств к максимизации мощи.

Однако посылка о стремлении некоторых государств к универсальному господству не является необходимым условием для применения силы. Более того, для обеспечения действенности своей теории баланса сил К. Уолтц вынужден был предположить наличие у государств стремления к самосохранению. Но государства, озабоченные самосохранением, при отсутствии опасности не всегда стремятся к максимизации мощи. Поскольку стремление к универсальному господству может поставить под угрозу их автономию, государства признают взаимосвязь между своим возвеличиванием и самосохранением; при благоприятных условиях с целью экономизации их усилия ослабляются до умеренного уровня, а при возникновении опасности они активизируются, и, следовательно, уравнивание становится более сложным процессом, чем балансирование мощью.

Как показано в работах Ч. Рейнольдса, с точки зрения методологии в реализме, в отличие от идеалистских подходов, которые акцентируют внимание на экономической выгоде, нет какого-либо общего закона, который бы помогал объяснить процесс международного взаимодействия, и потому предположения о том, что система баланса сил состоит из государств, которые стремятся помешать какому-либо одному государству в достижении гегемонии над другими, является историческим обобщением субъективного типа. Впоследствии последнее положение было доказано эмпирически (П. Шредер и гарвардская школа дипломатической истории), и именно поэтому следует сделать выбор между пониманием этих гипотез как не поддающихся проверке эмпирических объяснений (так утверждают историки) или как средства упорядочения мира (на чем настаивают политологи). Первое объяснение неизбежно возвращает дискуссию к понятию интерпретации в истории, а второе вводит объяснение нормативного типа, не являющееся единственным с точки зрения формальной логики.

Если в качестве метода использовать такой способ исследования, который классифицирует данные на количественной или категориальной основе, то в политическом анализе единственным надежным подходом могли бы стать теории среднесрочной перспективы, или среднесрочные теории (*middle-range theories*), которые содержат частичное объяснение и могут служить руководством

к исследованию или действию. Эти методологические посылки важны для понимания того, в какой степени необходимо сузить общую теорию для приведения ее в соответствие с требованиями среднесрочного объясняющего подхода.

Среднесрочные теории (или теории «среднего уровня») политологии и мировой политики (теория принятия решений, теория игр и т.д.) обеспечивают возможность эмпирического объяснения при конкретном наборе факторов на ограниченном временном отрезке и таким образом могут служить руководством к эмпирическому исследованию или к конкретному действию. В этом смысле применение теории и модели при анализе подобного типа представляет собой собственно метод исследования.

Модель — это гипотеза, не поддающаяся эмпирической проверке в том смысле, что она представляет собой набор идеализированных предположений. Но на основе построенной модели можно объяснять существующие факты на конкретном временном отрезке при заданных условиях, что не позволяют сделать исторические объяснения.

Экстраполяция разного типа условий на определенном временном промежутке позволяет оценивать возможный разброс вариантов появления новых фактов или явлений. Например, в «теории игр» при постулировании цели и ее альтернатив математическая модель указывает на рациональное решение при заданных условиях и конкретных обстоятельствах. Однако согласно «теории игр» реакция оппонента побуждается начальным действием, в то время как побуждением к последующим действиям служат конкретные альтернативы, которые рассматриваются с точки зрения оценки рациональности и ресурсов, но без знания истинной мотивации.

Успешность применения данной теории зависит от неизменного характера цели и отличного от него характера альтернативных целей. Как только в ходе игры изменяется цель или, как это происходит в реальной жизни, альтернативные цели вступают в зависимость или противоречие друг с другом, игра как логическое упражнение теряет какой-либо смысл. Но если цели сохраняются, то можно строить логические проекции последствий на определенный промежуток времени, в течение которого цели остаются неизменными.

В естественных науках существует возможность осуществить теоретическую дедукцию на «узкой основе» (т.е. на основе модели)

и разработать общие посылки, которые поддаются проверке, ибо в естественных науках возможно должным образом определить и измерить переменные факторы (величины). Возможность таких действий в общественных науках и мировой политике затруднена, но возможна, а в истории международных отношений методологически невозможна. Теория игр в международных отношениях зависит от посылок, которые производны от интерпретации исторического характера, и предположение о рациональном поведении и его параметрах, может быть скорректировано путем применения «жестких» и «мягких» моделей (проиллюстрировано в работах В. И. Арнольда¹).

Другая попытка разработать структурную теорию международного взаимодействия на измеряемую среднесрочную перспективу, поддающуюся количественному измерению, представлена моделью Л. Ричардсона, которая описывает гонку вооружений. Ричардсон полагает, что если между государствами существует нестабильное равновесие, т.е. если они поддерживают свои расходы на вооружение на постоянном уровне, но сохраняют взаимные претензии и предъявляют требования друг к другу, и одно из государств, движимое чувством негодования, подозрительности, неудовлетворенности, опасения или соперничества, в целях обеспечения собственной безопасности или выполнения собственных требований начинает наращивать вооружения, то такой шаг генерирует цепную реакцию, т.е. государство-инициатор «А» побуждает к наращиванию военных расходов государство «Б», после чего в порядке реакции опять наращивает собственные расходы и вызывает соответствующую ответную реакцию со стороны государства «Б»².

Иными словами, анализ Л. Ричардсона показывает, что нарушение нестабильного равновесия в военных расходах, определяемого в фиксированных цифрах на определенный период времени, вызывает гонку вооружений, которая растет в геометрической прогрессии и в конце концов приводит к насилию. Если не применять мер для прекращения такой «симметричной взаимности», она приводит к войне.

¹ Арнольд В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. Доклад на семинаре «Аналитика в государственных учреждениях». М.: Администрация президента, 1997; Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 1991. § 2.2, 2.3, 2.4.

² Цит. по: Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования: пер. с англ. М.: Наука, 1997. С. 481—486.

Таким образом, противоположностью войны является не баланс сил (паритет в вооружениях или паритетные альянсы), а сочетание разоружения и сотрудничества. Такое сотрудничество, например, может принимать форму торгово-экономических отношений, которые сдерживают соперничество. Для доказательства своих предположений Ричардсон использовал математические уравнения и обнаружил более или менее близкие корреляции между своей моделью и реальной ситуацией как перед Первой, так и перед Второй мировой войной (во втором случае корреляции были менее удовлетворительными).

Хотя Ричардсон и применил математическое моделирование, мотивы (подозрительность, опасения, неудовлетворенность, соперничество и т.д.), разумеется, не поддавались количественному измерению, но были сгруппированы им в общую категорию под названием «претензии», и эта категория была введена в его уравнение как постоянная величина. Однако его главный постулат (взаимное стимулирование гонки вооружений) остался предположением без объяснения. Отнюдь не всякая гонка вооружений заканчивается войной, и отнюдь не всем войнам предшествует гонка вооружений.

В то же время экстраполяция его выводов на современную эпоху и предположение о том, что комбинация трансрегионального взаимодействия, регионального торгово-экономического сотрудничества и разоружения / сокращения вооружений уменьшит соперничество, представляется заслуживающей внимание при разработке практических внешнеполитических рекомендаций. Другое дело, насколько политики и лица, принимающие решения, в разных странах и в условиях разной стратегической культуры учитывают наработки теории международных отношений, понимание которой требует многих лет обучения, глубокого понимания и значительных интеллектуальных усилий. Есть и другие модели (игры с нулевой суммой, модель Даунса, модели ожидаемой полезности и модели оптимизации и др.), применение которых дает интересные результаты для практической международной политики.

Можно отметить, что ввиду вышеизложенных ограничений среднесрочные теории могут применяться только в рамках непродолжительного исторического периода и требуют либо количественного измерения явлений, которые могут и не поддаваться количественному измерению, либо экстраполяции, неприменимой к продолжительным периодам времени. В то же время они продук-

тивны для подтверждения или опровержения конкретных краткосрочных либо среднесрочных тенденций международной жизни.

Теории структурно-функциональных (Д. Истон, Г. Алмонд) и функциональных систем (М. Каплан) фактически содержат идею о подсистемах в рамках социальной системы. Элементы подсистемы рассматриваются как элементы собственно системы, но сама подсистема воспринимается только как часть системы в целом. Согласно *структурному функционализму* однотипные системы имеют однотипные характеристики и исполняют определенные однотипные функции, и таким образом сфера политики (включая мировую политику) поддается универсальной концептуализации, а мировая система может включать подсистемы определенного типа, специфику функционирования которых возможно и нужно изучать. Эти идеи помогают сформулировать основы интегрирующих подходов на стыке наук, в частности в зарубежном регионоведении и сравнительной мировой политике, и одновременно сформировать основу их понятийного аппарата.

9

Взаимозависимость и культура как основы формирования интегративных подходов

9.1. Проблема взаимозависимости и соотношение между безопасностью и экономикой / 9.2. Культурологические / цивилизационные аспекты дискуссии / 9.3. Формирование интегративных подходов

9.1. Проблема взаимозависимости и соотношение между безопасностью и экономикой

Внутренняя безопасность в традиционном (военном) понимании после распада Варшавского блока и СССР и до террористических актов в США и мире не считалась в странах с открытым социальным доступом предметом первостепенной озабоченности. Ситуация изменилась только после террористических актов в отношении США и ведущих стран западной коалиции и понимания того факта, что сетевой международный терроризм, нацеленный на архаизацию мировой системы и усиление хаотизации, основанных на страхе и насилии, использует натурализовавшихся либо недовольных граждан самих этих государств.

Главный посыл террористических действий заключался в переносе преобладающего акцента международных отношений с крепнущего кооперативистского сотрудничества на силовое балансирование и противостояние, что соответствовало интересам государств с архаичным и традиционным социальными порядками, которые почувствовали свою нарастающую экономическую, военную и политическую уязвимость в новом мире превалирования транснациональных кооперативистских связей модернизационного типа, в которых им было отказано как в силу их агрессивности, так и в силу ограниченности действительных возможностей «победителей» в «холодной войне» на более или менее справедливое преобразование существующей мировой реальности.

Эта попытка традиционалистских государств в определенной степени оказалась успешной, но противостояние возникло вопреки тому, что ожидалось, не внутри западного мира между составляющими его государствами (США versus ЕС), а по периметру мира более благополучного и более безопасного и мира менее благополучного и менее безопасного, да к тому же еще и с преобладающими внутренними конфликтами, основанными на применении насилия в отношении своего собственного населения.

В понятии безопасности военная сфера на протяжении последних десятилетий XX в. все более активно вытеснялась экономической и технологической безопасностью, внутренней стабильностью, экономическим ростом и развитием. В этих условиях становится трудно оперировать понятием традиционного национального интереса, а традиционное понятие мощи (прежде всего военной мощи) становится более расплывчатым, что объективно разрушает логические построения реалистов.

В силу нового соотношения между безопасностью и экономикой и нового содержания безопасности меняется характер споров, которые ведутся в международных отношениях и мировой политике между реалистами и идеалистами, поскольку чисто военная безопасность национального государства постепенно теряет свое первостепенное значение в условиях высокоинтегрированных военно-политических и экономических союзов государств с открытым типом социального доступа, сохраняясь только для стран с авторитарными системами, основанными на той или иной степени насильственного принуждения или насильственной мобилизации своего населения.

Концепции реализма объясняют периоды балансирования, но недостаточны для анализа новых партнерских отношений кооперативистского типа между национальными государствами (новые стратегические партнерства, региональные союзы, трансрегиональное сотрудничество и др.), и особенно между государствами с открытым социальным порядком, объединяющимися во все более интегрирующуюся союз-корпорацию, либо между государствами с естественным социальным доступом схожего этапа развития. В то же время идеалистский подход полезен при анализе партнерств в глобальной перспективе модернизации, особенно между странами с рыночными системами плюралистического типа, но плохо либо иногда совершенно неприменим при изучении отношений между государствами, или при объяснении мотивов отношений стран с

разными экономическими и политическими режимами и с разными порядками социального доступа, в особенности с авторитарными, гибридными режимами правления охранительного характера и демократическими государствами с рыночной, саморегулирующейся экономикой.

По всей видимости, такие факторы, как, например, экономика, политика и безопасность, представляют собой различные аналитические секторы единой реальности. Трудность исследования этих факторов в рамках общего пространства единой реальности обусловлена отсутствием теории, которая бы логично увязывала экономические факторы с проблемами политики и безопасности. Б. Бузан совершенно верно указывает, что попытки заменить анализ взаимодействия между политикой и экономикой объединением их в аналитическую конструкцию скорее обедняет, чем обогащает исследование.

Суть взаимодействия заключается в том, что для зарождения рыночного способа производства необходима фрагментация политической власти. Международная анархия создает дилемму мощи / безопасности, но к конкуренции мощи добавляется конкуренция благосостояний, причем оба вида конкуренции могут впоследствии стимулировать технологический прогресс, что, в свою очередь, меняет суть экономического и стратегического поведения государства, необходимого для его успешного развития.

Выживание и развитие государства в новую эпоху зависит не от поддержания неизменных условий существования путем силового балансирования, основанного на чередовании мобилизации и стабилизации, а от способности адаптироваться к передовой практике международной системы, т.е. модернизироваться и развиваться: количественный экономический рост без развития, как наглядно показал опыт СССР и КНР периода правления Мао Цзэдуна, в современных условиях имеет мало смысла и чреват национальной катастрофой.

Вступив в XXI в., человечество осознало, что находится в совершенно новом времени, отмеченном массой взаимоисключающих тенденций...

Глобальная политика не может не учитывать этих изменений. Судя по всему, полярные позиции, утверждающие то «конец истории» и утверждение кантовского вечного мира, то ее «возобновление» и возвращение силовых противостояний, в равной степени ошибочны. История, какой мы знали ее на протяжении по-

следних четырехсот лет, может считаться законченной. В новом столетии уже не стоит ожидать кровопролитных войн за контроль над территориями, которые столетиями истребляли человеческий род: по мере того, как знания становятся основной производительной силой, рабский труд и огромные пространства превращаются из стратегических преимуществ в серьезную проблему. В новое время вряд ли можно предполагать столкновение идеологий типа того, которое имело место в прошлые столетия, так как, с одной стороны, в части планеты доминирует прагматизм, а в других частях — скорее религиозные, чем идеологические, доктрины. В то же время сейчас начинается совершенно новая история — история выстраивания сложных отношений, политика в котором все в большей мере определяется универсальными и императивными принципами гуманизма.

Иноземцев В. Л. К неконфронтационному миру // Внешняя политика России. 2000—2020 / гл. ред. И. С. Иванов. М. : Аспект Пресс, 2012. С. 71—72.

В настоящее время, по всей видимости, доводы реалистов о преобладании военной безопасности неизбежно отходят на задний план по мере повышения экономического благосостояния государств, основанного на росте их взаимозависимости и усложнении мировой финансово-экономической системы. В то же время стремление государств к индустриализации и модернизации обусловлено теперь не только экономическими причинами, но и соображениями безопасности, т.е. необходимостью финансового, технологического и производственного обеспечения общей конкурентоспособности государства.

Если исходить из того, что идея либеральной демократии «экономически победила», такие альтернативы, как национал-социализм или коммунизм, способствовали формированию Вашингтонского и вызреванию пост-Вашингтонского консенсусов, в силу чего экономические, политические, социальные и экономические аспекты международной безопасности приобрели более важное значение, чем военные, то, вполне возможно, этот вывод подкрепит доводы идеалистов о том, что существенное повышение экономической эффективности в целом обеспечит ресурсы для решения создаваемых рынком проблем неравенства, сформировавших Пекинский консенсус части развивающихся государств для защиты от негативных последствий глобализации и уменьшения социально-экономической дифференциации мирового пространства.

Скептики в отношении жизнеспособности Вашингтонского консенсуса и его перспектив к трансформации в пост-Вашингтонский существуют в силу появления «китайского фактора» в мировом развитии, основанного на применении модели монопольной концентрации конкурентных преимуществ национального рынка политическим режимом нелиберальной демократии, которая позволяет противостоять негативным последствиям глобализации и даже извлекать из нее выгоду не только самому Китаю, но также странам, находящимся в структурно неблагоприятном положении в международной системе в силу немодернизированности политической и экономической сфер. Желание примкнуть к в целом более слабому альтернативному полюсу у таких стран усиливается при появлении идеи авторитарной модели развития частично децентрализованной (рыночной) национальной экономической системы.

Как известно, такая модель получила образное наименование Пекинского консенсуса. Одновременно появление Пекинского консенсуса не означает всеобщности признания его правил в связи с началом трансформации Вашингтонского (Бреттон-Вудского) в пост-Вашингтонский консенсус, который де-факто шире, чем Пекинский. Наличие неформализованного Пекинского консенсуса, основанного на поиске Китаем союзников для мягкого, но все более усиливающегося противостояния технологически и институционально более развитым государствам, препятствует формированию международного порядка, стимулирующего инновационное развитие, тормозит международную кооперацию и свободное движение технологий, капиталов, идей, людей. Это, возможно, не так важно для государств, осуществляющих модель «неуспевающего» развития, для которых импортируемых из Китая технологий может быть и достаточно для обеспечения нужд своего населения в продукции легкой промышленности и бытовой электроники, но существенно для больших стран, население и политическая элита которых не потеряли надежду на формирование национальной модели успешной модернизации и технологического развития.

Какая же теория может дать объяснение как злонамеренности (метафора, предложенная Б. Бузаном), которая, с точки зрения реалистов, составляет основной мотив стремления возвеличить собственную военную и экономическую мощь за счет других государств, так и слабости либералов в решении практических проблем функционирования глобального рынка?

Как пишет Б. Бузан, опасность возникает, когда злонамеренные экономические структуры выступают в совокупности с другими политическими и военными элементами стратегической нестабильности. Добронамеренные экономические структуры укрепляют политические и военные структуры, тяготеющие к стратегической стабильности. Однако не просто понять, что происходит при наличии сочетания злонамеренных и добронамеренных экономических, политических и военных структур или при постоянном и нестабильном изменении баланса противоборства этих структур, чему мы являемся свидетелями все прошедшее десятилетие вплоть до настоящего времени. По-видимому, эта проблема решается только в рамках интегративных подходов, позволяющих методологически увязать процессы политического, экономического и международного развития.

Косвенным отражением необходимости интегративного теоретизирования для решения обозначенных выше вопросов явилось формирование практикоориентированных концепций «среднего уровня», подобных концепции гиперконкуренции, под которой понимается «переход от стратегии устойчивого роста к стратегии неустойчивого роста, освоения процедур систематического взламывания рынка, ускорению адаптации к новым условиям и получения благодаря этим качествам конкурентных преимуществ»¹.

Однако проблема эффективного развития может решаться на основе не только соревновательности и конкурентности как деструктивных стратегий, но и стратегий конкурентного развития на консенсусном поле кооперационного взаимодействия. Но практикоориентированное теоретизирование на этом поле требует подготовки качественно иной политической и интеллектуальной элит, полностью владеющих арсеналом всех теоретических и практических наработок сравнительной мировой политики.

С возникновением взаимозависимости между государствами возникают следующие вопросы: в какой степени она «смещает» центр сферы безопасности от национального государства к более крупным коллективным образованиям (военно-политическим блокам, торговым блокам, единым экономическим пространствам, таможенным союзам, макрорегиональным образованиям, трансрегиональным пространствам) или глобальному сообществу; есть ли

¹ Подробнее см.: *Субботин А. К.* Гиперконкуренция и эффективность управления. Анализ экономики стран — лидеров современного мира. Взгляд из России. М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

вероятность «смещений» разных уровней и на разные расстояния в связи с пространственным фактором, т.е. в различных региональных сегментах мира; имеет ли право на существование гипотеза о том, что вероятность и тип такого «смещения» связаны с национальной психологией и временными характеристиками развития обществ разного типа?

Если учитывать появление только таких образований, как региональные блоки и региональные комплексы, и не учитывать всю систему рыночной экономики, то все равно воззрений реалистов и меркантилистов-реалистов будет недостаточно для объяснения новой ситуации в мире. В то же время если национальные государства (нации-государства) предположительно «растворяются» и будут постепенно заменяться макрорегиональными конгломератами (корпоративными союзами или региональными негосударственными союзами), то «безгосударственные» общества, остающиеся в рамках расширяющегося регионального или даже глобального сообщества, будут все более подвержены культурному, экономическому и любому другому влиянию глобального сообщества.

В то же время процесс «растворения» государств на «периферии» мировой системы будет, несомненно, происходить в обстановке более конфликтной, чем в «центре» (например, в странах ЕС или НАФТА), и побуждать часть этих государств к геополитической реорганизации или восстановлению классической системы баланса сил, что, в свою очередь, может привести к перенапряжению сил в центре (*overstretching*), связанному с необходимостью увеличить ресурсы для поддержания высокоинтегрированной корпоративистской системы, сегменты которой находятся на разной стадии интегрированности в единое целое в силу внутривнутриполитических и экономических факторов, а также внешних взаимодействий. Такая постановка вопроса открывает возможность объяснения нынешнего финансово-экономического кризиса с точки зрения мирополитического подхода.

9.2. Культурологические / цивилизационные аспекты дискуссии

Еще одним немаловажным моментом, который упоминался выше, является ввод в метатеоретический контекст культурологических (в другой терминологии цивилизационных) аспектов¹. В действи-

¹ Sunderson S. (ed.) *Civilizations and World Systems. Studying World-Historical Change*. L.; New Delhi: Altamira Press (Sage), 1995; Сравнительное изучение цивилизаций (сост. и ред. Б. С. Ерасов). М.: Аспект Пресс, 1998.

тельности речь идет о введении в международные отношения, политологию, социологию и экономику методологических подходов культурной антропологии, акцентирующих влияние человеческого фактора в безлично-государственном подходе к международным отношениям¹. Реалисты заявляют о наличии универсальной концепции, которая объясняет генерацию мощи во всех странах. В других научных школах оспаривается такой подход и говорится о влиянии социальных структур на суммарную мощь, которая может по-разному генерироваться странами, принадлежащими к различным культурам.

- Культура определяется, как правило, на основании ряда признаков, все многообразие которых подразделяется на четыре группы:
- профессиональные и социальные навыки и умения;
 - символы, смыслы и ритуалы;
 - институты, обеспечивающие взаимодействие первых со вторыми;
 - материальные объекты — продукты, предметы, средства культуры.

«Лицо» культуры определяется не только конкретизацией всего перечисленного, но и тем, все ли из названных компонентов присутствуют в данной культуре, какими качествами и функциями они в ней наделены, а также в каких взаимосвязях находятся в ней друг с другом.

Культура как некое органичное единство всего перечисленного — во всех случаях есть искусственное образование, создаваемое человеком отчасти осознанно и преднамеренно для непосредственных функциональных взаимосвязей с его природной и социальной средой. А отчасти — возникающее под влиянием процесса и итогов таких взаимосвязей, в том числе как устойчивая психологическая компенсация исторически обусловленного дефицита опыта, знаний, институтов, средств и возможностей.

Прогнозирование роли культур и межкультурных процессов возможно на основе выделения в них не специфики (давно известной, хорошо описанной, но не обладающей прогностическим потенциалом), а того общего, что присуще культуре как явлению и тем самым всем конкретным ее вариантам.

Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011. С. 64.

¹ Culture Matters. How Values Shape Human Progress / Ed. By Lawrence Harrison & Samuel P. Huntington. N.Y. : Basic Books, 2000.

Сложность проблемы интегрирования культуры в мирополитическую область связана с тем, что понятие «современность» в нынешней социологической традиции основывается на онтологическом отказе от эволюционистского подхода к построению теории развития современных обществ¹. Знаменитая гиденсовская «деконтинуистская» интерпретация современного социального развития согласовывается с положением Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста о консенсусном принятии политическими элитами необходимости построения институтов открытого социально-политического доступа как ответ на вызовы современности. При этом гиденсовская критика концепции социального эволюционизма, основанного на предположении, в соответствии с которым человеческая история движется в одном направлении, управляется общими принципами и законами исторической динамики и предполагает «конструирование» единой «сюжетной линии истории», подтверждает тезис о возможности конкуренции региональных культурных моделей исторического выбора, но в то же время показывает, почему возможны структурно-исторические этапы эволюции системы естественного (ограниченного) социально-политического доступа.

- Различие между ... подходами к исследованию культуры как системы можно свести к следующему: философия делает упор на постижение всеобщих (родовых) начал культурной системы; антропология изучает индивидуальное и индивидное в культуре сквозь призму всеобщего и родового развития человечества (культурные черты и универсалии); социология же обращает главное внимание на проявления особенного (типического) в культуре с учетом ее единичного / индивидуального и всеобщего развития (культурные нормы и ценности).

Интегрированный (метасистемный) подход к изучению культуры позволяет объединить всеобщее, особенное и индивидуальное в рамках единой, комплексной теории.

Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. М. : Научно-политическая книга, 2012.

Таким образом, глобализирующая мир современность ведет к далеко идущим изменениям в повседневной жизни. Личные обязательства и личные контакты между людьми в конкретных обстоятельствах пространства и времени традиционных обществ, всту-

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.

пающих в международные отношения, постепенно уступают безличным обязательствам, которые не рассчитаны на непосредственное взаимодействие и предполагают действие на расстоянии.

Однако если рассматривать социальные порядки естественного доступа с точки зрения разных структурных этапов развития этого типа социального порядка, то тогда вполне возможен будет и реванш традиционализма путем конструирования концепций цивилизационного национализма, цементирующих определенные социальные сегменты общества, но сдвигающих его «вниз» по ступеням порядка социального доступа (например, внутри зрелого порядка естественного социального доступа от гибридного к конгломеративно-анклавному или даже архаизированному подтипу)¹. В то же время усложнение действительности и ее динамизм требуют доверия к абстрактным системам, которые выполняют функцию компенсаторного механизма, уменьшающего степень неопределенности в социальных транзакциях².

Новые риски современности становятся универсальными (глобальные бедствия угрожают всем вне зависимости от класса, этнической, конфессиональной, политической принадлежности), глобальными (затрагивают всех), институциональными (появляются организации, принимающие их в качестве принципов своего существования: рынки, биржи, страхование и др.) и связанными с глобальным характером социальной деятельности человека (экологическая опасность, правонарушения глобального характера типа киберпреступности и т.д.)³.

□ Современный мир становится понятнее, если мы смотрим на него как на мир, положивший конец и безвозвратно разрушивший традиционный мир, а не как на последовательное развитие условий, существовавших в классово разделенных обществах. Современный мир появился вследствие разрыва с тем, что происходило до него, и для него не характерна преемственность с тем, что было прежде. Основная задача социологии заключается в том, чтобы понять и объяснить суть этого разрыва, т.е. своеобразие мира, воз-

¹ Верховский А. «Доктрина Кирилла» как инструмент изменения идентичности российского общества и Русской православной церкви // Eurasian Review. 2011. № 4. November. P. 11–25.

² Подробнее см.: Дмитриева Т. А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. С. 7–107.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 117.

никшего в результате развития промышленного капитализма, истоки которого следовало бы искать в западном мире.

Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press. P. 239.

Современность меняет не только объективный характер рисков, но и характер их осознания людьми. То есть современные социальные порядки изменяют «профиль» риска, на смену традиционным природным приходят технотронные риски, связанные с вмешательством человека при помощи технических средств во внешнюю и внутреннюю природу.

Если в традиционных обществах «традиция» и «культура» компенсировали недостаток или отсутствие индивидуального знания и помогали дать ответ на внешние, пусть и не такие же конкретно, но типологически схожие вызовы, то теперь они перестали предоставлять такую возможность. Человечество в новых условиях не может исходить из опыта ответов на вызовы прошлого просто потому, что человечество ранее не сталкивалось с такими вызовами. При этом у культуры остается ее главная особенность — помогать (определять, как это происходит) «соединению» типического и индивидуально-го, всеобщего и особенного, единичного и помогать вписывать это в контуры всеобщего развития.

Однако при определенных условиях и в обстоятельствах неумелой социальной инженерии цивилизационный национализм или конфессиональный национализм в поликонфессиональных и поликультурных обществах из фактора, усиливающего консолидацию этнических сегментов общества, может превратиться в фактор, усиливающий в нем общенациональный раскол и дополнительно способствующий национальному отставанию, в частности, способствуя архаизации или всего общества, или его существенных этнических / этноконфессиональных сегментов.

- Традиционализмом называют особенность мировоззрения дописменных и официальную идеологию традиционных обществ, состоящую в идеализации и абсолютизации традиции. При этом сами эти общества, как подчеркивается исследователями, не знают понятия традиции, они живут и руководствуются ею. Второе значение термина относится к социально-философской доктрине или отдельным консервативно-реакционным идеям, направленным против современного состояния культуры и общества. В первом случае речь идет о неосознанной стратегии на сохранение наследия —

традиции, во втором — сознательном, «рефлексивном» или «идеологическом» традиционализме, история которого восходит к идейным воззрениям Средневековья...

Движение, идеология и практика неотрадиционалистов, теория неотрадиционализма направлены на возрождение традиций (подчеркну — в том числе и архаических): и для адаптации общества в современных условиях, и для его эффективного развития, то есть практически — для его модернизации на основе логики собственной культуры...

Неоархаикой можно назвать такой вид неотрадиционализма, который направлен на возрождение не просто традиций, но именно архаических традиций.

Ламажаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком», 2013. С. 65, 73, 74.

Традиция не может помочь преодолеть опасность уничтожения человечества в ходе термоядерной войны (культура, судя по всему, все-таки может?), поскольку термоядерная бомба — типологически новая форма оружия, придуманная самими людьми, применение которого полностью уничтожает человека как биологический вид: вспомним хотя бы концепцию «ядерной зимы» как основу мировоззренческого перелома и политической деятельности ак. А. Сахарова. Но традиция, особенно в обществах, не поощряющих консенсусного принятия решения в силу особенностей их истории и сформированного ею национального характера, может способствовать сохранению иллюзий возможности военного балансирования термоядерным и атомным оружием и затруднять формирование реального консенсуса о необходимости нераспространения такого рода оружия, если уж не его полного уничтожения.

В этих условиях прагматизм взаимозависимости и формирования взаимоприемлемых компромиссов трансформируется в прагматизм реалистического балансирования модернизирующимся военным потенциалом, пусть и за счет уровня жизни населения и/или торможения развития всего общества, что встречает понимание и одобрение традиционными, традиционалистскими или архаизированными слоями общества, если в ходе геополитических трансформаций и/или массовых миграций меняется этническая и/или этноконфессиональная составляющая таких обществ, но вызывает отторжение его модернизированной частью, особенно если она не составляет большинства в обществе в данный исторический период.

Международное разделение труда и делокализация производства затронули все страны — традиция не может дать ответ на вопрос о том, как приспособиться к этим новым мировым экономическим тенденциям, поскольку эти явления не наблюдались раньше. Новые финансовые инструменты, помноженные на предпринимательский характер высокоинтеллектуального индивидуума, создают новые, рукотворные риски и новое неравенство, но одновременно и предоставляют возможности ненасильственно агрегировать человеческие ресурсы на рискованных направлениях инновационного развития, что может противоречить традиционным представлениям прошлых поколений о добросовестном физическом труде, который принесет достаток и уважение.

- До 80% трудоспособного населения российской глубинки полностью независимы от государства. На заработки эти люди отправляются в столицу или крупные города, работают, как правило, в теневом секторе. Со времен царской России их называют отходниками. Сегодня две трети из них уверены, что после достижения преклонного возраста они проживут без пенсии...

Профессор Высшей школы экономики Юрий Плюсин проводит исторические параллели. По его мнению, современное отходничество имеет много общего с отходничеством в царской России.

Наумов И. Российская глубинка отделилась от государства. Жители малых городов и деревень вернулись в XVIII век // Независимая газета. 2013. 30 окт. С. 1, 4.

Концепция современности как посттрадиционного общества и констатация процесса детрадиционализации была сразу же оспорена критиками Гидденса¹. Так, американский социолог С. Мештрович саркастически заметил, что непонятно, как современные институты могут существовать, не опираясь на культурную основу, т.е. на вполне конкретные привычки и обычаи, берущие свое начало в прошлом, а базисные социальные институты — семья, церковь, университет и др. — могли бы полностью освободиться от власти традиций². По меткому замечанию Мештровича, ни одно из явлений культуры не может быть независимым от культурного

¹ См., в частности: *Meštrovič S.* Anthony Giddens: The Last Modernist. L.: Routledge, 1998; *Turner B. S.* Orientalism, Postmodernism and Globalism. L.: Routledge, 1994.

² Цит. по: *Дмитриева Т. А.* Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс. Э. Последствия современности. М.: Практис, 2011. С. 82.

контекста, оно как бы «преломляется» в конкретном времени и пространстве культуры¹. Современность устраняет некоторые формы рисков, свойственные традиционным обществам (голод, эпидемии, массовые физические насилия, бесправие и др.), но она пока не может сделать это равномерно по всему пространству земного шара. Кроме того, современность привносит в традиционные общества угрозы нового типа, на которые эти общества, а также общества, находящиеся на более высокой стадии формирования порядков естественного доступа — анклавных, анклавно-конгломеративных, конгломеративных, гибридных, — реагируют с опорой на традицию в силу того, что она продолжает играть в их жизни значительную роль, а безличностные социальные институты доверия по целому ряду причин еще не сформировались или сформировались неполностью.

Кроме того, хотя абстрактные институты безличных обязательств и не рассчитаны на межличностные контакты, отношения между людьми не ограничиваются спектром только лишь безличных отношений. Точки доступа (в терминологии Гидденса) — встречи личных и безличных обязательств — имеют решающее значение как для поддержания доверия к абстрактным системам, так и для его утраты². Открытые системы социально-политического доступа предоставляют разную степень социального и/или политического доступа к позициям, позволяющим влиять на общество или государство как институт, т.е. степень социальной открытости регулируется в зависимости от национальных традиций обществ с открытым социальным доступом разного типа, социальное отчуждение безличных обязательств может нуждаться в дополнительной социальной компенсации и т.д. В современном мире власть традиций и обычаев продолжает оставаться чрезвычайно сильной как в развивающихся, так и в развитых странах, и не только в среде религиозных, этнических и культурных меньшинств. Мультикультурализму и космополитизму сопутствует трайбализм, религиозный фундаментализм, ретроградные обычаи и образ жизни, а иногда и архаизация определенных сегментов общества и/или общественной жизни.

¹ Цит. по: *Дмитриева Т. А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности. С. 83.*

² Подробнее см.: *Дмитриева Т. А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности. С. 47.*

□ Таким образом, на общем уровне мы можем наблюдать влияние культуры на макроэкономические исходы с точки зрения *индикаторов эффективности*, таких как темпы роста ВВП на душу населения, темпы экономических изменений, уровни занятости, темпы и направления структурных изменений и т.д.; и с точки зрения *индикаторов справедливости*, таких как паттерны распределения доходов, программы социального обеспечения (в особенности забота о пожилых и больных), предоставление общественных услуг, а также (как отражение озабоченности межпоколенческой справедливостью) готовность учреждать долгосрочные программы государственных инвестиций, которые могут не нести выгод для нынешнего поколения.

Тросби Д. Экономика и культура : пер. с англ. М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2013. С. 97.

Так возникают теории, призванные компенсировать эти противоречия и показывающие, каким образом «конструктивистски-технологически» преодолевать архаику и трансформировать традицию, чтобы она поддерживала стабильность, но при этом не мешала конструктивному развитию.

Например, концепция «стратегической культуры» претендует на ниспровержение антиисторичной и внекультурной концепции, предлагаемой неореалистами и социологами-международниками для анализа выбора стратегического характера. Сторонники концепции «стратегической культуры» не согласны с реалистами, полагающими, что государства не имеют функциональных различий и всего лишь стремятся оптимизировать свою полезность. В противовес реалистам они утверждают, что, оказавшись в аналогичных ситуациях, элиты, социализированные в различных стратегических культурах, будут принимать различные решения. Согласно данному подходу в различных государствах, имеющих различные типы социальных порядков, существуют различные культуры, которые формируют различные толкования сходных стратегических ситуаций. Фактически культурологический подход совместим с тремя типами рациональности — ограниченным, процессуальным и адаптивным.

Если концепция неореалистов не принимает во внимание различие культурных традиций и трагических уроков истории — мировых войн, то с точки зрения концепции стратегической культуры элиты, социализированные в различных культурах, оказавшись в различных / одинаковых ситуациях, сделают разный выбор не по-

тому, что они находятся в разных / одинаковых ситуациях, а потому, что они принадлежат к разным культурам с разными социальными порядками.

Таким образом, как удачно сформулировал гарвардский профессор А. Джонстон, один из основоположников этого подхода, для сторонников культурологического подхода проблема состоит в том, чтобы объяснить схожие моменты в стратегическом поведении представителей различных стратегических культур, которые одновременно еще подвержены временным изменениям, и различия в стратегическом поведении представителей различных стратегических культур при постоянных или схожих условиях¹.

Из всех существующих подходов только культурологический (цивилизационный) позволяет адекватно решить эту заново сформулированную проблему «институт / структура» (*agency / structure*). Однако культурологический (цивилизационный) подход не позволяет справиться с такими трудностями, как необходимость объяснять различия между стратегической и нестратегической культурами, он дает объяснение проблемы стратегического выбора исходя из предполагаемой однородности стратегической культуры на протяжении времени (например, в западной и восточной традициях на протяжении всей их истории или внутри одного государства, что может не отражать реальной ситуации). Он также не позволяет объяснить расхождение между стратегической культурой и фактическим поведением, ограничивающим количество вариантов, которые влияют на выбор.

В целях компенсации «культурной недостаточности» неореализма предпринималась попытка применения к международным отношениям и общей «теории культур». Однако представляет трудность корректное методологическое совмещение «теории культур» с другими концепциями, ибо она позволяет объяснить только некоторые определенные явления в международных отношениях. В то же время реалисты и идеалисты сталкиваются с трудностями при попытках применить положения «теории культур» в своих концепциях. Следовательно, необходимы подходы, которые позволят применить культурологическую концепцию на подсистемном уровне в качестве теории, необходимой для объяснения соотношения между различными факторами (культурными, психологиче-

¹ Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // International Security. 1995. Vol. 19. No. 4. P. 32–64.

скими и т.п.) как явлениями эндогенного (внутренне присущего) характера.

Система верований, объясненная в рамках «культурной теории» (концепция М. Томсона, Р. Эллис и А. Вилдавски¹), в свою очередь, помогает объяснить, как приоритеты в организации общественных отношений и представление о человеческой природе в различных типах культур увязываются с политическими и экономическими факторами. Эта теория также помогает понять сложности и пределы компромиссов в принятии консенсусных решений обществами с единым типом социального порядка.

- Запад и Восток представляют, помимо прочего, два очень разных подхода к проблеме безопасности. Современное западное представление о безопасности по сути метафизично. Оно укоренено в идее самоидентификации субъекта, полагающего универсальные принципы мышления и бытия. В свете западной традиции безопасно то, что является «своим», тождественно себе и само себя обосновывает...

Надо заметить, что западный, или метафизический, проект безопасности выступает в двух видах. Один из них всего полнее воплотился в том, что можно назвать духом Америки, американизмом. Последний утверждает совпадение абстрактной рациональности и природы повседневности. Он движим мечтой о безграничной будущности, но осуществляется прагматическим способом — в точке реального взаимодействия субъекта и среды, отторгающей все культурно-исторические формы. Но напрасно европейцы посмеиваются над американской «примитивностью»: Америка потому и доминирует в мире, что никто не может обещать больше, чем она...

Другая разновидность самоидентификации (и, следовательно, концепции безопасности) замыкает метафизический принцип на историческом бытии, утверждая безусловную ценность культурного своеобразия или общественного класса. В Европе она в наибольшей степени связана с Германией ... Насилие в тоталитарных системах носит подчеркнуто личностный и физический характер, ибо выражает противостояние отвергнутой конкретности (телесного опыта) и диктата идеологии... Итак, безопасность тоталитарного режима — тупиковая линия истории...

Вот здесь мы подходим к китайскому представлению о безопасности, которое коренится не в метафизическом мышлении,

¹ *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder, Co: Westview Press, 1990.*

а непосредственно в имманентности переживания жизни, в конкретной и текучей природе человеческой практики. Старый Китай не знал ничего подобного европейскому понятию безопасности, а современный аналог этого понятия, изобретенный столетие тому назад, означает буквально «полнота покоя» (*ань цюань*)...

Малявин В. Средоточия. Иваново : Издательское товарищество «Роща Академии», 2011. С. 9—11.

«Теория культур» / «цивилизационные подходы» могли бы оказаться полезными при объяснении причин разногласий, непонимания и неудач в общении между государствами. Они также могли бы помочь объяснить, почему и как именно различные страны рассматривают различные пути развития и различные институты в политике и экономике в качестве оптимальных для обществ с социальным порядком определенного типа и в зависимости от региональной специфики. В то же время введение «культурной теории» (*cultural theory* — структурного, более широкого и методологически более корректного научного варианта «цивилизационного подхода») в качестве самостоятельного компонента в интегрирующий подход может помочь в решении присущих ей двух методологических недостатков, первый из которых состоит в антиисторичности данной теории (т.е. невозможности проанализировать в рамках одной теории, как конкретные исторические обстоятельства влияют на то или иное действие государства), а второй связан с невозможностью применения этой теории на уровне национального государства¹.

Применение интегрированных подходов объясняет происходящее в архаизированных обществах, мотивы поведения государств с социальным порядком архаизированного типа, взаимоотношения между государствами с одинаково архаизированными социальными порядками, и одновременно помогает находить взаимоприемлемую основу между государствами с разными социальными порядками или с одним социальным порядком разных подтипов (традиционным, архаизированным и анклавным, конгломеративным, гибридным, переходным). Применение «культурной теории» для конкретного национального государства облегчает понимание национальной специфики модернизации этапа социального порядка, условий формирования внутривнутриполитического консенсуса о не-

¹ Sunderson S. (ed.) *Civilizations and World Systems. Studying World Historical Change*. London & New Delhi : Altamira Press (Sage), 1995.

обходимости модернизации социального порядка и в конечном счете помогает объяснить успехи или провалы в формировании консенсуса между государствами с разными типами социальных порядков.

- Параллельно с западной теорией международных отношений получает развитие течение, которое настаивает на необходимости, с одной стороны, выйти за пределы спора между различными парадигмами ТМО (так наз. парадигмального тупика), с другой — прибегнуть к «аналитическому эклектизму». Последний означает прагматическое использование различных методологических подходов к изучению проблем мировой политики: какой метод представляется исследователю более полезным, тот и является оправданным. Однако, как показывает история общественных наук, эклектика, замешанная на субъективизме, еще никогда не приводила к реально новому научному знанию.

Конышев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. 2013. № 2. С. 77.

При практическом конструировании интегративных подходов возникает опасность эклектизма. Если же мы будем отталкиваться от положения, что «в форме ... научной картины представления о мире лишены универсальности, имеют фрактальную структуру, обслуживают определенный сегмент ментальных потребностей»¹, то мы заменим научную картину мира и научные методы ее познания «моделированием образов», которые могут увести нас очень далеко от реального положения вещей в современном мире. Катастрофические последствия практической реализации такого рода «образного» моделирования реальности будут менее заметны в литературе, культуре и религии, где они могут даже восприниматься в виде художественной новации. Но в области международных отношений, дипломатии, экономики и внутренней политики они очень скоро становятся очевидными, как об этом свидетельствует региональный исторический опыт СССР, Китая периода «культурной революции», Кубы, КНДР и некоторых других стран. Цена такого рода экспериментов для общества, как показывает историческая практика, слишком велика.

¹ Зеленева Е. И. Постигание образа мира. СПб. : Каро, 2012. С. 151.

9.3. Формирование интегративных подходов

Следует признать ценность применения системного подхода в общественных науках, которая обусловлена тем фактом, что прежде чем понять само действие, исследователю необходимо понять его контекст. Логико-интуитивное (термин М. А. Хрусталева) понимание этого положения привело к тому, что исследователи и практики выделили структуру комплексных регионоведческих характеристик, состоящую из следующих составных частей: географическое положение; конфигурация территории; рельеф; климат; воды; почвы; растительный и животный миры; минеральные и другие ресурсы; население и хозяйство, их территориальная организация и внутренняя дифференциация¹. В этом перечне природные компоненты преобладали, что предопределяло крен в сторону экономико-географического анализа стран и их регионов.

В 1990-х гг. Я. Г. Машбиц на основе страноведческих характеристик Н. Н. Баранского разработал укрупненную «крупноблочную» комплексную систему характеристик страны:

своеобразие (генерализованная и концентрированная характеристика объекта);

территория, географическое и геополитическое положение;

историко-географические этапы развития (так называемый генетический код территории);

природа и природопользование (роль природной среды в жизни населения);

население и культура;

хозяйство (специализация, уровень развития и формы размещения);

расселение (так называемый опорный каркас территории);

общество (социальный уклад жизни, политическая стратификация населения, политическая система, политическая культура, политический процесс);

районы («составные части» страны);

состояние природной среды (геоэкология);

перспективы (прогноз тенденций развития)².

Сам Я. Г. Машбиц выявил основной «дефект» схемы комплексных страноведческих характеристик, заключающийся в сложно-

¹ Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М.: Гардарики, 2002. С. 46.

² Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 86–91.

сти выявления взаимосвязей между блоками, из которых состоит схема¹. Несмотря на правильность анализа, синтеза в единую живую конструкцию, характеризующую страну в обобщенном виде, не происходит либо происходит с большим трудом. Это приводит к тому, что сконструированная схема деконструируется в виде самостоятельных разделов в конкретных исследованиях различного, пусть даже и комплексного характера².

Если же говорить о макрорегионе, особенно о его международно-политических, экономических, военных, цивилизационных, культурных, демографических и других характеристиках, то там на практике не очень понятно, как отдельные факторы или различные страновые характеристики заменить более или менее внятными синтетическими категориями. Конечно, структурно-системный подход позволяет вывести структурные характеристики макрорегионов, которые стоят ближе к «научному» знанию в неопозитивистской трактовке, чем «просто» исторические, этнографические, географические или экономические описания. Но на практике сделать это весьма непросто.

Реальным методологическим откликом на необходимость синтеза макрорегионального знания, пусть даже и ограниченного сферами дисциплинарных характеристик, явилась новая тенденция в исторической науке — так называемый «методологический структурализм» и «структурный конструктивизм» в историческом объяснении. Согласно этой методологической позиции задача историка состоит в осознании онтологической связи между структурами и событиями.

Британский историк К. Ллойд разработал общие принципы методологического структурализма и конструктивизма, которые вкратце сводятся к следующему:

- объяснение социальной совокупности в ее обобщенном структурном контексте;
- наличие концепции социальной структуры, основанной на принципах реалистических отношений;

¹ См.: *Машбиц Я. Г.* Указ. соч. С. 81—86.

² Одной из наиболее удачных с точки зрения целостности представленных регионоведческих характеристик является кн.: *Родионов И. А., Бунакова Т. М.* Экономическая география (М.: Московский лицей, 1999). При этом, чем более специализированно издание, т.е. чем большей глубины обобщения и комплексности от регионоведческих характеристик требуется, тем менее комплексным из-за отсутствия цельной методологии интегративного типа в целом становится само исследование.

— конструирование уровней социально-исторической совокупности;

— существование личностей как социальных агентов в социально-культурном контексте;

— подтверждение того факта, что идеи, действия и социальные структуры могут не соответствовать друг другу;

— теоретическое обоснование и изучение социальных иерархий как организующих сознательность и лояльность;

— постепенность социальных перемен, которые происходят независимо от желаний отдельных субъектов и невзирая на то, какие силы могут действовать, если идеи, действия и структуры взаимно не подкрепляют друг друга;

— важность понимания того факта, что все общества постоянно меняются и, следовательно, историчны в своей основе в сочетании с идеей историков-структуралистов, суть которой состоит в следующем: общество постоянно структурируется агентами-субъектами, частично вследствие их намерений, но также и ненамеренно, т.е. фактически независимо от них¹.

Эти принципы соотносятся с проблемой переосмысления преемственности и трансформации систем в структурном реализме (Р. Литтл, Б. Бузан), которая должна рассматриваться в сравнении со всемирной историей².

В сфере международно-политических исследований мощным вызовом теории международных отношений явилась в последние два десятилетия структурная история дипломатии, которая методологически представляет собой пример соединения исторического структурализма и классической дипломатической истории (основа — гарвардская школа дипломатической истории П. Шредера, хотя независимые школы этого направления существуют и в других странах³). Эта школа настаивает на необходимости более широкого, чем предложенное в рамках традиции международных отношений, определения международной системы.

Историку дипломатии «нового типа» необходимо видеть, как формируется та или иная политика и как коллективное понимание

¹ Lloid C. The Structures of History. Oxford : Blackwell, 1996. P. 193—194.

² Подробнее о методологических дискуссиях см.: *Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М. : Восток—Запад, 2004.

³ См., например: *Зюнова Т. В.* Дипломатия. Модели, формы, методы. М. : Аспект Пресс, 2013.

общих правил оказывается под угрозой в случае их изменения или нарушения. С точки зрения П. Шредера, теории «жестких неореалистов» (К. Уолтц) в международных отношениях делает международную политику неисторичной и, возможно, даже антиисторичной. В настоящее время это мнение разделяют все современные теоретики неореализма, которые считают, что теоретическая ущербность отказа принять во внимание проблемы «второго уровня» структуры (функциональная дифференциация государств, в частности, и в зависимости от типа социально-политического доступа) может быть восполнена в единой интеллектуальной конструкции (предложена историческим макросоциологом Ч. Тилли) посредством «сплава» идей о различных вариантах сочетания «капитала» и «принуждения» в различных единицах анализа (города-государства, империи и национальные государства).

Сознавая недостатки теорий международных отношений и предсказывая возможные пути конструирования новых теорий, классик современной версии классического реализма К. Уолтц разработал 11 принципов, которые полезно иметь в виду при построении альтернативных теоретических конструкций:

1. Как и в случае с любым другим предметом, изучение международной реальности международных отношений возможно только тогда, когда исследователь находит правильный подход к предмету и твердо его придерживается.

2. Принятый подход будет определять как виды предполагаемых причинных связей, так и логику исследования.

3. После определения методологии выбор методов становится чисто тактическим вопросом.

4. Полезность подхода зависит от того, обеспечивает ли он возможность учета важных каузальных факторов.

5. «Усечение» факторов и простой аналитический метод непригодны в изучении международных отношений.

6. Необходим подход, который охватывал бы и системный уровень, и уровень единиц анализа.

7. Применяемые до сих пор системные подходы и теории оказались тщательно замаскированными подходами, «усекающими» влияние тех или иных факторов (так называемые редукционистские подходы).

8. В силу отсутствия четкого порядка и иерархической организации в международных отношениях общесистемный подход в изучении данного предмета слишком абстрактен.

9. Теория баланса сил, которая с точки зрения экономиста является микротеорией, позволяет провести различие между динамично развивающейся структурой международных отношений, с одной стороны, и взаимодействующими государством и иными субъектами — с другой.

10. Поскольку причины на уровне системы отличны от причин на уровне единиц, составляющих систему, имеется возможность проследить и оценить следствия причин различного типа.

11. В принципе теория геополитического баланса сил проверяема, однако на деле, в силу слишком общего характера прогнозируемых выводов, результаты этой проверки с трудом поддаются толкованию¹.

Как представляется, спор о том, какой тип объяснения наиболее уместен при изучении человеческого поведения и, в частности, в международной реальности и международных отношениях — так называемый объективный (структурный), предлагаемый общественными науками, или субъективный (интерпретационный), предлагаемый историей, бесперспективен, поскольку нет методологического различия между объяснением в исторической (гуманитарной) науке и объяснением в общественных науках, а теории как непроверяемые гипотезы существуют и в политологии, и в истории.

Однако намеченные исследователями-историками и исследователями-политологами пути методологического синтеза позволяют формулировать некоторые общие закономерности структурных мирополитических исследований, несмотря на то, к какому типу историко-структурных или структурно-политологических они относятся:

1) социальная совокупность должна объясняться в ее совокупном структурном контексте, а не просто с помощью субъективно-исторического набора факторов, пусть и превалирующих в силу каких-либо, даже очень важных, причин в настоящий момент исторического развития;

2) социальные структуры предполагают конструирование или деконструирование уровней социально-исторической совокупности и социальных иерархий, включая и микроуровень личностного взаимодействия;

¹ *Waltz K. Theory of International Relations // Fred I. Greenstein and Nelson Polsby (ed.) Handbook of Political Science. Vol. 8, International Politics/ Reading: Addison-Wesley Publishing Co, 1975. P. 74—75.*

3) идеи, действия и социальные структуры могут не соответствовать друг другу, а потому общество постоянно структурируется акторами и субъектами, частично вследствие их намерений, но также и ненамеренно, в силу объективных процессов структурного типа, т.е. фактически независимо от акторов-субъектов;

4) изучение международно-политической реальности и международных отношений как вида социальных отношений возможно только при правильном подходе к предмету, причем принятый подход будет определять как виды предполагаемых причинных связей, так и логику самого исследования;

5) субъективно-историческое «усечение» или «выборка» факторов и простой аналитический метод непригодны в изучении международных отношений, так как необходим подход, который охватывал бы и системный уровень, и уровень единиц анализа;

6) необходимо проводить различия между структурой международных отношений, с одной стороны, и взаимодействующими государствам и иными субъектами — с другой;

7) поскольку причины на уровне системы отличны от причин на уровне единиц, составляющих систему, имеется возможность проследить и оценить следствия причин различного типа;

8) два последних заключения позволяют изучать не только характер взаимосвязей между типами внутригосударственных процессов (типы социального доступа) и их влияния на внешнеполитическую деятельность и структуру мирополитического взаимодействия, но и формировать интегративные подходы.

И для истории, и для общественных наук (политология, социология, антропология и др.) важно, чтобы авторская теория и интерпретация подразумевали четко сформулированные научные намерения автора и посылки исследования и соответствовали общепринятым требованиям и критериям научного исследования.

В переходные эпохи существования обществ эти требования могут размываться, вместо научных исследований, требующих высокой квалификации и достаточно продолжительного времени для создания, а также больших интеллектуальных, физических и материальных затрат, появляются скороспелые популярные истории или изложения политических событий либо в небольших книгах научно-популярного характера, либо в статьях. Такие жанры не ставят задачу корректной разработки научных гипотез и проверки их на основе международно принятого процесса апробирования. Они апеллируют к постановке сиюминутных, как правило, практи-

коориентированных идеологических задач конкретного, исторически очень короткого временного периода. Их основная задача — повлиять на массовое сознание в конкретный момент. Следовательно, особая задача экспертного и научно-образовательного сообщества состоит в сохранении и поддержании в профессиональном сообществе критериев научного исследования в области гуманитарных и общественных наук.

Появление **интегративных подходов** связано с проблемой приращения нового знания и новых интерпретаций уже известных явлений, способы получения которых (методология) в традиционных дисциплинах близки к исчерпанию. В этом смысле ситуация в традиционных дисциплинарных исследованиях во многом напоминает ситуацию в географии после открытия всех континентов. То есть для продолжения процесса приращения знания надо либо расширять или менять предмет изучения, либо глубоко осмысливать открытое, понимая маловероятность скорого получения революционных научных прорывов.

Глубокое осмысление уже открытого в переходные периоды смены политических и экономических моделей развития может ограничиваться как скудостью существующего общественного интеллектуального потенциала, его архаизацией и деградацией, вызванной, в частности, и отставанием экономической базы для обеспечения функционирования общественного интеллектуального потенциала, так и сложностью его дальнейшего воспроизводства при ограниченных финансовых возможностях поддержания исследований в условиях ускорения и усложнения общественного развития. При определенных условиях, но не всегда, такая ситуация может помочь формированию политической задачи обеспечения адекватных экономических условий научного осмысления пройденных и предстоящих этапов политико-экономического развития.

Традиционные дисциплины продолжают использовать апробированные методы в рамках существующих научных парадигм. Появление интегративных методов синтетического типа там не очень приветствуется, поскольку может порождать приращение методологических знаний как внутри самой дисциплины, так и на стыках наук. Это предполагает постановку проблемы формирования междисциплинарных и мультидисциплинарных сфер научного знания и интегративных подходов / интегративных научных дисциплин. Такие дисциплины, подобно мировому / зарубежному комплексному регионоведению, сравнительной мировой полити-

ке, исторической макросоциологии, эволюционирующие от учебно-синтетических к научно-синтетическим, позволяют добиваться не только приращения знания, но и синтеза фундаментального знания и практики. Полученные в ходе методологического синтеза новые теории и подходы позволяют объяснять и форматировать реальность методами социальной инженерии.

Одновременно следует понимать, что искусственная междисциплинарность, особенно в социально-гуманитарных науках, способна породить схоластическое либо крайне утилитарное знание, малопригодное как для понимания действительности, так и для практического использования на стратегическую перспективу (например, гидрополитология, политология ресурсов, политология транспорта, дипломатия ресурсов, энергетическая дипломатия вместо решения проблемы ресурсной обеспеченности рыночными средствами или обеспечения максимизации / минимизации цены при максимизации / минимизации экспорта ресурсов дипломатическими средствами и т.д.). То есть применение названий такого типа возможно, но в рамках научной методологии анализа требуется заключение этих терминов в кавычки.

Критерии исторического исследования зависят от научных договоренностей между историками и историческими школами. Тогда написание исторического исследования превращается в процесс формирования умозаключений, сделанных на основе отбора фактов / факторов и организованных в логически непротиворечивые аргументы. Следовательно, плоха та история, которая определяет мотивы субъектов истории через восприятия, которых не существовало во времена самих этих событий, закладывает в основу гипотез доводы, или опровергаемые либо не подтверждаемые естественными науками, или не поддающиеся эмпирической проверке источниковедческим анализом.

При этом все историки в той или иной степени используют в своем историческом анализе современную систему ценностей. Но если в конкретной стране в силу конкретных причин ее исторического развития нет единой системы ценностей, сосуществуют различные, неинтегрированные системы ценностей, различные системы ценностей не иерархизированы, а соположены и укоренены в структурах политической и экономической власти, то в условиях социального и ценностного «раскола» в обществе историки, субъективно придерживающиеся какой-либо одной системы ценностей, будут искать подтверждения их видению современной ситуа-

ции в прошлом, а политики прибегать к использованию этого знания для того, чтобы подкрепить свою политическую позицию. В этом случае историческое знание будет превращаться в идеологию, не имеющую ничего общего с наукой, и использоваться для закрепления позиций какой-либо одной политической группы либо властной группы в целом.

В обществоведческом исследовании явления определяются при помощи наборов посылок, откуда путем дедукции выводятся обобщения, которые предполагают, что при данных условиях будут действительными конкретные выводы. Если такие теоретические объяснения не фальсифицируются, они позволяют определить главные тенденции на будущее, а также объяснить историческое прошлое. То есть в общественных науках можно оценивать отдельно корректность методологии и теории и корректность интерпретаций на основе применения той или иной теории.

Таким образом, имеются две точки зрения, которые определяют особенности теоретического объяснения. Согласно первой эти особенности опираются на договоренность историков о необходимости и способах эмпирической проверки, а согласно второй объяснение должно быть основано на некоей теоретической системе, которая сама по себе содержит логические критерии для оценки аргументов автора. Сегодня нет другого пути для модернизации и осовременивания отечественной научной традиции, как через поиск путей методологического синтеза, который, судя по всему, в международно-политической сфере знания возможен в рамках таких дисциплин, как мировое комплексное / зарубежное регионоведение, сравнительная мировая политика, международная сравнительно-историческая политэкономия, кроссрегиональный политический анализ.

Следует отметить, что каждая из этих точек зрения «в чистом виде» имеет свои сильные и слабые стороны. Если мы принимаем первую точку зрения, необходимо позаботиться о том, чтобы теоретические послылки объясняли историческую реальность. Если мы придерживаемся второй точки зрения, то лишаемся возможности подвергнуть теоретические модели эмпирической проверке. Так, согласно классику методологии науки М. Окшотту мы не можем проверить или фальсифицировать теорию, единственное средство проверки состоит в применении критерия непротиворечивости. Иными словами, подтверждение становится в данном случае относительным и не может быть подвергнуто эмпирической проверке.

При таком объяснении исследователи разделяют общую точку зрения о причинности и применимости их объяснений на основе, которая по отношению к их объяснениям и субъективным ощущениям носит внешний характер.

В общественных науках теория подспудно предваряет наблюдение. Если принять этот довод, то метод превращается в объяснение. В этом смысле обществоведческие теории есть универсальные теоретические объяснения, ибо интерпретации используются в поддержку априорных определений. Следуя этому доводу, необходимо признать, что теоретизирование в общественных науках зачастую в реальности есть одна из форм исторической аргументации, и наоборот — исторические интерпретации содержат послышки, которые в конечном счете являются послылками теоретического характера.

Однако, в отличие от общественных наук, в историческом объяснении обобщение, хотя и зависит от логического процесса мышления, не может быть оценено исключительно на основе его логической структуры. Исследователей-обществоведов прошлое интересует лишь настолько, насколько оно помогает обосновать их аргументы относительно настоящего и будущего. Объяснение историка указывает на историческую причину конкретного события, а объяснение обществоведа носит теоретический характер. Если историк пытается воссоздать прошлое посредством своего восприятия и его прогнозы будущего интуитивны, то обществовед стремится выстроить конструкцию, в равной степени применимую к прошлому, настоящему и будущему. Такая конструкция в идеале должна позволять прогнозировать возникновение новых фактов или общественных явлений.

Таким образом, происходит смещение акцента от мотивации к типичному действию. В ходе оценки концепций и используемых в них переменных величин вырабатываются логические аргументы, которые становятся «внешними» по отношению к первичной концепции. Такая постановка вопроса соответствует общепринятому на данный исторический период пониманию логики научного познания.

В этом смысле подходы общественных наук могут считаться относительно более объективными (научно нейтральными), чем в гуманитарных науках. Синтез двух методологических позиций в единый комплексный подход представляет собой трудную задачу и возможен только в мультидисциплинарных дисциплинах с четко

прописанными и корректно сформулированными задачами и методологическими предпосылками исследования.

Хотя историю в целом можно «обвинить» в том, что она действительно представляет собой субъективный взгляд на уникальные обстоятельства или события, история может помочь теоретику в объяснении причинных связей и представлении подробных свидетельств о той или иной ситуации. История действительно концентрируется на прошлом, но не на прошлом вообще, а на тех его элементах, которые со временем не изменяются (т.е. на «моделях взаимодействия»), и на тех, которые изменяются со временем. В истории прежде всего и главным образом рассматриваются преемственность и изменения, т.е. проблемы, которые реже привлекают внимание политологов, анализ которых основан на онтологическом разрыве исторической эволюции современностью¹. Но теория может стать более широкой, дифференцированной и живой, чем абстрактная концептуализация, если она опирается на эмпирические свидетельства исторических событий. Такую возможность теоретически обеспечивает методологический структурализм в комплексном подходе, так как он взаимно увязывает вместе микро- и макроуровни социально-политического и политико-экономического анализа, в то же время не подчиняя их друг другу.

Цель комплексных мирополитических и регионоведческих исследований компаративистского типа, основанных на методологии сравнительно-политологического анализа (кроссрегиональный политический анализ), состоит в том, чтобы проанализировать исторические события через призму комплексных интегрирующих подходов анализа социально-экономических и культурно-политических пространств, фиксирующих дистанции и различия в области формирования, функционирования и развития мирополитических отношений.

Такие подходы, в свою очередь, позволят использовать максимально необходимое количество переменных факторов, которые влияют на каузальные параметры, связанные с историческим результатом, но при этом нужно понимать, что максимально необходимое количество переменных может быть ограничено при помощи формализованного или неформализованного факторного ана-

¹ *Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Berkeley: University of California Press, 1984; Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990.*

лиза в сравнении с построением классических статистических выборок в политологии, социологии или экономике.

Таким образом, речь идет о стратегии междисциплинарного исследования в научных дисциплинах с корректно сформулированным методологическим своеобразием, которое позволяет использовать качественные и количественные методы. В них применяются для проверки гипотез объяснения историков, но построение научных гипотез структурируется на основе методов общественных наук. Следовательно, стремясь определить каузальную значимость соотношения между независимыми и зависимыми переменными, исследователь подвергает единичный случай, в котором появляется такое соотношение, более тщательной «структурной» проверке, чем это сделал бы историк, для того чтобы установить наличие влияющего на это соотношение процесса, т.е. каузальной связи между независимыми и зависимыми переменными, и, соответственно, строит «открытые» теории среднесрочной перспективы, видоизменяемые после появления новых структурных аргументов¹.

Мировое / зарубежное комплексное регионоведение — комплексная, интегральная социально-политическая дисциплина, предметом исследования которой являются методы управления и контроля процессами дифференциации и интеграции пространственно-временного поля мировых взаимодействий. Она основывается на методах кроссрегионального сравнительного политико-экономического анализа и изучает закономерности процесса формирования и функционирования политико-экономической системы регионов мира с учетом их исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.

Распространение социальных институтов, порожденных модернизацией западных обществ, сформировало современные национальные государства с естественным порядком социально-политического доступа. Государства такого типа концентрируют административную власть более эффективно, чем примитивные и традиционные. Индустриальное капиталистическое производство,

¹ Подробнее см.: *Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий. М.: Восток—Запад, 2004.

осуществляемое в массовом порядке на промышленной технологической основе, позволяет повысить уровень материального благосостояния широких масс населения и гарантировать как экономическую, так и военную мощь государств. Объективная невозможность противостоять такого рода экспансии ведет к возникновению феномена глобализации современности. Воспринимать глобализацию только лишь как опасность, от которой необходимо запереться в «осажденной крепости» и обороняться от «всех и вся», бессмысленно, не видеть в ней шанса для развития, которым можно и нужно умело воспользоваться, — просто глупо. Глобализация и представляет опасность, когда она воспринимается только как опасность.

Глобализация современности связана с новым типом организацией социальной жизни во времени и пространстве, т.е. новым комплексом отношений между локальностью и взаимодействием на расстоянии. Изменение в современном обществе характера «дистанциации» (термин Э. Гидденса) пространства—времени создает предпосылки для глобального переноса институциональных изменений, т.е. распространения современных институтов, сложившихся в передовых сегментах мирового пространства, по всему миру и одновременно утраты развитыми странами Запада гегемонии вследствие того, что современные институты, наличие которых и составляло главное преимущество западных стран в эпоху его подъема, становятся достоянием всех стран и народов, включая незападный мир.

Таким образом, в глобализации выделяются две фазы:

первая фаза — распространение технологий, уже ставших обыденностью, и базовых социальных институтов современности, в той или иной степени внедренных в социальные системы незападных обществ. Эта фаза на раннем этапе принимала форму колониализма и вестернизации;

вторая (новая) фаза — распространение современных средств массовой телекоммуникации и информации, радиус действия которых охватывает весь земной шар, что позволяет осуществлять мгновенную связь между различными частями мира и делает мир как бы плоским. Эта технологическая фаза совпала с завершающим этапом построения частью мирового сообщества порядка открытого доступа и новой постиндустриальной экономики.

В середине XX в. колониальное и зависимое политическое состояние стран Востока сменилось импортированием и заимствова-

нием западных моделей одними странами и поисками своего собственного суверенного пути развития, основанного на процессах социального осовременивания (социальная инженерия), другими. После обретения независимости в странах Востока наметились значительные сдвиги — утвердились различные формы сосуществования индустриальных и аграрных секторов, а традиционная система общественной жизни после «третьей волны» демократизации начала трансформацию в систему со сложным взаимоотношением традиционно зависимых групп, расширением осовременивающейся политической элиты, продвинутым уровнем общих и специальных знаний и даже синтезом восточных и западных цивилизационных компонентов. В странах Востока начался переход от государств с примитивным к государствам с естественным типом доступа соответствующего подтипа: архаизированного, традиционного, анклавного, конгломеративного, анклавно-конгломеративного, гибридного, а затем (у некоторых) и переходного. Таким образом, для стран Востока политический вектор модернизации связан с социальной инженерией: поиском адекватных путей конкурентного социально-экономического и политического развития и, одновременно, с сохранением культурной и конфессиональной самобытности и самоидентификации, необходимых для сохранения цивилизационной устойчивости.

Конкретным историческим развитием, типом организации порядка доступа, цивилизационными особенностями, спецификой политической культуры определяется специфика их политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран разных регионов мира и оценить их способность модернизироваться.

Понимание специфики политической культуры западных и восточных обществ создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений между ними. Но применение методологически корректных сравнительных подходов и кроссрегионального анализа позволяет сделать большее: оценить и скорректировать политико-экономические предложения применительно к различным временным и регионально-политическим реальностям. Например, необходимость развития человеческого капитала является единственно верным выводом из анализа опыта государств — лидеров мирового развития или государств, су-

мевших максимально сократить разрыв с лидерами (восточные НИС и крупные индустриальные страны Востока), т.е. для государств с порядком открытого доступа либо находящихся на завершающей стадии перехода от порядка естественного к открытому доступу.

Однако одностороннее развитие человеческого капитала в закрытом государстве архаичного, анклавного или конгломеративного типа, ограниченного определенными внутристрановыми социальными, этническими / этноконфессиональными либо профессиональными группами, минимизирует положительные эффекты от этой меры, поскольку в таком государстве не существует либо сильно затруднена свободная циркуляция знаний, идей, людей, капитала, социальные лифты не работают либо работают с искажениями, а процесс распределения экономических ресурсов политически монополизирован и нетранспарентен. К тому же сравнительный анализ региональных стратегий показывает, что природные ресурсы и человеческий капитал являются не единственными факторами, определяющими конкурентоспособность стран и регионов, кроме них существуют еще и социальный капитал (общественное согласие), государственные институты (точнее, их зрелость и эффективность), качество инфраструктуры, эффективность рынков, инновационный потенциал и степень реализуемости инноваций, имидж страны.

Развитие человеческого капитала в «закрытом» и жестко идеологизированном государстве фихтеанского типа при неэффективных государственных институтах, компенсируемых сильными неформальными практиками и одновременно при отсутствии общественного согласия фактически теряет свой положительный эффект, точно так же как вряд ли возможно продуцирование инноваций (коммерциализация научных открытий) в несвободных политических системах закрытого государства со слабыми институтами и ограниченными или неразвитыми рынками.

Самый яркий пример этому — проблемы с экономической и политической модернизацией и отсутствие массовых инноваций на Кубе и в Народно-Демократической Республике Корея, странах Ближнего Востока и Африки. Даже у СССР, создавшего фундаментальную науку частично на собственной основе в 1930—1950-е гг., возникли проблемы с конвертацией открытий в инновации, и коммерциализация советских изобретений происходила в других стра-

нах (в частности, в Европе и США), что позволяло им ускорять свое собственное экономическое развитие.

Дело в том, что, приспосабливаясь к традиционалистской социальной базе (традиционалистский ядерный электорат), даже просвещенная власть постепенно сама по себе архаизируется. В этом случае возникают консервативно-модернизационные проекты, основанные на государственном патернализме и искаженной, пусть и претендующей на целостность, картине мира, которые мало способствуют инновационному развитию, потому что не являются научными. Одновременно выработка неискаженной картины мира затрудняется в таких обществах растущей идеологизированностью общественных наук и неспособностью / нежеланием поощрять теоретизирование в общественных науках, что связано с оскудением материальных ресурсов, социальной архаизацией, деградацией научной инфраструктуры, научного потенциала и в целом научного знания в закрытых социальных системах. Таким образом, модернизация и инновационное развитие в условиях искаженной рыночной структуры и одностороннего развития человеческого капитала также крайне затруднены или не представляются возможными, что легко подтверждается конкретным региональным историческим опытом. Эти простые примеры показывают, что разработка методологической базы анализа невозможна без проверки сформулированных гипотез на основе корректных кроссрегиональных методик верификации с использованием исторического опыта в разных региональных сегментах мира.

10

Место мирового комплексного / зарубежного регионоведения на «карте наук». Развитие мирополитических теорий и «проверка» теорий

10.1. Понятия междисциплинарности, мультидисциплинарности и постдисциплинарности / 10.2. Основные направления развития мирополитических теорий / 10.3. «Проверка» теории: метод сфокусированного структурированного сравнения

10.1. Понятия междисциплинарности, мультидисциплинарности и постдисциплинарности

Проблема специфики рассмотрения времени и пространства в географии, зарубежном регионоведении, международных отношениях, истории, классическом востоковедении (вторая и третья главы) позволяет понять многомерность явления *междисциплинарности*, которую имеет смысл понимать достаточно широко: с одной стороны, с точки зрения традиционной, т.е. сформировавшейся, научной дисциплины, как расширение ее предметного поля на предметное поле другой традиционной научной дисциплины; с другой стороны, междисциплинарность можно понимать как образование нового предметного поля между границами предметных полей традиционных дисциплин¹.

С точки зрения теории социальных систем Н. Лумана междисциплинарность можно понимать как возможность исследования взаимодействия функциональных подсистем в их средах. Такое по-

¹ О междисциплинарности на стыке географии и международных отношений см.: Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник М. : Гардарики, 2003. С. 31—49; Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во СГУ, 1998. С. 9—51; Теория и методология географической науки. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. С. 68—71.

нимание междисциплинарности позволяет выделить типы междисциплинарных исследований и их наиболее очевидные проблемы.

Условно междисциплинарные исследования по критерию различия предметных полей можно разделить на:

- собственно междисциплинарные (пограничные, конгломеративные) исследования;
- мультидисциплинарные (комплексные или интегральные) исследования.

Междисциплинарные исследования ориентированы на изучение взаимодействия нескольких функциональных подсистем в их средах, тогда как **мультидисциплинарные исследования** ориентированы на изучение взаимодействия функциональных подсистем в общей для них среде системы. В этом смысле междисциплинарны и классическое востоковедение, и мировое комплексное / зарубежное регионоведение, но комплексно и интегрально, т.е. мультидисциплинарно, только мировое комплексное регионоведение / зарубежное регионоведение.

Классическое востоковедение, ориентированное на изучение традиционного Востока преимущественно как географическо-цивилизационного понятия с точки зрения его прошлого во взаимосвязи с сопряженными дисциплинами (лингвистика, литературоведение, история, антропология, этнопсихология Востока), в последние годы также стало претендовать на мультидисциплинарность по широте охвата проблем, связанных с Востоком, однако способность востоковедения сформировать методологическую комплексность в методологически корректном научном смысле ограничена географическими параметрами традиционного Востока, состоящего в настоящее время, в отличие от Востока XIX в., из конгломерата структурно различных региональных сегментов. Эти сегменты уже невозможно интеллектуально, политически и экономически интегрировать на основе системы ограниченного социально-политического доступа, поскольку Восток в целом, хотя и неравномерно, но политически модернизируется, а система открытого социально-политического доступа более универсальна и справедлива, чем система естественного (ограниченного) социального доступа. Соответственно методологически разноструктурно и востоковедение. Оно в конечном счете продолжает выступать конгломератом базовых дисциплин, объединенных географически-цивилизационным предметом познания, допускающим тот или иной синтез субъективистского характера только в голове кон-

кретного исследователя¹. То есть востоковедение может выступать в качестве учебно-синтетической дисциплины как образовательное направление, но научно-синтетической дисциплиной со своей методологией стать не может.

Мировое комплексное² регионоведение предстает как учебно-синтетическая дисциплина. Одновременно она предлагает и научно-синтетические комплексные объяснения и теории³, с использованием сравнительно-политических методов кроссрегионального анализа, объединенные предметом исследования — регионом, определение которого достаточно четко, жестко и научно корректно концептуализировано.

Таким образом, развернутый в первом разделе книги анализ научного дискурса и методологических основ дисциплины позволяет «конструировать» конкретные теории и формулировать теоретические подходы и методики применительно к конкретным исследовательским задачам конкретных исследований, нацеленных на получение максимально корректного практического результата. В продолжении настоящей книги — «Практике зарубежного регионоведения и мировой политики» — будет показано, как это теоретическое знание можно превратить в практическое и какие объяснения происходящим региональным и мировым процессам методологически корректно предлагать в аналитических исследованиях объяснительного или прогностического типа, с тем чтобы посторонние объяснения и прогнозы оправдывались, а не отбрасывались за ненадобностью.

Необходимо также отметить такое явление, которое можно обозначить как «неклассическая (или скрытая) междисциплинарность». «Неклассическая / скрытая междисциплинарность» возникает внутри традиционной дисциплины и выражается в заимство-

¹ См., например, исследование: *Зеленев Е. И.* Постигание образа мира. СПб.: Каро, 2012.

² Прилагательное «мировое» акцентирует внимание на макрорегиональной и трансрегиональной составляющей предмета исследования, но не исключает и внутригосударственную регионализацию. Как учебная дисциплина данное направление получило название «Зарубежное регионоведение».

³ Например, концепцию многофакторного равновесия (*Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток—Запад, 2004) или концепцию стратегической матрицы (*Агеев А. И., Куроедов Б. В.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на примере России и Китая). М.: Институт экономических стратегий, 2008 и др.

вании данных, методов и концепций, поступающих из других дисциплин, изучающих другие функциональные подсистемы.

«Неклассическая / скрытая междисциплинарность» в международных исследованиях проявилась в обращении к опыту пограничных субдисциплин, возникших «на стыке» социальных и гуманитарных наук. Яркие примеры «неклассической междисциплинарности» дают международные отношения как научная и образовательная дисциплина (в отличие от науки о международных отношениях, состоящей из разных дисциплин: международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения) и востоковедения, анализирующих единый «географический объект» на основе различных дисциплинарных подходов, применительно к различным дисциплинарным сферам изучения феномена Востока: история Востока, экономика Востока и т.д. Наряду с терминами «неклассическая» или «скрытая» также в некоторых случаях используется термин «ложная», акцентирующий внимание на методологической невозможности в случае эклектической методологии создать «единое» новое знание и продуцировать новые, методологически корректные объяснения или прогнозы на основе этого нового «единого» знания.

Междисциплинарными исследованиями можно считать исследования (субдисциплины), находящиеся на стыке предметных полей традиционных дисциплин. Яркий пример такого исследования — сравнительная мировая политика (на стыке мировой политики и сравнительной политологии), сравнительное регионоведение и сравнительное страноведение (на стыке сравнительной политологии и классического страноведения). *Мультидисциплинарные (комплексные или интегральные) исследования* представлены направлениями, возникшими на стыке предметных полей нескольких дисциплин и отделившиеся либо отделяющиеся от них. Во всех мультидисциплинарных дисциплинах с тем или иным успехом делается попытка создания интегративной методологии, синтезирующей заимствованные методологические подходы в цельную, присущую только этой дисциплине, методологию.

Мировое комплексное / зарубежное регионоведение относится ко всем трем типам исследований междисциплинарного характера, поэтому его можно назвать комплексным, или интегральным. За последние десять лет оно сформировалось в самостоятельное учебное и научное направление со своей методологической спецификой вслед за стремительной интенсификацией мировых процессов

глобализации и регионализации и в русле развития цельной науки о международных отношениях, выделившейся повсеместно в самостоятельную научную и образовательную дисциплину примерно с 1950-х гг. Международные отношения как научно-образовательная дисциплина в основном характеризуются скрытой / неклассической междисциплинарностью, и на этой основе они отторгаются классической политологией в ряде национальных научных традиций (хотя в некоторых других и включены в нее)¹ в отличие от мировой политики. Точно так же у востоковедения существуют трудности с ассоциированием дисциплины в соответствии с международной номенклатурой исследовательских и образовательных направлений — *Oriental Studies* как дисциплина не существует в настоящее время ни в одной стране в мира, однако организационно востоковедные дисциплины могут объединяться в учебно-синтетическое направление. Традиционно это существует, например, в России.

«Методологическим выходом» из этой ситуации для международных отношений как научной дисциплины, а не просто образовательного направления послужило развитие мировой политики как научной и учебной дисциплины (в рамках науки о международных отношениях), основывающейся на сравнительно-политических методах исследования и особенно ее нарождающихся новых направлений — сравнительной мировой политики и др., а также мирового комплексного / зарубежного регионоведения. Для востоковедения таким корректным «методологическим выходом» становится превращение его в подотрасль мирового комплексного / зарубежного регионоведения (*World Regional Studies*) в отличие от мировой политики, которая, не претендуя на методологическую комплексность, сумела сформулировать специфику своего предметного поля.

Междисциплинарные исследования сумели охватить «пограничную зону» между предметными полями традиционных дисциплин. Более того, пространственно-временное измерение было, если говорить в целом, концептуализировано, обрело свои описания, свои дифференциации и методы, основанные, с одной сто-

¹ В российской традиции на этой основе А. Д. Богатуровым была предпринята успешная попытка содержательно разделить международные отношения и мировую политику, фактически ставшая интеллектуально общепринятой в среде российских международныхников. *Богатуров А. Д.* (ред.). Современная мировая политика. Прикладной анализ. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 4—27, 28—37.

роны, на функциональном принципе различения (различения функциональных подсистем друг от друга), с другой стороны, на территориальном принципе различения (различения масштаба пространств).

В условиях неравномерной эволюции научных дисциплин междисциплинарные исследования могут устаревать, так как их теоретико-методологический аппарат перестает соответствовать «запросам» традиционных дисциплин: критериям научности (релевантность научных методов), актуальности, комплексности. Ярким примером такого устаревания является классическая (теоретическая) геополитика как часть международных отношений, скомпрометируемая заимствованием научно ложной концепции «жизненного пространства» национал-социализмом в Германии, а также этноцентрической составляющей некоторых более поздних теоретических и практических исследований этого направления. Сегодня не вызывает сомнения, что традиционная теоретическая геополитика может пытаться претендовать на всеохватность и научность только в обществах тоталитарного и жестко авторитарного типа на определенном историческом этапе развития, но в системе общепризнанных научных координат теоретические проблемы пространственной обусловленности социально-политических и социально-экономических процессов научно корректно и более успешно решаются в рамках междисциплинарных или комплексных направлений классических научных дисциплин (политическая география, региональная политология, комплексное регионоведение, политическая регионалистика, сравнительная мировая политика и т.д.). Это одновременно не отменяет возможность проводить практический геополитический анализ (современное направление «критической геополитики» и сравнительной мировой политики) в военном деле (французская школа современной геополитики) или теории дипломатии (американская, французская, российская школы дипломатии как научно-образовательной дисциплины), интерпретационных исследованиях (историческая география и сравнительная история международных отношений) и идеологических кампаниях.

Для традиционного (классического) востоковедения и страноведения также существует опасность «устаревания», если они не расширят «пространство» междисциплинарности и применение методов сравнительно-политического и сравнительно-экономического анализа, т.е. не выйдут за рамки традиционной методологии.

Существует и другая опасность — превращение научной дисциплины в идеологию. При этом надо понимать, что такая постановка вопроса не отрицает традиционных или классических дисциплин, а акцентирует внимание на том, какого типа анализ возможно произвести с помощью традиционной методологии, а какой будет нуждаться в модернизированных методологических подходах, но методологически корректного типа. Такое понимание контекста современного страноведения и востоковедения позволяет, с одной стороны, сохранить всю богатую базу отечественного классического (традиционного) востоковедения и страноведения, с другой — понимать их в русле современного модернизированного, а не традиционалистского и архаизированного контекста мировой обществоведческой мысли.

В этой связи рассуждения о месте той или иной новой дисциплины на «карте наук» и перспективы формирования своего собственного научно корректного методологического поля требуют достаточной осторожности. Эти проблемы соотносятся и с обозначенной ранее проблемой возможности или невозможности создания незападной теории международных отношений, западных / незападоцентричных подходов и западных вариантов уже существующих концепций¹. То есть развитие современных общественных наук предполагает не только движение в сторону междисциплинарности и мультидисциплинарности, но и формирование понятия постдисциплинарности, основанного на все более контекстном понимании усложняющихся современных обществ. Методологическую базу для такой постановки вопроса заложили идеи постмодерна и постмодернистских наук 90-х гг. XX в. в Европе, особенно французской научной школы (М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр и др.)². Современные интеграционные тенденции в науке объясняются повсеместно отмечаемой в разных национальных традициях общей тенденцией усложнения социума, частью которого является научное знание³. Разработанные британским социологом Дж. Урри идеи новых факторов социальной действительности — сложности, мобильности и ресурсного поворота, — выразившихся

¹ Acharya A. & Buzan B. (eds.). *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia*. London & N. Y. : Routledge, 2010.

² См., например: *Кравченко С.* Модерн и постмодерн в динамически меняющемся мире. М. : МГИМО-Университет, 2007.

³ Подробнее см.: *Кравченко С.* Становление сложного общества. К обоснованию гуманистической теории сложности. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 59.

в формировании нового этапа глобальной сложности через образование глобальных сетей, которые утверждались вне конкретных обществ, потребовали и их нового научного осмысления¹.

- Сложный социум возник не только под влиянием собственно социальных фактов, но и благодаря радикальным технологическим, организационным, коммуникационным инновациям, которые в совместном взаимодействии на глобальном уровне изменили и поновому реорганизовали, казалось бы, такие «универсальные» качества, как пространство и время. При этом, отмечает Урри, особую значимость приобретает «относительность» в противоположность «абсолютному»: в одних случаях сложные реалии сжимают дистанции времени и пространства между местами, а в других — увеличивают их. Государственные границы и культурные барьеры также становятся относительными... И эти процессы имеют необратимый характер — глобальная сложность не может обратно трансформироваться в относительно простой социум с прежними рельефно выраженными структурно-функциональными взаимодействиями, с четкими границами социальных фактов.

Кравченко С. Становление сложного общества. К обоснованию гуманистической теории сложности. М. : МГИМО-Университет, 2012. С. 60.

- Реалисты и их критики, по-видимому, правы в том, что международная теория может продвинуться в своем развитии дальше лишь в той мере, в какой международное сообщество будет обретать свойства глобального или подчиняющегося единым принципам функционирования. В этом смысле международная теория может преуспеть лишь усилиями глобального сотрудничества международников, стремящихся преодолеть национальные, культурные и иные границы.

Однако перспективы создания такого рода глобальной международной теории остаются туманными, поскольку национально-культурные различия не исчезли и продолжают определять поведение участников мировой политики. Следовательно, важнейшим для международников является не только вопрос о том, возможна ли международная теория, но и вопрос о ее национально-культурном своеобразии и возможности развития такой теории за пределами западного «центра».

Цыганков А. П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2013. С. 8—9.

¹ Lash S., Urry J. The End of Organized Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1987; Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. L. : Sage, 1994; Urry J. Climate Change and Society. Cambridge : Polity Press, 2011.

10.2. Основные направления развития мирополитических теорий

Незападоцентричное, объективистское видение усложняющихся мировых процессов предполагает три направления эволюции теоретических подходов к международным отношениям.

Первое направление представляет собой дальнейшее совершенствование, эволюцию и расширение существующего на настоящий момент основного корпуса теории международных отношений, базой для которого послужило более чем столетнее развитие англосаксонской традиции теоретизирования в этой области. Поскольку никакой другой национальной традиции изучения и концептуализации международных отношений, равной ей по широте и глубине охвата международной действительности в мире пока не наблюдается¹, эта региональная версия теории международных отношений де-факто стала восприниматься как мировая (международная) теория.

Понимание специфической де-факто мировой роли этой региональной версии теории международных отношений требует обязательного освоения всех базовых теоретических подходов именно этой научно-исследовательской традиции и этого научно-исследовательского направления, без чего разговор о международно признанном уровне высшего образования и освоении международного знания в исследованиях становится бесперспективным. В этой связи, прежде чем объявить об окончании «этапа освоения» мировой теории международных отношений и развития в России (тезис М. М. Лебедевой), следовало бы внимательно и непредвзято изучить китайский опыт «освоения через перевод» (*learning through translation*)².

Китайская школа науки о международных отношениях создала фундаментальную основу изучения международных отношений, переведя все базовые теоретические и теоретико-практические работы, изданные в Европе и США, на китайский язык и сделав их доступными всем преподавателям, исследователям и студентам в равной степени.

¹ Анализ разных традиций и оценка их интеллектуального вклада в международную теорию см., в частности: Acharya A., Buzan B. (eds.). *Non-Western International Relations Theory. Perspectives On and Beyond Asia*. London & N. Y. : Routledge, 2010.

² Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // Acharya Amitav & Barry Buzan (eds.) *Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia*. London & N. Y. : Routledge, 2010. P. 26—50.

В российской научной школе за 20 лет более или менее плюралистического осмысления полицентричности международных отношений, последовавшего после 80-летнего периода идеологической зашоренности, было создано три хороших учебника, дающих знания основных положений теории международных отношений и теории и практики мировой политики, и одна хорошая, но все же не претендующая на исчерпывающую комплексность и полноту, хрестоматия¹. Все остальные, какого бы высокого качества они ни были, давали в основном только знания по отдельным сегментам и конкретным проблемам, часто имеющим отношение к совершенно другой реальности, отличной от российской или же объясняющей конкретную российскую реальность неполностью.

Отдельно следует отметить, что ни одного перевода какой-либо специализированной международной работы по теории и методологии зарубежного регионоведения не осуществлялось вообще, а переводились в основном высококлассные, но научно-популярные практикоориентированные бестселлеры по международным отношениям политиков и дипломатов с «громкими именами» (З. Бжезинский, Г. Киссинджер и др.), не нацеленные на приращение знания в области международных отношений, но обеспечивающие тиражи издателям, в отличие от научных трудов профессиональных исследователей и профессоров, ориентированных именно на освоение и приращение нового знания, которые переводились крайне редко и выпускались небольшими тиражами. Это делает российскую науку о международных отношениях крайне зависимой от полноты и глубины освещения теоретических проблем международных отношений в авторских работах, изначально не предполагающих решение теоретических вопросов. Такой уровень освоения, хотя бы в связи с краткостью периода неидеологизированного осмысления международной реальности, явно недостаточен. При этом подходе логика приращения теоретического знания в общественных науках становится малопонятной, а прикладные интерпретации политиков и дипломатов — вырванными из контекста общей теоретической мысли в дисциплине и нередко «повисающими в воздухе». Это вызывает непонимание и отторжение концепций в

¹ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002; *Он же* (сост.). Теория международных отношений: хрестоматия. М., 2002; Лебедева М. М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2003 и др. издания; Богатуров А. Д. (отв. ред.). Современная мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2009.

другой региональной реальности, появление зеркальных, полярно ориентированных концепций, разрушающих находение компромиссов, и меняет (сужает) горизонт осмысления проблем. Кроме того, небольшая глубина освоения теоретического уровня не позволяет строить теоретические построения в области международных отношений, которые бы претендовали на национальный вклад в международные общественные науки.

В другой, относительно молодой крупной современной национальной школе международных отношений, схожей с российской по внутренним проблемам развития, — китайской школе — обобщение своего собственного национального видения теоретических проблем международных отношений и мировой политики началось путем создания капитальных коллективных обобщающих научных трудов на основе полного перевода всех главных западных трудов по теории международных отношений¹. Никакая, даже наиболее полная антология национальных работ не может компенсировать глубины освоения международного знания в условиях отсутствия относительно массовой доступности мировых теоретических работ по международным отношениям и их детального изучения по первоисточникам, по крайней мере, начиная с программ магистерского уровня ведущих национальных университетов. Осознание необходимости преодоления этого состояния в национальных традициях еще произойдет, возможно, вслед за попыткой сформулировать специфику русской теории международных отношений через осознание традиций русской политической мысли, трансформировавшей мировое знание в его региональную версию в России до революции 1917 г.²

Второе направление предполагает теоретическую возможность появления незападных концепций / теорий международных отношений, разрабатываемых в том числе самими исследователями стран Востока / Незапада или с их непосредственным участием (идея А. Ачария и Б. Бузана). Понятно, что появление каких-либо ин-

¹ Ван Идань, Юань Чжэнцин (ред.) Чжунго Гоцзи гуаньси яньцзю. 1995—2005. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005; Детали о китайской программе перевода и количестве переведенных основополагающих работ см.: Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // Acharya, Amitav & Barry Buzan (eds.) Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia. London & N. Y.: Routledge, 2010. P. 30—31.

² Цыганков А. П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2013. См. также: Губин В. Д., Стрелков В. И. Национальные образы философии. М.: РГУ, 2013.

теллектуально оригинальных, включая незападные, концепций без глубокого понимания и освоения «всего того, что создало человечество» в области международных отношений, невозможно. Пока мы не имеем значительных теоретических достижений на этом направлении, признаваемых международным сообществом в качестве самостоятельных конкурентных и равных западным интеллектуальных достижений. Однако подходы к полностью автономному теоретизированию в области осмысления взаимоотношений с внешним миром намечались в древности в индийской и китайской, а специфика национальной политической мысли и ее влияние на международные отношения также и в некоторых других страновых традициях (включая русскую), что может привести к интересным попыткам синтеза в будущем, когда будет полностью освоен тот уровень, на котором «работают» международно признанные авторы¹.

Третье направление акцентирует внимание на *расширении незападных (незападоцентричных) объективизированных подходов* в рамках теоретических построений промежуточного (регионального) уровня, находящихся между универсальными и исключительно страновыми подходами. Теоретизирование на этом уровне даже в самых продвинутых школах международных исследований концептуально только начинает оформляться, поскольку методологические построения этого уровня необходимо непрерывно проверять достаточно быстро изменяющейся региональной реальностью, что объективно достаточно трудно делать в отрыве от нее.

Международно-региональная реальность допускает достаточно высокую степень конструктивизма, ограниченного, в свою очередь, как универсальными / мировыми закономерностями, так и суверенностью политики государств, составляющих эту региональную реальность. При этом международно-региональная реальность меньше поддается насильственным трансформациям субъективистского толка, проводимым в рамках национального государства какими-либо сегментами его политической элиты, а

¹ См., например: Чжунго сяньцин гоцзяцзянь чжэичжи сысян сюаньду (Политическая мысль Китая доиньского периода о взаимоотношениях между государствами. Избранное) / под ред. Янь Сюэтуна и Сюй Цзиня. Шанхай: Фудань дасюэ, 2008; *Цыганков А. П.* Международные отношения: традиции русской политической мысли; *Губин В. Д., Стрелков В. И.* Национальные образы философии.

соответственно, в ней более выпукло представлены императивы глобальных закономерностей.

Одновременно субъективизированная трансформация глобальных регионов также невозможна в силу их большой географической площади и огромных финансовых затрат на такую трансформацию, если она не использует спонтанно и добровольно высвобождаемые и активизируемые через рыночные механизмы как национальные, так и транснациональные материальные и нематериальные ресурсы. Реальная практика развития международных отношений и мирополитического взаимодействия покажет в период следующих десяти лет адекватность избранных и избираемых конкурирующих стратегий развития глобальных регионов и макрорегионов мира и их соответствие мегатрендам мирового развития.

В рамках последнего направления политологами-международниками школы зарубежного регионоведения и сравнительной мировой политики как раз и ведутся разработки, анализирующие проблематику Востока / Запада в контексте сравнительного анализа глобальных процессов.

Это третье направление практикоориентированного теоретизирования в области регионального поля международных и мирополитических отношений и зарубежного регионоведения, развернутое в настоящей книге и ее продолжении — «Практике зарубежного регионоведения и мировой политики», основано на синтезе трех наиболее значимых, интеллектуально внятных, оригинальных и методологически инновационных концептуально-теоретических направлений в мирополитических исследованиях последних десятилетий:

интеллектуальных достижений школы системно-структурного и сравнительно-политического объективизированного анализа международных отношений (М. А. Хрусталева, И. Г. Тюлин, А. Д. Богатуров), заложившей фундамент новой научной школы сравнительной мировой политики и исследования мирополитического взаимодействия;

анализа методологического и категориального аппарата сравнительной политологии, практикоориентированного анализа мировой политики и экономической политологии (А. Ю. Мельвил, А. Д. Богатуров);

мирового комплексного / зарубежного регионоведения и сравнительного политического востоковедения (научно-методический

комплекс «Мировое комплексное регионоведение»¹, исследование «Восток и политика»² и др.).

В контексте новых направлений — мирового комплексного / зарубежного регионоведения и сравнительной мировой политики происходит углубление понимания научных принципов определения соотношения общих (общеполитических) и специфических (региональных / страновых) закономерностей в русле сравнительного анализа пространства мировой политики во взаимосвязи с внутривосточной сферой.

Это позволяет обосновать прикладные принципы объективизированного видения мира, включающего:

— нахождение регионами Востока / Незапада национальных моделей открытого «автоцентрированного» накопления, на основе которых делается попытка сформулировать свою собственную модель развития и модернизации и одновременно осознание ограниченности закрытой модели «автоцентрированного» накопления на следующем этапе их эволюции, требующем дальнейшей политической модернизации и инновационного развития с опорой на трансрегионализм как новый феномен, ускоряющий развитие;

— изменение характера трансрегионального сотрудничества: если раньше трансрегиональные партнерства формировались через посредничество великих держав и с опорой на государство-гегемон мировой системы, то в несимметрично-полицентричном мире делается акцент на формулировании новой многовекторной программы конструктивного включения в мировое экономическое и политическое пространство взаимосвязанности через партнерства государств примерно одного уровня развития без обязательной опоры на государство — лидер мировой системы, но и без противопоставления ему, как это было во времена биполярного противостояния или в недавнем прошлом. Такой подход предполагает поиск не только союзников, но и стратегических партнеров в модернизации, осовременивании национального общества, включая его как технологическую, так и социальную сторону. Он позволяет вовлекать государство — лидер мировой системы в партнерства во имя модернизации, что стимулирует акцентирование в мировой

¹ Мировое комплексное регионоведение и международные отношения. Научно-методический / учебно-методический комплекс по регионоведению: в 4 ч., 5 кн. Т. 1—2 / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2005.

² Восток и политика / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011.

политике консенсусного конструктивистского направления, целью которого является конструктивная эволюция мирового порядка к его более справедливой и взаимовыгодной форме, а не тупиковые военные противостояния и военное балансирование;

— эта многовекторная программа основана на усилении трансрегиональных и макрорегиональных взаимосвязей через социальную инженерию национального пространства и разделение труда между национальными экономиками, преимущественно близкими по уровню экономического развития, одновременно она включает в себя механизмы выравнивания выгод от сотрудничества и уровня развития партнеров;

— такая модель в идеале ориентирована на формирование прогрессивного транснационального политико-экономического пространства взаимодействия глобальных регионов мира, имеющих свою культурно-историческую специфику как феномена, существование и функционирование которого на основе формальных и неформальных политических правил и механизмов, обеспечивающих их соблюдение, поддерживается людским сообществом, члены которого хотя и формально разделены государственными границами, но эти границы являются не линиями разделения, а границами-трансформерами, которые соединяют пространство глобальных регионов общностью совместной экономической деятельности, мировоззрения, современными и прогрессивными политическими ценностями, взаимным доверием, интенсивными и многообразными контактами во всех сферах человеческой активности.

Несмотря на кажущийся идеализм этой общей задачи, ее конструктивистское исполнение связано с нахождением вполне конкретных путей конструирования сопряжения и наложения региональных пространств таким образом, чтобы процесс формирования транснациональных полей глобального пространства сотрудничества ускорялся и укреплялся, обеспечивая поступательность развития человечества, а не замедлялся, застопоривался или архаизировался, приводя к воспроизводству новых циклов противостояний и конфликтов, их закрепления и передачи из поколения в поколение.

Суммируя эти проблемы, следует признать ценность применения системного подхода, которое обусловлено тем фактом, что прежде чем понять само действие, исследователю необходимо понять его контекст. В 1990-х и 2000-х гг. в системный подход были

инкорпорированы идеи региональных подсистем, а затем глобальных сетей и трансрегиональных связей. Как и функционализм, структурно-системный подход позволяет вывести проверяемые последствия поведения на априорной основе, что стоит ближе к «научному» знанию в неопозитивистской трактовке, чем исторические описания. Еще одним откликом на споры между историками и политологами явилась новая тенденция в современных общественных науках — так называемый методологический структурализм в историческом объяснении и структурализм — в социологическом, фактически ориентирующие на проведение структурного исторического анализа конструктивистского типа. Согласно удачному объяснению ученика Ч. Тилли К. Ллойда в настоящее время многие историки знают, как соединить структурный анализ (с помощью теорий, статистических данных и качественных свидетельств) с описательным изложением. Историк-структуралист не может не изучать все агрегированные модели событий, действий и высказываний любого рода, ибо только благодаря им структуры правил, ролей, отношений и значений становятся доступными для анализа.

Итак, с учетом новых методологических проблем, задача исследователей нового поколения состоит не в «отрицании» истории и «превознесении» деконструирующего анализа или «отрицания политологии» с упором на «старое доброе» описание в традиционных международных отношениях или мировой политике и не в оправдании «традиционной» истории или политологических методов, а в осознании онтологической связи между структурами, ценностями и событиями в интегративных подходах. Принципы интегративного и комплексного анализа соотносятся с проблемой переосмысления преемственности и трансформации систем в структурном анализе, которые должны рассматриваться в сопоставлении с реальностью всемирной истории и соответствовать критериям сложных социумов постиндустриального мира.

10.3. «Проверка» теории: метод сфокусированного структурированного сравнения

Показав возможности методологических «точек роста» в рамках интегрирующих подходов, которые, как представляется, позволяют решить проблему типологизирования социально-исторической сложности конкретных явлений жизни, необходимо понять, каким образом можно соотнести эти общие методологические и теоретические

соображения с методом, позволяющим «сузить» общую теорию применительно к конкретной международной реальности различных региональных сегментов мира¹. Такая постановка проблемы предполагает не создание «доморощенных» теорий, оторванных в равной степени как от национальной, так и от международной реальности, а применение и адаптацию методологически безупречных «международных» теорий и подходов, которые позволяют разработать выводы и различные научно корректные интерпретации, в том числе применительно к различной региональной / национальной реальности, т.е. включая восточную / западную реальность или же исходя из интерпретаций одной и той же реальности в зависимости от угла зрения (из «центра» или с «периферии» мировой системы), в зависимости от конкретного этапа исторического развития и типа социального доступа. Такое понимание ставит в иную плоскость проблему ограниченности возможностей для построения «западной теории международных отношений», чем обозначенные А. Ачарией и Б. Бузаном². Эта задача может быть решена, в частности, с помощью применения к западной реальности метода сфокусированного структурированного сравнения, который представляет собой конкретную модификацию направленного сравнения и сравнительного структуриализма. Сам метод рассмотрен в настоящей главе, а его возможности для объяснения макро-региональных процессов более подробно в книге «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики», посвященной практическим объяснениям международно-региональной реальности.

Метод направленного (контролируемого) сравнения в сочетании со сравнительным структуриализмом отличается от статистического метода количеством рассмотренных исследователем случаев, когда, как отмечал методолог науки А. Лейпхарт, число случаев слишком мало, чтобы обеспечить систематический контроль посредством «частичной корреляции». Однако недостаток рассмотрения небольшого количества случаев можно превратить в досто-

¹ Эволюция «номенклатуры» методологических подходов в региональных исследованиях рассмотрена в: *Voskressenski A. D. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Interaction in Eastern Asia // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by IEDA Osamu & UYAMA Tomohiko — Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006. P. 3—41.*

² *Acharya A., Buzan B. (eds.) Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia. London & N. Y. : Routledge, 2010.*

инство, так как этот недостаток позволяет провести более интенсивный анализ и снизить зависимость исследователя от данных, которые невозможно должным образом оценить. Более того, при применении аналитического метода, который «сконфигурирован» самой дисциплиной (т.е. метода использования общих переменных для описания и оценки частного случая), метод сфокусированного сравнения может оказать реальную помощь в разработке теории, если исследователь адекватно определяет класс событий, в отношении которых он пытается разработать «объясняющую» теорию, и если его подход к объекту исследования носит избирательный и сфокусированный характер. Таким образом, анализ одного конкретного объекта исследования (*case study*) в принципе может обеспечить точную и решающую проверку гипотезы, т.е. выполнить функцию тщательно разработанного эксперимента, но это исследование (*case*) должно быть встроено в контекст процесса построения «открытой» теории.

Американский исследователь А. Джордж, аналитически удачно описал этот метод¹, в модифицированной форме для проверки концепции многофакторного равновесия он был использован в книге «Россия и Китай: теория и история межгосударственного взаимодействия»², применительно к области теоретической истории модифицирован и переработан Н. С. Розовым³. Существуют также другие варианты его модификации и применения, в частности, в исторической макросоциологии⁴. В неформализованном виде этот метод применялся и значительно ранее опубликованной работы А. Джорджа, что свидетельствует о логико-интуитивных попытках целого ряда исследователей двигаться в аналогичном направлении. В последнее время явно существует тенденция ко все

¹ George A. L. *Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison* // Lauren, Gordon (ed.) *Diplomacy. New Approaches in History, Theory and Policy*. N. Y. : The Free Press, 1979. P. 43–68, развернуто применительно к международным исследованиям также в: George A. L. *Bridging the Gap: Theory and Practice in Foreign Policy*. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 1993; George A. L., Bennet A. *Case Studies and Theory of Development in Social Sciences*. Cambridge, MA & London : The MIT Press, 2005.

² Воскресенский А. Д. *Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений*. М. : Общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ, 1999.

³ Разработка и апробация метода теоретической истории / научн. ред. Н. С. Розов. Новосибирск : Наука, 2006.

⁴ Розов Н. С. *Историческая макросоциология: методология и методы*. Новосибирск : НГУ, 2009.

более формализованному и математизированному его применению на каждом из выделяемых исследователями этапов как в структурно-исторических, так и в социологических и политологических исследованиях.

В общественных и гуманитарных науках существует несколько вариантов этого метода. Так, Д. Мангейм и Р. Рич написали книгу, посвященную этапам и номенклатуре политологических методов исследования. Они выделили пять этапов: 1) операционализация, 2) определение методов и уровня измерения, 3) создание рабочей гипотезы, 4) определение ошибки измерения, 5) оценка валидности и надежности. Н. С. Розов, разрабатывая свой метод теоретической истории, выделил девять этапов: 1) проблематизация; 2) предметизация; 3) исходная теоретизация; 4) логико-эвристический анализ; 5) содержательный анализ; 6) преодоление первичных аномалий; 7) численный анализ; 8) преодоление вторичных аномалий; 9) завершающая теоретизация и прагматизация¹. М. Сондерс, Ф. Льюис, Э. Торнхилл разработали способ формализации этапов проведения экономических исследований², существуют подобные формализации и в социологии (В. А. Ядов, Г. С. Батыгин³).

А. Джордж упростил этот процесс, выделив и проанализировав три фазы в конструировании и реализации метода сфокусированного сравнения, создав элегантную методологическую матрицу для изучения международной истории и международных отношений, применимую ко всем такого рода единичным случаям и позволяющую подвергнуть аналитические и структурные обобщения сравнительно-исторической проверке:

фаза 1 — дизайн (конструирование) исследования (задача 1: уточнение научной проблемы и научных целей исследования; задача 2: определение единиц анализа, условий и переменных факторов, которые будут использованы исследователем в направленном сравнении событий данного класса; задача 3: выбор подходящих объектов для направленного сравнения; задача 4: выбор наилучших путей описания вариаций зависимых (конечный результат) и

¹ Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : НГУ, 2009. Ч. 2 «Метод теоретической истории». С. 233—380.

² Сондерс М., Льюис Ф., Торнхилл Э. Методы проведения экономических исследований. М. : Эксмо, 2006.

³ Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Омега-Л, 2003; Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологического исследования. М. : Изд-во РУДН, 2007.

независимых переменных для дальнейшего развития теории; задача 5: формулировка требований к данным, которые должны собираться в ходе анализа (общие вопросы, которые должны задаваться в каждом случае);

фаза 2 — анализ конкретного объекта исследования (конкретного случая) (*case study*);

фаза 3 — формулировка теоретических выводов из аналитической разработки.

Естественно, что эти фазы представляют собой научные абстракции. На практике последовательный переход от одной отдельной фазы к другой представляется не столь легким, а в других интерпретациях (например, у Н. С. Розова) к тому же и более детальным. Определяя указанные фазы, А. Джордж отмечал методологические трудности, с которыми будет сталкиваться любой исследователь, пытающийся применить этот метод:

- пять задач (фаза 1) взаимосвязаны и в реальности должны рассматриваться как единое целое;

- пять задач (фаза 1) обычно не могут быть выполнены с первой попытки, и исследователю, возможно, потребуется несколько раз формулировать их заново; дизайн исследования, скорее всего, будет оставаться несовершенным, и исследователь «...сможет усвоить “уроки” для более удачного конструирования таких исследований в будущем»;

- в фазе 2 теоретическая основа должна быть достаточно всеохватывающей, чтобы отразить базовые элементы исторических объяснений (т.е. переменные факторы должны впитать в себя всю полноту исторического объяснения);

- достоверность объяснений должна подкрепляться рассмотрением альтернативных объяснений;

- объяснения должны соответствовать стандартам исторической науки (фаза 2), т.е. соответствовать историческим фактам и не противоречить реалистичным историческим объяснениям;

- при направленном сравнении решающая проверка теории возможна, только если сама теория четко и полно сформулирована (фаза 2);

- теория, сформулированная посредством сфокусированного сравнения, обычно является «открытой», т.е. априори не может быть всеобъемлющей, поскольку новые научные разработки могут выявить новые причинные связи и необходимость новых объяснений. Однако новые объяснения будут не объяснениями *ad hoc*

(т.е. применительно к каждому конкретному случаю), а требуют, возможно, переформулирования теоретических предпосылок.

По мнению А. Джорджа, при применении этого метода необходим синтез структурных и количественных (политология) и интерпретационных (история) методов. Он назвал этот метод сфокусированным направленным сравнением. Такое сравнение можно называть сфокусированным, ибо оно проводится избирательно в отношении определенных аспектов исторических событий, а также структурированным, поскольку для анализа исторического события при таком сравнении используются стандартные общие вопросы, разработанные в рамках структурной методологии, при этом надо понимать, что «направленным» оно может быть не во всех случаях, а соответственно, и не во всех исследованиях. Однако дело не в том, как называется этот метод или как и в каких обстоятельствах рассмотренные выше конкретные фазы используются в анализе. Главное в том, что данный метод позволяет подойти к аналитическим обобщениям, сконструировать теорию на основе этих обобщений и эмпирически оценить ее посредством историко-сравнительного метода. Далее внутри этого метода можно научно корректно применять количественные и качественные методики проверки гипотез или корректно строить количественные или качественные вспомогательные теории.

- Как на повышательной, так и на понижательной стадии кондратьевских циклов роль государственной политики в экономической сфере может и должна оставаться действенной. Этого можно достичь при надлежащем понимании правительствами циклических закономерностей, присущих экономической динамике. Государства должны отказаться от инфантильной веры во внутренние саморегулирующие возможности рыночного хозяйства. Последние достаточно широки, но все же ограничены. Возникающее вследствие сбоев в механизме саморегуляции состояние внутренней хаотизации системы может приводить к тяжелым экономическим кризисам, переходящим к крупным социальным катаклизмам вплоть до революций и гражданских войн. Поэтому государства призваны осуществлять постоянный мониторинг внутреннего состояния экономической и финансовой системы и принимать упреждающие меры по недопущению ее дестабилизации.

Акаев А. А., Садовничий В. А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики мировой системы и России // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. С. 59.

Предложенные Джорджем три фазы в реальном анализе сосуществуют одновременно в интегрированной форме. Следуя такой аргументации, представляется теоретически возможным создать аналитическую структурную концепцию с использованием индукции и дедукции, проанализировать ее как таковую и на основе этой концепции дать новые интерпретации межгосударственных отношений, используя историко-аналитический метод анализа. Если такая аналитическая концепция не будет представляться научной фальсификацией, она в соответствии с данным теоретическим построением, возможно, позволит выявить последствия вероятных вариантов дальнейшего развития исследуемых нами событий. Важнейшая практическая составляющая этого метода заключается в том, что на основе сфокусированного направленного сравнения можно преодолеть ограниченность простого прогнозирования на основе длинных волн и циклов, подвергая сравнительному сфокусированному многомерному анализу структурно аналогичные, но темпорально различные фазы циклов, проверяя модели «историческим опытом» и выходя за рамки парадигмы циклического развития.

Заключение к разделу III

В этом разделе вы познакомились со всеми аспектами мирового комплексного / зарубежного регионоведения — интегрального, комплексного и междисциплинарного направлений, широко использующих сочетание сравнительных структурно-политологических подходов и исторических методов верификации для анализа современных общественно-политических реалий стран мира, получили представление о том, как развивалась эта подотрасль научного знания, как формировалась ее методологическая основа, каковы современные тенденции исследований роли глобальных регионов в мировой политике и политической компаративистике и каковы методологические основы востокоцентричного и западоцентричного видения, синтез которых в единую объективизированную научную картину мира и наиболее адекватно соответствующую ей модель мира возможен при опоре прежде всего и преимущественно на сравнительные кроссрегиональные методы в исследовании интегративного, комплексного характера.

Вопросы для повторения к разделу III

1. Какие этапы прошли дисциплины, объясняющие мировое развитие, и в чем заключается востокоцентричное и западоцентричное видение мира? Каковы основные тенденции современных исследований роли регионов мира в мировых процессах? Каковы основные направления дискуссий о методологии исследования регионов мира?
2. В чем различие идеализма и реализма как главных полярных теоретических объяснений мирополитического устройства? Как отличия объяснения мира в двух разных традициях связаны с вычлениением тенденций взаимодействия глобальных регионов?
3. В чем причины методологических дискуссий о различии между историческими и политологическими подходами в интерпретации и структурировании макрорегиональной и мирополитической реальности? Как эти дискуссии связаны с понятием современности и существующими интерпретациями этого понятия? Возможен ли синтез этих традиций и их теоретического осмысления?
4. Какие методы используют востоковеды-историки и востоковеды-политологи для исследования современных политических процес-

- сов; в чем сходство и различие, каковы критерии применимости этих методов для западной и восточной реальности?
5. Как происходит синтез в конкретных исследованиях мирового комплексного / зарубежного регионоведения и каковы научные этапы получения нового знания в этой области исследований?
 6. Поясните, что такое междисциплинарное, мультидисциплинарное и постдисциплинарное знание в современной науке и как эти концепции влияют на интерпретации понятия комплексности практического мирополитического и внешнеполитического анализа.

Литература к разделу III

Основная

- Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А. А. Кокошин, А. Д. Богатуров. М. : КомКнига, 2005.
- Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: хрестоматия / под ред. А. Д. Воскресенского; Моск. обществ. науч. фонд. М. : МОНФ; ИЦНиУП, 2000.
- Воскресенский А. Д.* Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. МГИМО (У) МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Муравей, 2004.
- Коньшев В. Н., Сергушин А. А.* Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. 2013. № 2.
- Voskressenski A. D.* Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Interaction in Eastern Asia // Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by IEDA Osamu & UYAMA Tomohiko — Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.
- Кравченко С.* Становление сложного общества. К обоснованию гуманистической теории сложности. М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2012.

Дополнительная

- Тешке Б.* Миф о 1648 году: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М. : Издательский дом ГУ–ВШЭ, 2012.
- Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / под ред. Ю. М. Резника. М. : Научно-политическая книга, 2012.
- Цыганков А. П.* Международные отношения: традиции русской политической мысли. М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2013.

- Губин В. Д., Стрелков В. И. Национальные образы философии. М. : РГГУ, 2013.
- Non-Western International Relations Theory / Ed. by Amitav Acharya and Barry Buzan. New York : Routledge, 2010.
- Reus-Smit K., Snidal D. (ed.) The Oxford Handbook of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Boix Ch., Stokes S. (ed.) The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Regional Orders: Building Security in a New World / Ed. by A. Lake, P. Morgan. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997.
- Sheehan M. J. The Balance of Power: History and Theory. L.; N. Y. : Routledge, 1996.
- Balance of Power: Theory and Practice in the 21st century / Ed. by T. V. Paul, J. J. Wirtz, M. Fortmann. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- Buzan B. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / B. Buzan, R. Little. Oxford : Oxford University Press, 2000.
- Kennedy P. M. The Rise and Fall of Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. M. Kennedy. N.Y. : Vintage books, 1989.
- Voskressenski A. D. Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. London : RoutledgeCurzon, 2003.

Заключение

Экономический кризис потряс мир, но мировая система доказала свою эластичность. Кризис не породил угрозу нового общемирового военного конфликта, а дал импульс к укреплению международного сотрудничества по преодолению кризисных явлений. Мировой порядок устоял, он должен и будет трансформироваться эволюционным путем. Однако политические и социально-экономические трансформации конца XX — начала XXI в. привели к тому, что современный мир вступил в новый этап незападоцентричной эволюции. Этот новый этап глобального развития предполагает, что:

1. Не только западные страны стали определять параметры социально-политической эволюции и научные рамки ее осмысления. Вместе с тем на протяжении достаточно длительного времени теоретическое осмысление особенностей незападных (азиатских и африканских) регионов с точки зрения комплексного сравнительного политического анализа заметно отставало от рассмотрения аналогичных процессов в западном мире. Подобная ситуация зачастую приводила к тому, что теоретические подходы, основанные на западных реалиях, автоматически считались применимыми ко всем остальным частям земного шара, что в конечном итоге вызывало существенные искажения в понимании политических и экономических процессов на Востоке и во всем мире в целом. В то же время большая часть концепций, предложенных Востоком, просто не успевает за стремительным развитием мира, вызванным интенсификацией процесса глобализации.

2. Мировая система состоит из региональных подсистем и глобальных регионов мира. Соответственно, новыми интегрированными акторами мировой политики становятся глобальные регионы мира. Специфику региональных подсистем определяют наряду с другими факторами лежащие в их основе национально-региональные картины мира. Региональные подсистемы состоят из государств с разными типами обществ и разными типами социально-политического доступа, специфические сочетания которых также определяют характер региональной подсистемы наряду с лежащей в ее основе регионально-национальной версией картины мира.

3. Вообще говоря, развитие человеческой цивилизации можно определить как поступательное движение от одного типа социально-экономического и социально-политического доступа с его определенными этапами к следующему, более сложному, каждый из которых соответствует пространственно-временному типу и характеру экономического развития конкретных мировых регионов и мира в целом. Такое понимание мирового развития опирается на современные теории и в этом смысле более научно, чем «вырождающиеся» (в лакатошианском смысле) теории прошлого или же не вполне научные концепции «пассионарности суперэтносов», «новой хронологии» и др.

4. Основное внимание в науке о международных отношениях теперь фокусируется на понимании структуры и динамики мировой экономики и политики с точки зрения всей системы (включая азиатскую подсистему), а не только ее западной (США и Европа) части. Соответственно, все более весомыми становятся голоса тех, кто настаивает на включении незападной проблематики в политический и политико-экономический анализ международных отношений. Однако это требует повышенного внимания к вопросам глобального управления экономическими и политическими процессами и нового уровня понимания этих процессов. Такая постановка вопроса акцентирует внимание на методологии и формировании интегративных теорий, позволяющих конструировать модель мира, в максимальной степени приближенной к реальной картине мира. Акцент на интегративных подходах и комплексном понимании международной реальности сделан в таком новом научном направлении, как мировое комплексное регионоведение.

5. Понимая наличие разных типов обществ, мы должны признать отличие незападных обществ от западных и, согласившись с фактом плюрализма политических культур и, соответственно, взглядов на политическую систему и политику вообще, признать также наличие разных видов, моделей демократий (не только европейской и американской), а, скажем, незападного, в том числе и азиатского, типа. Причем демократии «другого» (незападного / азиатского) типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей конкретными условиями обеспечения открытого доступа в связи с отличиями социально-политических структур и политической культуры в этих странах, но при этом все же являться демократиями, возможно,

лучше приспособленными для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа. Такое понимание предполагает комплексное объяснение проблемы перехода от естественного к открытому доступу как достаточно сложного и протяженного, в зависимости от национальных условий, этапа исторического развития конкретных обществ и одновременно, конкуренцию как на пути перехода к социальному порядку открытого доступа, так и путей построения национальных версий такого порядка. Переход к порядку открытого социально-политического доступа начинает повсеместно восприниматься как глобальная составляющая поступательного вектора социально-политических процессов, имеющих при этом свою национальную специфику, а отказывающиеся от продвижения по этому пути — как социально-политические неудачники. Такого рода проблемы становятся интегрированной частью современной мировой политики, а потому закрепляются в предметном поле науки о международных отношениях.

6. Методологически корректный сравнительный политико-экономический анализ показывает, что в дифференцированном и одновременно интегрированном мировом пространстве существуют более конкурентные и менее конкурентные общественно-политические системы. Менее конкурентные общественно-политические системы обречены на отставание в исторической перспективе, даже если население этих стран периодически (циклически) насильственно «подстегивается» правящей элитой; в разных системах разные институты могут выполнять схожие функции; в разных системах схожие институты могут / будут выполнять разные функции. Если оттолкнуться от этих методологически корректных положений, можно найти интересные объяснения сложностей построения теорий так называемого демократического транзита, современной политической жизни разных стран и прийти к интересным выводам, имеющим далеко идущие практические политические последствия в зависимости от способности или неспособности различных сегментов политических элит конкретных стран понять эти закономерности и предложить пути повышения степени страновой интегрированности в пространственно-временном поле мировых взаимодействий прогрессивного, а не регрессивного типа, так как только таким путем можно ускорить развитие отдельной страны.

7. Такая методологическая постановка вопроса предполагает (или, как минимум, не исключает), что к построению свободного, демократического, эффективного и экономически процветающего общества можно прийти путем, уникальным (специфичным) для данной социально-политической системы, на основе понимания общих моделей трансформации, учитывающих структурную специфику конкретной системы, в частности специфику ее культурно-исторических параметров и автохтонных культурных / исторических / конфессиональных установок. Этот путь получил образное название «национального чуда» («японское чудо», «сингапурское чудо», «тайваньское чудо», «чилийское чудо» и т.д.). Однако в каждом конкретном случае проявление национальной специфики в организации политической жизни потребует объяснять и доказывать всем и особенно странам, которые уже построили общепризнанную систему демократического правления, что данная политическая система соответствует общепринятым научным представлениям о демократическом правлении (параметры демократии) и его практическом воплощении, поскольку в этом вопросе простой констатации этого факта какой-то частью национальной политической элиты будет недостаточно.

Демократическое правление в исторической перспективе более конкурентно и универсально, поскольку основано на открытом и равном доступе представителей всех социально-политических, этнических страт общества и конфессиональных течений к управлению и в этом смысле является общей закономерностью, а не ее частным (региональным) воплощением. Таким образом, задача совершенствования национальной формы государственности может быть сформулирована как необходимость нахождения такого соотношения общих закономерностей и специфики, которая позволяет не терять, а развивать национальное демократическое правление в его специфических культурно-исторических формах, соответствующих по своему содержанию общим закономерностям. В противном случае будет происходить стагнация или попятное движение общества, его политической, а затем и экономической системы.

Как-то в беседе с корреспондентами патриарх азиатской политики, бывший глава Сингапура Ли Куан Ю заявил, что раз уж Россия не может построить полноценную демократию, то стоит ли требовать этого от азиатских стран. Однако, поскольку часть государств мира на основе существующей мировой теории сумела

сформировать такие экономические и политические практики, которые позволяют им интегрироваться в глобальные регионы интенсивного экономического развития и политической свободы, неумение или неспособность других свидетельствует, скорее, о некомпетентности или эгоистическом нежелании политических элит, прикрываясь лозунгами «борьбы с империализмом», «необходимостью слома несправедливого мирового порядка», «необходимостью хранить «национальную специфику», «помогать угнетенным всего мира», «крепить свой суверенитет» либо какими-то другими лозунгами, прагматично, успешно и плодотворно развиваться, повышая благосостояние и духовную свободу своего населения. В этом заключается прикладной характер всех тех общетеоретических и методологических проблем, которые обсуждались в настоящей книге.

Приложение

Программа курса Мировое комплексное регионоведение¹

I. Общие сведения

Место курса в образовательной программе

Модульный курс «Мировое комплексное регионоведение» является ключевым элементом модульной магистерской программы «Политика и экономика регионов мира», ориентированной на комплексную профессиональную подготовку магистра зарубежного регионоведения со знанием иностранных языков. Он относится к дисциплинам базовой части общенаучного цикла общей образовательной программы магистерской подготовки, установленной федеральным государственным стандартом высшего профессионального образования по направлению «Зарубежное регионоведение».

Цели и задачи курса. Образовательные результаты

Цель модульного курса состоит в том, чтобы ознакомить студентов с современными теоретическими проблемами мирового комплексного регионоведения и показать, как они воплощаются на практике в научном исследовании или прикладных аналитических разработках.

В результате освоения модульного курса магистранты-регионоведы получают концентрированное представление о логике теоретического поиска и научных дискуссий в зарубежном регионоведении, ключевых теоретических проблемах, а также смогут применить полученные знания и навыки при осмыслении региональных и глобальных процессов и в конкретном регионоведческом (страноведческом) анализе.

Данный модульный курс нацелен на развитие следующих компетенций:

¹ Разработчик: д-р полит. наук, д-р философии (PhD Манчестерский университет), профессор А. Д. Воскресенский.

Общенаучные компетенции:

уметь использовать сильные стороны разных научных традиций и подходов для достижения научного синтеза в мировом комплексном регионоведении с учетом специфики объекта анализа;

уметь корректно выбирать, применять, сочетать и модифицировать общенаучные и частнонаучные, качественные и количественные методы исследования, исходя из конкретных теоретических и практических задач;

демонстрировать понимание логики теоретического поиска и научных дискуссий в мировом комплексном / зарубежном регионоведении, ключевых методологических и теоретических проблем данной междисциплинарной отрасли знаний, а также быть готовым применить полученные навыки при осмыслении реальных региональных и глобальных процессов.

Профессиональные компетенции:

уметь анализировать применимость общетеоретических построений к исследованию конкретных регионов и стран;

уметь модифицировать политологические, социологические, экономические теории с учетом специфики объектов регионоведческого и страноведческого анализа;

давать характеристику ведущим отечественным и зарубежным научным школам, оценивать их вклад в формирование предметного поля и методологии мирового комплексного / зарубежного регионоведения;

объяснять классические и современные теории мирового комплексного / зарубежного регионоведения и международных отношений, давать сравнительный анализ их относительных достоинств и недостатков;

владеть основными методами комплексного междисциплинарного исследования регионов мира, уметь синтезировать новое знание, формулировать обобщающие выводы и оценки;

моделировать региональные политические, экономические, демографические и иные социальные процессы, строить научные прогнозы их развития;

владеть компаративными методами, давать аргументированное научное объяснение сходству и/или различию стран и регионов мира, обусловленному историческими закономерностями;

владеть методами структурно-функционального анализа политических, социальных и экономических институтов, характерных

для различных стран и регионов мира, с учетом их культурно-исторической специфики.

Требования к уровню освоения содержания дисциплины

По окончании изучения данного модульного курса успевающий студент будет в состоянии продемонстрировать:

знакомство с отечественными и зарубежными научными школами в области мирового комплексного / зарубежного регионоведения, умение сравнивать противоположные взгляды, видеть сильные и слабые стороны различных теорий и подходов;

умение вырабатывать и обосновывать собственную точку зрения на дискуссионные проблемы мирового комплексного / зарубежного регионоведения;

критическое мышление, способность к критическому анализу научной и научно-публицистической литературы;

знание методологии политических, социологических и исторических наук, владение основами междисциплинарного методологического синтеза.

Вышеперечисленные компетенции развиваются в ходе лекционных и семинарских занятий, сопровождающихся интенсивной самостоятельной работой.

II. Содержание обучения

Трудоемкость и виды учебной работы

Трудоемкость модульного курса составляет 5 кредитов ECTS, что равняется 150 академическим часам аудиторной и внеаудиторной нагрузки. Кредиты начисляются при условии успешного прохождения промежуточной и итоговой аттестаций по модулю, подразумевающего выполнение следующих видов учебной работы:

Вид учебной работы	Трудоемкость, ак. ч	
	всего	в том числе
Ориентация	2	
Аудиторные занятия	62	
Лекции		14
Семинары		48

Вид учебной работы	Трудоемкость, ак. ч	
	всего	в том числе
Презентации методологических разделов		
Самостоятельная работа	84	
Подготовка к семинарам и презентациям		52
Подготовка методологического раздела		16
Подготовка эссе		16
Аттестация	2	
Письменный экзамен		2
Общая трудоемкость модуля	150	

Данный модуль рассчитан на 66 контактных часов, включая 2 часа ориентации, 62 часа аудиторных занятий и 2 часа аттестации. Самостоятельная работа по модулю включает подготовку двух эссе объемом 5000—6000 знаков (по вопросам, выносимым на экзамен) и методологического раздела будущей магистерской диссертации объемом 10 000—12 000 знаков.

II.1. Содержание дисциплины

Содержание лекционных занятий

Тема 1. Введение в проблематику курса

Введение в проблематику курса. Задачи курса. Краткий обзор основной литературы. Методология и методы: соотношение понятий. Два аспекта методологии. Определение понятий «методология» и «методы». Определение понятий «теория», «концепция», «модель», «парадигма». Дискуссии и соотношения ареалов определений.

Методологические подходы и методологические позиции в общественных науках. Наука и идеология: соотношений понятий.

Понятие «методология науки». Задачи методологии науки. Специфика социальных наук. Классический процесс исследования в общественных науках и его аберрация на практике. Рациональное и иррациональное в науке. Процесс исследования в науке.

Тема 2. Современное мировое комплексное / зарубежное регионоведение

Глобализация и регионализация: определение понятий.

Определение комплексного регионоведения. Международные отношения и зарубежное регионоведение.

Понятие «регион». Регионы в современном мире. Понятие «мезорегион», понятие «субрегион». Понятие «глобальный регион».

Регионы и региональные подсистемы. Понятие региональных подсистем международных отношений.

Национальная, региональная и глобальная экономика. Национальная, региональная и глобальная безопасность. Региональные структуры и проблема структурированности региональных отношений. Типы региональных структур.

Международные (внешние) и внутренние аспекты регионоведения. Регионоведение и регионалистика.

Методологические основы зарубежного комплексного регионоведения.

Глобальные пространственные структуры и понятие территории. Категории пространства и времени в международных отношениях и мировом комплексном регионоведении.

Регионы в мировом комплексном регионоведении. Проблема дифференциации мирового пространства и практическое членение регионов мира: основные методологические подходы. Дифференциация мирового пространства и глобальная регионализация.

Тема 3. Функции и научные подходы в мировом комплексном / зарубежном регионоведении. Структура и опорные элементы комплексных регионоведческих и страноведческих характеристик

Понятие комплексной регионоведческой характеристики.

Комплексные регионоведческие характеристики и функции регионоведения. Типы комплексного регионоведения и страноведения (физико-географическое, экономико-географическое, историческое, комплексное).

Типы и социальные функции мирового комплексного регионоведения. Описательная, информационная, аналитическая, прогнозическая функции регионоведения. Комплексное регионоведение и практика. Регионоведение и региональная политика.

Подходы и научные стратегии. Типы подходов. Пространственно-временной подход. Генетический подход. Геосистемный под-

ход. Воспроизводственный подход. Интерпретационные (гуманитарные) и структурные подходы.

Комплексные регионоведческие характеристики и функции регионоведения. Типы комплексного регионоведения и страноведения (физико-географическое, экономико-географическое, историческое, комплексное).

Единство содержания и структуры комплексных регионоведческих характеристик. Схема Н. Н. Баранского. Схема Я. Г. Машбица. Дефекты схем построения комплексных регионоведческих характеристик: уязвимые места комплексного регионоведения.

Общие подходы к опорным элементам комплексных регионоведческих характеристик. Сущность историко-географических подходов.

Понятие обобщающего ресурса. Территория. Территория и пространство. Географическое положение. Конфигурация и границы. Геополитическое положение. Природные характеристики.

Народонаселение. Количество населения. Территориальное распределение населения. Качество населения. Культура. Этническая и этнокультурная составляющая.

Природопользование. Хозяйство (человеческое и пространственное измерения). Цикличность развития и территориальная организация хозяйства. Расселение (сущность и типы).

Районы. Районирование. Территориальные интересы и региональная политика.

Тема 4. Методы регионоведческих исследований

Метод, методология, теория, концепция, модель, теоретическая схема, подход: точки отсчета.

Объективная и субъективная, описательная и структурированная интерпретация общественных явлений в регионоведении.

Качественные и количественные методы: общая постановка проблемы и разбор специфики. Методы и методики.

Общий обзор основных методов комплексного регионоведческого анализа.

Сравнительно-географический метод.

Картографический метод. Теория географической зональности.

Экономические методы. Статистический метод. Метод циклов. Метод (методика) регионального межотраслевого баланса (метод балансов).

Социологические методы.

Методы моделирования и структурные методы. Программно-целевой метод. Интерпретационные и структурные методы: общая постановка проблемы.

Построение типологий в комплексном регионоведении.

Тема 5. Специфика структурно-политологических подходов в международных отношениях, комплексном регионоведении и сравнительном страноведении

Политологический разрез познания социального: субъект и объект анализа в системном подходе, объяснение явлений в сравнительной политологии. Поппер versus Гемпель — проверка или «фальсификация» гипотез. Смысл парадигматического подхода Куна. Поппер и Кун versus Лакатош: структура научных революций, проверки гипотез и значимости теорий.

Специфика комплексного регионоведения и сравнительного страноведения. Проблема «сужающих» (редукционистских) подходов.

Функционализм, системные подходы и попытки раннего синтеза. Частные случаи применения функционального и системно-структурного подходов: либерализм и реализм в международных отношениях, комплексном регионоведении и сравнительном страноведении.

Теории среднесрочной перспективы в политологии, международных отношениях, комплексном регионоведении и сравнительном страноведении.

Тема 6. Теоретические подходы в сравнительной политологии и их применимость в международных отношениях и мировом комплексном регионоведении

Общие методологические подходы и приемы в сравнительной политологии: системный подход, структурно-функциональный подход; радикальные и критические, ортодоксальные и альтернативные теории государства, теории модернизации, развития и теории классов. Их практическая применимость.

Исторические корни современных подходов в сравнительной политологии. Проблема практической применимости теоретических разработок сравнительной политологии.

Теории общественных систем, альтернативные и ортодоксальные теории государства. Теории политической культуры (альтернативные и ортодоксальные), теории модернизации, теории империализма. Теории классов в плюралистическом, инструментальном, структурном, критическом, статическом подходах. Сетевые подходы.

Кроссрегиональный политический анализ: основные принципы и методики практического применения.

Тема 7. Специфика исторических подходов в международных отношениях, комплексном регионоведении и сравнительном страноведении

История в пространстве социальных наук: история и политология, история и экономическая наука, история и социология, история и психология, история и культурная антропология, история и география. История и комплексное регионоведение, история и сравнительное страноведение.

Роль междисциплинарных методов при анализе особенностей исторического познания.

Методы исторического описания: историко-аналитический, историко-сравнительный, историко-интерпретационный и структуралистский подходы. Фокус анализа, масштаб событий, характер обобщения, ретроспективный анализ и прогностические обобщения. Исторические методы в комплексном страноведении.

Источниковедение как особый метод познания реального мира. Методы источниковедения и структура источниковедческого исследования.

Концепция эпох, представление о формах исторического процесса, схемы «всемирной истории», механизмы исторических циклов, периодичность и периодизация, стадии исторического развития, историческая закономерность и случайность.

Тема 8. Построение теорий в международных отношениях и мировом комплексном / зарубежном регионоведении

Метод, методология, теория, концепция, модель, теоретическая схема, подход: точки отсчета. Объективная и субъективная, описательная и структурированная интерпретации общественных явлений. Логика исторического (регионоведческого и страноведческого) познания.

Классификация по методу, классификация по предмету. История и хроника, история как история всеобщего, позитивный характер истории, отбор и периодизация. Проблема специфики стран Востока (комплексный анализ).

«Белые пятна» современных теоретических подходов в международных отношениях, комплексном регионоведении и сравнительном проблемном страноведении: взаимозависимость между безопасностью и экономикой, культурологические аспекты, проблемное поле теории стратегической культуры.

Формирование интегративных подходов и поле для синтеза: структурная история и структурный реализм. 11 принципов построения теории международных отношений Уолтца и принципы исторического структурализма Ллойда. Школа структурной дипломатической истории Шредера.

Метод сфокусированного структурированного сравнения и проблемы построения открытой теории. Проблема специфики общих теорий в комплексном регионоведении, сравнительном проблемном страноведении и необходимость модификации общих теорий в связи с региональной и страновой спецификой.

Современные теории международных отношений и проблема применимости общих теорий в мировом комплексном регионоведении и проблемном сравнительном страноведении. Место мирового комплексного / зарубежного регионоведения на «карте наук». Междисциплинарность, мультидисциплинарность и постдисциплинарность: соотношение понятий и их практическая значимость.

Теория международных отношений перед лицом будущего. Теория и теории международных отношений с точки зрения региональной и страновой перспективы. Проблема освоенности теории международных отношений и мировой политики.

Содержание семинарских занятий

Тема 1. Основные подходы и проблемы современного мирового комплексного / зарубежного регионоведения

1. Мировое комплексное регионоведение в системе социальных наук.
2. Определение/я комплексного регионоведения. Соотношение мирового комплексного регионоведения и зарубежного регионоведения.
3. Понятие региона.

4. Регионы и региональные подсистемы.
5. Международные (внешние) и внутренние аспекты регионоведения.
6. Методологические основы комплексного регионоведения. Категория пространства—времени в мировом комплексном / зарубежном регионоведении.
7. Дифференциация пространства и практическое членение регионов мира: основные методологические подходы.
8. Основные вехи истории отечественного регионоведения и страноведения.
9. Основные вехи истории мирового регионоведения.

Тема 2. Функции и научные подходы в мировом комплексном / зарубежном регионоведении

1. Понятие комплексной регионоведческой характеристики и проблемы синтеза в прикладном регионоведческом анализе.
2. Комплексные регионоведческие характеристики и функции регионоведения.
3. Типы и социальные функции комплексного регионоведения (описательная, информационная, аналитическая, прогностическая).
4. Подходы и научные стратегии. Подробный анализ пространственно-временного, генетического, геосистемного и воспроизводственного подходов.
5. Интерпретационные (гуманитарные) и структурные (общественно-научные) подходы.
6. Комплексные регионоведческие характеристики и функции регионоведения. Схема Н. Н. Баранского. Схема Я. Г. Машбица.
7. Дефекты схем построения комплексных регионоведческих характеристик: уязвимые места комплексного регионоведения.
8. Понятие обобщающего ресурса.
9. Территория. Территория и пространство. Территория—пространство—время: соотношение понятий. Географическое положение. Конфигурация и границы. Геополитическое положение.
10. Народонаселение. Количество населения. Территориальное распределение населения. Качество населения. Культура. Этническая и этнокультурная составляющие.

11. Хозяйство (человеческое и пространственное измерения). Цикличность развития и территориальная организация хозяйства. Расселение (сущность и типы).

Тема 3. Методы регионоведческих исследований

1. Метод, методология, теория, концепция, модель, теоретическая схема, подход: точки отсчета.
2. Качественные методы: основные методы и подходы к применению.
3. Количественные методы: основные методы и подходы к применению.
4. Методы регионоведческих исследований: подробная сравнительная характеристика каждого.
5. Проблемы построения типологий в комплексном регионоведении.

Тема 4. Специфика политологических подходов в международных отношениях и комплексном регионоведении

1. Особенности политологических подходов в международных отношениях и мировом комплексном / зарубежном регионоведении.
2. Сравнительная политология и кроссрегиональный политический анализ. Специфика сравнительной политологии в комплексном регионоведении.
3. Теория рационального выбора и политическое решение. Понятие политической неопределенности.
4. Локальные, региональные и глобальные эффекты.
5. Проблема политической иррациональности. Альтернативы рациональному в политике, международных отношениях и комплексном регионоведении.

Тема 5. Теоретические подходы в сравнительной политологии и их применимость в международных отношениях и комплексном регионоведении

1. Общие методологические подходы и приемы в сравнительной политологии и проблема их применимости в комплексном регионоведении.
2. Смысл парадигматического подхода Куна.
3. Теории систем, теории общественных систем, теории государства.

4. Теории политической культуры.
5. Теории модернизации с точки зрения сравнительной политологии. Теории развития.
6. Проблема применимости теорий сравнительной политологии в комплексном регионоведении.
7. Проблема специфики Востока.

Тема 7. Специфика исторических подходов в международных отношениях и комплексном регионоведении

1. Особенности современного исторического познания, гносеологии истории и комплексного регионоведения.
2. Роль междисциплинарных методов в историческом регионоведческом / страноведческом познании.
3. Комплексное междисциплинарное направление в историческом познании и комплексном регионоведении.
4. Критика и интерпретация в истории и сравнительном регионоведении.
5. Источниковедческий анализ и источниковедческий синтез в комплексном регионоведении.
6. Формы исторического процесса. Исторический процесс на Западе и на Востоке.

Тема 8. Теории международных отношений и мировое комплексное / зарубежное регионоведение

1. Специфика международных отношений и регионоведческого среза международных отношений.
2. Международные отношения и мировое комплексное / зарубежное регионоведение. Международные отношения и мировая политика. Мировая политика и мировое комплексное / зарубежное регионоведение.
3. Национальное государство и глобальная система как проблема политической теории. Насилие, война и законность в международном сообществе. Проблема международной справедливости.
4. Государство и развитие. Проблема неравномерного развития.
5. Проблема «проверки» теории: концепции Гемпеля, Куна, Поппера, Лакатоша.
6. Основные характеристики метода «открытого сфокусированного сравнения».

Тема 9. Практический семинар. Обсуждение «методологической рецензии»

Первый этап / вариант: магистрантам необходимо разбиться на группы и прорецензировать (устно, затем письменно) заранее выбранное произведение в соответствии с требованиями, изложенными в организационно-методологическом разделе. Каждый студент представляет письменную рецензию на рассматриваемое произведение (3—4 стандартные компьютерные страницы).

Второй этап / вариант: магистранты разбиваются на группы и обсуждают методологический раздел своей магистерской диссертации в соответствии с требованиями, изложенными в организационно-методологическом разделе.

III. Распределение часов по темам и видам учебной нагрузки

№ п/п	Наименование тем	Всего часов	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
			лекции	семинары	
1.	Введение в проблематику курса	4	2	—	2
2.	Современное мировое комплексное регионоведение	8	2	2	4
3.	Функции и научные подходы в мировом комплексном регионоведении. Структура и опорные элементы комплексных регионоведческих и страноведческих характеристик	8	2	2	4
4.	Методы регионоведческих исследований	8	2	2	4
5.	Специфика политологических подходов в международных отношениях и мировом комплексном регионоведении	8	2	2	4
6.	Теоретические подходы в сравнительной политологии и их применимость в международных отношениях и комплексном регионоведении	8	2	2	4

№ п/п	Наименование тем	Всего часов	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
			лекции	семинары	
7.	Специфика исторических подходов в международных отношениях и мировом комплексном регионоведении	8	2	2	4
8.	Построение теорий в международных отношениях и мировом комплексном регионоведении	8	2	2	4
	Обсуждение «методологической рецензии»	12	—	4	8
	Подготовка к экзамену	4	—	—	4
	ВСЕГО	76	18	18	40

IV. Форма итогового контроля

Письменный экзамен.

V. Учебно-методическое обеспечение курса

- Алексеева Т. А.* Современные политические теории. М. : РОСПЭН, 2000.
- Батыгин Г. С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии, М. : МГУ, 1986.
- Боришполец К. П.* Методы политических исследований. М. : Аспект Пресс, 2004.
- Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : МОНФ-ИДВ РАН, 1999.
- Воскресенский А. Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М. : Аспект Пресс, 2007.
- Восток и политика / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2011.
- Гладкий Ю. Н., Сухоруков В. Д.* Общая экономическая и социальная география зарубежных стран. М. : Гардарики, 2006.
- Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. М. : Гардарики, 2003.
- Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М., 2001.
- Демократия в российском зеркале / сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2013.
- Дергачев В. А., Вардомский Л. Б.* Регионоведение. М. : ЮНИТИ, 2004.

- Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М. : «Какон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- Игнатов В. Г., Бутов В. И.* Регионоведение: экономика и управление. Ростов н/Д : Издательский центр «МарТ», 1998.
- Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М. : Аспект Пресс, 2001.
- Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / под ред. В. А. Лекторского. М. : Канон+, 2009.
- Кулматов К. Н., Митрофанова А. В.* Региональные аспекты международных отношений. М. : Восток—Запад, 2010.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
- Максаковский В. П.* Географическая картина мира. М. : Дрофа, 2003.
- Мангейм Д., Рич Р.* Политология. Методы исследования. М. : Весь мир, 1997.
- Машбиц Я. Г.* Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013.
- Мироненко Н. С.* Страноведение. М. : Аспект Пресс, 2001.
- Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. М. : Весь мир, 2009.
- Разработка и апробация метода теоретической истории / научн. ред. Н. С. Розов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001.
- Россия в полицентричном мире / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и время в поисках утраченного. М. : Языки русской литературы, 1997.
- Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М. : Аспект Пресс, 2012.
- Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2011.
- Структуры истории. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2001.
- Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. В. Стрежнева. М. : Весь мир, 2011.
- Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М. : РГГУ, 1997.
- Цыганков П. А.* (сост.). Теория международных отношений: хрестоматия. М., 2002.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2002.

- Чилкот Р.* Теории сравнительной политологии. М. : Весь мир, 2001.
- Ядов В. А.* Социологическое исследование: методология, программы, методы. М., 1987.
- Acharya A., Buzan B.* (eds.). Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and Beyond Asia. London & N. Y. : Routledge, 2010.
- Barbie E.* The Practice of Social Research. N.Y., 1995 (и все последующие издания вплоть до 2012 г.).
- Spero Joan E., Hart Jeffrey A.* The Politics of International Economic Relations. 7th edition. Boston : Wadsworth, 2003.
- Tornquist O.* Politics and Development. A Critical Introduction. L. : Sage, 1999.
- Blij H. de.* The Power of Place. Oxford : Oxford University Press, 2009.
- Payne A.* The Global Politics of Unequal Development. Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Macmillan, 2005.

Учебное издание

**МИРОВОЕ КОМПЛЕКСНОЕ
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ**

Учебник

Под редакцией

Алексея Дмитриевича Воскресенского

Подписано в печать 10.02.2014. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура «НьютонС».

Усл. печ. л. 26,0. Тираж 500 экз. Заказ № 543.

Издательство «Магистр».

101000 Москва, Колпачный пер., 9А.

Тел.: (495)621-62-95.

e-mail: magistr-book@mail.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru

8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

9 785977 603096